

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ»

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ИСТОРИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКАХ СТАВРОПОЛЬЯ

**Хрестоматия
для детей младшего школьного возраста**

**Часть IV
ПОЭЗИЯ И ПРОЗА**

Ставрополь
2012

УДК 016 : 882
ББК 91.9 : 83+83.3(2Рос-4)
А 72

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГБОУ ВПО «Ставропольский государственный
педагогический институт»

Научный редактор

д-р юрид. наук, профессор, Почетный работник высшего
профессионального образования РФ *Е.Г. Пономарев*

Рецензенты:

д-р филол. наук, профессор *И.Г. Минералова*,
д-р пед. наук, доцент *Е.И. Дворникова*
Заслуженный учитель России *Е.М. Шеронова*

Авторы-составители:

д-р юрид. наук, канд. филол. наук, профессор, Почетный работник высшего
профессионального образования РФ *Е.Н. Атарщикова*;
канд. пед. наук *А.В. Морозова*; канд. филол. наук *Л.Н. Стрельникова*;
канд. пед. наук *А.А. Трембикова*; ст. преподаватель *О.В. Крупина*;
ст. преподаватель *Н.С. Петрова*

**Антропологическая проблематика в исторических и лите-
А 72 ратурных источниках Ставрополя:** Хрестоматия для детей
младшего школьного возраста. – Часть IV: Поэзия и проза. – Став-
рополь: Изд-во СГПИ, 2012. – 384 с.

ISBN 978-5-91090-121-0

Хрестоматия содержит разноплановый литературный материал, способству-
ющий художественному (литературному) развитию младших школьников, улуч-
шению техники чтения, формированию навыков работы с текстом и книгой.

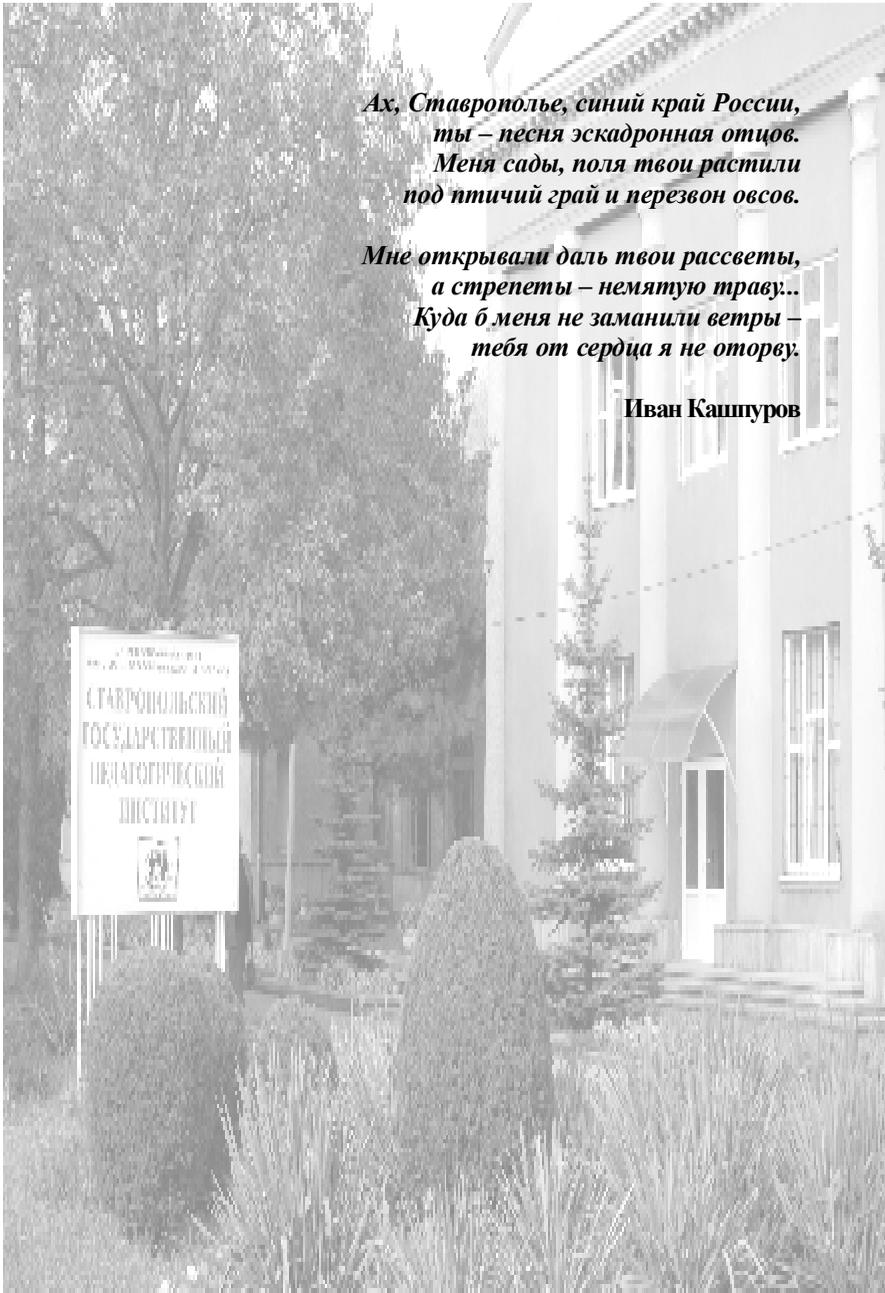
Издание предназначено для учителей средних учебных заведений Ставро-
польского края, студентов гуманитарных специальностей педагогических вузов,
родителей, учащихся.

Работа над хрестоматией выполнена сотрудниками ВНИК «Обеспечение ан-
тропологического контекста исторического и филологического образования в выс-
шей и средней школе» лаборатории «Антропология детства», финансируемой
Правительством Ставропольского края.

УДК 016 : 882
ББК 91.9 : 83+83.3(2Рос-4)

ISBN 978-5-91090-121-0

© Ставропольский государственный
педагогический институт, 2012

*Ах, Ставрополье, синий край России,
ты – песня эскадронная отцов.
Меня сады, поля твои растили
под птичий гай и перезвон овсов.*

*Мне открывали даль твои рассветы,
а стрепеты – немятую траву...
Куда б меня не заманили ветры –
тебя от сердца я не оторву.*

Иван Кашпуров

ПРЕДИСЛОВИЕ

Литература на ступени начального общего образования ориентирована на продолжение развития первой ступени формирования ключевых сторон личности: познавательной, коммуникативной, нравственной, эстетической.

Изучение литературы Ставрополя на уровне начального общего образования направлено на достижение следующих целей:

- воспитание чувства патриотизма, любви и уважения к «малой Родине», к литературе и ценностям культуры родного края;
- зарождение интереса к чтению и книге; навыков читательского процесса, расширение кругозора (крута чтения) и знаний об окружающем мире и природе Ставропольского края;
- знакомство с текстами произведений писателей Ставрополя, начальных историко-литературных сведений и теоретико-литературных понятий; посещения литературных исторических мест;
- овладение сведениями о творчестве и биографиях писателях, живущих на Ставрополье или писавших о нем;
- освоение первичной техники выразительного чтения;
- использование литературного языка при формулировании собственных мыслей.

«Каждый человек обязан знать, среди какой красоты и нравственных ценностей он живет», – слова эти принадлежат академику Дмитрию Сергеевичу Лихачеву. Чтобы знать окружающие нас духовные и нравственные ценности, о которых говорит Лихачев, надо знать, в первую очередь, историю родного города и края. Именно это стало в 2005 году основанием для членов временного научно-исследовательского коллектива (ВНИК) «Обеспечение антропологического контекста исторического и филологического образования в высшей и средней школе», работающего в рамках научной лаборатории Ставропольского государственного педагогического института «Антропология детства», вести научно-исследовательскую работу со студентами по систематизации уникального краеведческого литературного материала в цикл хрестоматий.

В настоящее время имеются не отдельные учебные пособия, а целостный учебно-методический комплекс по изучению регионального компонента «Литература Ставрополя», изданный в 2006 -2011 гг., в который входят:

- Атарщикова Е.Н. Литература. Авторский проект регионального компонента государственного образовательного стандарта (2006);
- Атарщикова Е.Н., Трембилова А.А., Халяпина Л.В. Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: библиографический указатель (2008);

- Атарщикова Е.Н. Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Часть I. Поэзия (2009);
- Атарщикова Е.Н. Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Часть II. Проза (2010);
- Атарщикова Е.Н., Морозова А.В., Петрова Н.С. Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Часть III. Публицистика (2011).

Авторы-составители двух изданий получили дипломы лауреатов конкурсов, проводимых Фондом развития отечественного образования, за лучшие научные книги 2007 и 2010 годов (Сочи).

Настоящее издание представляет собой хрестоматию «Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Часть IV. Поэзия и проза для школьников младших классов», дополняющую учебно-методический комплекс по изучению регионального компонента «Литература Ставрополя», обеспечивающую начальный этап литературного образования.

Следует отметить, что все издания помещены в золотую коллекцию Российской государственной библиотеки. Собранный хрестоматийный материал успешно используется ставропольскими организациями и изданиями, такими как «Энциклопедия современной литературы», «Ставропольская правда», электронный литературный форум «Союз писателей Ставропольского края». Также материалы хрестоматий находят отражение в авторских спецкурсах учителей Ставропольского края.

1-4 классы являются во многом определяющим этапом в развитии личности ребенка. В этот период книга для него – ключ к познанию природы, отношений между людьми, самого себя. Поэтому содержание обучения составляет детская литература, отражающая природные, социальные и культурные особенности Ставропольского края. Знакомство с образцами художественной литературы начинается с самого раннего возраста и усложняется по мере их взросления.

Основными критериями отбора художественных произведений для изучения в школе являются их высокая художественная ценность, позитивное влияние на личность ученика, соответствие задачам его развития и возрастным особенностям, доступность тематики, жанров, авторского разнообразия, а также культурно-исторические традиции, с которыми связана судьба региона.

Произведения, включенные в сборник, могут быть использованы в начальной школе на уроках литературного образования, внеклассного чтения, для чтения в кругу семьи. Они вводят младших школьников в мир большой литературы, помогают формированию у них умений и навыков чтения, тяги к нему, развитию интересов и кругозора, нравственных качеств. Подбор произведений осуществлен в соответствии с программным материалом. Авторы-составители попытались учесть интересы учителей, детей и их родителей.

Хрестоматия учитывает основные историко-литературные сведения, которые должны быть даны школьникам:

- жизнь детей. Семья и ее заботы. Значение чтения и книги как средства образования, воспитания и развития. Процесс чтения как труд;
- писатели и поэты Ставрополя. Тема «малой Родины» в творчестве писателей и поэтов. Любимый писатель (поэт).

Авторами-составителями учитывались и основные теоретико-литературные понятия, поскольку организация учебного материала для каждого класса предполагает выделение определенных приоритетных направлений по усвоению теоретико-литературных понятий: 1 класс – загадки, стихи, песни, сказки; 2 класс – приключенческие рассказы, сказки; 3 класс – рассказы и сказки; виды сказок (о животных и растениях, волшебные, социально-бытовые, докучные); 4 класс – тематические стихи и рассказы об окружающем мире, людях, профессиях, обществе и стране.

Специфика издания заключается в том, что авторы-составители избирательно отнесли к большому массиву произведений. Они составили хрестоматию, где представлены:

- с одной стороны, краткие биографические и библиографические сведения о людях, пишущих прозу и стихи, связанных со Ставрополем своим рождением, либо проживающих здесь в разные годы своей жизни;
- с другой стороны, рассказы, сказки, легенды, стихотворения, а также отдельные главы из повестей и романов писателей, имеющих непосредственное отношение к нашему родному Ставропольскому краю.

Книга позволяет вызвать интерес ребенка к чтению художественной литературы родного края, развить воображение, умение творчески интерпретировать прочитанное, формировать навык чтения.

Хрестоматия включает:

- *песни, загадки*: А. Екимцев «Хоровод загадок, хоровод вопросов», В. Сляднева «Ставропольская лирическая», Г. Колесников «Тополя», И. Кашпуров «Колыбельная», В. Кудинов «Колыбельная», Л. Шубная «День рождения» «Первая пятёрка», «Исповедь двоечника» и др.;

- *путешествия, приключения, юмористическая проза, современная «робинзоида», героико-патриотическая проза и поэзия*: Г. Беликов «Мои друзья и зеленый рюкзак», «Занимательное путешествие», С. Бабаевский «Сухая Буйвола», И. Белоусов «Девочки тоже люди», С. Бойко «Красная шапочка», Г. Пухальская «Бабушкины сказки», К. Черный «Путешествие в страну запрещенных улыбок», И. Чумаков «Бабушкин гостинец», «Дум-дум» и др.

Основные темы детского чтения: произведения о родине, крае, природе, труде, детях, о добре и зле, о приключениях. Поэзия представлена такими авторами, как Л. Епанешников, А. Екимцев, Е. Иванова, И. Кашпуров, Г. Фатеев и др. Проза – Г. Андрианова, Г. Баев, А. Губин, В. Колесников, И. Кузнецов, А. Малышев, И. Сургучев, М. Усов, В. Ходарев и др.

В предлагаемую хрестоматию вошли также произведения из Золотого фонда мировой литературы для учащихся 1-4 классов средней школы. Наиболее заметное место справедливо занимают в хрестоматии А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.Н. Толстой, чьи жизненные пути и творческие биографии связаны с Северным Кавказом.

При составлении хрестоматии учитывались стандарт по литературе (региональный компонент), программы по чтению, утвержденные Министерством образования СК.

Авторы-составители надеются, что хрестоматия будет способствовать выполнению требований, предъявляемых к уровню подготовки оканчивающих начальную школу в части овладения компетенциями:

- понимать основное содержание изученных произведений ставропольских писателей;
- знать фамилии авторов, представляющих литературное краеведение;
- уметь определять время создания книги, произведения, какой район Ставрополя в ней описывается;
- знать имена наиболее известных персонажей литературных произведений о родном крае;
- уметь объяснять поступки героев и давать им оценку;
- находить в тексте образные слова и выражения и объяснять их значение, подбирать подобные выражения из диалектов Ставрополя;
- писать небольшие сочинения на основе жизненных впечатлений, о своем селе, городе, природе Ставрополя, жизни и подвигах земляков;
- подбирать книги из домашней или публичной библиотеки по предмету «Литература Ставрополя».

В научно-исследовательской работе по формированию настоящей хрестоматии участвовали студенты и преподаватели историко-филологического факультета ГБОУ ВПО СГПИ, которые собирали материал в газетах и журналах, архивах и музеях, брали интервью у писателей, их родственников и коллег, а также у членов Ставропольского краевого союза писателей.

Авторы-составители выражают особую благодарность за помощь в сборе материалов, вошедших в хрестоматию, директору библиотеки института Мамедовой Э.М., главному библиографу отдела краеведческой литературы и библиографии Ставропольской государственной краевой универсальной библиотеки (СГКУНБ) им. М.Ю. Лермонтова Трубицкой Г.А., а также студентам и преподавателям историко-филологического факультета.

АНДРИАНОВА Галина Прокопьевна
(1927, ст. Яшкино Новосибирской
области – 1993, Ставрополь)

ставропольская писательница

Автор повести «Мы – машинисты» (журнал «Советский Казахстан», 1959), книг «Человек учится ходить» (1964), «Наедине с собой» (1972), «Право на мужество» (1975), «Скорость» (1984), «Парень с улицы» (1976), «Операция «Золотой

крест» (в соавторстве с А. Никитиным), романа «Полынь и мед» (1981), «Скорость» (1984).

Андрианова Галина Прокопьевна родилась 16 апреля 1927 года в станице Яшкино Тайгинского района Новосибирской области. Окончила техникум в Казахстане, затем Литературный институт им. А. М. Горького. Первые публикации вышли в газетах в 1954 году.

В самом начале трудовой деятельности ей пришлось близко соприкоснуться с заботами и делами людей рабочих профессий. Более десяти лет она работала на железнодорожном транспорте, затем шесть лет зани-

Солнечными брызгами цветут огоньки в траве, изумленно раскрыты глаза голубых незабудок. У нас говорят, тот, кто сорвал незабудку – сибирский цветок, никогда не забудет дорогу домой...

Андрианова Г.Н. «Дорога домой»

малась журналистикой: работала редактором Пятигорской студии телевидения, Целиноградской студии телевидения, литературным сотрудником многотиражной газеты «Сельстроевец».

В своих повестях и рассказах Галина Прокофьевна помимо

темы труда, волнующих писательницу, рассматривала проблемы безнадзорности подростков, отсутствие стремлений и интересов у некоторой части из них, скепсис и неверие в свои силы. Этой теме посвящены книги «Парень с улицы», «Операция «Золотой крест», «Полынь и мед».

Дорога домой

Проснулась тайга-хозяйка. Тряхнула зеленое покрывало – прогнала туман. Вдохнул и пробудился ветерок-мальчишка на побегушках. Шалун спугнул синицу с ветки, сорвал лист с молоденькой осинки, запутался в густых колючках старой ели, рассердился, ухнул в вышине и умчался по своим делам. Возмущенная осинка долго лопотала всеми ветками, дрожала листками, словно озябла. Оборванный лист плавно кружился в воздухе, все не решаясь опуститься мне на ладонь.

Елочки в зеленых фартуках чинно выстроились вдоль опушки, стоят умытые, нарядные, в лужицы смотрятся. Береза выбежала второпях на опушку, как десятиклассница на круг, и растерялась. В белых носочках стоит одна и удивляется. И я удивляюсь. Солнечными брызгами цветут огоньки в траве, изумленно раскрыты глаза голубых незабудок. У нас говорят, тот, кто сорвал незабудку – сибирский цветок, никогда не забудет дорогу домо й.

Мы пришли в тайгу собирать кедровые шишки; которые совсем поспели и падают от ветра. Со мной два брата, родной Вовка и двоюродный Юрка. А всего нас семь человек, и в день мы набираем семь кулей шишек. Сегодня мне с утра не везет, не попадают шишки, очень хочется пить, а до воды далеко, болит, растертая в кровь нога. Солнышко на закате, а шишек в моем мешке на самом доньшке. Давно прислушиваюсь и, наконец, с радостью узнаю наш условный свист сбора возле тропинки. Мальчишки уже там. У всех полные мешки. Соседский Витька ехидно хмыкает в мою сторону:

- Зря ждали, догнала бы порожняком!

Я вытираю с лица пот и липкую паутину, огорченно вздыхаю и смотрю на Вовку. Вовка сочувственно говорит:

- Тут мы недалеко место нашли. Шишек целые горы! Завтра опять туда пойдем и тебя возьмем.

Я встаю.

- В какой стороне? Там?

И иду в ту сторону, где закатывается солнце. Не ходи! Вернись, Томка! Мы разделим!

Крики все дальше, все глуше, и вот, злая и растрепанная, я одна. «Заблужусь?» – мелькает в голове. Но особенно раздумывать некогда. Шишки лежат частыми кучками. Быстренько, тороплюсь, перехожу от кедра к кедру и за полчаса набираю полный мешок.

Сажусь отдохнуть на пенек, с удовольствием смотрю на свой мешок, потом оглядываюсь. Кругом незнакомое место. Вспоминаю, с какой стороны я зашла сюда, и убеждаюсь в том, что не знаю, куда идти. Кричу. Отзывается смутное, чуть слышное. Эхо или голос? Непонятно, мешает ветер.

Взваливаю мешок на плечи и иду. Куда? Я и сама не знаю. Лишь бы не сидеть на месте, не видеть быстро кающихся сумерек, не слышать подозрительного шелеста травы и шороха кустарников. Иду, пока можно идти. На пути моем встала

стена поваленных деревьев, заросших крапивой. Их искривленные корни уродливо протянуты навстречу, и мне кажется, что они шевелятся. Рядом прокричала какая-то птица, на ногу прыгнула лягушка. Мне страшно! Я не хочу одна!

- Вовка! Юра! Где вы? – кричу я, сажусь на землю и плачу.

Мне стыдно, а я все равно плачу, хотя знаю, что сама виновата, и так мне и надо! Тайга не любит бестолковых людей. Она сурова и угрюма с теми, кто отбилась от своих, а сам ничего не может и не умеет. Подует ветер, зашумят ели с жалобным писком качается елка, то Баба-Яга костяная нога догоняет, скрипит. Не пускает тайга. Не дает пройти завалами валежника и сухостоя. Не пробиться, не пробраться через заросли крапивы. Горелый лес. Гарь... Черно и страшно. Недавно горело, еще ничего не успело вырасти... Только обугленные пни стоят, как памятники погибшим великанам Сибирского Царства, да каневник вьет венки на лесном кладбище. Болиголов и малинник кружат голову, путают память... В кулаке у меня смятые цветы незабудки. Я подношу их к лицу, они почти не пахнут и не видно в темноте, что они голубые. Но я-то все знаю про них. И сразу яснее в голове. И как же я сразу-то не поняла? Ведь мох растет на северной стороне деревьев... От станции мы всегда уходили на восход солнца. Значит, север – там, юг – сзади...

Иду на запад, где должна быть просека. Кланяюсь пенькам, – опять – вот они правильно растут на теневой стороне! Подлажу под колодины, прыгаю по кочкам и даже пою для поднятия духа. Отдыхаю на камне, северная сторона его правильно покрыта плюшевым мохом. Теперь мне и ель дорогу показывает своими вытянутыми к югу ветками и Большая Медведица загорелась огнями-звездами. Что это? Ветер приносит приближающийся стрекот поезда и гулкое эхо гудка, повторенное оврагами и запутавшееся в густой чащобе. Поезд! Поезд! Бегу, падаю, поднимаюсь, не отряхиваясь от хвои, опять бегу. Продираюсь сквозь частый осинник. Натыкаюсь на колючие ежики елок. Они растут очень густо. Это – живая защита пути от снежных заносов зимой. А линия, она должна быть рядом, но я все равно боюсь: вдруг за елками нет никакой линии, а опять лог или овраг?

Вот она! Вот она, линия! Щупаю рукой еще теплые рельсы и сажусь отдыхать на обочину. Щелкаю орехи, чтобы меньше хотелось есть. Теперь я уже жалею, что высыпала шишки под неизвестную березку. Хорошо идти по шпалам! Мне улыбаются огни встречного поезда. Машинист кричит что-то, наверное, – одобрительное, а колеса стучат: мо-ло-дец, так, так, так... С пригорка кивают желтые окошки, а тополя машут ветками: к нам! к нам! Вот я и дома. Спасибо тебе, незабудка – голубой цветок.

Дневник учительницы

(отрывок из повести)

16 января

На учительском столе лежит круглый пенал: красный, с черными и золотыми листьями на ярком фоне, он виден издалека. Я заметила его сразу, как

только переступила порог классной комнаты. Красивый пенал. Нарядный. Он представляет собой в нашем классе некий символ-эстафету нерях. Мы сами придумали эту игру, и с начала года пенал «ходит» с парты на парту. Грязный подворотничок, непроглаженный галстук, неряшливая прическа – пожалуйста, получайте «двойку» за санитарное состояние и красивый пенал-эстафету нерях на целый день. А завтра сегодняшние двоечники – хозяйева положения, с утра, еще до начала первого звонка они, санитарные дежурные, осматривают обувь ребят, оценивают внешний вид – и пенал перекочевывает на новую парту. Мы специально выбрали самый красивый пенал, чтобы никто из учителей или гостей класса не догадался, зачем он лежит на той или другой парте, – считаем все это своим сугубо личным делом, а в личные дела, как известно, не принято пускать даже друга.

Так и существует этот пенал, кочует с парты на парту, тихо, без слов возражения он принимается и передается здесь, в классе, а дома кипит работа: крахмалятся белые воротнички, наглаживаются фартуки и брюки, начищаются кремом ботинки, завязываются на косы особенно пышные, аккуратные банты.

И приходит день, когда все кажется идеальным: царит чистота и порядок, а пенал все кочует. Грязь, откровенная неряшливость довольно скоро изжили себя, но, оказывается, есть еще нерешенные проблемы... Оля Терещенко завивает на висках волосы на бигуди и пытается доказать, что они сами выются – на ее парте пенал лежал целых три дня – против лжи и кокетства протестует общественное мнение. Оля спешила передать эстафету кому-то другому, а через день она снова возвращалась к ней. И так целую неделю. Наверное, это могло продолжаться и месяц, и год. Можно, в общем-то, привыкнуть к пеналу, лежащему на твоей парте, но нельзя привыкнуть к осуждению товарищей, их категоричности и презрению. Да, презрению. Это могло кончиться презрением. Оля – девочка умная и в понедельник пришла в школу гладко причесанная, и инцидент был черпан.

И откуда они все знают? Я сама никогда бы не догадалась: природные она носит кудри или завитые. Степа Паненко, наш романтик и поэт, попробовал отпустить длинные волосы, а две-три девочки слишком укоротили школьную форму. Я и не заметила, когда юбки были опущены, а волосы пострижены. Уж воистину: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя».

Теперь общественное мнение борется с грубостью, подхалимством, ленью, нетерпимостью в поступках, неделикатностью в поведении. Иногда это тончайшие нюансы, которые и понять нельзя. То есть понять-то можно... Короче говоря, дети, как и мудрецы, понимают то, что понять нельзя. Иногда это – «пусть он не задается новым костюмом», «она притвора», иногда – «пусть не гордится своим отцом». Казалось бы, почему сыну не погордиться заслугами отца? Орденосец, герой труда... Сын комбайнера, Героя Социалистического Труда, Володя Галушак как раз очень скромный, трудолюбивый человек и орденами своего отца не хвалится. Похвалился другой уче-

ник: «Мой папа – начальник...». А у начальника, между прочим, тоже орден. Тоже заслуженный человек. Вот и разберись тут.

В общем, каждый день пенал на столе – это просто усмешка или целый философский трактат.

Сегодня пенал на моем учительском столе. Что это? Душевная неряшливость или... Гляжу на себя в зеркало. Кажется, в зеркало я не смотрелась сто лет. Постарела и подурнела, матушка. Темные круги под глазами, впалые щеки и немислимый пучок волос на затылке. Настроение мое окончательно падает. Что тут можно сделать? Да еще бессонная ночь после грабительского нападения... Капли валерьяновые... Но ведь у каждого из моих «ешек» тоже есть свои невзгоды, неприятности и беды. Нет, тут я в одинаковом положении с каждым из своих учеников.

Вот только красота...

В погоне за красотой каждая женщина прежде всего обращается к прическе. Распушу пучок, накручу локоны. С другой стороны, в погоне за красотой каждую женщину выручает «стиль». Остригу пучок, сделаю короткую, самую модную стрижку, кстати, мои волосы в короткой прическе начинают завиваться. Помыть ромашкой, тогда русые волосы начинают высветлять нежной такой золотинкой. Глаза большие, серые – нормально, даже красиво. Брови широкие, густые – вразлет – тоже ничего. Нос туповат, до греческого не дорос. Ничего не поделаешь, можно только припудрить, чтобы не блестел. Родинка – над верхней губой, говорят, пикантно. Очки особой такой, рыбьей формы в прозрачной голубой оправе. Хорошо.

Перетряхиваю гардероб. Блузка фиолетовая в полоску, юбка-миди с пуговицами и разрезом до колен. Ну, держитесь, «ешки»! Приду нарядная, элегантная, как Эдита Пьеха. В общем-то, это возможно – быть подтянутой и красивой каждый день, но кому это нужно? Не знаю. Из кинофильма «Журналист» запомнилась мимолетная проходящая сцена. В парижском кафе за маленьким столиком завтракают старушки: кофе, булочки, творог. Старушки аккуратные, в тщательно отутюженных белоснежных блузках, в каких-то наколках, в каких-то кружевах. Седые, спокойные, интеллигентные.

Хороша сама мысль о том, что негоже человеку выставлять напоказ безобразия старости, несчастья, болезни. Выставленные напоказ страдания разрушают вокруг радость, любование жизнью, отравляют надежду на вечную молодость. А человек почему-то живет так, будто не знает, что впереди его ждут болезни, и старость, и смерть. Он живет так, будто надеется жить вечно. И этот стиль хорош сам по себе и не требует поправок. И довольно странно звучит вопрос: кому нужны мое здоровье и моя красота. Всем нужны – родственникам, знакомым, всему человечеству и прежде всего любимым и любящим.

Буду стараться, хотя видит бог, это нелегко – совсем нет времени. Придумала рассказ о голубых «смешинках», прочту его своим пятиклассникам завтра, буду есть витамины, буду смеяться и ходить на лыжах. Буду им нравиться.

АЩЕУЛОВ Вениамин Абрамович
(1920, с. Горново Алтайского края –
1998, Ставрополь)

*ставропольский поэт, журналист,
переводчик*

Автор сборников стихов «Привал» (1964), «Жаворонок» (1981), «Вы не плачьте, ивы», «Землепроходцы», «Минуты передышки», «Здравствуй, город Креста!» (1997), «Прифронтовая полоса» (1985), «Исходный рубеж» (1998), «Корень жизни» (1978), «О, Русь моя!» (1995), «По следу памяти» (1999), «У могилы неизвестного солдата» (1990).

Вениамин Ащеулов родился 27 марта 1920 году на Алтае в семье крестьянина. В 1930 году его семья переехала на Дальний Восток – вначале на Сахалин, затем в Хабаровск.

*Каким бы не предался я
мечтам,
Мне не уйти от
памяти суровой.
Былое неотступно по
пятам
За мной шагает в
зареве багровом...*

В.А. Ащеулов

Боевое крещение выпускник хабаровской полковой школы получил под Москвой в июле 1941 года. В годы войны командовал пулеметным расчетом, разведгруппой, группой десантников на броне. Закончил войну в Мукдене. Трижды ранен, награжден двумя орденами Отечественной войны и пятнадцатью медалями. После войны окончил Благовещенское военное училище. Прошел путь от лейтенанта до майора, от литературного сотрудника до редактора дивизионной газеты. В 1965 году их Хабаровска В. Ащеулов переехал в Ставрополь.

Одна из главных тем поэта – военная. Для Вениамина Абрамовича была важно память о пережитом в годы Великой Отечественной войны, о ратных подвигах боевых друзей, о боли и горечи утрат. Свойственные ему жизненное ирония придавали произведениям особую окраску. Вместе с тем лирика поэта богата философскими раздумьями и историческими зарисовками, стихотворениями о любви и природе. Тридцать стихотворений поэта положены на музыку и стали песнями.

Он вел большую организаторскую и просветительскую работу: в Ставрополе заведовал Бюро пропаганды художественной литературы, был ответственным секретарем литературно-художественного и общественно-политического альманаха «Ставрополь», с 1993 по 1996 г. возглавлял Ставропольскую краевую организацию Союза российских писателей.

Жаворонок

В полях над пахотой весенней,
Где труд людской – как благодать,
Он, вьсь прозванивая пеньем,
Поднялся так, что не видать.
И меж землёй и поднебесьем
Сучит, сучит живую нить,
Как добрый знак того, что песню
И труд нельзя разъединить.

* * *

В душе росло и хмурилось ненастье,
Похоже за тобой брела беда.
Но вышел в степь, распахнутую настежь,
И от беды – ни тени, ни следа.
Поля прозрачной дымкою синели,
Чуть колыхнулась рожь – за валом вал,
И колоски заманчиво звенели,
Как будто струны гуслей тихо пели
И звали за далёкий перевал.

Я Россию люблю...

Я Россию люблю
От церковей заунывного звона
И до наших, ревущих,
Безумно стремительных дней.
Я друзьям говорю,
Что со мною живут:
«Повезло нам!»
И в чужой стороне,
Как по дому
Тоскую по ней.
Я Россию люблю!
«А она тебя?» –
Кто-нибудь спросит.
Я ответить на это,
Пожалуй, навряд ли смогу.
Просто с детства люблю
Уходить в звездопадную осень
И подолгу стоять одиноко
На сонном лугу.¹

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.1: Поэзия. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – С.13

БАБАЕВСКИЙ Семен Петрович
(1909, Кунье Харьковской области
Украины – 2000, Москва)

русский советский писатель

Автор сборников повестей и рассказов, написанных специально для детей – «Сухая Буйвола» (1958), «По путям-дорогам» (1958), «Сестры» (1958), «Четыре Раисы» (1959), «Митино счастье», «Доброта» (1989).

Семен Петрович Бабаевский родился 24 мая 1909 года в селе Кунье (ныне в Харьковской области Украины) в бедной крестьянской семье, но детство и юность его прошли в верховьях Кубани, на хуторе Маковском Невинномысского района. Колхозное строительство на Кубани и участие в нем писателя послужили тем источником вдохновения, который питал почти все творчество Бабаевского.

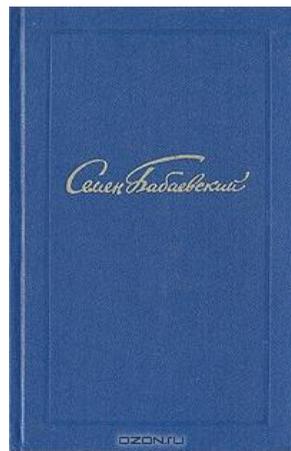

фронте», написанная С. Бабаевским совместно с писателем Э. Калиевым, затем «Белая Мечеть» (1943), «Гусиный остров» (1944).

В послевоенные годы писатель выступал с романами о колхозной деревне – «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землей», романами «Сыновний бунт» (1961), «Родимый край» (1964),

Писать он начал рано: в 1929 году в северокавказской газете «Советский пахарь» был напечатан его первый рассказ. В 1939 году, после окончания Литературного института имени М. Горького, С. Бабаевский опубликовал сборник «Кубанские рассказы». Затем вышли сборник рассказов «Гордость» (1936) и цикл «Кубанские рассказы» (1937), рассказы и повести «По станциям» (1940).

В годы Великой Отечественной войны он был военным корреспондентом. В 1942 году вышла в свет книга «Казачи на

«Кавалер Золотой Звезды» (книги 1,2, (1947,1948); и его продолжением – романом «Свет над землёй» (кн. 1; (1949); и (кн.2; (1950), «Белый свет», «Современники» (1976) , «Приволье» (1980), поэмой «Как жить?» (1985). В результате поездки в Китайскую Народную Республику им были написаны очерки и рассказы о людях нового Китая, изданные в книге «Ветви старого вяза.

Сухая Буйвола

(отрывок из повести)

Глава 1 «Олег и Лёнька»

Лодка наискось перерезала Егорлык, накренилась и, шуша и вздрагивая, поползла плоским дном по мокрому песку. Олег выпрыгнул на берег, накиннул веревку на куст и затянул петлю. Подтягивая ремень, Олег посмотрел на сидящего в лодке Лёньку и рассмеялся.

- Эй, мокрая ворона! – крикнул он хриплым, ломающимся баском, – выходи, причалили благополучно!

Лёнька нехотя поднялся. На нём – красная рубашка, разорванная на плече. В доверчивых голубых глазах блестели слезы.

– Не рубашка, а пламя! Красная, как огонь. В солнечный день на нее больно глазами смотреть. Лёнькина мать купила рубашку в Ставрополе на базаре. Когда Лёнька надел её и вышел на улицу, его сразу увидели все мальчишки и даже те, кто жил на краю Грушовки. Подумали, что это знамя.

Сбежались, подняли крик, завидовали Лёньке. Пришел и Олег, молча пощупал материю, причмокнул губами.

– Где взял?

– На базаре.

– А ничего, дальновидная, – сказал Олег, как всегда рассудительно. – Как флаг! И выгодная. При случае такой рубашкой можно любой поезд остановить.

И вот такая рубашка была загублена. До нитки мокрая, на плече дыра, рукав болтается. Нет не надо было Лёньке надевать её на рыбалку!

По Егорлыку плавала исправно, спокойно, а забралась в камыш – и сразу перевернулась. Готово, искупались! Лёньку чуть лодка не накрыла. Он рванулся в сторону, а тут, как назло, коряга. И как она ловко резанула рубашку – самым острым ножом так не распороть! И все! Рукав болтается, плечо лезет в дырку, а Олег еще и усмехается...

Да, трудное это было плавание. Бултыхаясь, Олег и Лёнька кое-как подтащили лодку к островку, перевернули её, выплескали воду. Вытирая кулаком слезы, Лёнька не мог смотреть ни на Олега, ни на раков. Он думал о том, придет домой и как покажется на глаза матери.

Глава 2 «Дядя Гриша»

В тот предвечерний час, когда рыболовы вытащили лодку на берег, сухой треск мотоцикла нарушил тишину крайней от Егорлыка грушовской ули-

цы. В седле горбился плечистый мужчина в ветровых очках и в парусиновом, нараспашку пиджаке. Усатое его лицо, крупная, повязанная косынкой голова были припудренны пылью. Он подъехал ко двору вдовы Анастасии Гребенковой – матери Олега. Олег мечтал поступить в техникум на зоотехника или ветеринара в Грушовку, Григорий одобрил его желание, но перед тем, как поступить в техникум пусть он лето поживет в Сухой Буйволе у тети. Походил бы за отарами, это ему пошло бы на пользу.

И вот стукнула калитка. Чуткое ухо Григория уловило шаги босых ног. Он приподнялся. Во двор входили рыболовы с удилищами на плечах и с уловом. Олег – впереди, а Лёнька – сзади. Село, как и подобает хозяину, Олег направился в хату, зажег свет. Лёнька остался возле порога. У Олега завязался разговор с Григорием.

Глава 3 «Ночной разговор»

Григорий ошибся. Олег даже и не собирался спать. К нему пришел Лёнька. Олег встретил друга. Они завели разговор о Сухой Буйволе. Олег рассказал, что к нему приехал Дядя Гриша из Сухой Буйволы. Лёнька согнулся калачиком и в разговор не вмешивался. Его окутывал такой сладкий сон, а подушка была такая мягкая.

Глава 4 «Ярошенко согласился»

На зорьке Григорий Корчнов взбудоражил грушовских собак, с «ветерком» пролетел по улице и затормозил возле колхозного правления. Спросил у сторожа, есть ли кто в правлении. Сторож кивнул на дверь Ярошенко. Их разговор состоялся о том, что бы приобрести парня к овцам, Ярошенко согласился. Но так как Анастасия Олега одного не отпускала, Ярошенко и Григорий решили послать по путевке Олега с Лёнькой вдвоём.

Глава 5 «Что же такое Сухая Буйвола?»

Олег и сам не мог понять, отчего ему так захотелось побывать в Сухой Буйволе. Да и в самом деле, что же такое Сухая Буйвола? Чуть позже Олег сам же ушел на Егорлык – осмотреть пещеру и переправить туда «Нырка». По пути Олег забежал в хату. Возле калитки показал Лёньке кисточку и баночку с краской. Лёнька понимающе улыбнулся.

Глава 6 «Ох, как плохо без Лёньки!»

Лёнька побежал домой, принёс чернильницу и ручку с пером. Примостился поудобнее возле кадки и начал писать. Старался, не спешил. Олег искупался неохотно, в отдалении от ребят. Весь мокрый он, одиноко-печальный, поплелся домой. Шел и угрюмо смотрел под ноги... А плохо, оказывается, одному. Ох, как плохо без Лёньки!

Глава 7 «Лёнька пришел в бугаятню»

Половину дня Лёнька просидел дома. Даже не выходил за ворота. Лежал в холодочке за хатой с книжкой Лермонтова. И почему-то несколько раз перечитывал некоторые строки. Потом он отправился в бугаятню к Трифону Савельичу. Лёнька смело взобрался на изгородь станка и почесал широкий бычий лоб и начал ласково переговариваться с быком.

Глава 8 «Слушали. Постановили»

Олег и Лёнька хотели повидаться с Ярошенкой. Но он уехал в поле. Но ребята его дождались, Ярошенко прочел им постановление и сказал, что недельки через две уже смогут переправить ребят в Сухую Буйволу. Установил им время, чтобы те пришли и забрали документы.

Глава 9 «Поплыли...»

Ребята решили каждое событие, записывать в дневник... День выдался безоблачный, жаркий. Солнце поднялось высоко и палило так, что нагревалась поверхность реки.

БАЕВ Георгий Кириллович
(1929 – 2006, с. Михайловское
Ставропольского края)

ставропольский писатель

Автор книг «Моченые груши: Не придуманные рассказы» (1983), «Волчья удочка» (1984), «Тюльпаны в далеком саду», «Зарянка: Рассказы» (1999) «Манеж на пахоте» (2003), « Сокол – птица гордая» (1997) «Сказки Казенного леса» и других.

Георгий Кириллович Баев родился в селе Михайловском Ставропольского края. Во время Великой Отечественной войны работал в колхозе: пахал, сеял, убирал урожай, пас табуны лошадей. Окончил историко-филологический факультет Ставропольского педагогического института. Более пяти лет работал в Донском СШ № 6 учителем, несколько лет отдал журналистике.

...В Георгии Баеве есть что-то от Богатыря Святоурского: что задумает, что скажет, что наречет, то и сбывается...

З.А. Щербан

Георгий Кириллович издал ряд книг о нелегком крестьянском труде детей и женщин в годы войны, о природе. Все произведения Г. Баева написаны с любовью к нашей Родине. Его книги пользуются большой популярностью и спросом не только в Ставропольском крае, но и за его пределами. О творчестве писателя положительные отзывы дали К. Симонов, С. Михалков, В. Песков. Георгий Кириллович награжден правительственными наградами: Почетной грамотой ЦК

ВЛКСМ, двумя Почетными грамотами губернатора Ставропольского края.

*Напои, христианка, студеной водой,
страдальца, который стоит пред тобой ...*

Орлик

(из книги «Сокол – птица гордая»)

Студеной зимой сорок третьего мы с табуном лошадей и крупным рогатым скотом стояли на Нижнем Русском хуторе.

Как только изгнали фашистов, вся жизнь села начиналась заново. Выбирали председателей колхозов, сельских Советов, проводились всевозможные районные совещания и слеты.

В первых числах февраля учетчик фермы Лютов предложил мне отвезти на конференцию в Михайловку хуторскую учительницу.

Солнце на закате, а невысокая шупленькая учительница в фуфайке, солдатской серой шапке и защитной юбочке с чемоданчиком в руке неотступно ходит за Нефедычем.

- Уедете, уедете, – грубовато говорит ей учетчик. – Вот коня подберем – и в путь.

В район на лошадях съезжались пораньше. Обычно на ночь.

Не спросив меня (я был старший табунщик и каждую лошадь знал лучше учетчика), Нефедыч вывел из конюшни Орлика.

У меня так и екнуло под сердцем. А точнее, бросило в жар. И не без основания. Этого коня я недавно обучил под седло. В бричке он ходил лишь однажды, да и то быстренько от нее избавился: разбил об угол сарая.

Потом, как змей с горящим хвостом, носился по полю, бороздя снег обломками брички. Вслед за ним летела волна клубящейся седой пыли.

- Ты что, спятил?! Куда посылаешь мальчишку на этом Горыныче? – строго спросил учетчика подошедший дед Серега.

- Уж, какая мама нашлась! Жаль пацана – езжай сам. А человека надо доставить.

- Разве ж коней нет помирнее? Ведь дело-то в ночь, – говорит сторож.

- Так и доложу председателю, что дед Серега сорвал поездку учительше на конхвиренсию, – ярится учетчик.

- Эх ты, конхвиренсия, конхвиренсия, – с горечью сказал дед Серега и пошел в сарай за сбруей.

- Вот так бы и давно, – злорадствуя, съязвил учетчик и захромал в жилую хату. Лютов не пожелал молоденькой учительнице даже счастливого пути.

Мы вдвоем с дедуней заложили Орлика в сани. Накрепко затянули хомут, гужи, дугу, зануздали ненадежного. Храпит, бьет копытами, озирается. Ждет не дождется, когда наступит его час, чтобы еще обо что-либо расколотить прицепленный какой-то груз позади. Он, Орлик, не из таких, чтобы им помыкали. Захочет, повезет! Воспротивится... лучше на месте с коня долой. Иначе пожалеть можешь.

Сколько риска, смелости и труда стоило, чтобы обучить этого коня под седло! Он-то и под седлом не выучен ходить как следует, а его в телегу впрягают. Эта затея Лютова не нравилась мне. Но куда денешься... Начальство есть начальство.

Ветром нас выхватил Орлик со двора фермы. Розваль без малого не зацепились о столбы широких ворот.

Конь пошел во всю рысь. Дорога была еще мало обозначена. Сани, набитые сеном, ходили из стороны в сторону.

- Держитесь! – крикнул я, обернувшись к учительнице, и направил коня через малую речку, чтобы сократить путь в гору. Она прилегла на бок.

Здесь преследовалась еще одна цель: пустить в галоп озверевшего Орлика. И с него слетит та спесь, с которой он выскочил со двора. Но не тут-то было. Не на того нарвались.

Конь понес нас в гору во всю мощь. Настораживало то, что он бежал рывками.

Хочет освободиться, подлец. Вырваться из оглоблей. Оглядывается, хрипит, вскидывает голову и несет нас в гору пуще прежнего. Колокольчик под дугой то усиливает, то ослабевает свой звон, то иногда просто позвякивает.

Мешкать некогда. Скоро и подъему конец, не сдастся, рвется и рвется вперед.

Нет, милоч! Дудки тебе. Я встаю на колени и крепко натягиваю вожжи. Скорость снижена. Перевожу на бег рысью. Остановить нельзя. Можно загубить разгоряченную лошадь. Надо постепенно осадить на тихий ход.

Оглянулся на учительницу. Она, распластавшись, лежит на сене вниз лицом, крепко уцепившись за перила саней, что возвышались над сеном с обеих сторон.

Выехали на ровную дорогу Симоновой горы. Она тянется от Нижнего Русского хутора до конца Верхнего Русского хутора, который почти упирается в железнодорожную станцию Палагиада, а там, за полотном, и Михайловка. Нам предстояло проехать по горе не менее десяти километров.

Жеребец шел веселым шагом, словно на боевом параде. Он ловко и красиво вскидывал передние ноги и забрасывал демонстративно вперед.

Золотистой масти жеребец с длинной легкой серебристой гривой и таким же волнистым хвостом отлично смотрелся под луной. Грудь корабликом, спина гибкая.

Перед отъездом старый буденновец дед Серега сказал:

- Этот конь создан для маршальского седла.

Старик рвался сам отвезти учительницу, да я остановил его. Дедуня принимал. Это одна причина. И еще была причина ехать именно мне. Я лучше всех знал норов сильного, пугливого и огненного жеребца, обучал его под седло и ухаживал за ним персонально. Жеребцы, бугаи и даже породистые бараны не переносят большое количество ухаживающих за ними. А кого признают, тому, хотя и нехотя, но повинуются. Иногда даже ласкаются к своему хозяину.

Учительница ожила, отошла от бешеной скачки Орлика и приподнялась на локте.

- Садитесь вот так, как я. Спустите ноги на правую сторону, да держитесь, не забывайте. Чего доброго, торопнется Орлик и понесет вразнос.

Учительница уселась поудобнее на сене рядом со мной.

Я сидел, тоже свесив ноги направо. В левой руке крепко держал вожжи и не спускал глаз с коня. Я понимал его по движению любого мускула, тем более фырканию, храпу и нервному удару копытом.

Самому же до нетерпения хотелось познакомиться с учительницей и хотя бы малую малость перекинуться с ней словечком.

- Давно поселились на хуторе?

- Только что, третьи сутки. Уже ребятню собрала. Более одиннадцати в классе. Да жаль, что тепла нет. Фашисты при отступлении печь разломали. А знали, что школьное здание.

- Как же теперь будете?

- Эти дни стоя занимались. Не засиживались. То и дело зарядку делали. Детшки у меня как птенчики малые. Такие милые да послушные. Подельчиные. Смотришь, на перемене отламывают кусочки хлеба, друг другу подают. Меня угощают. А у меня слезы проступают от их добра да заботы обо мне.

Я приезжая. Из-под Ростова. Рукой подать. Домой бы ехать. Да сердце не выдержит. Отца и мать гитлеровцы расстреляли. Брат на фронте убит.

- За что же родных так германцы? – несмело спрашиваю.

- Фашисты расстреливали, мальчик, нас даже за то, что мы советские граждане. А к моим родным причина Пыла. Я закончила педучилище на Ставрополье. Здесь и в комсомол вступила. Здесь и в партизанский отряд «Жлим» записалась.

Фашисты дознались, что я партизанка. Со мною была однокурсница. Я сагитировала в отряд ее. Она трусом оказалась. При первой возможности смылась от парти. И, добравшись в Ростовскую область, предала меня.

Вот и расстреляли моих папу и маму.

Девушка немного отвернулась и смахнула слезу.

- Ставропольский крайком комсомола сюда к вам на хутор послал. Я хотела на фронт. Меня убедили, что детей учить надо.

Я не мог произнести ни одного слова. А только вкось всматривался в волевое лицо девушки и думал, думал. И еще завидовал той мальчишеской завистью, которая есть у всех детей моей великой Родины.

Мне бы хотелось тоже вместе с этой девушкой испытать партизанскую жизнь, побывать в разведке да подорвать бы какого-либо генерала в кресле или машине, забросать неожиданно гранатами фрицев.

Для меня теперь совсем другими виделись и солдатская серая шапка на учительнице, и защитная фуфайка, и юбочка, и кирзовые солдатские сапоги.

Какое-то время мы ехали молча. Высокая полная луна, озаренная снежная дорога, заснеженный тихий лес и февральский морозец настраивали на размышления об учительнице. Хотелось побольше о ней узнать.

- А как величать вас, – шевельнувшись в сене, спросил юную партизанку.

- Натальей кликали сверстницы. А теперь Наталья Васильевна. А тебя как кличут?

- Егорка, – ответил я не без гордости. Мне думалось, что табунщик – высокая должность. Да оно так и было. Без коней в войну никуда. И пахали на них, и селили, и хлеб убирали, и к Доватору ставропольских казаков на своих конях провожали. Только из моего табуна пятнадцать лошадей для Красной Армии взяли.

Ух, какая гордость! Если эскадрон проносился на запад, и в нем под солдатами – твои кони быстрые.

Ни с того, ни с сего Орлик так дернул сани, что мы без малого не свалились в снег. Оглянулся. Наташа по-прежнему легла на живот и уцепилась руками за перила саней.

Жеребец пронесся метров триста, остановился как вкопанный. Из ближайшего кустарника мчались волки. Пошел, Орлик! Стоять будешь – брюхо распустят. Жеребец грозно заржал, взвился на дыбы. Затрещала дуга, оглобли. Ух, как хотелось ему высвободиться да стукнуть могучим копытом по волчьей морде. Но сбруя оказалась крепкой, и конь помчался по дороге что было духу. Я не сдерживал его, а только покрикивал да подбадривал длинным табунским кнутом, с которым нигде и никогда не расставался.

Волки бегут рядом, подпрыгивают впереди коня, стремятся впиться в горло. Орлик, несясь на такой скорости, успеваешь давать сдачи передними копытами. Пронзительный, тревожный звон колокольца поднимается в лунное морозное небо. Он сейчас напоминает бедственный перезвон церковных колоколов Древней Руси, когда на нее нападали вороги. Но на государевы колокола сбегались ополченцы. А в глухой зимней степи спасти некому. Защищаться нечем.

Поравнявшегося с санями волка я хлестнул кнутом по морде, и он, ткнувшись носом в снег, пошел кубарем. Это разозлило его собратьев. А их пятеро, с горящими злыми глазами. Раскрытые страшные пасти с острыми зубами готовы были проглотить нас.

Вот один заходит сбоку. Оперезает сани. Уши прижаты, хвост распущен, морда заострилась, вытянулась. Вижу, готов броситься к горлу коня.

Я круто дернул правую вожжу, и Орлик рванул вправо. Хищника так долбанула оглобля по голове во время прыжка, что он покатился в боярышник. Сани наскочили на кочку и резко накренились в одну сторону.

Норов коня взял верх. Он стал, что называется, бесноваться самым настоящим образом: взвизгивать на дыбы, бить задки не только по волкам. От саней летели щепы мне в лицо. Затем конь озверел и сам в упряжи бросился на бегущего рядом зверя. Сани пошли враскат. Ударились в кочку. Наташа вывалилась в кювет. Я крепко сидел в санях. Два волка тут же отстали. Несколькими прыжками они приблизились к своей жертве.

Я мгновенно бросил вожжи и спрыгнул в сугроб.

Волки на меня. Я хлестнул одного по морде, и они понеслись за Орликом.

Бегу к Наташе. Хлещу кнутом, кричу угрожающие слова.

Два волка замешкались. Стоят над лицом Наташи, опустив морды. И почему-то косятся друг на друга. Я вспомнил, дед Серега говорил, что при добыче волки иногда должны определить, кому первому начинать пиршество. Для этого надо померяться силами. И у зверья по этому поводу происходят между собой грозные схватки, не всегда, но бывают.

- Наташа, не шевелись! – кричу.

Любое зверье тут же бросается на жертву, если она совершит хоть малейшее движение. Попав в обстоятельства, где нужно экстренно решать, что делать, обязательно будешь решать, и, как правило, находить выход. Так устроен человек, так устроено в нем сознание. Чем меньше времени на обдумывание, тем правильнее и точнее решение.

В те времена я отлично мог забросить аркан на коня и заставить его повиноваться. И сейчас у меня больше не было выхода. Не душить же волка голыми руками.

На конце длинного кнута мгновенно делаю петлю. Волки недолго косились друг на друга. Свиристое рычание – и схватка. Словно наскочивший вихрь поднял столб клубящейся снежной пыли. Затем он быстро осел.

Над поверженным зверем стоял другой зверь. Сильный и разъяренный. Пощады никто не жди. Но он, зверь, пока стоял лапами на собрате. Наверное, следовало убедиться в безвредности соперника.

Я широко расставил ноги и бросил петлю на голову волка. Миг – и я затащил ее изо всех сил. Решение было принято сразу: бежать, затягивать петлю туже, не дать опомниться зверю. Несколько неровных прыжков вверх, в стороны, и волк упал в затянутой удавке.

Мы вместе с Нагашей взяли за кнутовичку и потянули волка. На санях подъехал лесник Павлик. Он как раз объезжал владение.

Павел выстрелил в голову зверя, но тот даже не вздрогнул. Мы подошли и убедились, что волк был задушен петлей.

Лесник отвез нас в Михайловку. Орлик пристал к колхозной бригаде, что находилась возле прудов, где теперь продовольственный магазин. Он был ранен волком в левое плечо.¹

Рассказы старухи Татьяны

(из книги «Сокол – птица гордая»)

В Михайловке жила одинокая старушка Татьяна. Вытащит, бывало, тачку с дровами на гору, опустит оглобли на землю и идет к нам, сгорбившись, пошатываясь. Ходила она, как ворона по пашне, чуть-чуть вприпрыжку, расставляя костлявые руки в стороны.

Несмотря на старость, она была жилиста и словоохотлива. Мы с нею подружились. Не однажды ночевала с нами в землянке. А утром прицепим ее тачку к молоковозке – и пошел рысью на деревню – только колесики у тачки распевают, попискивают.

- Тише-тише, дрова порастеряешь! – подпрыгивая на сене в бричке, беспокоится Татьяна. Но тревога напрасна. Мы ссадим старушку возле двора, отцепим тачку, закатим ее во двор и – айда до новой встречи с Татьяной. Благочестивая пела нам Божественный стих «Христос с учениками». Мы, не шевелясь, слушали его. Он и по сию минуту волнует мою душу и разум.

Христос с учениками из храма выходит

Пред крестного смертью своей.

Исполненный скорбью, прощальными словами

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.2: Проза. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. – С.30-34

Учил Он любимых друзей.
Скажи нам, Учитель, последнее слово,
Пока еще с нами живешь,
Скажи нам, Учитель, когда это будет,
Когда Ты судить нас придешь?
Услышите войны, военные слухи,
Восстанет народ на народ.
Наступят болезни и глады, и моры,
И братская кровь потечет.
Уменьшится вера, угаснет надежда,
В сердцах охладает любовь.
И многие люди тогда соблазнятся:
Прольют неповинную кровь.
Во храмах Святых вы увидите мерзость,
Так знайте, что Суд при дверях.
Глядите, чтоб двери не закрылись пред вами,
Держите светильники в руках (в сердцах).
Великие скорби сольются на землю
И люди так будут стонать,
И солнце померкнет, и месяц и звезды
С небесного свода сойдут.
И в эти минуты поищите смерти,
Но смерть от людей убежит.
И скажут народы: сокройте нас горы,
Но горы на них не падут.
На небе появится крест лучезарный
И станут народы стонать.
Кто будет у поля, оставивши дом свой,
То пусть он домой не спешит, не спешит.
Избранные чады увидят начало
И будут за облако взирать.
За ними последуют толпы народа
От края до края земли.
И вся содрогнется родная природа
Пред страшным престолом Судьи.
Из мертвых воскреснут живые народы,
Придут на Божественный Суд.
И скажет Владыко стоящим направо:
Войдите вы в Царство Мое,
И скажет Владыко стоящим налево:
Уйдите вы прочь от Меня.

Эта мудрая старушка рассказывала нам поучительные истории из крестьянского быта, которые и теперь помнятся.¹

Злые волки

(из книги «Сокол – птица гордая»)

Я эту басню часто молодым людям рассказываю. Они все «рассказки да рассказы». Вот я и говорю. Ваня да Сережа стерегли овец. Ваня жил у работников, а Сережа хозяин. Своих овец стережет.

Ну, захотели есть. Сели обедать. А туманок вокрут, имжичка. Лес рядом. Кусты глухие, глухие. Никак не продрасться, только вокруг гуляй.

Сидять, обедають. Сергей и говорить:

- Иван, овец наших что-то не видно. Пойдем поглядим.

- Да вот сейчас кусочки доедим и тогда пойдем. Кусочки ети доели и еще, что тамочка у них было. Пошли. Хвать, а овец как и не было. Туды, суды, туды-суды. Овец нету.

Туман еще гуще стал, заплетает глаза, вешается на кусты, катица по земле. Ну тогда бежать дальша. Бегали-бегали. И кричали, и свистели, и тыкали. Никуво нету и ничиво нету.

Тада стали большими кругами бегать. И найдуть их уже убитыми. Волк побил. Поначалу отлучил от нас подальше. На ету хитрость волк уподобен. Потом разогнал их и стал бить. А овец было много. По всему выгону и у конца лесу.

Глядеть пастушки, где битые насмерть, где ободранные, ды изорванные, где две-три в кучечку сбились. Стоять овечки согнутые, колотятся от страха. Ну-ка с волчагами увидеться, да в тумане таком. Ниоткуда и никакой им помоги. Вот колотятся от страха до сих пор.

Некоторые овечки бегают голые, кричат, наступают на не спущенную до конца шкуру. Ваня и Сережа тогда швыдком домой.

- Ай-яй, ай-яй! Волк овец у нас отнял и побил. Ну тогда дяди Гаврика не было дома. Братка и батенька мои были.

Верхом на коней, похватали ружья и в степь, искать овец. Собаки волнуются, забегают вперед. Ваня и Сережа с ними скачуть впереди. Они-то знали, где ето все случилось. Мальчикам было лет по десять.

Позади бегуть, грохочуть брички. Кони резвые, пугливые.

Ну понашли они тогда своих овченок, а зверь спрятался, укрылся. Можя, и тут же в кусте сидел. Но нет! Собаки учуяли б. Хотя этот шельмец на всякие мудрости уподобен. Найдет место, где каталась лошадь или корова. Выкатывается сам, и животом проползет, и носом пропашет. Словом, духу мирных животных наберется и пошел на охоту. Из-под собачьего носа ягненка украдет, и пес не учует, потому что запах всюду знакомый, запах лошадей, овец, коров.

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.2: Проза. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. – С.34-35

Дык воточа. Понашли они овечек и битых и небитых под кустами и на чистом поле. Туман разошелся, аж страшно стало. Как глянули вокрут, а их видимо-невидимо. Делать нечего. Подогнали брочки и стали собирать да грузить и битых и небитых. Ну небитых отдельно и недобитых отдельно. Тут же их прирезали чабанским ножом и грузили. Такую овцу не грех есть. Несколько подвод пришло в село с битыми волком овцами. Привезли овечек и у Шеховцовых на дворе на солому свалили. Какая изодранная, а какая изорватая. Были такие, с которых прямо содрана кожа, а она живая. Он же как чирканет с головы и до хвоста, а кожа сама тянется. Овца сама цела и брюхо цело, кожа только содрана.

Это я сама все видала.

Мяса много, убыток большой. Теперь-то не верят в бога, а тада все верили в бога. Ну и к батюшке, что батюшка скажет. Говорят люди:

- Ежели волк убил овцу, ее нельзя есть.

Ну если есть нельзя, может, позакопаем их. Она и овчина на лоскутьях вся. Это мы все меж собой советовались. Тогда все ж пошли к батюшке.

- Батюшка, батюшка! Ды вот такой-то у нас случай. Волк усех овечек побил. А их сотни, а не то что десятки. Столько убитых. Такое горе. Что же теперь делать. Побросать жалко, а есть боимся. – А батюшка и говорит.

- Ешьте и не бойтесь ничего, такой убыток, такой случай не всегда.

И батюшка благословил нас.

- Я благословляю, если не верите, принесите мне тушечку. При вас сварю и начну есть. А что живые со спущенными шкурами прирежьте и продайте, или как там. Ну чтобы новых овечек завели.

Так они и делали. И к батюшке понесли тушечку. Батюшка при них изжарил или отварил там. Ну вот смотрите, я кушаю, и вы кушайте, не стесняйтесь. И благословил. Приехал на двор к Шехавцовым, окропил святой водой все тушки. Тогда они посолили, разложили по кадушкам, кто как мог, и ели.

А сколько было волков, никто не знает. Или шайка была или один какой да лютый. Ну, один столько не побьет. И считают старики, что они не голодные были и был не один волк. А знать нихто не знает. Нихто не видел.

Большую массу овец побили. Ну какие отбились, тут Симочка у горы жил у самого лесу, где известку жгут или как там. Прибились под стеночкой штук тридцать. Стоять, трусяца от страха, колосятца все чисто. И тогда и понашли всех. Люди себе чужое не брали. Всех овечек возвратили Масюриным, нам и еще чьи были живы.

Мы ходили глядеть их, бедняг, перепуганных. Это было перед маслиной. Ну как теплушко стало и погнали пасти овечек.

В те времена на масленицу в мечку на выгоне играли. Не кажый год. А бывало. Даже овес сеяли. Эти моменты называли хевральские окна. Ну считают, что волки не голодные были. Ни единой овцы до конца не съели. А разорвать да бросють, начнуть ды бросють.

И вот я ету басню или как там случай такой часто рассказываю крестьянским пацанчикам, ребятамкам. Вот и вам рассказала. Но тут все до единого слова правда.¹

В Татарском лесу

Скачу по широкой извилистой зимней дороге. От полной высокой луны под ноги коню падают бледные тени могучих дубов, светлых кленов, стройных буков и кривых карагачей.

Ночь... а всюду светлым-светло. Для неискушенного в ночных стычках мягкий и ровный свет луны самый раз. Все видать перед собой. Куда ведет дорога, как расположены деревья, какая глубина речушки или оврага. Но если бы кто знал, как предательски иногда опасен холодный свет луны... Тем более в глухом лесу или пустынном поле, где не услышат твой крик и никто не поспежит на помощь. И ты весь под светом луны, как на ладони. В светлую ночь бежать некуда. Твоя спина всегда окажется на мушке.

Страшна непроглядная ноченька, но она во сто крат милее лунной. Пусть ты стукнешься с врагом лоб в лоб, тут же найдешь для себя укрытие; можешь присесть рядом или встать за дерево, затем швырнуть что-либо в сторону и враг метнется на треск веточки или шелест листьев.

И у тебя есть возможность отбежать в противоположную сторону. Твоего шума враг не услышит из-за своего. Ведь метнувшись на брошенный вами предмет, он создал шум. И тут – не упустить момента. Мне не однажды приходилось уходить таким манером от самых хитрых врагов. Скачу на коне по Татарскому лесу, сжавшись, как барс перед прыжком. Даже бесшумный полет совы в тихом лесу вызывает изменения: там взлетит спугнутая ею птичка, а где-то осыпется снег с дерева, задетый ее мягким крылом, крылом ночной хищницы.

Прислушиваюсь,стораживаюсь, обращаю внимание даже на незначительный шорох. В лапы врага попасть нельзя. На самом сердце, под стеганкой, пакет с секретным донесением. В правой руке револьвер на взводе.

Как только изгнали из Ставрополя фашистов, так сразу же меня колхоз направил в райвоенкомат дежурить конноарочным.

Мое появление в крайвоенкомате привлекло внимание аккуратным исполнением поручений и лихой бесстрашной ездой.

Крайвоенком истребовал меня из района к себе. И я стал порученцем военного комиссара края.

Скачу ровным галопом: та-та-тах; та-та-тах. Конь чувствует мое напряжение и ничем не нарушает тишину. Он даже и легонько не фыркает. Только и слышно его мягкое та-та-тах, та-та-тах, но оно тут же остается под копытами

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.2: Проза. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. – С.37-39

лошади. Глубокая дорога, высокий мягкий снег и густые деревья отлично погашают глухой ровный топот.

Вдруг хлесткий выстрел. Я пришпорил коня и пошел во весь галоп, пригнувшись к золотистой гриве коня. Оглянулся. На дорогу выскочил человек в белом халате на белоснежном коне. Тут же послышался бешеный топот позади. «Фашистский лазутчик, – подумалось мне, – или их халуй».

Гитлеровские войска оставляли своих шпионов. Немцы старались заполучить самые свежие и самые секретные сведения. А они шли через нас, коннонарочных. Связь была вся взорвана фашистами, дай не передашь по телефону то, что мы перевозили в бандеролях и пакетах.

Отступая, фашисты огрызались. Не хотелось оставлять Кавказ. Тяжелый гул артиллерии доносился из-под Кропоткина до границ нашего края на северо-западе.

Впереди, на дороге, вижу двух вооруженных всадников в красноармейской форме. Может быть, и наши. В то время еще действовали заградительные войска. Они излавливали шпионов и дезертиров.

Но по нашей инструкции не велено останавливаться, тем более в ночное время.

Я придержал коня. Всадник позади тоже приотстал. Зато впереди стоящие поперек дороги развернули лошадей в мою сторону.

- Спасай, Буланчик, – только и успел крикнуть до оглушительных выстрелов из винтовок и направил коня на обочину дороги, что поднималась над проезжей частью в метровую высоту.

Буланный шумно рванулся влево, но глубокий снег подвел: осыпался ему под ноги, и конь, скользая, без малого не упал назад. Теперь понятно, что я в кольце врагов. Еще направил коня по этому же следу, и мы вырвались в редкий лес. Враги стреляли, гнали коней на высокий барьер обочины. Удаляясь, вижу, как все трое вырвались все же из глубокой дороги в лес, и мчатся за мною. Как страшно видеть врагов, несущихся позади по редкому лунному лесу. Деться некуда. Вспомнил заградительный вал глубиной в три метра, что полукругом огибал Ставрополь со стороны Татарки. Он был сооружен фашистами при отступлении на запад. Копали его, по принуждению фашистов, старики, женщины и дети. Кто уклонялся или заболел, тут же расстреливали и сбрасывали в глубокую канаву.

Будь что будет, и пришпорил Буланого.

- Пошел, милый, пошел, родной! Не подведи, Буланчик.

Конь пугается, храпит. Слишком страшное препятствие. Выстрелы раздаются редко. Целятся, сволочи. Деревья спасают от пуль меня и коня. Пули то пролетают мимо, то втыкаются в сочные стволы.

Погоня совсем близка. Конь напрягся. Намерен прыгнуть. Вдохновляю ласковыми словами: «Не робей, Буланчик. Помнишь, как узкие места Гремучки преодолевал, помнишь, из-за высокой изгороди уходил за любимой кобыли-

цей? Наверное, не забыл, как мы с тобою перепрыгивали высокие кусты терновника просто так, для интереса, для тренировки. А сейчас надо для дела. Пошел, родной». И я шевельнул повелительно повод. Конь прыгнул. Он еле-еле зацепился задними ногами за край яра. Земля не подвела. Она скована морозом. Да и чего же ей, матушке, подводить русского мальчишку! Она-то, родная, тоже русская. За валом, внизу, открылось село Татарка. Помчался, что было духу по склону горы вкось, чтобы не круто спускаться.

Прискакал в сельский совет, где горел огонек. Была организована облава. Я же поскакал дальше, в Невинку. Пакет был доставлен к установленному сроку.

Воскресным днем

Возвращаясь из Михайловки на ферму, я пересек железную дорогу и передо мною открылись летние скошенные поля пшеницы. На западе еще издали засилен Русский лес. Его кудрявые вершины тихо покачивались на легком ветру.

Верхом въехал в густой и оживленный солнцем лес. Стройные белоствольные клены и пятнистые ясени качались от самых корней до вершин, как мачты на корабле. С криком пересекла дорогу разноцветная сойка, как бы протестуя против моего въезда. Да что ты, дуреха. Я не обижу. Хочу холодком ехать да лесом любоваться.

Несколько продвинувшись, проехав вглубь по дороге, увидел убитую сойку. Спрыгнул с лошади. Повод накинул на руку. У красивейшей птицы нашего леса виднелись на головке свежие капельки крови. Взял в руки. Сойки подняли крик. Так вот почему протестовала птица.

Осмотрел рану. Убита из рогатки. И на сердце легла грусть. Как можно убивать то, чем живем. И осмелился же какой-то пацан натянуть рогатку и выпустить снаряд в птицу.

Помочь сойке уже нельзя. Я положил ее в рогулину кизила, зашагал дальше. Коня веду в поводу. Тяжко и грустно на душе при таких встречах с лесом. И как же веселится душа, если видишь поющую птичку или несломленные тянущиеся к солнцу нежные цветы.

Из-под самых ног вылетел черный дрозд. Громко защелкал и схоронился в кустах. Затинькали, засвистели синички.

Девочка лет десяти собирала в лукошко малину. Вдруг вскрикнула от восторга и, как бабочка, порхнула в сторону: «Вот они, вот они! Маленькие ежатки», – и, присев на корточки, стала их оглаживать.

Они тут же свернулись, как взрослые, и спрятали свои пороссячьи пятячки-хрюшечки.

Небольшая полянка залита солнцем. Осмотрелся вокруг и никого не увидел, кроме девочки. Как же так, в лесу и одна?

Надо знакомиться.

- Девочка, с кем ты здесь?

- Как с кем? С братом Сашей.

- Где же он?

- А вон в кустах сидит, за птичкой охотится.

Я заметил мальчика в малине под густыми кронами груши. Он привстал и сунул левую руку в карман. Ума много не требуется: спрятал рогатку. Окликнул его, и он подошел ко мне не без опаски, не без тревоги. И я в лоб:

- Зачем убил сойку?

- Не думал попасть.

- Но ведь ты же целился.

- Да.

- Так зачем убил птицу?

- Не знаю.

- Тебя зовут Сашей?

- Да.

- Не жаль сойку?

- Жаль, особенно как я увидел капельки крови у самого клюва.

И опять подкрадываешься, чтобы убить птичку. Видишь, какие смешные ежатки, словно зеленые каштаны в иголочках.

Саша искренне восхитился, увидев крохотных животных. Не каждому дается такое счастье.

- Будешь убивать их из рогатки?

- Да ты что?! Таких крошек,

- Ты сойку убил, а птенчики тоже беспомощные остались. Они теперь где-то рядом с нами ждут мать с раскрытыми клювиками и горько-горько плачут. Есть хотят.

Саша насупился, достал рогатку из кармана, встал на рогульку ногой и разорвал резину, затем разломил руками деревяшку и выбросил.

- Больше ни единой птички не трону. Никогда, никогда.

Девочка, что пальчиками трогала ежат, вскочила и поцеловала братишку. Знать, и ее сердечку нелегко было увидеть убитую птицу.

Я кладу в лукошко девочки домашние абрикосы, достаю еще из своей сумки и угощаю Сашу. И мы разошлись с миром. На душе стало светлее. Я зашагал по узкой тропинке, а Саша с сестрицей продолжали сбор малины.

Вышел на опушку. На скошенном поле у стога соломы серая в яблоках кобылица кормила малыша. Жеребенок в каштановой шубке неловко подталкивал душистое вымя и от удовольствия помахивал хвостиком телочкой пшеничного цвета.

Тут и вовсе посветлело на моей душе, и расцвело мое сердце самыми красными маками.

Хуторские места

Боже мой! Какие благодатные хуторские места... По горе, что тянется вдоль Нижнерусского хутора, по северной стороне с запада на восток холмистый лес. Внизу пруды, пруды и пруды до самого Новомарьевекого лимана.

Все настолько горит яркой зеленью и пахнет весенней, майской свежестью, что вечно шел бы с волшебным посошком да сумой за спиной. Останавливался б, изучал взором окружающее тебя, припадал бы ухом к матушке земле и выслушивал бы все ее радости и печали, ее темные и светлые думы.

Вот черкнул небо сокол с серпообразными крыльями и, проскользнув у самой норки суслика, нехотя поднялся ввысь с пустыми когтями, плотно поджав их под себя.

С верхушки высокого дерева пикой метнулась в кустики малочая красная пустельга и победоносно взлетела с мышью в когтях. Устремилась в лесополосу, что бежит, скачет вдоль хутора, прерывая свой бег на перекрестке дорог.

Преодолев барьер одним прыжком, одним махом, лесополоса вновь бежит, скачет ровнею с бегом моей лошади, прытко забегая вперед на длинные километры.

Остановится напиться у зеркального пруда пресной водицы или в мутных водах каната, что орошает степное Ставрополье, и пошла, и пошла вприпрыжку дальше. Без скачков нельзя, иначе она не преодолеет холмы и взгорки, А ей нужно поспеть в засушливые места на восток, чтобы указать путь воде.

Внизу, на изумрудном пологом берегу пруда, нежатся, греются красавицы гагарки, кряковые утки. Они уже водят за собой цепочки пуховичков, своих птенчиков. Они величаво выплывают из камышей и плывут на середину пруда.

Их мамы то и дело оглядываются на свое потомство. Покрякивают и чему-то поучают, наверное, житейским мудростям.

Мелькнула тень, ястреб бросился на выводок. Уточка-мать такой подняла гвалт на пруду! Опираясь красными лапками о поверхность воды, вся вытянулась и быстро забила хлесткими крыльями. Она так задела ястреба по налитым кровью глазам, что тот в злобе закрутился над водой и больше не посмел по-разбойничьи напасть на утят-пуховичков.

Они, может быть, впервые вышли на прогулку в открытую воду своего родного пруда с мамой. С хорошей мамой всем и всегда хорошо.

А вот на проводах высоковольтной линии ровными рядками сидят иволги. Африканская птица с появлением у нас приносит на своих жарких крыльях лето. Она осматривает участки лесополосы с прицелом: выбрать удобное местечко для продолжения потомства.

Здесь близко вода, густые заросли терновника, барыни, черники, малины и жасмина и много корма. Где вода, там всегда полная жизнь. Разве не свидетельство тому цапля на одной ноге, крик чаек и подпрыгивание над зеркальными прудами мелкой рыбешки и крупной рыбы.

А видели вы когда-либо лес по пояс в воде? Нет? Так поезжайте или сходите воскресным днем на Нижнерусский хутор – и вы увидите это чудо. Там уйма самых различных лесных птиц с деревьев смотрит в воду, как в зеркало, а потом с радостными криками низко летают над водой и схватывают насекомых. Особое мастерство в этом проявляют ласточки; сойка, сорока, а бой-

кие красноплечие сорокопуги могут полакомиться и пескариками, что осмелились повеселиться в заводи и неосторожно выплеснуться наверх.

А вот очень низко над водой вдоль пруда серые гуси на больших крыльях несут красный закат заходящего солнца. Их красные лапы горят еще ярче.

Подожженный закатом лес слегка покачивается и любитесь своим отражением в воде и чистом небе.

К хуторским хатенкам с пастбищ потянулись стада коров, а за ними пастухи с певучими рожками.

Кто жил на селе, когда еще у крестьян имелся скот, тот знает цену профессии пастуха. Перед ним шапку снимали даже самые почтенные селяне. Так было и так должно быть. Душа человека рвется к общению с животными, полями, лесом, прудами и речками, птицами и зверушками. Без всего этого она зачахнет от тоски, а без кормилицы-матушки коровки вымрут с голоду.

Еду по горе с востока на запад, грудь и бока Вороной окрашены солнцем. С северной стороны волнуются пшеничные молодые колосья, с южной сизой дымкой стелется плетущийся горох. Навстречу приближаются три копешки сена под одиноким дубком. В одноконке пасется лошаденка, а человек с бронзовым здоровым загаром без рубахи в брюках и поршнях легко вскидывает косу и делает ею захват пошире. Момент добить деляночку, пока осела прохлада.

Подъехал. Поздоровались. Мужик, опершись на держак косы, спрашивает: Молодец! Далече путь держите?

На Рождественку. Говорят, там можно картошку т хлеб променять. Разведу, а потом на бричке сбегает.

Да, хлебушко есть у них, но за денежки не продают, А на картошку, на соль и лук меняют. Правильна делают. Что деньги? Эти бумажки кусать не будешь

А как вы, хуторяне, проживаете?

Да как тебе, молодец, сказать. Живем хлеб жуем. Всем трудно в войну. Но мы на хуторах скотом спасаемся. Поглянь вниз, какие огромные стада коров у нас Овчонки тоже есть, коз держим. Вон, вишь, рога бестии под гору несутся, бекекекают. И каждая тож молочко несет да не простое, а золотое. Я не шучу. Мы козьим молоком больных чахоткой лечим, и от други болезней.

Лошадки у нас почти в каждом дворе. Без них ш как нельзя в крестьянстве. Вот видите, моя Касютка пасется. Сейчас навьючу возок и айда под горку, и завтра так же.

Позвольте спросить: не запрещают ли вам столько скота иметь? У нас в Михайловке больше одной коровы не дают держать.

Мы тоже боимся райфо, их налоговых инспекторов. А что поделаешь, сынок, не будет скота – с голоду подохнем. Колхоз ничего не дает на трудодни.

А как мне проехать на Рождественку?

Вон видишь, церквушка синее, на нее и поний по тропке, как едешь.

Я простился с хуторянином, приподнял кепчонку, слегка поклонился ему и тронул Вороную. Теперь у меня был ориентир – церковь и кресты, что плескались кровавом закате.

Добрый офицер

В маленькой тесной хатенке с тощими каменными стенами донимали холода. Нас было четверо мальчишек. Забирались на русскую печь, укрывались лохмотьями, жались друг к другу, но и это не спасало от холода.

А метель все бушевала. Морозы набирали силу. Январь был злющим.

Мама не однажды говорила летом, что Егорушка, старший брат сел на ноги. Надежда на тебя. В твоих руках лошади. Вот бы и заготовил дровишек по сухой погоде.

Но где там о себе думать было. Красной Армии добрые кони нужны, вот и провел лето на заготовке кормов для колхозного табуна.

Мать иногда ходила на станцию за углем, туго обвязав голову полотенцем поверх шали. Она собирала его там по маленькому кусочку, которые при сильных толчках во время маневров ссыпались с платформы на междупутья и даже под колеса вагонов.

Однажды без малого не задавило маму поездом. Паровоз уже дал сигнал отправления, а мама не могла быстро выскочить из-под вагона, зацепилась фуфайкой за болт. По этой причине она не брала нас в помощь на станцию.

То хоть сама погибну, а то и дитя за собой поволоку, – говорила мама.

На своем совете, совете мальчишек, мы решили, сидя на русской печке, добывать топливо сами. Лишь бы сохранить маму от гибели под колесами.

Мы с братом Борисом собрались по дрова. Надели фуфайки, ветхие штанишки, шапки-капелюхи, подпоясались ремнями. За пазуху я сунул маленький топорик.

Мама отговаривала идти в лес по такой погоде. Причитала:

- Боже мой! Да куда же ты, Боря, собрался? Ноги-то негожи.

Но делать было нечего. Надо идти добывать топливо. В доме ни былинки. Даже принесенный мамой уголь нечем разжечь. Небольшой сарайчик давно разломали и сожгли. Дерево кульги тоже сожгли. Как же я горько плакал, когда рубил его ненавистным топором!

Мы только что вышли в сени, где стояла голодная корова, и я тут же услышал скорбные слова мамы.

- Матерь Божья, храни моих деток, прояви к ним милость. Не суди меня, что отправила их в непогодь. Не смею остановить. Без топлива погибаем. Услышь мое проклятие Гитлеру.

Идти пришлось на ветер. За плотном железной дороги метель и вовсе взбесилась: рвет, воев, валит с ног. Теперь нельзя было понять, откуда дует ветер. Мы падали, вставали и опять шли в сторону Русского леса.

Остановившись, обнимались, соединялись лбами шапок и так, понемногу опираясь, делали маленькую передышку и снова шли вперед. Возврата нам нет.

Добравшись к лесу, остановились, прислушались. Не идет ли где рубка, чтобы заполучить вязанку хвороста и в обратный путь. Но нигде ничего не слышно, если не брать во внимание визг злой метели да зловещего завывания волков.

Мы никогда не рубили хорошие деревья, а ходили, искали валежник или брошенные лесорубами верхушки деревьев.

Уже исходили по лесу более трех километров. Но нигде ничего подходящего.

Добрели до городища. Михайловцы знают, что это места бывших турецких поселений. Там начинается пещера, что выходит в Татарке.

Старший брат совсем устал, валится с ног. Пытаемся присесть на какой-либо пенек или на бревно когда-то упавшего дерева. Решили передохнуть. Низкий вход в пещеру не забит снегом. Мы, как медвежата, на четвереньках пробрались под нависшей скалой в пещеру. Осмотрелись. Выпрямились. Сделали несколько шагов вглубь и удивились чуду, которого не ожидали. У боковой стены стоял крепко срубленный длинный дубовый стол. На нем лежало сено, косые, встав на задние лапы и опершись передними о стол, быстро работали рассеченными тугими губами. При виде нас ни один из них даже не вздрогнул.

Они, наверное, понимали, коль человек позаботился о них, то и не должны обидеть.

Борис уже не мог стоять на больных ногах, и мы двинулись к столу. Длинноухие врассыпную, и все выскочили в лес.

Присели на мягкое сухое сено. Я покрепче зажал в руке топорик, чтобы в любую минуту можно было отбиться от волка.

Не успели передохнуть, как в проемине пещеры показалась волчья морда, осторожно обнюхивающая воздух.

Пошел вон, серый! – крикнул я, а Борис так засвистел в четыре пальца, что у меня заложило уши, как от выстрела.

Зверь принял оборонительную позу, затем метнулся в сторону и исчез в кустарнике.

Много еще пришлось ходить по лесу в поисках дров. Сквозь гул метели, что стоял над вершинами деревьев, слышали, как на морозе заливалась в своем заунывном пении стальная пила. Двинулись на тонкий голос пилы. И что же? Перед нами жарко работали колхозный кладовщик Смердик и его жена Нюся. Ох и злющая баба! Она каждого могла облить ядом своего языка – от старого до малого.

Если похорошки приходили на парней, добровольно ушедших на фронт, то ее язык и тут не мог повернуться без злорадства.

А кто их гнал на войну? Сидели б себе дома у матери да посиживали.

Мы присели за густыми заснеженными кустами, чтобы не заметили Смердики.

Ух! Какая рухнула береза! А Смердики набросились на нее, как лютые волки на кроткую овцу.

Зазвенели топоры, вновь завизжала пила. Смердиха поторапливала Смердика, озираясь по сторонам.

Неразлучные супруги загрузили ящик брочки двухметровыми бревешками, закрыли сеном, уселись на дрова и рысью понеслись в гору. Только и слышно было, как Смердик вспарывал воздух кнутом и хлестал по лошадиным спинам.

Мы хорошо знали Русский лес и эту березу. По весне не однажды взбирались на ее верхушку и с высоты любовались еще не одетым лесом, зеленоющей Симоновой горой и разбросанными у подножия хатенками под камышом. Если знаешь дерево, то его гибель переношишь с глубокой болью. Словно из твоей жизни выбыл самый близкий, самый дорогой человек. Это было не просто дерево, а березка – символ любви и благополучия. И ее, березку, загубили Смердики. Лишили красавицу жизни, лишили людей возможности любоваться ею.

На свежесрезанном пеньке застыли капельки сока. Они напоминали чистые детские слезы. Мы собрали отростки и туго затянули их ремнями. Вскинули вязанки на плечи и двинулись в обратный путь.

Выбравшись из леса, остановились передохнуть. Мне подумалось вслух:

По-хорошему можно бы попроситься к Смердикам. Да не взяли б все равно.

А может быть и подвели б. Иди теперь на восточный ветер, трогаясь за больное колено, вымолвил Борис.

Вряд ли. Мне вспомнилось, как Нюрка продавала свои пирожки на вокзале и подошедшей к ней девочке лет пяти с протянутой ручонкой даже не отщипнула крошку. Хотя пирожки дымились в двух кошелках. Она даже съязвила тогда:

-Понаехали тут разные беженцы. Сидели б дома на своей Украине.

Мы поставили вязанки на попа, подставили спины, наклонились. Другие концы приподнялись, и мы, крепко уцепившись руками за ремни, пошли с тяжелым грузом, с огромными усилиями осваивая каждый десяток метров бездорожья.

Предстоял длинный путь, путь в пять километров, а зимний день на исходе. Благо, что метель стала стихать, и на западе показалось красное холодное солнце в короне. «К морозу», – говаривал дед Серега.

Добрались до большака. Решили передохнуть. Откуда ни возьмись, позади нас появились Смердики. Как же так? Уж более часа, как они рысью понеслись в гору. Кони добрые, брочка тоже. Оказывается, они застряли, пересекая лесную речушку. И там потеряли время.

Я насупил. Не хочу просить у них помощи. Брат вовсе стал и говорит:

Спытки не убытки, а спрос не беда.

Как только приблизились разгоряченные гнедые, мы стали кричать, размахивать руками. Но Смердики и не думают осадить лошадей. Решили прицепиться сзади и устроиться на дрыгале. Дрыгаль – это крепкая часть хода толщиной в литровую банку, которая выходит позади ящика брочки на 70-80 сантиметров.

Устройство на дрыгале было бы не весьма удобным. Всю дорогу пришлось бы одной рукой держаться за борт брочки, второй – за вязанки. Но мы так уже не однажды действовали. Хотя немела рука, за которой по снегу бежала, тащилась, скользила вязанка, но быстро добирались в село.

И вот мы метнулись за возом. Я уже вскочил на дрыгаль и подаю руку брату. Но мое лицо словно обожгло железом. И я кубарем покатился за брочкой: это угостила меня Смердиха кнутом. Она выхватила его у мужа и резко хлестнула меня по щеке.

Смердик зло крикнул:

- Бей их, Нюрка. Это Кирюхины. Дети врага народа.

Подбежал Борис. Помог мне встать. Я схватился за лицо ладонью. От глаза через всю щеку вздулся синеватый рубец. Хорошо, что кожа просечена. Меньше гноиться будет. Борис обнял меня, горько-горько по-детски заплакал и, не сказав ни слова, скрипнул зубами.

Немного успокоившись, выдавил:

- Вот, Егорка, как ненавидят нас за отца. Мстят нам. А ведь отец наш не враг народа. Брат взвалил вязанку дров на худые плечи, помог мне поднять ношу, и мы пошли по направлению Михайловки.

Мне совсем стало невмоготу. Одной рукой держал на спине дрова, другой защищал рану от жгучего морозного ветра.

Мы ушлышали позади гул и гиканье. Боже мой! Как мы всегда ждали, чтобы хоть кто-то подвез, чтоб кто-то появился на горизонте или вырвался из метели на конях. Это хорошо знают все дети военных лет, кому пришлось таскать на плечах вязанки дров и соломы.

Из-за пригорка показались серые военкоматские лошади. Человек в солдатской шинели потянул вожжи. Приятно заскрипели полозья, и сани остановились.

Мужчина лет тридцати живо спрыгнул на снег. Взял братову вязанку и скинул ее на воз с дровами. Метнулся ко мне и ахнул.

- Да что же это такое?! Кто же тебя, сынок. Не лесник ли?

- Нет, – говорю. – Смердиха кнутом огрела.

- За какую провинность? – спрашивает военный.

- Тяжело нести на спине дрова. Мы попросились подвезти с ними, но Смердик даже отвернулся и хлестнул лошадей. Они еще веселее пошли. Мы кинулись, чтоб прицепиться сзади брочки. А Смердиха выхватила кнут у Смердика и угостила меня им.

Военный скинул и мою вязанку на сани, помог нам взобраться. Затем достал из полевой сумки йод, бинт, вату и перевязал мне щеку.

Я был так тронут, что слезы бежали сами. Военный привлек меня под крыло шинели и пустил лошадей полной рысью.

- Мы, сынок, вместе с твоим батькой в колхозе работали. Колхозы богатые стали, да тут война.

- Дяденька, а чьи вы будете? – несмело спросил я.

- Климов Петр Васильевич, лейтенант Советской Армии. Был на фронте. Ранен. Теперь в военкомате работаю.

На развилке у конца леса, где теперь расположено кафе “Лесок”, стали обгонять Смердиков.

У Смердика зло сверкнули синие глаза, а Смердиха в комок сжалась, увидев на моем лице окровавленную повязку. Рассеченная щека сочилась кровью.

Дядя Петр высоко взмахнул кнутом.

- Попробуй, попробуй только, – завизжали Смердики наперебой, закрывая лица ладонями. Они знали, что фронтовики иногда жестко спрашивали за обиду детей и женщин.

- Мы сразу в часть напишем, комиссару заявим!

Петр Васильевич при обгоне еще взмахнул кнутом высоко над головой, и наши сани обошли скрипучую бричку.

Мне так и не довелось узнать, то ли фронтовик хотел огреть кнутом разок-два Смердиков, то ли поторопил лошадей, чтобы быстрее обогнать этих нехороших людей...

БАЙДЕРИН Виктор Александрович
(1916, Челябинск – 1979, х. Садовый
Ставропольского края)

ставропольский писатель, журналист
Автор более двадцати прозаических книг для детей дошкольного, школьного возраста и юношества: «Клад под старой липой» (1975), «Удар на себя» (1977), «Инспектор милиции» (1980), «Ночной патруль» (1983), «Родимое пятнышко» (1986), «Моя беспокойная профессия».

Журналист Виктор Александрович Байдерин больше сорока лет был газетным корреспондентом, работал сначала в местных газетах на Урале и в Душанбе, затем более двадцати лет собственным корреспондентом «Известий» в Таджикистане, Казахстане, на средней Волге и Ставрополье.

Но вначале была школа ФЗУ в родном Челябинске, где он родился 18 марта 1916 года, работа турбинистом на Челябинской ГРЭС, откуда как активный рабкор он был выдвинут на работу в редакцию областной газеты «Челябинский рабочий». Там он увлёкся литературным творчеством, писал и публиковал газетные очерки и рассказы. С большой наблюдательностью, а порой и с юмором автор рассказывал о незабываемых встречах со многими людьми, о необыкновенных человеческих судьбах, нашедших отражение в газетных строках.

В годы Великой Отечественной войны Виктор Александрович вступил в ряды КПСС.

После войны переехал на постоянное место жительства в Ставропольский край. Поселился в маленьком хуторе Садовом под Ставрополем и продолжал писать. Все его книги адресованы детям и юношеству, так как сам он очень любил юность и стремился узнать всё и обо всём. В своих книгах писатель Виктор Александрович Байдерин говорил с детьми «на равных», без малейшего нравоучения, просто, как собеседник, располагающий по какому-то вопросу более точной и достоверной информацией.

Во всех своих книгах Байдерин уделял большое внимание личности человека, его жизненной позиции. Герои его книг – люди самые обыкновенные,

порою ошибающиеся, простые и скромные, но без колебаний выполняющие свои служебные обязанности, свой долг перед обществом.

В 1954 году был принят в Союз писателей СССР. Один из последних рассказов писателя В. Байдерина «Тревожные дни в Садовом».

Умер Виктор Александрович Байдерин в 1979 году.

Лёська **Первый день**

В эту ночь в лесу произошло чудо. То самое чудо, что случается каждую весну. И будет удивлять людей всегда, пока шумят на земле леса, сверкает по утрам роса и светит в небе солнце.

Родился лосёнок!

Он лежал маленький, мокрый и слабый, подогнув непомерно длинные ноги. Ему было трудно даже открыть глаза, и он только чувствовал на себе долгое и нежное прикосновение материнского языка.

В пепельно-голубом сиянии луны, как заворожённые, стояли кусты, темнели стволы деревьев, и высоко, в кружеве длинных сосновых иголок, тихо переливались светлые звёзды. Всё вокруг спало. И, убаюканный ласками матери, лосёнок тоже уснул.

Но лосиха заснуть не могла. Она напряжённо слушала обманчивую тишину леса. Порою лосиха порывалась встать, но опять замирала на месте. Чуткие подвижные уши выдавали её волнение, было слышно, как кто-то ходил поблизости.

<...>

Лес просыпался, звенел птичьими голосами.

<...>

Лосёнок радостно встречал первое в своей жизни весеннее утро. Он с жадностью, захлебываясь, пил материнское молоко, жмурился от яркого света и, наверное, удивлялся: откуда взялось столько пчёл, шмелей и бабочек?

Вдруг лосиха встала на ноги. Она обернулась к лосёнку: «Лежи тихо!» – и широким шагом ушла в заросли. Качнулась ветка, и – всё...

Резкий гром хлестнул лосёнку в уши.

<...>

Чувство одиночества, голод мучили лосёнка, наконец, он услышал неподалёку чьи-то шаги и, пошатываясь, встал на ноги.

Так лосёнок впервые увидел людей.

<...>

Лосёнок замер. Но люди заметили его и радостно закричали:

– Смотрите, лосёнок, смотрите!

Что же теперь делать? Слабые ноги подогнулись сами собой, и лосёнок упал в траву.

Его окружили, стали рассматривать.

– Заберём домой малыша. Пусть живёт у нас! – говорили люди.
-Давайте лучше подождём. Вдруг придёт лосиха и уведёт его с собой.
Спрятавшись в зарослях, люди ждали до темноты. Но лосиха так и не пришла.
– Надо позвонить в заповедник, – предложил кто-то.
– Ну-ка, Павлуха, ты быстро бегаешь. Жми домой через огороды. А мы тут пробудем.
Так лосёнок попал к людям.
<...>

Среди людей

Утром солнце ярким светом залило дощатый забор, заросли крапивы вокруг старого бревна, белые ромашки в траве.

Лосёнок только что проснулся и первое, что он захотел, – есть. Где-то рядом замычала корова, громким лаем залилась собака. Пётр Михайлович вышел во двор, шагнул к загончику, отварила дверь.

– Пожалуйте завтракать! – шутливо сказал он.
Ребята, собравшиеся за забором, заулыбались.
– Кстати, как нам тебя назвать?
– Найдёныш! – крикнули ребята.
– Найдёныш – мужского рода, – усмехнулся директор. – А наша гостья-лосиха!

– Лосиха... Лоська... Назовите Лёской, – зашумели ребята.

– Ну Лёська так Лёська. Иди завтракать, Лёська!

В руках директора появилась бутылка с молочной смесью из молока, рыбьего жира, куриных яиц. На горлышко бутылки была натянута соска. Но Лёська не шевельнулась.

– Э, да тебя упрашивать надо, – засмеялся Пётр Михайлович.

- Ну, будь послушной!

Почуввав вкусный запах, Лёська схватила соску и стала пить.

<...>

И вот первые шаги по траве. Лёська стоит в замешательстве и оглядывает себя с таким видом, словно хочет сказать: «Зачем мне такие длинные ноги!»

Она тянется за мягкой сочной травинкой и вдруг падает на колени. Ох уж эти длинные ноги и короткая шея!

А что это за муха кружится над цветком? Лёська встаёт и опять чуть не падает: почему то подкосилась задняя нога.

Как нелегки первые шаги! Но Лёську интересует всё. И если бы она могла говорить, то задала бы, вероятно, множество вопросов.

<...>

В грозу

Лёська подрастала. Часто просила есть. Больше всего любила она молоко и лишь изредка пыталась жевать молодые листочки и нежную траву.

<...>

Однажды ночью случилась гроза. Ослепительно сверкала молния, раздавались треск и грохот. Лёська вскакивала и испуганно металась по загону.

Потом по крыше навеса забарабанило, зашумело, и сквозь щели хлынула вода.

<...>

Лёська вовсе не испугалась дождя! Она подставляла мордочку под потоки воды и весело взбрыкивала задними ногами. Время от времени она принималась радостно носиться по всему загону. И лишь при раскате грома замирала на миг, испуганно прижав уши.

<...>

Расставание

Уже давно в заповеднике стали подумывать о том, что делать с Лёской дальше. Сначала хотели выпустить в лес. Но лосиха может уйти за границу заповедника, а в лесу могут встретиться браконьеры. Ведь Лёська такая доверчивая – сама пойдёт к охотнику.

В зоопарк Лёську отдавать не хотелось – скучно ей будет в неволе.

И вот однажды к директору заповедника пришло письмо. В нём говорилось, что учёные создают под Костромой ферму для изучения лосей.

<...>

В заповеднике решили, что ферма – лучшее место для Лёски.

Поздняя осень. Анна Петровна идёт в парк.

Лёська, Лёшенька!

Из кустов появляется красивая молодая лосиха.

Ноги и бока её забрызганы водой.

– Опять у воды играла?

Женщина обнимает лосиху за шею.

– Эх, Лёська! Не знаешь ты, что скоро расставание...

Анна Петровна задумчиво идёт по осеннему парку, а за ней, словно тень, бесшумно шагает Лёська – крупная стройная лосиха, выросшая среди людей.

Живая игрушка

Когда Грише исполнилось восемь лет, ему подарили живую белку. Рыженькая, с коротенькими лапками и пушистым хвостом, она очень понравилась мальчику. Одно было плохо: целыми днями белка сидела в углу клетки почти неподвижно.

– Мама, почему она не скачет? Она болеет? – беспокоился Гриша.

– Негде её скакать. Уж очень клетка маленькая. Вот подожди, папа обещал принести новую клетку – большую, просторную.

И вскоре такая клетка появилась. Она заняла весь угол комнаты, почти до потолка. Внутри была установлена большая ветка сухого дерева, а в верхнем углу клетки подвешен деревянный домик, похожий на скворечник.

Белка обрадовалась своему новому жилью. Она проворно запрыгала по сучьям дерева, по металлической сетке, а так же по стенам и крыше домика. Несколько раз она заглянула в дырку, которая заменяла домику одно и двери. В домике было темно, но это белку не пугало.

<...>

Вскоре Грише надоело наблюдать белку в клетке. Он попросил маму, чтоб она разрешила выпустить белочку погулять по комнатам.

– Что ты Гриша? – воскликнула мать. – А вдруг будет открыта дверь на балкон? Рядом с балконом стоит раскидистый дуб.

Но Гриша всё же уговорил маму. Были плотно закрыты двери на балкон, форточки на окнах.

Белку выпустили. Боялись, что в незнакомой обстановке она начнёт испуганно метаться.

Но белка почувствовала себя в комнатах так, будто и прежде здесь жила, а вот теперь вернулась и решила проверить – всё ли тут стоит на своих местах. Неторопливо, пощёлкивая коготками по паркету, она попрыгала в одной комнате, в другой, в третьей. Всё обнюхала, всюду сунула свою любопытную мордочку.

<...>

Гриша наблюдал за ней. Он подходил к белке близко, и она его не пугалась. А когда Гриша сунул руку в карман брюк, оставив большой палец снаружи, белочка стремительно взлетела по штанине к самому пальцу и обнюхала его. Гриша от неожиданности выдернул руку из кармана, а это испугало белку. Она резко оттолкнулась от Гришиной ноги и прыгнула на стол. Хвостом столкнула на пол чайную чашку. Чашка со звоном разбилась. Звон этот словно подстегнул белку. Она прыгнула на подоконник, опрокинув один из маминих кактусов. Мама крикнула, взмахнула руками.

От этого белка будто взбесилась. Она стала носиться из комнаты в комнату. Легко взбиралась вверх по тюлевым шторам, по занавескам на кухне, прыгала на телевизор, на книжный шкаф, на кровати.

Гриша испугался за белочку. Он стал её ловить. Но где там! Белочка перелетела через Гришу, как на крыльях, она скрывалась под кроватью, то появлялась на крыше платяного шкафа. Потом убежала на кухню, оттуда юркнула в прихожую и тут вдруг исчезла.

<...>

Лишь поздно вечером, разбирая постель, мама вдруг закричала испуганным голосом:

– А- а- а!..

Папа прибежал в спальню. Сюда же примчался и Гриша. Он увидел маму с подушкой в руках. А на постели, где только что лежала подушка, была дырка. Белка прогрызла шёлковое покрывало.

Когда папа и Гриша прибежали в спальню, испуганная белка спрыгнула на пол и стремглав умчалась в свою клетку.

Папа усмехался и всё время говорил:

– Да-а, погуляла белочка...

А мама сокрушённо вздыхала:

– Шёлковое покрывало... Новехонькое шёлковое покрывало...

Белочка, казалось, и сама поняла, что натворила в доме много бед. Она весь следующий день тихо сидела в своём домике.<...>

На следующее утро приветливее всех встретила белочку Гришина мама. Она уже заштопала покрывало, поставила на место кактус, которому от падения с окна ничего не сделалось и забыла о разбитой чашке.

– Здравствуй, проказница!– весело приветствовала белочку мама.– Наголодалась, бедняжка? Вылезай. Вот тебе молоко, вот печенье.

Белка словно поняла, что гроза миновала, и ей за вчерашние шалости не попадёт. Она выскочила из домика, опустилась по стволу дерева, начала лакать молоко и грызть печенье.

<...> Теперь она спокойно разгуливала по комнатам, могла часами висеть вниз головой на настенном ковре, научилась взбираться Грише на плечо и принимала из его рук угощения – орехи, сухари, леденцы.

И всё-таки однажды балконную дверь оставили открытой и белочка удрала. Об этом в доме догадались, когда с улицы послышались голоса мальчишек:

– Белка! Смотрите, белка на дереве. Вон она, вот, вот...

Рыжая белка изредка мелькала в зелёной листве дуба. Её там видели до вечера.

А утром на дубе её уже не было.<...>

Гриша часто горевал, вспоминая белку. А мать утешала:

– Не бойся, не пропадёт белка. Ей на воле лучше, чем в твоей клетке.

БАЙРАМУКОВА Халимат Башчиевна
(1917 а. Хурзук – 1996, Черкесск)

поэт, прозаик, драматург

Халимат Башчиевна Кубанова (псевдоним – Байрамукова Халимат) – автор 14 поэтических сборников, четырёх романов, пяти повестей и многих рассказов, четырёх публицистических книг, либретто первой национальной оперы «Последний изгнанник», а также первой карачаевской музыкальной комедии «Бесфамильная невеста»... Её произведения печатались на пятидесяти языках мира.

*... Я мужеству у
Родины учусь.
Чтоб здесь у нас и в
мире целом
Был каждый шаг мой
добрым делом.*

*...
Я щедрости у Родины
учусь.
Хочу быть сильной и
красивой!
Как родина моя -
Россия,
Хочу друзей по-
дружески встречать.
Хочу быть искренней
и милой,
Чтоб вся земля меня
любила,
Чтоб на любовь
любовью отвечать!..*

*Халимат Байрамукова
«У Родины учусь»*

Халимат Башчиевна Байрамукова – классик многонациональной литературы Карачаево-Черкесии, непревзойденный мастер слова. Достоинно пройдя тяжелый жизненный и творческий путь, она всегда оставалась благородной и честной, перед временем и своим народом. Все написанное Халимат Башчиевны – яркое проявление её активной жизненной позиции, способности, как писала сама поэтесса, «соединить в себе сотни тысяч «Я». Высокую оценку творчеству Халимат Башчиевны Байрамуковой, чье имя стало визитной карточкой Карачаево-Черкесии, дали в свое время Расул Гамзатов, Раиса Ахматова, Фазу Алиева, Кайсын Кулиев и многие другие корифеи российской литературы.

Халимат Башчиевна Байрамукова родилась 15 августа 1917 года в горном ауле Хурзук Карачаево-Черкесской республики. После окончания Хурзукской школы Х. Байрамукова поступила в Микоян-Шахарскую фельдшерско-акушерскую школу. С 1935 года стала работать литературным сотрудником в областной газете «Къызыл Къарачай». В 1936 году на страницах областной газеты было опубликовано ее первое стихотворение. В 1939 году Халимат Байрамукова была принята в Союз советских писателей. Эта дата и определяет начало ее творческой самостоятельности.

В период войны служила медсестрой, являлась секретарем комсомольской организации: «...молодость я запахла шинелью / И плотно шинель застегну-

ла». Во время войны она также пишет стихи, рассказы, очерки, в которых воспекает мужество и героизм советских людей, непобедимость великого многонационального советского народа, борющегося за свободу и Родину.

После войны работала ответственным секретарём областной газеты, первым консультантом Карачаевской писательской организации, главным редактором Карачаево-Черкесского книжного издательства, в течение 10-ти лет возглавляла писательскую организацию Карачаево-Черкесии. В 1964 году окончила Литературный институт им. Горького, а впоследствии Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР.

Умерла Халимат Башчиевна Байрамукова 8 ноября 1996 года в Черкесске.

«Моя жизнь» – так называется последняя книга писательницы, вышедшая в год её смерти – 1996 году. Это автобиографическая книга, плод жизненных наблюдений и размышлений, которая даёт глубокое представление о среде, в которой она росла и выросла. Литературные заслуги народного поэта Карачаево-Черкесии Халимат Байрамуковой были отмечены правительственными наградами-орденами: «Знак почета», «Дружба народов»; Юбилейной медалью «За доблестный труд». Её имя носит Национальная библиотека Карачаево-Черкесской республики, она почетная гражданка г. Велинграда.

Обращение к горам кавказским

- Мои родные Кабхские горы! Кажется, так вас величали в старину? Я хочу писать о горах, о горцах, хочу оглянуться и увидеть то, что есть. Расскажите, горы, ведь лучше вас никто не знает прошлого. Эльбрус, почему ты весь поседел, может, ты пережил какое-то горе?

-В давние времена я был молод, силен, доставал своим языком синее небо, потом...

-Говорят, случилось страшное наводнение, говорят, что все горы покрыло водой, и какой-то пророк плыл на лодке, плыл и над нашей головой, и когда его лодка задела вас, то образовалась выемка – и стало у вас две головы. Так ли это?

-Если у меня от этого две головы, то, я думаю, после такого удара у пророка не осталось бы единственной головы. Не помню я такого случая.

-Я бы хотела узнать много, очень много о жизни моего народа, я читаю об этом книги, но вы, живые свидетели, можете лучше рассказать о нем. Прощу вас.

-Это трудно очень – рассказать сразу все. Столько прошло лет... Родила нас Земля-матушка, которая была до нас ровной, без морщин, без трещин, одним словом, – молодая. Я хорошо помню ее рассказы. Эти, – кинув Эльбрус в сторону гор-малышей, – может, и не помнят. Матушка рассказала, что когда-то, давно-давно, была она цветущей. На земле жили тогда люди такие же исполины, как и мы. Называли их нартами. Сильные, мужественные люди бывают доверчивыми. Нарты были такими. Они охотились, весе-

лились, любили, верили и никогда не обижали друг на друга, но есть люди, с которыми никто не заводит дружбу и которые не могут смотреть равнодушно на чужую дружбу, – у них в душе живет зло, ненависть и зависть, оттого они и несчастливы. Так вот, матушка рассказала, что таким олицетворением зла и ненависти был некто Самоэль – коварный и кровожадный. Он изготовил зелье из костного мозга старого козла, из печени бешеного кабана и змеиного яда. Он напоил им добрых нартов, и пошло все кувырком: они стали злобными, как змеи, ревнивыми, как козлы, и бешеными, как кабаны. Вождь нартов, старик, воспылил страстью к возлюбленной своего сына – Машуке, потому что он первым вкусил снадобья. Машука же беззаветно любила своего жениха, единственного сына вождя нартов.

Вождь решил во что бы то ни стало избавиться от сына, сделать Машуку своей женой. Он отправил сына на охоту, а сам отправился к красавице, но та убежала от него прочь, уронив нечаянно кольцо – подарок своего возлюбленного.

Старик поднял кольцо, поцеловал его, потому, что оно касалось пальца красавицы, но тут же забросил, потому, что оно подарено ей его сыном – ненавистным соперником.

Сын, возвратившись с охоты, увидел кольцо, понял, что случилось неладное, и примчался домой.

И вот началась битва между нартами: одна стена богатырей за сына, другая – за вождя-отца. Бьются сын с отцом: молодость с опытом, любовь – с ревностью, добро – со злом. И полетела голова сына от удара отца, некогда гладившего эту кудрявую голову, но и для отца последний удар сына был смертельным. Умер и он, окаменев...

- Ну, а Машука? – спросила я Эльбрус с нетерпением.

Он помрачнел. Потом снова начал:

- Гибель любимого стала гибелью и для нее. Помчалась Машука к окровавленному телу своего богатыря, но разорвалось ее сердце – не добежала.

А в это время нарты продолжали ужаснейшую битву – под ногами качалась земля, их тела бились друг о друга, как горы. Но силы были равные, и потому к восходу следующего дня все нарты замертво лежали на земле, погубив друг друга. С этого дня на равнинах Кавказа не осталось ни одного нарта, но появились горы. Там, где упало кольцо Машуки, образовалась Кольцо-гора; на месте, где упал шлем с головы возлюбленного Машуки, – гора Железная. Изрубленный отцом на пять частей сын – пятиглавая Беш-Тау, а не добежавшая до возлюбленного девушка превратилась в гору Машук. Бесчисленные нарты, бившиеся друг с другом, тоже стали горами – большими и малыми.

Виновник этого бедствия, ты, наверное, уже догадалась, главный нарт, назван Эльбрусом, по-карачаевски Минги-Тау – Главная гора. Ты знаешь, что он вечно в снежной шубе, что он вечно мерзнет, – ведь у сделавшего кому-то, тем

более родному сыну, зло не может быть тепла в сердце. Не может быть и покоя. Оттого порой ты видишь надо мной вьюги, метели, но это, пойми, не от силы, а от бессилия перед своей жестокостью – разве не становится страшно. Когда от приближения к тебе людям не становится теплее, а наоборот.

Я смотрю со своей высоты на сына, на Машуку, на всех напрасно погубленных. Сколько прекрасных дел они могли бы совершить сейчас! Во мне текут невидимые слезы раскаяния, они тут же замерзают, и им не дано быть горячими, чтобы воскресить мною погубленных, потому что я совершил великое преступление. Зато Машука живет и нынче – ее горячие слезы превратились в целебные источники для людей.

Мои холодные слезы не могут воскресить окаменевших нартов, помочь людям. Пусть это делают теперь сами люди, – закончил Эльбрус.

«Пусть это делают теперь сами люди!»

И... пришли сюда люди.

* * *

Мой Бог
Ни слева
И не справа.
Ни на земле,
Ни в вышине,
А Бог единственный мой –
Правда –
Живет в безбожище –
Во мне.
И в десятитысячное утро –
Его совет,
Его ответ,
И как ему служить не трудно
Во мне отступничества нет.

* * *

Нет, никогда не уходят годы
В Лету,
В темные воды.
Время...
Сегодня – мне овладеть им.
Завтра – моим же детям.

Нет, никуда не уходят годы,
Переселяются годы...
Время проспав,

Не успев овладеть им,
Ты не ревнуй его к детям.

* * *

Иду, напевая, иду налегке...
Светло от берез и осин...
Земля, как танцор на одной ноге,
Кружит на своей оси.

На пятки векам наступает год.
Мнится: еще только шаг
И люди, сплетутся в один хоровод,
Земной опоясав шар.

Я трогаю небо, кричу земле:
Скажи, тебе сколько лет?
Смеется, смеется земля в ответ-
Ответ у нее готов:
Смеется земля:
Восемнадцать лет!
Без двадцати веков!

* * *

Бывают дни,
Когда как летний ливень,
На сердце хлынет яркий свет,
И кажется,
Что нет меня счастливей,
Что горя в мире не было и нет!
И с радостью безумной, торопливой
Всем людям я бы
Счастье раздала:
Как может быть один
Вполне счастливым, когда другой идет дорогой зла?

БЕЛИКОВ Герман Алексеевич
(род. 1933, Ставрополь)

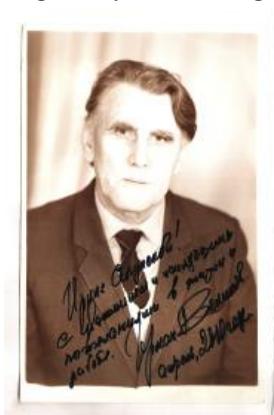
историк, учёный-краевед, писатель

Автор более двадцати книг: «Время и связь: Взгляд на историю развития связи Ставрополя» (2002), «Град Креста», (2005), «Дорога из минувшего: (занимательные страницы истории г. Ставрополя)» (1991), «Занимательное путешествие» (1973), «Кавказская Эллада – Ставрополь» (2005), «Несущие свет» (1997), «Облик старого Ставрополя: исторические очерки» в 2-х кн.(2007), Аптека Байгера (2007), и мн. др.; сотни статей в краевых газетах, посвященных географии и истории края.

Почётный гражданин Ставрополя, старший научный сотрудник Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, член Союза писателей России.

Почётный гражданин Ставрополя, старший научный сотрудник Ставропольского государственного музея-заповедника им. Г.Н. Прозрителева и Г.К. Праве, член Союза писателей России.

Герман Беликов коренной ставрополец, родился 10 февраля 1933 года. Его род по отцу уходит корнями в середину XIX века. Предки Беликова поселились в Ставрополе на новом Форштадте. От них будущий краевед с раннего детства слушал рассказы о жизни и быте ставропольцев в старые времена. От отца, Алексея Максимовича, известного учителя истории, Герману досталось увлечение краеведением. Отец прошел Гражданскую в рядах Конармии Буденного. И хотя советская власть не слишком пестовала любовь к малой родине и ревностно относилась ко всему, что происходило до 1917 года, Беликов-старший, учитель истории, не побоялся на

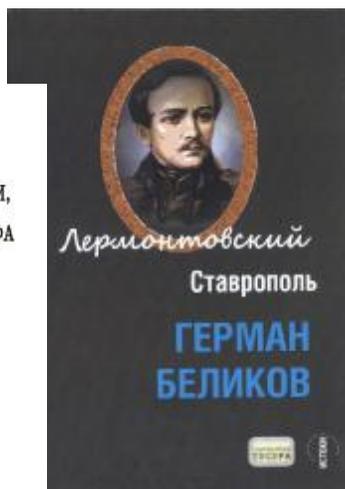

ГЕРМАН БЕЛИКОВ

**БЕЗУМИЕ ВО ИМЯ УТОПИИ,
ИЛИ
СТАВРОПОЛЬСКАЯ ГОЛГОФА
•
ОККУПАЦИЯ**

Издание второе,
исправленное и дополненное

Ставрополь
2009

обложке школьного самописного следопытского журнала поместить изображение разрушенных после революции Тифлиских ворот. Наверно, не предполагал Алексей Максимович, что встанут из небытия и эти ворота, и величественный Казанский собор, и многие другие достопримечательности губернского центра благодаря деятельной инициативе его сына.

С детства Герман начал посещать краеведческий кружок. В 1952 году Беликов поступил в Ставропольский педагогический институт. За время учебы Беликов побывал во многих научных экспедициях, собирал документы и реликвии, выяснял подробности и обстоятельства исторических событий. Окончив вуз, Г.А. Беликов в течение семнадцати лет руководил в Доме пионеров краеведческим кружком. Результатом его деятельности стали книги. Помимо книг краевед активно публикует свои статьи практически во всех ставропольских газетах. Значительной вехой в творчестве Беликова стала его книга «Дорога из минувшего». Не менее успешной оказалась летопись истории города «Ставрополь – врата Кавказа», выпущенная к 220-летию краевого центра.

Пользу родному городу Герман Алексеевич приносит не только своими научными изысканиями, но и педагогической и литературной деятельностью. Без его усилий сегодняшний облик Ставрополя был бы гораздо беднее архитектурными и историческими памятниками. По его инициативе были воссозданы Тифлиские ворота – вековой символ города-крепости, установлен бюст генерала Ермолова, памятник Никифораки, предотвращён снос ряда исторических зданий.

В Ставропольском государственном архиве создан именной научный фонд Г.А. Беликова, включающий в себя более тысячи уникальных документов. В Ставропольском государственном музее-заповеднике создаётся ещё один научный фонд, в который Герман Алексеевич передал сотни бесценных для краеведения экспонатов.

Помнят улицы твои

Многое «помнят» улицы Ставрополя: пронёсшиеся здесь события и имена сыновей России, оставивших свои следы на их брусчатке. Вслед за Лермонтовым мы называем имена других русских поэтов и писателей, на жизненном пути которых стоял Ставрополь. И первыми среди них назовём Грибоедова и Пушкина. Они бывали в Ставрополе. Пушкин здесь бывал неоднократно.

Со Ставрополем связано и имя Льва Сергеевича Пушкина, родного брата поэта.

По улицам Ставрополя любил бродить опальный Александр Бестужев.

Как правило, все писатели и поэты попадали в ссылку в Ставрополь, но им он запоминался своей красотой.

В начале марта 1839 года в Ставрополь прибыл близкий к декабристам В.И. Соколовский, он был известен среди передовой прогрессивной молодёжи России.

Ставрополь хранит память и о великом русском писателе Льве Николаевиче Толстом. В Ставрополе он оказался в конце своего пребывания на Кавказе – 22 января 1854 года. Тогда он был уже достаточно известен. В память о пребывании Толстого в Ставрополе бывшая Театральная улица в конце века была названа его именем.

Улицы Ставрополя помнят таких знаменитых людей, как Коста Хетагуров – знаменитый осетинский поэт, Илья Дмитриевич Сургучёв – ставропольский писатель, Ширяев также наш земляк, Оболенский, Леонид Соловьёв...

Вершина счастья

(из книги «Занимательное путешествие»)

В древние времена у подножия Эльбруса жило племя нартов, людей, обладавших нечеловеческой силой. Их дети, играя и забавляясь, вырывали с корнями вековые чинары или отламывали глыбы скал и сбрасывали вниз, нарушая покой джинов. Жаловались джины своему владыке – Тха, властелину заоблачных высот. Выслушав джинов, сказал Тха: «Повелеваю нартов отсюда изгнать». Созвал тысячу хищных птиц, крылатых джинов и велел им стереть с лица земли поселение Нартов.

Взмахами громадных крыльев птицы и джины поднимали бурю, обрушивали на селение снежные лавины, камни. Бедствие пришло к Нартам. Гибли люди, погибал скот. И тогда один молодой нарт сказал своему народу, что отправится он в царство Тха и вызовет его на бой. Тщетно отговаривали нарты юношу: «Ты погибнешь. Тха коварен и силен». Не отговорили. И отправился юноша в опасный путь. Не знал он, что все его намерения были известны коварному Тха.

Когда смельчак поднимался уже по ледяной дороге к вершине горы – царству Тха, посланный ему навстречу джин столкнул его в пропасть. Не убился юноша только потому, что в последний момент придержался за крыльях джина. Нарт не убился, всего лишь больно ударился об острые камни. Набравшись сил, юноша вновь стал подниматься к вершине, цепляясь за выступы, и наконец, предстал перед грозными очами Тха.

– Как ты смел, жалкий нарт, явиться в мое царство? Или ты не слышал о моей силе? – От звука голоса Тха затряслись горы, посыпались каменные лавины, в верховьях ущелий поднялась снежная буря.

– Я пришел к тебе, жестокий владыка, спросить, доколь будешь издеваться над нартами? Чем мешает тебе мой народ?

Вскочил Тха. Еще страшнее стал он в гневе. Глаза его метали молнии, и в долинах загорелись деревья. От его яростного крика рушились дома селений. Ринулся он на молодого нарта, и завязалась между ними жестокая борьба. Схватил Тха нарта могучими руками, сжал так, что едва не лишил его дыхания:

- Покоришься? – спросил.

- Нет, – гордо ответил нарт.

Удивился Тха. Не было еще существа на свете, которое не боялось бы его. Он мог стереть нарта в порошок, но думал иное. Длинной цепью приковал дерзкого юношу между двумя ледяными вершинами. Сказал:

– Покаешься – отпущу, нет – останешься здесь навеки.

Знал юный нарт, что покорность его принесет гибель племени, и предпочел терпеть муки, но не дать нартов в обиду. Прошли с тех пор многие века. Некогда цветущего юношу состарило время. Хищные орлы терзают его тело, изнуряет голод, мучит жажда, а тоска по родному дому испепеляет душу.

С облегчением вздохнет нарт, и тогда на земле зацветут фруктовые деревья... Нет, не зря терпит он муки. Его слезы могучую силу дают людям.

Вечно на земле будет цвести молодость, радость, потому что никогда славный нарт не покорится коварному Тха... Вершиной счастья зовут на Кавказе гору, где к ледяным ее утесам навечно прикован нарт...

– Великолепная легенда! – воскликнул Славик. – Человеческая и мудрая.

Никто не отозвался. Все находились под впечатлением услышанного. Вдруг раздался странный крик и замер в отдалении. Все невольно вздрогнули.

– Это электропоезд, – улыбнулся Петя. – Если верить легенде, нарт не кричит, он тихо плачет...

Ребята сердечно распрощались с юными следопытами. У каждого отряда был свой путь.

С чего все началось

(из книги «Мои друзья и зеленый рюкзак»)

Это началось с необычайного путешествия, участниками которого оказались мои друзья и я. Забегая вперед, скажу, что это было непередаваемо трудное для нас скитание по лесам, горам, озерам, полное неожиданностей и опасностей.

Но прежде чем рассказать о нем, я хочу представить вам своих друзей.

Волька – мой лучший друг, будущий изобретатель. Пока он еще не признанный талант и не поражает умы необыкновенным изобретением. Но Волька не сидит без дела. Целыми днями он мастерит всевозможные действующие вертолеты, вентиляторы, пылесосы, самолеты, самокаты, приемники... Все эти Волькины машины очень похожи на настоящие, но – странное дело – при первом испытании они почему-то взрываются. Однако это не обескураживает изобретателя. Волька продолжает создавать новые машины, которые, в конце концов, он в этом твердо убежден, принесут ему мировую известность.

Колька – полная противоположность Вольке. Он высокого роста, на целых десять сантиметров выше меня и Вольки. Ходит всегда постриженным наголо. Его вельветовые брюки и истоптанные кеды можно увидеть в разных частях города. Он много ходит и много спорит. Колька ничем не увлекается, ничего не изобретает, но может по любому вопросу вступить в дис-

куссию. В спорах он непревзойденный мастер, за словом в карман не лезет. Его не любили девчонки, они просто не могли переносить вечно улыбающейся физиономии Кольки и его колких острот.

Нашими друзьями были еще Игорь и Толик.

Толик совсем маленький, толстенький, такой тихий и неразговорчивый, что его и не всегда заметишь. Он – любитель книг. В его профиле, толстом-претолстом, так что и не знаешь, как его носит, масса самых разнообразных книг, Колька говорит, что у него есть все: от «Архитектурных новинок» до того «Как шить ботинки».

Игорь был чем-то похож на Кольку, и на Вольку, и на Толика. Увлекался всем понемногу и, кажется, ничем по-настоящему.

Итак, нас было пятеро. Нам было совсем не скучно жить в городе. И когда Волька предложил нам пойти на какое-то озеро, расположенное далеко от города, мы засмеялись. Зачем? С какой стати мы потащимся на дальний водоем, заселенный лягушками, если и в самом Ставрополе есть пруды?

Но Волька не отставал.

– Вы послушайте меня: на озере мы организуем лов рыбы, причем в большом масштабе и механизировано. Ясно, не удочками, этими устаревшими орудиями лова наших далеких предков.

Одним словом, Волька предложил много интересного и заманчивого, и мы, по наивности, согласились.

На следующий день пошли в школу. На большом листе бумаги, прикрепленном к двери пионерского кабинета, появилось воззвание:

«Все в поход! 5 июля проводится пятидневный поход на озеро. Все, как один, отправимся путешествовать!»

У пионерской комнаты толпилось пятнадцать мальчишек, которых манили неизведанные дали: и они решили попутешествовать.

Разгорелись споры. На беду всех начинающих путешественников, мы мало знали, что необходимо для этого самого похода. Что надевать? Какое нужно снаряжение? Какие брать продукты? И наш пионерский тоже плохо разбирался во всех этих вопросах.

– Да что тут много думать! – сказал Волька. – Пошли, да и все, не пропадем!

На следующий день мы пошли. Шли кучей, добросовестно поднимая пыль с дороги. Уже через километр поняли, что ходить пешком трудно. А если за плечами мешок, который немилосердно режет плечи, то и совсем плохо. Но мы упорно шли, не жаловались: мы были гордые...

На первом же привале вес наших мешков уменьшился наполовину. Все так проголодались, что съели намного больше того, что может съесть нормальный человек. А может быть, это было нормальным для походной жизни? В таком случае наших продуктов хватит ненадолго...

Весь день шли через лес. Все время нужно было смотреть под ноги, чтобы не перекувырнуться через пень, яму или упавшее дерево. Через три часа

нашли в лесу кружку, которую потерял Колька. Это всех очень озадачило. Выходит, мы снова оказались там, где были три часа назад. Но ведь мы шли вперед. Значит, сделали большой круг. Решили дальше идти по солнцу. Когда начало темнеть, налетели на заросли боярышника, шиповника и терновника, с трудом пробрались сквозь эту преграду и... преобразились. Поцарапанные до крови руки и лица, разодранная одежда делали нас неузнаваемыми.

В полной тишине набрели на какой-то шалаш. Обрадовались. С трудом разместились в нем. Некоторые ребята уже стали засыпать, как вдруг раздался вопль Вольки, которому показалось, что под ним лежит змея...

Спать легли под открытым небом. Так закончился первый день нашего похода...

БЕЛОУСОВ Иван Емельянович

(1933, с. Нижне-Бабино

*Центральночерноземной области – 2000,
Ставрополь)*

ставропольский поэт и писатель

Автор книг «Разговор с отцом» (1961), «Острова на горизонте» (1973), «Мужество» (1975), «Небо России», «Сахалинские свадьбы», «Далекие причалы» (1979), «Берег России» (1996) и др. Один из авторов книги «Область на островах» (1970).

Иван Емельянович Белоусов родился 2 января 1933 года в селе Нижне-Бабино Курской области в семье кузнеца. С началом Великой Отечественной войны закончилось начальное образование Ивана. Только после победы, когда летом сорок пятого вернулся с войны отец, мальчика отдали в четвертый класс в школу соседнего села Любостани, куда на занятия приходилось ходить за шесть километров.

В 1950 году Иван Емельянович отправляется в Сибирь. В 1950-88 жил на Сахалине.

Жизнь и творческая судьба писателя Ивана Белоусова неразрывно связана с Дальним Востоком. Здесь работал лесорубом, матросом, молотобойцем, прошел все ступени газетчика – от лиц соотрудника до главного редактора областной газеты «Молодая гвардия». Был корреспондентом газет, собкором «Комсомольской правды». И. Белоусов отучился в Центральной комсомольской школе журналистики, заочно окончил филологический факультет Южно-Сахалинского педагогического института. 21 год поэт работал ответственным секретарем Сахалинской писательской организации. Первый сборник стихов поэта в 1961 году. На многие его стихи переведены на французский, японский, болгарский и другие языки, положены на музыку. В 1988 переехал в Ставрополь, где с 1992 по 2000 гт. возглавлял краевое отделение Союза писателей России.

*Всё ощутимей с юга от
Курил.
Приток тепла.
Всё гуще звон капели
Всё явственней паренье
лёгких крыл
Голубизной омывтого
апреля.*

И.Е. Белоусов

Девчонки тоже люди

Фрагмент юмористической повести.

На перемене Крася позвала нас всех под лестницу. Там очень удобное место для секретных переговоров. Только уборщицы, если увидят, кричат:

- Черти вас тут носят! Мало вам коридора!

Они, наверное, думают, что мы утащим какую-нибудь швабру и грязное ведро.

Светка не стала ждать вопросов.

- Девчонки, – сказала она, – ну, не злитесь. Она меня загипнотизировала. Честное слово! Как посмотрела, как спросила: почему не решаешь? И все! Не могу ничего с собой поделывать. Не хочу, а решаю. Точно, загипнотизировала.

– А ты не слышала, что ли, как я подсказывала? – сумрачно спросила Крася.

– Слышала. Все я слышала. А не могу – и все: Не получается.

– Сама кричала: без двоек неинтересно! – вмешалась Кызя. – И сама же теперь наоборот.

– Ты молчи, Кызья, – сказала Крася. – Могла бы подружке помочь. Видела, что у Светки не получилось, сама могла бы постараться. А она туда же за пятерочкой полезла.

– Ага, – заспорила Кызя, – я и так сегодня по русскому правилу не выучила. А теперь и по математике должна за нее отдуваться. Может, и за Вику, и за тебя должна работать?

– За меня ты не будешь работать, – сказала я.

– Знаете, девчонки, – предложила Светка, – наверное, нужно от пар отказаться.

– Это почему? – спросила Крася.

– Не получится. Я вот сегодня попробовала. Думаете, я хотела вас подвести? Просто у нас привычки нету. А без привычки не получается.

– А как же мое правило? – заныла Кызя.

– Я, значит, теперь по русскому пару получу, а это и не нужно никому.

– Ничего с твоим правилом не случится, – сказала Крася, – на той перемене почитаешь. Оно коротенькое. А вообще Светка права. Раз у нее не получилось, то и у нас может не получиться. Обойдемся.

– А чего ж мы тогда в книжке писать будем? – спросила Кызя.

– У – у! – закричала Светка. – Еще сколько всего осталось. Драться и грубить будем. По деревьям лазить. Убегать. Из рогатки стрелять.

– А у меня уже есть рогатка, – сказала я.

– Где достала? – спросила Крася.

– Папа сделал.

– Так ты все папе рассказала?

– Нет, я просто попросила. Он и сделал. А рассказать я обещала потом. Мы же все равно книжку пишем. Значит, потом все узнают.

Девчонки захотели посмотреть рогатку. Я сбегала в класс, достала ее из портфеля и принесла под лестницу. Рогатка всем очень понравилась.

– Ты уже научилась стрелять? – спросила Светка.

Мне не хотелось рассказывать, чем окончился первый выстрел, но и врать не хотелось.

– Не очень пока. Да и мне не понравилось как-то.
– Слушай. Давай я буду стрелять, – попросила Светка. – А ты, если хочешь, будешь драться или грубить.

– Я не сумею.

– Пускай она вместе со мной врет, – предложила Крася. – Она же сочиняет разные вещи.

– Я согласилась, и Светка тут же забрала рогатку.

– Только ты потом отдаешь, – попросила я. – Это ж папа мне сделал.

– Ладно, – сказала Светка, – мы вместе будем стрелять. А потом отдам.

Про двойки мы больше не вспоминали. И, по-моему, все были рады от них отказаться. Все-таки это не очень интересное дело.

Тут совсем рядом с нами мы услышали разговор, который нам не понравился.

– Гони рупь, – сказал один голос.

– У меня нету, – ответил другой, тоненький и дрожащий.

– Не свисти! Я сам видел, как ты в буфете сдачу получил! А ну, выворачивай карманы.

– Сейчас я буду грубить и, возможно, драться, – сказала Светка, и мы выскочили из-под лестницы.

Оказывается, первый голос принадлежал длинному Федьке из пятого «В», которого звали Троглодитом. У него лицо было какое-то такое тупое и неподвижное, как маска у хоккейного вратаря. Сейчас Троглодит кривил и выпячивал свои толстые сосисочные губы, как делают хулиганы, чтобы выглядеть пострашнее. А перед ним стоял первоклашка с красным носом и мокрыми глазами. Увидев нас, Троглодит еще больше выпятил свои сосиски, прошепелявил, как будто у него половины зубов не было:

– Канайте отсюда!

И тут Светка начала грубить.

– Ты, Троглодитик-паралитик, с подоконника сорвался, как лягушка распластался. Ты чего нас гонишь? Думаешь, мы тебя боялись?

– Заботитесь, – стал угрожать Троглодит.

– Ах, ах, – издевалась Светка, – мы падаем в обморок и умираем. На нас идет чудище-троглодितिще, неустрашимый победитель первоклашек.

– Ну! – сказал Троглодит.

– Не нукай! – сказала Светка, – а проваливай лучше сам.

Первоклашка смотрел на нас во все глаза и, наверное, поражался Светкиной храбрости. Ведь она разговаривала так с самим Троглодитом! А Светка продолжала грубить:

– Перед вами, уважаемые граждане, – говорила она, как экскурсовод, – наш лучший экспонат – ископаемый Троглодит-пожиратель младенцев. Достиг высокой ступени развития и стал почти таким же умным, как полтора петуха.

Тут Троглодит не выдержал и бросился на Светку. Но она увернулась и поддала Троглодиту сзади ногой. Он сунулся носом в угол. И опять кинулся на Светку.

– Вперед! На троглодитов! – кричала Светка, ускользая.

Вдруг она остановилась и боднула Троглодита в живот. Он со всего маху растянулся и разбил нос об пол. А Светка прижала его сверху и принялась обрабатывать кулаками по спине. И тут Троглодит испугался.

– Ну, ты! – завыл он. – Чего делаешь? Делаешь чего?

– Что надо делаю, – отвечала Светка запыханным голосом. – С тобой дерусь, вот что делаю.

– Кончай. Ну, кончай, слышишь, – пытался вырваться Троглодит.

– Сейчас. Повторяй за мной: я, Троглодитик-идиотик...

– Не буду повторять. Пусти, психованная.

– А за психованную вот тебе еще.

– Ну, пусти, слышишь!

– Слышу. Повторяй за мной: я, Троглодит-тараканий паразит, никогда не буду трогать маленьких, отбирать у них деньги и вести себя, как козел в столовой.

– Ну, не буду отбирать и, как козел, тоже...

– Не так. Я, Троглодит-тараканий паразит...

– Ну, я, Троглодит-тараканий...

– Эт-то что такое? – услышали мы над собой.

Повернулись. Рядом стояла Сильфида Алексеевна, завуч. Она ходила в черном костюме, белой блузке и очень любила читать нотации. Поэтому ее звали Классной Дамой, хотя никто из нас настоящих классных дам не видел, и даже наши родители тоже не видели.

– А еще девочки, – сказала Сильфида Алексеевна таким тоном, будто она только что наступила на какую-то гадость. – Встань, – обратилась Классная Дама к Светке, которая продолжала держать Троглодита.

Светка выпустила его и поднялась.

– А вы знаете, что он делал, – попыталась объяснить Светка.

– Чего я делал? Я ничего не делал! – завыл Троглодит, вытирая разбитый нос. – Налетели как сумасшедшие...

– Я не желаю знать, что делал он, – перебила Сильфида Алексеевна, – я видела, что делали вы. Девочки дерутся – это ужасно. Вы должны оказывать на мальчиков облагораживающее влияние, а вы проявляете столь дикие инстинкты.

Я подумала, что на Троглодита облагораживающее влияние можно оказывать только Светкиным способом. Но объяснить это Сильфиде Алексеевне было невозможно. Когда она начинала говорить, все должны были молчать, пока она не кончит свою речь. А закончила она только, когда прозвенел звонок.

– Светка, а как ведет себя козел в столовой? – спросила я, когда Классная Дама отпустила нас.

- Не знаю, – ответила Светка, – но думаю, что, как Троглодит.
- Молодец, Светка, – сказала Крася, – одно дело получилось. Теперь Вике будет уже что писать.
- А я пишу, – сказала я. – Скоро ваша очередь подойдет.
- Ну? Дай почитать, – крикнула Светка.
- Закончу, дам.
- На урок мы чуть-чуть опоздали.

БЕЛОКОНЬ Сергей Владимирович
*(1952, с. Преградное Ставропольского края –
2000, Ставрополь)*

журналист, писатель, литературовед

Автор книг «Неизбежимый жребий», «Синий магистр» (1998), «Поймаю я времени тонкую нить» (2001), «Постигая мир Екклесиаста: О времени» (2000), «Период таяния ледников».

Родился Сергей Белоконь в 1952 году в селе Преградном Красногвардейского района в семье сельских учителей. Окончив школу, в 1970 году Сергей Белоконь поступил в Ленинградский государственный университет. В период учебы Сергей увлекся Лермонтовым, изучал творчество

почти неизвестного писателя Д. Андреева.

После окончания университета работал в Семипалатинске, затем вернулся в Ставрополь. Работал в Обществе охраны памятников истории и культуры, в газете «Молодой ленинец» корреспондентом. Он писал обо всем на свете – о выставках, о селе, о заводах, о художниках, о доярках. В этих материалах, как в капле росы, отражался мир семидесятых. Сергей Белоконь работал в разное время главным редактором «Молодого ленинца», ответственным секретарем журнала «Агитатор Ставрополья», был заместителем главного редактора «Ставропольской правды».

*...На той планете очень
много сказок,
На той планете очень
много ярких красок.
Она с тобою где - то по
соседству,
Ее зовут легко и просто –
Детство...*

С. В. Белоконь

Следы

Самолет оставил след – белый след.
Пароход оставил след – пенный след.
Паровоз оставил след – дымный след.
Человек оставил след – светлый след.
Самолета след растаял – облака.
За кормою парохода – лишь вода.
За составом паровоза нет следа.
Человека ж след остался навсегда.

У картины Питера Брейгеля «ОХОТНИКИ НА СНЕГУ»

Три фигурки застыли в движенье,
Но вот-вот тишина запоет,

И запахнут смолою поленья,
И сорока продолжит полет,
И, разбуженный радостным лаем,
Я смущенно глаза отведу..
Как мы плохо порой замечаем
Нашей жизни земной красоту!

Зима

Зима пришла совсем неожиданно,
Одела бархатом поля.
Стоят в снегу, искрясь на солнце,
Как под венцами, тополя.

А на сирени, вот уж диво,
Видны зеленые листы.
Блестят под солнцем, как рубины,
Просты, изящны и чисты.

Они тепла уж не дождутся,
Увянут скоро, опадут.
Я вижу в них кусочек лета,
Которого они так ждут.

Музыка

Музыка, музыка.
Мира движенье.
Музыка, музыка.
Счастье и пенье.

Музыка – звон молодого ручья.
Музыка – ты, музыка – я.

Музыка, музыка, музыка...

С кем я

Не люблю путей окольных,
По прямым хочу идти.
Не люблю людей безвольных,
С ними мне не по пути.

Не люблю витиеватых,
А люблю людей прямых.

Ненавижу простоватых,
Но приветствую простых.

А еще люблю безбрежных,
Словно море-океан.
Что идут в просторах снежных –
Тех люблю я россиян.

Что штурмуют эвересты,
Что плывут через моря,
Что в тепле не ищут места, –
До конца с такими я.

* * *

Что мне надо для счастья?
Чтобы были друзья,
Что в любое ненастье
Не забудут меня.

Надо ветра шального,
чтобы пел,
И дождя грозового,
чтобы гремел.
Надо песни хорошей,
чтобы лилась,
И дороги тревожной,
чтобы вилась.

Что мне надо для счастья?
Нужен шар земной,
Чтобы небо синело надо мной.
Чтобы солнце светило сквозь дожди,
Чтобы можно мне было вдаль идти.

* * *

Мороз ударил торопливо,
И в зябкой ледяной пыли
Стоят деревья, словно ивы,
Склонивши ветви до земли.

Звонят листвою мелодично.
Звонят и думают о том,

Как необычно, непривычно
Увидеть зелень подо льдом.

Им уж не вырваться из плена.
День наступает не спеша,
И засыпает постепенно
Их деревянная душа.

БЕРНАРД Ян Игнатъевич
(род. 1937, Варшава, Польша)

российско-польский поэт

Автор книг «Дети батальона», «Сердце Фридерика Шопена», «Прощание с Булонским лесом».

Ян Игнатъевич Бернад родился в 1937 году в Варшаве. Когда фашисты оккупировали Польшу, отец с двумя малолетними детьми эмигрировал в Советский Союз. Игнат Бернад вступил в Красную армию – бойцом стройбата – и упрощил командира оставить сыновей с ним. Так Яцек и Стасик стали детьми батальона. Это был батальон, который восстанавливал железнодорожные пути, разбомбленные, разрушенные фашистами. Фронтовая линия проходила совсем рядом.

После Великой Отечественной войны его семья поселилась в Минеральных Водах, затем были Мурманск, Ростов-на-Дону, и, наконец, Ставрополь.

...За Польшу, Господи, молюсь

*Была б цела и невредима.
И молится душа за Русь,-
Две боли так болят взаимно...
сонет «Две боли»
Я.И. Бернад*

Обо всем, что пришлось пережить детям на войне, о фронтовой интернациональной семье, о любви солдат к детям, об утратах и тяжком воинском труде, обо всём, что ребята видели своими глазами, Ян Бернад рассказывает в своих книгах.

Ян Бернад посвятил себя не только творчеству, но и многосторонней культурной деятельности.

Сейчас Я.И. Бернад является председателем общественного объединения «Ставропольский краевой комитет социальной защиты писателей-ветеранов», секретарем краевого объединения юных участников ВОВ, председателем польского общества «Союз поляков города Ставрополя», членом Союза писателей России.

С городом Ставрополем связана большая часть жизни поэта, здесь издаются почти все сборники его произведений, в них и природа и литературные традиции и легенды Ставрополья. Поэзия Яна Игнатъевича наполнена лиризмом. Он, несомненно, самый значительный в русской поэзии певец Варшавы. В его произведениях сквозит ностальгия, но он породнился и с Россией, с нашим степным краем, пропитанным ароматом полыни. Его любимым литературным жанром являются сонеты, в том числе на религиозные темы. По его словам, сонет – это душа и безупречная форма. Только на библейские сюжеты он создал тысячу сонетов.

Мальчик из Освенцима

Наш автобус, словно придавленный тяжестью низких облаков, заклеванный дождевыми каплями, осторожно ехал по асфальтной пустой дороге. Свинцовое небо ткало и ткало бесконечную дождевую сеть. Слабый гром, словно в тихом помешательстве, что-то бормотал и падал в туманную даль. Мы все молчали. Предстояла встреча с музейным концлагерем. Я сидел рядом с отцом и чувствовал его волнение. Он неподвижно смотрел в окно, и, кажется, ничего не видел и не слышал. Погода усиливала моё впечатление. Сквозь дождевую завесу виделись искаженными деревья, стоявшие в отдалении от дороги, – они напоминали оборванных узников; тонкие расплывчатые столбы-фонари, загнутые вверху. Казались высокими виселицами.

Что же мерещилось отцу за бесцветной пеленой дождя? Его нищее детство в недалекой отсюда деревушке? Ужасы концлагеря? Лицо его, всегда энергичное и открытое, на этот раз выглядело усталым и непроницаемым.

В Освенциме, куда мы едем, погибла мать отца – моя бабушка, которую я помню. Где-то затерялась на дорогах войны и моя мать.

Дождь всё сильнее хлестал по стеклу и совсем замутил окно. Отец невидящими глазами по-прежнему смотрел куда-то в законное пространство и сосредоточенно думал о своём. Я незаметно оглянулся. Лица напряженные, суровые.

Пани Дана – наш гид и переводчица, чуть наклоняясь вперед, сидела справа от шофера и оглядывалась, ничего не объясняла, и никто ей не задавал вопросов. Ещё в краковской гостинице я узнал, что отец её погиб в Освенциме.

Ей предлагали не раз отказаться, не сопровождать группы в Освенцим, но она так и не согласилась. И каждый раз переживала свою боль молча...

В непогодней мути засерели тяжелые здания в несколько этажей это место известно всему миру...

Залы Освенцима наполнены напряженной тишиной. В одном из них отец долго смотрел на портрет истощенной до костей женщины. От её глаз, переполненных скорбью, становилось не по себе. Отец сильно побледнел. Я взял его за руку.

- Кажется, это твоя мать, – вырвалось у него.

Мы с ним вышли во двор под дождь.

Всех пригласили в кинозал. Но на просмотр документального фильма о преступлениях фашистов в Освенциме у отца уже не было сил. Отец брел, не замечая дождя, к полям, начинающимся сразу за концлагерем. Он попросил у меня разрешения остаться одному. Я согласился, но шел за ним в нескольких метрах, смотрел на его унылую спину и чувствовал, как дождевые капли секут мне глаза. Я перевел взгляд на серое пространство полей. Эти поля за концлагерем приняли пепел моей бабушки. А вдруг и матери? Вдруг отец не обознался? Тогда я ещё не знал, что моя мать жива и что я найду её через много лет.

Сколько же страданий способна вынести человеческая душа? Какой мерой можно это измерить? Какими словами выразить?

И я невольно вспомнил, как вчера на краковской площади в старинном соборе мы слушали фугу Баха. Мне казалось, что звуки органа переполнили всё моё существо, что невозможно глубже проникнуться прекрасной музыкой. А сегодня я понял, что вчера я ещё не был готов усвоить эту музыку целиком. Только теперь понимание её начало вызревать во мне. И сердце моё разрывалось от любви к отцу и от всего, что здесь увидел и пережил.

Казалось, Бах склонился над органом –

И музыка могучим ураганом

Будила души, небеса и страны.

И всё, что было на земной планете,

В течение медленных тысячелетий, –

Мы увидали вдруг в минуты эти.

Отец медленно бредёт по размытой полевой дорожке. Он в темном плаще, но голова не покрыта, седые волосы совсем вымокли. И я словно впервые вижу его. Невысокого роста, крепко сбитый. Широкие плечи опустились под тяжестью переживаний.

Ты не сдашься, отец, ты выдержишь. Ты же всё выдержал, я знаю, ты перенес войну. И если ты плачешь сейчас, то слёз твоих не видит никто, даже я – с ними на лице твоём смешался освенцимский дождь. Я знаю, навсегда в твоей душе останутся камеры, бетонные стены, исцарапанные человеческими ногтями. Эти серые глубокие царапины, как морщины узников, как рубцы на сердце... День и ночь дымит крематорий. Бесконечные колонны узников. Тучи на горизонте, как дым не прекращающих свою черную работу печей смерти. И летят, летят над черными трубами крупные дождинки, точно бесконечные слёзы погибших.

Помню, после войны в наш городок вернулся бывший узник Освенцима – дядя Платон, наш сосед. Было ему около 20, но выглядел он пожилым. Он хорошо рисовал. Руки у него были худые, костлявые, но уголек которым рисовал, держал так свободно и легко, словно никогда не выпускал его из рук. И была какая-то затаенная грусть в его странно неподвижном лице, в глазах, будто навсегда запечатлевших только боль и страдание.

Освенцимский дождь и молчание отца обостряли мою память...

Однажды я увидел, как Платон на заборе рисует угольком петуха и ромашку. Несколько резких и точных штрихов мгновенно создали впечатление живого петуха и склоненной под ветром ромашки. Художник посмотрел в мою сторону. Он ждал, что его рисунок развеселит меня, доставит мне удовольствие. Но произошло невероятное: я вдруг увидел петуха каким-то злым, грустной показалась мне ромашка. И я не улыбнулся. Дядя Платон сразу понял, в чем дело, и стал переделывать свой рисунок, но ни смешным, ни веселым петух не получался.

И позже всё, что бы он ни рисовал мне, выходило грустным. Он нервничал, рвал рисунки, но ничего не мог с собой поделывать. Всё живое вызывало в нём острое желание защитить, оградить, спасти. Помню такой эпизод. За домом у нас был небольшой ромашковый лужок. Над ним всегда порхали птицы, гудели, словно крохотные бомбардировщики, пчёлы. Я носился по этому цветнику, не в силах сдержать радость. Я падал, кувыркался, визжал.

- Дядя Платон, дядя Платон, сюда скорее!

Но он залюбовался мной и цветником и не двигался с места. Он только разулся, чтобы босыми ногами чувствовать тепло земли. И вдруг я пронзительно закричал:

- Змея! – заметив, как зашевелились цветы рядом со мной. Я замер. Дядя Платон крикнул:

- Не шевелись! – В два прыжка он очутился рядом со мной и сказал тихо, как бы по секрету:

- Если её не дразнить, она никогда не укусит, вот – смотри. – Я с ужасом смотрел ему под ноги. Змея проползла по его голой ступне, словно понюхала ногу, спокойно свернула куда-то в сторону и пропала в цветах.

- Не бойся змей, малыш. Человек может быть страшнее змеи, если, конечно, такого можно назвать человеком. Слушай, я никогда раньше не рассказывал тебе про Вальтера Роззе, нашего лагерного надсмотрщика... Вальтер Роззе любил казаться другом узников, но все знали его звериный нрав.

Однажды зимой во дворе концлагеря выстроили только что прибывшую группу детей. Какой-то малыш что-то заметил на крохотном кустике и с криком: «Бабочка! Вон бабочка!» – забыв обо всем на свете, бросился к ней. Схватил то, что показалось ему бабочкой, и обнаружил лишь горстку снега у себя в ладонке. Он громко заплакал, точно его обманули в самом дорогом. Вальтер Роззе мгновенно оборвал детский плач выстрелом в упор. Малыш упал навзничь, раскинув руки, а в раскрытой ладонке ещё не растаяла горстка снега, не сбывшаяся бабочка малыша...

Отец, страшно за человечество, страшно за наш мир.

Объясни, отец, когда же мир избавится от зла! Возможно ли это!

Как-то я попросил дядю Платона рассказать всё-всё о маленьких узниках Освенцима.

- Не надо, – нахмурился он. – Всё-всё лучше не знать.

Но я знал, и потому иногда мне кажется, что я мальчик из Освенцима, и всё о чем рассказал и не рассказал дядя Платон, – произошло со мной.

Малыш в Освенциме родился

На грязных нарах в феврале.

Над миром чёрный дым клубился

Сжигали трупы на земле.

И как зрочки, взлетали искры.

Толпились дети на плацу.

И только пепел материнский

Малыш размазал по лицу.

Если бы снять на кинолентку все сны детей войны и показать человечеству, может быть, это уменьшило бы число убийц на земле.

Сны всех детей мира похожи, как близнецы. Каждому ребёнку снится мама и счастливые минуты его юной жизни. И в памяти каждого человека есть уголок, где навсегда запечатлелось хоть одно-единственное утро младенчества. Что может сравниться с чистотой этого утра?

И в моей памяти всю жизнь светится одно младенческое утро. То ли оно приснилось мне когда-то, то ли я действительно его помню. Но я часто вижу себя лежащим в люльке. Раннее-раннее утро пробивается сквозь окно и сквозь прозрачные стены сиреневыми лучами солнца. Птицы щебечут над окном и надо мной. Они садятся на спинки моей люльки и что-то поют, и я пою, мы вместе поем, и улыбается спящая мама. Ах, как красиво мы поем! Я протягиваю к певуньям руки и вижу, как меж моим прозрачными пальцами летают птички, точно играют со мной. И всё это наполняет меня таким счастьем, такой радостью, что в этих мгновениях потом всю жизнь будет черпать силу моя душа. И я приду к убеждению, что этот сон или эту явь видит каждый ребенок мира и с особой ясностью видел маленькие узники Освенцима.

Помню, я поехал с дядей Платоном в его родное село, когда пришла телеграмма о смерти его матери.

Степное село Кизилровка буйно зеленеет садами у подножия горы Широкой. Из под крутого склона выбивается родник и светлой лентой петляет по густому разнотравью.

Дядя Платон подошел к роднику. Он медленно присел на тяжелый серый валун, поднял рубашку, смочил дрожащую ладонь в холодной воде и приложил к ноющему сердцу.

- Прости, мать! – шептал он. – Прости... 48 лет!.. Жить бы тебе ещё – жить, да война укоротила твой век. Ненамного пережила ты отца. Эта родниковая вода всю жизнь лечила вас от хвори. Отец, бывало, раны военные ею обмывал и верил в исцеление. И, умирая, говорил мне:

- А я, Платоша, смерть всё же обманул лет на десять, вот, ей – богу, обманул, водица наша выручила... – и, казалось, умер успокоенный.

Когда он вернулся с финской, односельчане, взглянув на него, качали головами: «Не жилец, нет, не жилец. А молод ещё, ой, как молод!». Но дом родной и заботы матери, да, наверное, и чудо-водица поставили его на ноги. И уже через год односельчане говорили:

«Выкарабкался солдатик! Прасковьюшка выходила его...»

Сидя на теплом от солнца валуне и слегка массируя мокрой ладонью сердце, Платон и не заметил, как две капли сорвались из чуть затускневших глаз и упали в чистое, величиной с луну, озерцо родника.

Лазурный родник, тучная трава, камни вокруг и огромный валун, наверно, тысячелетний, – всё здесь, под горой Широкой, осталось таким же, как было давным-давно. Только тропинка к роднику расширилась и стала утоптанней. Господи! До чего же любима здесь каждая пядь. По этой тропинке он в детстве, а мать и отец смолоду ходили столько раз... и он рассказал мне, как постреленком вот здесь, на природниковой лужайке, пас корову и, глядя на краски вечерней зари, уснул в душистой траве, убаюканный монотонностью сверчков. Мать нашла его и бережно перенесла в хату. Кажется. Тогда у родника к нему во сне пришли первые строки о любимой сторонке. И много позже в концлагере, когда почти не оставалось надежд, он, лежа на грязных нарах, в лютом холоде сочинял стихи о роднике и теплом лете. И о первом весеннем цветке, увиденном здесь под колючей проволокой.

Далее идет цикл стихотворений о концлагерях.

Слова, написанные кровью
И со слезами на глазах,
Я, как венок, кладу с любовью
На эту степь в седых цветах.

Пятигорску и Варшаве

Я вырастал на склонах Машука.
Рассветные меня манили горы.
Но иногда в пейзажах далека
Мне чудились варшавские соборы.

И по Варшаве светлая тоска
В ночах мне перехватывала горло.
А к Пятигорску нежность глубока –
Стал частью сердца лермонтовский город.

Не проживу я без моих вершин.
И Висла, чудится, течет долиной.
О, города мои! В душе взошли

Неугасимой песней лебединой.
И нет границ мелодиям души,
И нет границ любви неразделимой.

Эолова Арфа

Казалось, из трещин Эльбруса,
Из самой эльбрусей души
Мелодии светлые льются

На горы в дремотной тиши.
И тьма над вершинами тает.
Кавказ зачарованный спит.
И, как голубиные стаи,
Цветы забелели в степи.
Запела Эолова Арфа,
Над ней прояснился рассвет
И скалы зеленого царства,
И облачный твой силуэт...¹

Приэльбрусье
Позеленелый небосклон
Созвездья прячет, словно корни,
Край горизонта обагрён.
Дубы, как вздыбленные кони.

Вот ледяной сверкает трон –
Эльбрус в расцвеченной короне.
И воздух маем напоен,
И мир лучами взят в ладони.
Утесы, как соборы гор,
Прислушались к поющим рекам
И к чистой глубине озер.

А вот и тоненькая ветка
Из каменных пробилась нор,
Припала к следу человека.²

* * *

Эльбрус выгаивает в небе, и по горам рассвет течёт.
И слышится сквозь тонкий щебет, как заливается сверчок.
И прослезился лес от счастья.
Как очищается душа,
Когда её ласкает чаша, воспоминанья вороша...

---

¹ Там же.

² Там же.

БОЙКО Сергей Павлович
(1932– 2008, Ставрополь)

ставропольский писатель

Автор книг «Загадки древних страниц» (1974), «Первобытные Архимеды» (1977), «Что за прелесть эти сказки» (1982), «У истоков великих открытий» (1984), «Корона императора Тиберия» (1988), «Кунсткамера» (1991), «Волшебная страна Шарля Перро» (1992), «Чудесные зонтики Оле Лукойе» (1996), «Великие сказочники мира» (1997), «В волшебной пушкинской стране» (1999).

Известный ставропольский писатель Сергей Павлович Бойко родился в 1932 году. Главной темой творчества Сергея Павловича было исследование и изучение мира сказки, загадок истории. Ни на один день он не мог расстаться со своими любимыми литературными героями и великими сказочниками.

Еще в школьные годы, вечерами, у керосиновой лампы, Сергей Бойко брал школьную тетрадку, обмакивал перо в чернильницу и... уходил в иные миры. Перо бежало по бумаге, и строчка за строчкой, глава за главой рождался очередной приключенческий «роман». Пусть эти ученические работы были еще очень слабы, но пока мальчик держал перо, он дружил с индейцами, воевал с колонизаторами, стоял у штурвала белопарусной каравеллы, опускался в жерло вулкана и взбирался на горную вершину. А ночью, ложась в постель, придумывал новые сюжеты. И не знал десятилетний мальчишка, что эта игра через многие годы станет делом всей его жизни, и его детские грезы превратятся в темы будущих книг.

Не случайно Сергей Бойко выбрал профессию историка, поступив в Ростовский государственный университет на исторический факультет. Здесь, во время учебной практики, он участвовал в археологических раскопках и лицом к лицу столкнулся с древними цивилизациями. После окончания университета молодой человек все свободное время сидел в библиотеках, архивах, посещал музеи и читал о загадках древнейшей истории, а потом сам

*...Ну, полно, крошка, спать пора!
Глядит к нам ночка со двора и до
утра
Всё будет к нам глядеть в окно –
недаром хмурится оно.
Тебя давно ждёт в уютку малютка-
сон.
Какие он тебе расскажет сказки!
Поверь, закрой лишь только глазки.
А он, волшебной палочкой взмахнёт
И в сказку тотчас унесёт...
С.П. Бойко*

стал писать – о том, что волновало с детства. Сергей Павлович Бойко прожил интересную насыщенную жизнь, наполненную постоянным творчеством и поиском ответов на загадки истории.

Безрукий писец

Одним из основателей арабской каллиграфии был художник и писец Ибн-Мугла. Книги, написанные его рукой, и сегодня являются гордостью любой библиотеки. И сама его жизнь – пример верности любимому делу.

Красиво, талантливо писал Ибн-Мугла. За это его даже назначили одним из визирей арабского халифата.

Но однажды вечером в его комнату ворвался отряд воинов.

- Вы обвиняетесь в том, что участвовали в дворцовых интригах, – сказали Ибн-Мугле.

Мстительный халиф решил отнять у него самое дорогое.

- Повелеваем! – приказал он. – Дабы непокорный визирь больше никогда не смог писать против нас возмутительных писем, отрубить ему правую руку!

И при большом скоплении народа искусному каллиграфу отрубили правую руку. Ту руку, искусней которой в те времена не было на всем Востоке!

Но вскоре на глаза халифу попался документ, совсем недавно написанный удивительно красивым почерком.

- А говорили, что вашему Ибн-Мугле нет замены! – засмеялся халиф. – Вот рука, равная ему! Ну-ка, позовите ко мне этого писца!

И к нему привели ... Ибн-Муглу. К обрубку его руки была привязана тростниковая ручка – калам. Так и писал теперь этот великий писец. Ничего не сказал арабский халиф, только в молчании отослал его.

Не все люди умеют оценить подвиг своего современника.¹

Рука богини

Современники долго не признавали творения Микеланджело и ставили их много ниже произведений античных скульпторов. Это, наконец, надоело Микеланджело, и он сделал вот что. Он тайно изваял мраморную статую и вложил в нее все свое искусство, весь свой гений. Потом он отбил у нее руку, спрятал ее и, придав скульптуре с помощью известных ему красок, цвет античной статуи, зарыл ее ночью в том месте, где в скором времени должны были заложить фундамент здания. Когда рабочие, копая землю, нашли статую, отовсюду стали стекаться любители редкостей, чтобы полюбоваться несравненным творением.

- Вот самая совершенная вещь, какую когда-либо видели! – слышалось со всех сторон.

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.2: Проза. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. – С.66

- Эта статуя принадлежит Фидию! – говорили одни.
- Она создана Поликлетом! – говорили другие.
- Как далеко до нее изваяниям нынешних скульпторов! – говорили все, – но как жаль, что у нее не хватает руки, ведь у нас нет никого, кто мог бы восстановить ее!

Микеланджело, пришедший, как и другие, на место находки, имел удовольствие слышать преувеличенные восторги любителей редкостей и более обрадованный их оскорбительными для него речами, чем был бы обрадован их похвалами, сказал, что у него есть мраморная рука, которая, возможно, могла бы заменить недостающую.

Его слова были встречены смехом, но каково же было изумление собравшихся, когда Микеланджело принес руку и приставил ее к статуе: все увидели, что скульптор, которого они ставили ниже древних, и был «Фидий» или «Поликлет».¹

Такую красоту губить нельзя

Царица племени саков Зарина была необычайно женственна, величава как жар-птица, но и очень мужественна. Конь под ней стоял как вкопанный или летел быстрее ветра. И на скаку царица сакская исполняла самые трудные приемы конного боя. Когда она скакала впереди своей рати, распустив из-под шлема золотистые волосы, она казалась прекрасной птицей, и сакские воины любовались ею. Ну а если уж скрестятся в бою мечи, то враги чувствуют неженскую силу, и не один десяток врагов пал от наотмашь нанесенного удара прекрасной Зарины. Не было в ее сердце жалости к врагам.

Пришла пора – вышла Зарина замуж. Супругом ее стал парфянский царь Мермер.

- Раньше Парфия подчинялась Мидии, – сказал он, кладя к ногам Зарины дорогие подарки, – а теперь я отдаю свою страну вам, сакам.

Но царь Мидии Астиар не был согласен с таким решением парфян. Он объявил сакам войну и бросил против них войска. Зарина возглавила рать, в которой опять было много женщин. Состоялась битва. Зарина несколько часов не сходила с коня, и ее золотой шлем видели в самых горячих местах схватки. И вдруг вырос перед ней великан-мидиец Стриангей. Поднял он на дыбы своего огромного коня и сбил с шага коня Зарины. Не сумела выправить его девушка, и копьё Стриангея ударило о кольчугу. И рухнула на землю непобедимая доселе Зарина. Поднял копьё Стриангей, чтобы добить вражеского вождя и вдруг увидел, как из-под слетевшего шлема разметались по траве длинные золотые волосы. И понял он, что перед ним девушка. Он был так поражен ее красотой, что поднял на руки Зарину и приказал не трогать ее, а отпустить на свободу: «Такую красоту губить нельзя!»

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.2: Проза. – Ставрополь: Изд-во СПИИ, 2010. – С. 66-67

Услышала Зарина эти слова богатыря и прониклась к Стриангею нежностью. И когда в следующем бою мидийцы были разбиты, и Стриангей попал в плен, царица сакская приказала отпустить его на свободу.

- Этого не будет! – возразил ей муж. – Если врага не убить, он снова поднимет свой меч!

- Ладно! – подумала оскорбленная царица. – Ты не хочешь выполнить мой приказ? Так умрешь ты! – и она приказала заколоть Мермера. С Мидией был заключен мир. Парфия была возвращена Астибару. А в столице сакского царства Роксонаке встретились Зарина и Стриангей.

Ей очень нравился молодой великан, но на его предложение выйти за него замуж она ответила отказом: «Следует быть крепкой духом не только против врага, но и против вожделений, и ради минутного наслаждения не навлекать на себя долгих бед».

Новые битвы ждали Зарину, и она больше не хотела связывать себе руки.

Много сделала для своего народа Зарина, и когда умерла, подданные соорудили ей гробницу, какой еще не делали никому – огромную остроконечную пирамиду, на вершине которой поставили колоссальную золотую статую царицы.¹

Хозяин степи

В 921 году по степи на плато Устьюрт двигался торговый караван в 5 тысяч человек. С ним ехало к волжским булгарам арабское посольство, секретарем которого был любознательный человек по имени Ибн-Фадлан. Он оставил нам драгоценный памятник от затерянного во мгле веков X столетия – свои записки. Вот одна из записей.

... В один из дней на караванной тропе появился человек, тощий и жалкий. Незнакомец сказал: «Стойте!» И караван остановился. Потом он сказал: «Ни один из вас не пройдет». И никто не двинулся с места. Наконец он попросил хлеба и, получив лепешку и маленькую тыкву с водой, смильстивился над купцами и пропустил их дальше.

Один против пяти тысяч! Возможно ли такое?

Возможно: могущество одинокого путника заключалось в том, что за ним стояла сила всей степи.

Каравану, в котором ехал Ибн-Фадлан, предстояло преодолеть почти месяц в безводной степи. И он бы неминуемо погиб, если бы не выполнил главный закон степи: дружелюбие и милосердие. Тогда по степи разнесется о тебе добрая слава, и тебя пригласят в оазис, накормят, напоят, покажут дорогу.

Кочевник – хозяин степи, даже если он и один, сильнее целого каравана, охраняемого сотней всадников.²

---

¹ Там же. – С.67

² Там же. – С.68

Завещание царицы

Некогда в городе Вавилоне умерла царица по имени Никторис. Перед смертью она приказала воздвигнуть себе гробницу прямо перед воротами в самом оживленном месте города и вырезать на ней надпись: «Если кто-нибудь из вавилонских царей после меня будет иметь нужду в деньгах, пусть откроет эту гробницу и возьмет сколько пожелает. Однако без нужды пусть напрасно не открывает ее».

Долгое время гробница оставалась нетронутой, пока вавилонское царство не перешло к Дарию.

- Почему мне не взять этих сокровищ? – подумал он. – Тем более, что они как бы сами приглашают владеть ими.

И он приказал вскрыть гробницу.

Денег в ней не оказалось. В гробу лежал лишь скелет да глиняная табличка с таким текстом: «Если бы ты не был столь жадным, то не разорял бы гробниц покойников».¹

Красная шапочка

Давно я не видел Оле Лукойе. Каждую ночь я жду его, а он не приходит. Значит, дела... В Волшебной стране у Оле Лукойе есть и свои обязанности.

Я весь световой день просиживаю в библиотеке. Уточняю и расширяю рассказы датского волшебника. Иногда нахожу строчки, слово в слово повторенные моим другом. Значит, мы с ним читали одну и ту же книгу!

О ком мы с Оле Лукойе будем говорить при встрече? О Синдбаде-Мореходе, о Золушке или Морском змее? Интересно, что ни в одной из книг нет биографий волшебных героев. Отдельные факты о них можно найти в научных книгах, но дети читать их не будут. Значит, я иду по непроторенной дорожке?

- Здравствуйте, писатель! – слышу я милый голос.

Как глубоко я задумался. И не услышал шагов друга. Да и немудрено: он ведь ходит в одних чулках.

- Оле, я думал, ты сегодня уже не придешь.

- А я пришел! – улыбается Оле Лукойе и кладет на кровать свои зонтики и опускается с ними рядом. – Мы с тобой ещё не закончили работу.

- А как контроль? Выздоровел?

- Конечно! В Волшебной стране такие волшебные травы, которые и мертвого поднимут!

- А мы поговорим о волшебных травах?

- В этот раз нет, дружок. Ты же пишешь книгу о волшебных героях, а не о волшебных вещах, правильно?

И я согласился с ним.

---

¹ Там же.

- Знаешь, о ком мы сегодня поговорим?

- Не знаю.

Оле загадочно мне улыбнулся, потом посмотрел на дверь и крикнул:

- Красная Шапочка!

И тут же в комнату вошла маленькая девочка в коротком голубом платьице с фартуком и ярко-красной шапочке. В правой руке она держала плетеную соломенную корзиночку.

- Садись, девочка, – пригласил ее Оле.

И Красная Шапочка, расправив концы платьица, села на кровать поближе к моей подушке. А я так разволновался, что вдруг выпалил.

- А можно тебя обнять, девочка? – мне ведь редко приходилось обнимать волшебных героев.

- Конечно, можно! – улыбнулась девочка, и улыбка у нее вышла такая добрая, что я от всего сердца прижал ее к груди и даже поцеловал ее в розовую щечку.

- А что у тебя в корзиночке? – спросил я.

- А вы разве не знаете? – лукаво улыбнулась Красная Шапочка. – Я иду проведать бабушку и несу ей пирожок и горшочек масла.

И я – о чудо! – могу дотронуться до этого легендарного горшочка, описанного Шарлем и Пьером Перро.

- Девочка, ты знаешь, какая ты красивая? – восхищаюсь я.

- Знаю.

- А еще можно тебя спросить?

За девочку ответил Оле Лукойе:

- Спрашивай, что хочешь, писатель, я ее за этим и пригласил.

- Девочка, – волнуясь, спрашиваю я, – а ты знаешь, что волки злые?

- Знаю, – спокойно ответила она.

- А ты знаешь, что одной нельзя ходить по лесу?

- Знаю.

- А что с волками в лесу разговаривать нельзя, знаешь?

- Я все знаю, господин писатель, – спокойно отвечает девочка, и ямочки играют на ее щеках.

- Так почему ты не возьмешь с собой маму?

Тут улыбка исчезла с ее губ, и девочка очень серьезно ответила:

- Сказку исправить нельзя.

Я посмотрел на Оле, а тот протянул свою руку с тонкими пальцами, поправил на девочке ее красную шапочку и задумчиво так сказал:

- Она говорит правильно. Сказка складывалась веками, и не нам ее править.

- «Красная Шапочка»? Веками? Ты, наверное, шутишь, дорогой Оле. Какие века? Такие же девочки живут и сегодня и так же ходят проведать свою бабушку.

- Но они не разговаривают с волками! – назидательно поднял палец Оле Лукойе.

- Так это писатель выдумал! – не сдавался я.

- И они не выходят из брюха волка, как Красная Шапочка!

- Ну, можно придумать и такое!

Оле Лукойе плотнее надвинул на глаза свою серую треуголку и нахохлился. Я еще не видел его таким сердитым.

- Писатель, не суди о том, чего не знаешь! Сказка «Красная Шапочка» создана очень и очень давно! – он встал и медленно зашагал по комнате.

- Конечно, давно! – приподнялся я на локтях. – Целых триста лет назад! Ее написали отец и сын Перро.

- Не написали, а записали! – остановился возле меня Оле Лукойе и снова сел на одеяло. – Это большая разница.

- Что значит «записали»? – не понял я.

- Это значит, она давно-давно была известна народу, а отец и сын Перро лишь записали ее заново.

- Она жила еще раньше? – Я снова откинулся на подушки и взял тоненькие пальчики девочки. – И все время эти пальчики несли бабушке горшочек масла? Да что же тут интересного?

Красная Шапочка осторожно высвободила свою руку и даже немножко отодвинулась от меня, а я все еще ничего не понимал.

А Оле Лукойе очень серьезно сказал:

- Когда эту сказку создавали, а было это в незапамятные времена, никакого горшочка масла еще не было.

- А что же было? Может быть, и Красной Шапочки не было?

- Нет, она была. Герой волшебной сказки уже появился. Только это была не девочка.

- А кто же? Я ничего не понимаю, Оле!

- Потому что ты не знаешь истории сказки. Ты знаешь, что значит слово «красный»?

- Красный? – я задумался. – Это красный цвет... Ну, иногда это обозначает «красивый».

- А ты можешь вспомнить, о ком еще говорят «красный»?

- Конечно. Например, красное солнышко!

Красная Шапочка вдруг захлопала в ладоши, а потом вдруг обняла меня и поцеловала в щеку.

Я ничего не понимал.

А Оле торжествовал:

- Вот ты и узнал главного героя мифа, из которого и родилась сказка о Красной Шапочке.

- Красное Солнышко?

- Конечно! – радовалась девочка. – У меня потому такая шапочка, что когда-то я была Красным Солнышком.

- Ну ладно, писатель, – сжалился Оле Лукойе, – не буду тебя томить. Слушай. В том древнем мифе, из которого родилась сказка о Красной Шапоч-

ке, были почти все те же герои: был волк, было Красное Солнышко, охотники догоняли зверя, убивали его, и из брюха животного невредимым выходило на небосклон Солнышко.

- Так рассказывали когда-то сказку «Красная Шапочка»? – понял я.

Красная Шапочка закивала головой, и глаза ее радостно заблестели.

Оле поправил зонтики под мышками.

- Да, писатель. И называлась эта трагическая история «Миф о космической погоне». Первобытные люди пытались в нем объяснить, куда ночью девалось солнце. И вправду, куда оно девается? Почему его нет на небе ночью? – Оле говорил негромко, но внятно, и Красная Шапочка губами вторила его словам. – Первобытные люди были охотниками. Им было понятно, почему исчезает с неба птица, сбита их стрелой, или животное, рухнувшее в заранее выкопанную западню. «Наверное, по той же причине, – думал охотник, – исчезает с неба и солнышко: за ним тоже устраивается погоня». Чудовище в виде волка, в конце концов, догоняло его и проглатывало Солнышко. Но утром оно снова появлялось на небе. Почему? Ну ка, Красная Шапочка, подскажи! Что ты учила в школе?

Когда Оле Лукойе смотрел на девочку, взгляд его теплел и голос становился ласковым.

- Солнышко возвращалось на небо потому, что его спасал небесный охотник! – громко и четко отвечала девочка. – Он догонял волка, убивал его, распарывал ему брюхо, и Красное Солнышко выходило на свободу.

- Молодец, девочка, пятерка! – засмеялся Оле. А когда обернулся ко мне, взгляд его снова стал серьезным. – Вот, писатель, о чем рассказывал миф о космической погоне.

- А про картинки почему ты не рассказываешь? – легонько толкнула она в плечо Оле и сняла прилипшую нитку.

- Конечно, расскажу, спасибо, что напомнила, девочка!

И я приготовился слушать еще одну историю. Она оказалась очень любопытной.

- В далекой древности, писатель, книг не было, но иллюстрации уже были. Первобытные художники очень любили рисовать. Нередко они иллюстрировали мифы, например, миф о космической погоне. У вас в России на Шишкинских скалах – это в Сибири – сохранился древний рисунок: голова огромного зверя с распахнутой пастью, а в зубах ее – Солнце. Такие же рисунки есть и в Африке, и в других местах Земли.

- А можно я добавлю? – Красная Шапочка, как в школе, подняла руку.

- Конечно, девочка! – повернувшись ко мне, Оле сказал: – Слушай, она отличница, очень много знает.

- Я хочу добавить, что древние люди не рассказывали свои сказки, а показывали их, как в театре. Правда, дядя Оле?

- Как это? – уставился я на девочку. – Как в театре?

- Да, мой дружок, – ответил за девочку волшебник. – У первобытных людей был театр. Актерами в них были старики. Тот, что изображал в мифе о космической погоне Солнце, надевал на голову тыкву, выкрашенную в красный цвет. Костюм другого, что «играл» за чудовище, был тоже искусно сделан: пасть с огромными зубами растягивалась до самой земли. Все его тело было покрыто шерстью (травой). Ну, а охотнику и гримироваться не надо было: он был во всеоружии.

(Я слушал Оле Лукойе, как зачарованный. Красная Шапочка тоже не сводила с него глаз).

- Спектакль шел долго, – продолжал Оле Лукойе. – Зрителями его были мальчишки, которые обучались в «первобытной школе», они исполняли обряд превращения мальчика в мужчину-охотника. И все время звучала музыка – барабаны, трещотки. И пел хор – о победе Солнца над тьмой.

- Оле, – спросил я, когда мой друг сделал паузу, – а откуда ты все это знаешь?

Оле внимательно посмотрел на меня, словно решая, выдавать тайну или нет, и ответил:

- Есть такая книга «Связь времен». Ее написал писатель и ученый Роман Подольский. Он и рассказал об этом.

И вдруг раздался громкий голос Красной Шапочки:

- Все говорим да говорим. Давайте лучше покушаем! Она вынула из корзиночки белую салфетку и разложила ее на одеяле, а потом поставила на нее нехитрую еду.

- Красная Шапочка, – удивился я. – А что, если мы съедим весь пирожок и все масло? Бабушка умрет с голоду!

Девочка засмеялась:

- Ну что вы! Это же Волшебная страна! И еда здесь волшебная. Она никогда не кончается.

- Раз девочка приглашает, надо соглашаться, – развел руками Оле Лукойе, но так ловко, что зонтики у него остались под мышками. И первый оторвал кусочек пирожка. И тот снова стал целым!

И когда мы кушали, Оле досказал конец истории:

- Миф о космической погоне жил во времена охотников. Но когда пришла пора земледельцев и скотников, те уже отгадали тайну смены Дня и Ночи, и им не нужно было рассказывать о чудовище, глотающем Солнце. Зато их волновало, что дети без разрешения часто одни уходят в лес и в самом деле попадают на зуб волку. Вот они и придумали вместо мифа сказку о девочке, которая одна идет в лес. А в память о Красном солнышке они надели на ее голову красную шапочку.

Оле Лукойе говорил медленно, делая паузы, потому что ему очень нравился пирожок из слоеного теста, тем более, что он был обильно помазан маслом.

Наконец, мы насытились, и Красная Шапочка снова убрала «гостинец для бабушки» в свою плетенную из соломы корзинку.

- Ну, мне пора, – встала она с моей кровати. – Меня ждет бабушка.

- Тебя ждет сказка! – поправил ее Оле Лукойе. – как, впрочем, и меня. Мы выйдем вместе, девочка!

Я поцеловал Красную Шапочку в розовую щечку, которую она сама мне подставила, пожал протянутую мне руку Оле Лукойе и скоро опять остался один...¹

Пылинки из океана вечности

Награда

Персидский царь Дарий на охоте, соскакивая с коня, случайно вывихнул себе ногу. Вывих был такой сильный, что лодыжка вышла из сустава. На самодельных носилках, прикрепленных к седлам двух рядом бегущих коней, царя привезли во дворец, и при этом он испытывал великие муки. Он сейчас же приказал позвать к себе врачей.

Но врачи не могли ничем ему помочь. На словах они всё время превозносили своё искусство, и в самом деле могли лечить легкие недуги, но сейчас они оказались бессильны. Врачи стали силой вправлять царю вывих, но причинили еще больше вреда. Семь дней и семь ночей Дарий провел без сна от боли.

На восьмой день, когда терпеливый Дарий уже начал кричать от нестерпимых мук, кто-то из приближенных сказал царю, что среди его рабов находится искуснейший врач из эллинского города Кротона по имени Демокед.

Дарий приказал немедленно привести к себе Демокеда.

- Знаешь ли ты врачебное искусство? – спросил его Дарий.

- Нет, о великий царь, я совсем ничего не смыслю в лечении, – ответил Демокед. Он опасался, что если узнают о его таланте, то уже никогда не отпустят в Элладу.

- Зачем же ты врешь? – воскликнул тот из приближенных Дария, который расхвалил его врачебное искусство. – Несколько лет назад в Сардах я был слышан об искусстве кротонца Демокеда!

- Но тогда я не был рабом! – воскликнул в запальчивости Демокед и вскинул вверх руки, скованные тяжелыми цепями.

- Если ты меня вылечишь, – сказал Демокеду персидский царь, – я тебя щедро награжу.

- Снимешь оковы? – с надеждой спросил врач.

- Эти оковы я сниму с тебя, клянусь царской честью! – пообещал Дарий.

- И лечи скорее, у меня уже нет терпения.

- Потерпи еще немного, царь, я должен приготовить целительные снадобья и успокоительное.

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.2: Проза. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. – С. 69-73

После того как все было готово, он стал натирать целительными снадобьями ногу Дария и медленными, плавными искусными движениями вправлять вывих. Царю же он дал успокоительное, и тот впервые за неделю заснул спокойным сном.

Когда царь проснулся, он ощутил блаженство: нога больше не болела, хотя еще тихонько ныла.

- Ты можешь теперь заниматься государственными делами, царь, – сказал Демокед, – только поостерегись неделю-другую ступать на больную ногу.

- Так ты излечил меня? – воскликнул Дарий.

- Да, царь, главное я сделал. Остальное доделают мои целительные мази и успокоительная настойка. – Он низко поклонился Дарию и при этом оковы на его руках загремели. Потом он выпрямился и протянул к царю руки.

- Я вылечил тебя. Выполнишь ли ты свое слово?

Дарий внимательно посмотрел на Демокеда.

- Цари всегда выполняют слово, – сказал он. – Я обещал снять с тебя эти оковы?

- Да, государь, ты так сказал.

Дарий хлопнул в ладоши. Вошедшему придворному он сказал:

- Снимите с него эти тяжелые железные оковы. Они натерли ему руки...

- Благодарю, государь! – радостно воскликнул Демокед. – Ты освобождаешь меня из рабства?

... – И наденьте на него золотые! Он их заслужил...

Калека из пещеры шанидар

Это случилось в суровых Загросских горах на севере Ирака, около 45 тысяч лет назад. На склоне горы Барадост над рекой Большой Заб и сегодня можно увидеть Большую Шанидарскую пещеру. Просторная, с хорошей вентиляцией, она служит жильем до наших дней. Когда сюда пришли археологи, ее заселяли люди. У боковых стен приютились несколько хижин, сложенных местными жителями-курдами из камыша, ветвей и камня.

Сегодня гора Барадост заросла дубняком, а в те далекие дни, о которых пойдет наш рассказ, здесь росли цветы, родственные нашим василькам, гадючьему луку, алтею розовому.

И уж если сквозь тьму тысячелетий дошли до нас следы древних цветов, то прочитать историю жизни одного из обитателей этой пещеры археологам было гораздо легче.

Конечно, правда в этой истории живет рядом с легендой: слишком в глубокую даль уводит нас время.

В пещере Шанидар археологи нашли древнюю стоянку неандертальцев и среди многих вещей – останки человека. И сразу столкнулись с тайной. Перед ними был калека: при жизни у него было повреждена голова, вытек глаз, правая рука безжизненно висела вдоль тела. И эти травмы, как установили антропологи, он получил еще в молодости.

Калек древние люди не жаловали: и здоровым не хватало пищи. А этот урод дожил до глубокой старости. Значит, он был нужен?

Но что он мог, инвалид?

Загадка не давала покоя, и решали ее долго. Ответ дали полустершиеся зубы и неестественно вывернутые пальцы здоровой левой ноги.

И ученые сделали следственный эксперимент. Они выяснили, какие трудовые процессы могли делать неандертальцы, и в каком из них могли участвовать одновременно зубы и пальцы ноги.

И они нашли, чем занимался калека из пещеры Шанидар: он был скорняком. Очевидно, он умел хорошо выбраковывать шкуры, снятые с убитых животных. Чувствовал, какие из них пойдут на одежду, какие – на пол жилища, а какие и вовсе бесполезны. Он определял, какие из шкур мягче, какие целее, какие имеют более длинную, мягкую и прочную шерсть. Его физические дефекты компенсировались – как это часто бывает у калек – развитием других качеств, в частности, ощущения обоняния.

Но, главное, он умел лучше других обрабатывать шкуру. Калека сидел на земле, крепко зажав пальцами ног нижний край шкуры. Другой ее край он держал в зубах, а единственной рукой, в пальцах которой был зажат скребок, счищал с кожи остатки мышц и жира. Пальцы ног, видно очень хорошо тренированные, то и дело перебирали края шкуры, зубы ловко-то отпускали, то снова сжимали верхний конец ее, а скребок, зажатый в левой руке, буквально бежал по натянутой шкуре.

А когда наступала ночь – так поэтично предположил один из ученых – одноглазый долго не мог заснуть. Он садился у выхода из пещеры и кончики его заостренных ушей чутко вздрагивали. Он прислушивался к шуму дождя и к вою ветра. А иногда и пел. Конечно, нам его пение напоминало бы больше вой ветра и шум разбушевавшейся стихии.

Он пел об огромном мохнатом тигре, который бросился на него из чащи леса и сделал навеки калекой. Лучше бы он погиб тогда, но мать и другие женщины отбили ребенка.

Он пел о матери, которая выходила его и выучила многим полезным вещам, которые помогли калеке стать нужным племени.

Он пел о том, что его признали и стали кормить еще лучше тогда, когда он разгадал секрет мягких шкур: он дольше всех людей рода имел с ними дело, он перебрал, перещупал своими пятью пальцами левой руки столько шкур, сколько никто из их племени не держал в руках. И он понял, почему те шкуры, что лежат у выхода из пещеры, поблизости от костра всегда мягче других: на них дольше топтались, на них чаще мочились, и зола от костра чаще лежала на них.

И еще он выл, подражая завываниям ветра, о своем одиночестве и о том, что никто не знает, как болят его зубы, которые скоро совсем сотрутся и не смогут держать край шкуры.

...Спустя 45 тысяч лет археологи нашли останки Мастера и выяснили не только его судьбу, но и причину смерти. «Человек этот, вне всякого сомнения, погиб от сокрушительного удара по голове, – читаем мы в книге Дж. Констэбла «Неандертальцы». – Возможно, мужчина был убит ударом камня, сорвавшегося со свода пещеры во время землетрясения».

Но самое поразительное открылось позже. Когда палеоботаники под микроскопом изучили почву, взятую из раскопа с шанидарским скелетом, оказалось, что в ней сохранилась пыльца восьми разных цветов.

«Специалисты единодушно решили, – читаем мы в той же книге, – что эти цветы расти в пещере не могли, как не могли быть занесены туда животными. Значит, умершего похоронили с цветами, собранными на склоне пещеры. А это доказывает, что неандертальцы испытывали любовь, нежность и благодарность, относились к смерти со сложным чувством и выражали скорбь с помощью особого обряда – засыпая покойника цветами».

Не всякий здоровый заслужит такие почести.

А здесь их оказывали не калеке. Цветы клали Мастеру.

И врач и артист

Римский врач II века Гален любил поражать друзей и знакомых своими медицинскими знаниями. Ему нравилось видеть, как они сначала лишаются дара речи, а потом без остановки восхваляют великого врача. Однажды его друг, философ Главкон, встретившись с ним на дороге, сказал ему:

– Про вас рассказывают легенды, а я ни разу не видел вас в деле и если вы согласитесь пойти со мной, то и мне докажете ваши способности.

– Куда же мы пойдем? – спросил Гален.

– Я только что оставил одного из моих друзей, больного. Он сицилиец. Это недалеко. Посмотрим, легко ли вам будет определить его болезнь.

- Ну что ж, пойдем, – соглашается врач, и вскоре они подошли к дому сицилийца.

При входе в переднюю Гален заметил, что из комнаты больного вынесли сосуд с жидкостью, слегка кровяной, похожей на помой от говядины. Эта жидкость, которую он мог видеть только мельком, была для Галена верным признаком того, что у больного поражение печени. Но он сделал вид, что ничего не заметил, и вошел с Главконом в комнату.

– Ну-ка дайте мне ваш пульс! – Гален опустился на кровать сицилийца и взял его за запястье. Ему важно было убедиться, какого рода была болезнь печени: острая и воспалительная или хроническая. Состояние пульса показало ему, что он имеет дело с воспалительной болезнью.

На окне рядом с кроватью стоял небольшой горшок. Гален как бы невзначай заглянул в него, и ему показалось, что в горшочке находятся листья иссопа, настоянные на медовой воде. Медовый настой иссопа был тогда классическим лекарством против плерезии, и его от этого лечили.

- А теперь дайте-ка мне ваш правый бок! У вас болит здесь, – говорит он.
– Здесь ваша болезнь!

- Да, болит здесь! – отвечает сицилиец.

Главкон поразился, что одно только исследование пульса, позволило Галену поставить точный диагноз. Но удивление его этим не кончилось.

- Вы подтвердили, – сказал Гален больному, – что у вас действительно боль печени. Вас должен также время от времени тревожить кашель сухой и без мокроты.

Едва он произнес эти слова, как на больного нашел припадок именно такого кашля.

Удивленный Главкон не смог сдержать восхищения и стал рассыпаться в похвалах.

- Погодите! – Продолжает Гален. – Это еще не все, что мое искусство позволяет мне открыть. Я сейчас скажу вам вещи, справедливость которых вы должны будете признать. Когда вы делаете глубокий вдох, боль в печени усиливается и чувствуется тяжесть в правом подреберье.

Услыша эти слова, сицилиец был еще больше поражен предвидением врача, и ему, вместе с другом, оставалось только выражать свое удивление.

Видя, что дела принимают такой хороший оборот, Галену захотелось еще больше блеснуть знаниями болезни, и он спросил:

- Не чувствуете ли вы некоторого дерганья в плече?

Чрезвычайно удивленный, больной тотчас же признался, что он испытывает это ощущение.

Итак, он сумел показать Главкону свое искусство. Как врач, он достиг желаемого. Но он ведь еще был и артист, поэтому самое поразительное открытие он приберет к концу осмотра.

- Я узнал, сказал он больному, – какая у вас болезнь. Теперь я скажу, какую болезнь вы сами себе приписываете.

Это было произнесено с такой уверенностью, что больной, удивленный до последней степени, не отрываясь, смотрел в глаза врача-оракула, в сильном нетерпении ожидая, что он скажет. А Главкон воскликнул, что после всего услышанного его более ничто не в состоянии удивить.

- Вы воображаете, что у вас плерезия! – сказал Гален торжественно.

Больной и Главкон подтвердили его слова, как и сиделка при больном, которая только что прикладывала к груди сицилийца масляную примочку, считавшуюся отличным средством против плерезии, как и медовый настой иссопа.

Оставив пораженных друзей наедине, Гален удалился довольный тем, как он ловко сумел воспользоваться случаем, чтобы показать свой талант. А в одном из сочинений он позже написал, что врач обязан быть наблюдательным и не упускать случаев, которые иногда доставляет ему судьба, чтобы иметь влияние на толпу, поражать ее ум и в короткое время приобрести много клиентов.

БЛОХИН Иван Лаврентьевич
*(род. 1926, с. Малая Джалга
Ставропольского края)*

ставропольский поэт

Вся жизнь поэта Ивана Блохина связана с родным краем. Стихи, светлые, чистые, напевные, он начал писать лет сорок назад. Сейчас у поэта готов четвертый поэтический сборник, вышла в свет прекрасная книжечка «И дорожке сердцу нет» – 18 песен, созданных в содружестве с композитором Николаем Виноградовым. Поэтическая жизнь Изобильнен-

ского района также связана с именем Ивана Лаврентьевича – организатора литературного объединения «Светелка».

Иван Лаврентьевич Блохин родился 15 октября 1926 года на Ставрополье в селе Малая Джалга. Родители – малограмотные люди, обременённые вечной проблемой о хлебе насущном. Голодное малярийное детство, смерть родных и близких людей (из 13 детей выжило 4).

В 1947 году добровольцем пошёл служить на корабле Черноморского флота. После армии работал слесарем, грузчиком, молотобойцем и учился в вечерней школе. Затем поступил в пединститут. После окончания 25 лет проработал в школе завучем, а потом директором.

Первое стихотворение написал в 5 классе и показал учительнице, которая была для Ивана высшим мерилом его таланта, главным судьёй его маленького творчества. Не дождавшись от неё похвалы, мальчик решил, что стихи – не его призвание и надолго замолчал. И только в 1964 году он занялся этим всерьёз. Первый успех вдохновил, окрылил, заставил поверить в собственные силы, в значимость своего увлечения. Тем не менее, он всегда был требователен к себе. Его песни стали очень популярны. В 1986 году в Москве на ВДНХ Ставропольский край представлял семейный ансамбль Шляковых с песней И.Л. Блохина «Родная степь».

Что спасало ребёнка в беспросветной действительности, лишённой каких-либо радостей, детских утех и всего того, что надо маленькому человеку для развития, духовного роста? Природа...

Природа словно врачевала душу мальчика, лечила её кровотокающие раны. Она была источником радости, оптимизма, в ней одной он видел гармонию и совершенство.

*...Я так хочу писать,
чтоб слово,
Как ежевика, не приелось.
Чтобы читали стих мой
снова
И чтоб читать его
хотелось...*

И.Л. Блохин

* * *

Я так хочу писать, чтоб слово,
Как ежевика, не приелось.
Чтобы читали стих мой снова
И чтоб читать его хотелось
Окно откроешь – будет шумно.
Закроешь – сразу душно станет.
Зажжёшь огонь в груди разумно –
Вино в руках кипит в стакане.
Писать спеша – писать сурово,
Как стадо гнать по кромке тонкой.
Живое трепетное слово
Родить не проще, чем ребёнка.

Мой край

Край родной! Пути-дороги
В свежей зелени полей.
У обочин в тихий полдень
Лёгкий трепет тополей.

Голубые перелески.
Синий плеск спокойных вод.
Белоствольные берёзки
Водят в ночи хоровод.

Над ковыльными степями
сонных птиц тревожный крик.
По долинам запах пряный
Иван-чая и гвоздик.

За пшеницею волнистой
По краям упругих туч
Бродит светлую улыбкой
На заре вечерний луч.

* * *

Всё в зелени.
Ручей бежит во рву.
И день последний наступает в мае.
Я падаю в высокую траву,

Как будто бы Россию обнимаю.
Пью запах леса,
словно молоко.
И из земли в меня –
такая сила,
Что даже от России далеко
Во мне останется
Россия.
Меня, наверно, удивит Париж.
Заставит Рим
торжественно склониться.
В лесах российских – благодать и тишь,
Трава медовая от капелек искрится.
Вернусь сюда.
Приеду я домой.
Остановлюсь у двух берёз знакомых.
Запахнет
земляникой и рекой,
И я в России –
это значит дома.
Лесных цветов себе букет нарву,
Вдохну их удивительную силу
И упаду в высокую траву.
Как будто обниму Россию.

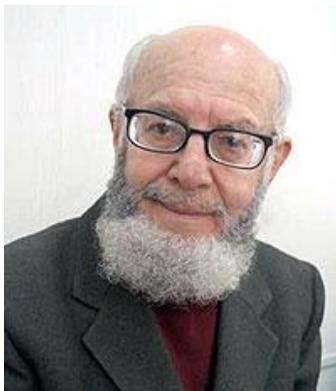
* * *

Храни огонь родного очага
И не позарься на костры чужие –
Таким законом наши предки жили.
Храни огонь родного очага!
Лелей лоскут отеческой земли,
Как ни болотист, ни каменист он,
Не потянись за чернозёмом чистым,
Что до тебя другие обрели.
Лелей лоскут отеческой земли!
И если враг надумает отнять
Твоим трудом взлелеянное поле,
Не по страничке, что учили в школе,
Ты будешь знать, за что тебе стоять.

ВАНЕТИК Семен Ефимович
(1924, п. Вапнярка Винницкой
области Украины – 2010,
Ставрополь)

ставропольский поэт-сатирик,
переводчик

Автор поэтических книг «Озорные линзы» (1980), «Дорогие, родимые...» (1985), «Лавры и тернии» (1990), «Расстреноженность и расстревожённость» (1998), «Крутой диалог» (1999), «Избранное» (2002), «Короче говоря» (2006), «Тысяча эпиграмм» (2009), сборник эссе «Это сладкое слово – свобода» (2006), аудиокнига «Родные лабиринты».

Семён Ванетик родился 1 октября 1924 года в посёлке Вапнярка Винницкой области в семье служащего. Многие его детские и юношеские воспоминания связаны с Одессой – городом, в котором он проводил все летние месяцы, в гостях у бабушки. В самом начале Великой Отечественной его семья была эвакуирована морем – из Одесского порта; бабушка и тётя не захотели покидать любимый город. Как выяснилось позже, обеих расстреляли оккупанты... В Саратовской области Семён работал в колхозе трактористом – в армию Семёна не взяли из-за сильной близорукости. Чуть позже его приняли вольнонаёмным рабочим воинской части, которая перемещалась вслед за наступавшей армией. После войны он окончил Одесский институт связи, работал в Тобольске, в Омске, в Иртышском речном пароходстве, преподавал радиотехнику в Институте инженеров железнодорожного транспорта.

*...С колобродившей судьбы
взятки гладки:
Стал печататься на пятом
десятке.
Удивленье, эйфория, потом -
Первый сборник на десятке
шестом.
На седьмом из секты
вишекропателей
Принят в члены я Союза
писателей....*

Семен Ванетик о себе

С 1971 года жил в Ставрополе, где опубликовал свои первые поэтические произведения. С тех пор он писал и пародии, и стихи для детей, работал в жанре иронической, публицистической, лирической поэзии. Но любимый жанр Ванетика – эпиграмма. Поэт вел активную общественную деятельность. Долгое время работал в Союзе российских писателей. До последних дней Семён Ефимович активно интересовался новыми открытиями, технологиями – в свои 85 он с удовольствием работал в Интернете, где у него был собственный сайт.

Дары

Мороз рисует на окне,
Своя есть живопись в огне,
В вечерней, утренней заре,
В извечной облаков игре.
Художница природа-мать
Нам дарит эту благодать,
И ёмкое понятие – счастье –
Уже воплощено отчасти.¹

* * *

Сиреневые сумерки
Располагают к лирике.
Стихам нужны изюминки,
Перчинки да имбиринки.

Им требуются специи
И ароматы пряные,
И что-то из Венеции,
И что-то из Испании,

Но можно из Тюмени и
Из Чухломы и Жмеринки,
Где пряного не менее,
Чем в Бирме и Америке.

Ставрополье

Этих сёл, городов названия,
Как чудесные обещания:
Благодарное и Привольное,
Благодатное и Раздольное,
Светлоград, Изобильное, Дивное,
Упоение неизбывное.
Дорогой и любимый край,
Оправдай, докажи, создай!
Отвечают за домом дом:
– Будет всё!
– Но когда?
– Потом!

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополья: Хрестоматия. Ч.1: Поэзия. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – С.37

ГОНТАРЬ Татьяна Алексеевна

(род. 1939, с. Мамаево
Алтайского края)

ставропольская детская писательница
Член Союза российских писателей, автор поэтических книг «Бабушкин узелок: Стихи для детей» (1995), «Карусели: Стихи для детей» (2000), «Любимые друзья: Стихи для детей» (2000), «Сундучок: Стихи для детей» (2003), «Удивительный отряд: Стихи для детей» (1999), «Чиж: Стихи для детей» (2001), «Песни для детей дошкольного возраста» (1999).

Родилась Татьяна Алексеевна Гонтарь в селе Мамонтово Алтайского края в 1939 году.

Совсем маленьким читателям посвятила она своё творчество. С детства Таня дружила с природой, это умение не покидает ее до сей поры и помогает писать замечательные детские стихи. В Ставрополе она живёт с 1955 года, а вот писать стихи для детей начала в 1990 году. Ставропольский писатель Вадим Белоусов так говорил о ней: «...но трижды нужно такое умение человеку, пишущему для детей, особенно для маленьких. Безнадёжно взрослый не сможет взглянуть на мир глазами маленького человека. Я как-то видел отношение маленьких читателей к стихам Татьяны Гонтарь. Это было весёлое зрелище».

В её поэзии сквозит доброта, солнечный свет, мягкий юмор, детское удивление. Она – мастерица. В детской библиотеке живёт и работает театр детской книги, где все игрушки созданы её руками. Татьяна Алексеевна стремится пробудить в своих читателях добрые чувства.

Т. Гонтарь выпущено оригинальное сочетание книги с игрушками, названное «Любимые друзья» и содержащее, помимо крупного печатного, тактильный шрифт по Брайлю, читаемый пальцами и предназначенный для слабовидящих детей. Издание удостоено грамоты III Всероссийского конкурса на лучшее репродуцированное и рукодельное изделие для детей с нарушением зрения.

Лето

Здравствуй, лето! Здравствуй, лето!
Я тебя так долго ждал.
А ты все гуляло где-то,
Рассыпая цвет и жар.

Наконец мы повстречались,
Прикатило ты в наш край.
Напрочь холода умчались.
Бегай в майке, загорай.
Много яркого в росинках
На цветочном, на ковре.
Стрекозу с красивой спинкой
Повстречал я во дворе.
Вот так счастье, вот так радость,
Лето целое гуляй!
И мороженого сладость
С наслажденьем улетай.

Летний пейзаж

Высокое небо синее,
Бездонное и красивое!
Плывут, растекаясь слегка,
Молочным чайком облака.
Полнеба такого высокого
Захвачено смелым соколом.
Он зорко глядит с высоты
В цветущие травы, кусты.

Солнышко жаркое-жаркое!
Бабочка кружится яркая,
Присела на желтый цветок,
Чуть дрогнул резной лепесток.
Небо и солнышко жаркое,
Сокол и бабочка яркая,
Цветущие травы, кусты
Пусть будут всегда. Будь и ты!

Отдых

На полянке из желтого донника
Побродить налегке – босиком,
Заманила кукушка-бездомница,
Увела от забот далеко.

Окунувшись в траву изумрудную,
Словно в чистую водную гладь,
Я картину нарушила чудную
И покой, что вовек не сыскать.

Ветерок заигрался осинками,
И паучья ажурная сеть
Засверкала огнями-росинками
Так, что глаз невозможно отвести.

Муравьиная братия дружная
Под березовым кряжем снует.
Улыбается солнышко южное.
Безотчетно кукушка зовет.

Лес

Свежей зеленью лес кудрявится.
Пьет на зореньки росный квас.
Сыроежками выхваляется,
В гости ждет, не дожидается вас.
Загляните к нему, пожалуйста,
Оцените его красу.

И кукушку, зовущую жалостно,
Отыщите в густом лесу.
Побродите среди трав нехоженных,
Вместо шляпы приладьте лопух.
До чего хорошо там, Боже мой!
Навострите глаза и слух.

Хор

В некошеной травке сочной
Козявки, лягушки, квочки
Спорили, кто интересней
Исполнит для солнца песню.
Спорщиков было немного,
А судьи судили строго.
Первой запела квакушка.
Квакала страстно лягушка,
Но солнышку грустно стало,
Так в дождик, порой бывало.
Судьи поставили точку.
Затем пригласили квочку.
«Ку-да», – начала солистка, –
Куда вы, коршуны близко...»
Песня, конечно, сердечна –

Матери тема извечна.
А солнышку все же хотелось,
Чтоб всем веселее пелось.
Оно поднялось повыше,
Теплом разлилось по крыше:
И хор зазвенел веселый
В полях, городах и селах!
Все прочищали горлышко,
Так как любили солнышко.

Поход на дачу

Слышь, на дачу мы, Артем,
Завтра на заре идем.
Там, чтоб все было в порядке,
Утречком прополем грядки.
А как станет жарко днем,
В гамаке чуток соснем.
Под веселый щебет птичий
Сладенько на даче спится.
Кто ленив или не смел,
Нет тому на даче дел.
Ну, а мы кусты клубники
Защитим от повилики.
Веселей полоть вдвоем.
После ягоды сберем, –
Ешь клубничку не спеша,
Сколько требует душа.
День угаснет, нам пора
Посидеть и у костра.
В наступивший тихий вечер
Небо щедро звезды мечет,
Мы картошек напечем:
Нам работа нипочем.

– Ой, дедуль, конечно, прав ты.
Поскорей бы это завтра!

* * *

Выше снега день искрится
Легко-голубой.
Полечу, мечтая сбиться,
Следом за тобой.
Гнутых саночек скольженье
По дорожке ввысь.
Окрыленные движенья:
Всюду чудо-жизнь.

И когда проказник-сумрак
Чередой теней
За плечами дорисует
Крылышки, длинней
Встречи – память половина –
Улыбнись светло:
Сколько нежности невинно
Сердцем проросло!

Трамвайчик

Время – вагоноважатый, непомнящий
Ни одного своего пассажира.
Мы ненадолго друг к другу прижаты
И, слава Богу, покуда живы.
За соучастие в выжимании
Себя самого из других таких же
Ты награждаешься переживанием
И учащенно на ладан дышишь.
Ты неопознан, не вызнан доподлинно,
Сам без себя живешь-куролесишь.
А над трамвайчиком – глянь-ка – в полнеба
Звездный офорт, как ты к Богу едешь...

* * *

Чудес не... бывает –
Идешь. Ниоткуда
Навстречу – всплывает
Корабликом-чудо.

Ты руки протянешь
К нему, зазывая.

Обнимешь, оттаешь,
Очнешься... живая!

* * *

Мне рады
Кольшки ограды,
Их жестяные завитки,
Скамейка –
Позабыть сумей-ка,
Прогнивший ялик у реки,
Заиленный пологий берег,
Корытце, гуси, трын-трава...
Все это то, чему не верить
Грешно, пока душа жива.

* * *

Откровенно теплые ладони
Не соврут. Подглядывает солнце
Сквозь листву, рисует сеть сердечек
На твоём лице, моем плече,
На скамье, траве, асфальте, доме,
Улице: тот список бесконечен
И пристрастен каждый пунктом. Бьется
Сердце, словно бабочка в луче.
Отогретый счастьем подоконник
Растрещится. Огненная бронза
Шашечек штакетника на нечет
Подбивает наш упрямый чет,
Голубки доклевывают прозу.
Зной до двух считает и не помнит,
Что часы беспамятны. Кузнечик
Из травинки песенки печет.
И еще, еще, еще... Еще.

**ГРАДИНАР Алексей
Михайлович**
(род. 1952, с. Шпаковское
Ставропольского края)

писатель, поэт

Стихи пишет с пятого класса. Печататься начал с 1987 г. в местной прессе. Публикует свои произведения на личной стра-

нице на сайте «Стих.ру».

У Алексея Михайловича Градинара – интересная судьба. В его славянской фамилии, означающей в переводе с болгарского «город», словно заложено иное предназначение, которое он отверг, избрав профессию моряка.

Родился весной 1952 года. В 1962 году окончил шпаковскую среднюю школу №2 Ставропольского края. Отучился в мореходке в городе Ейске, работал в море, в городах Севастополе и Владивостоке. Служил матросом в Очакове. Был за границей СССР: на Канарских островах, в Сенегале, Александрии, Марселе, Гамбурге. Видел не только разные страны и города, но и быт, традиции народов мира.

Окончил инженерный факультет СХИ, поработал инженером наладчиком, занимался бизнесом. Сейчас периодически живет за границей, но пишет стихи о России, ее истории и судьбе.

*Я нашел золотой
во дворе,
Как сиял он огнем
на заре,
Пусть хранит он
от всяческих бед,
Я богатый иль
нищий поэт?*

*Я поэт — значит
деньги и я,
Пусть не недруги,
но не друзья.
Эй голодный, эй
нищий, постой,
Угощайтесь на
мой золотой.*

А.М. Градинар

Лебедь

(быль)

Его привезли на озеро к моему другу охотники. Лебедушку его убили, а стая улетела на юг. Одинокий, с перебитым крылом, на фоне гусей в воде, он смотрелся восхитительно грациозно. Стая гусей не подпускала его к себе, но и он не проявлял активного желания быть вместе. Лебедь был горд, величественно монументален, но, казалось, что он надломлен и подавленно задумчив.

Солнце струилось по его изящной шее и искорки, отраженные от глаз, издали напоминали слезы бесконечной, почти человеческой тоски. Он шипел на подплывающего к нему вожака гусей с такой внутренней силой, что тот убирался вместе со своей стаей. Лебедь не хотел есть, будто всем своим видом высказывал негодование и неприязнь. Чем он жил? Какие мысли роились в его красивой головке? – Как жить дальше и зачем, – среди

гусей и людей, лишивших его свободной стаи и Любимой? Гуси уходили вечером в загон, а утром возвращались на озеро. Лебедь все время оставался в озере до самых холодов. Взрослые, но особенно дети, переживали за него, стараясь накормить и хоть что-то сделать для облегчения его участи; но лебедь держал всех на расстоянии, ускользя и отплывая на безопасное место. Наверное, мы люди, в своем дьявольском, бесшабашном ритме утратили не только интуицию, но и другие более тонкие чувства, присущие младенцам и обитателям дикой природы. Разлученный с подругой и сородичами, лебедь метался по озеру или вдруг замирал на одном месте, задрыв вверх голову, будто стараясь уловить крик давно улетевшей лебединой стаи...

Наступили холода. Снег покрыл прибрежную пожухлую зелень и кусты боярышника белыми, висячими шапками. Озеро с краев слегка подернулось ледяной коркой, но на середине была полынья, и лебедь стоически перенес приближение «гибели». Хозяин соорудил для него специальный загон, теплый и отдельный от гусей. Зима наступила яростно и мгновенно, сковав последнюю полынь. Друг приготовил огромную рыбацкую сеть, и когда лебедь, надламывая тонкий лед, вскарабкался на берег, набросил ее на него. Господи, люди, не видевшие лебедя на берегу, искренне удивились его размерам и какой-то странной неуклюжести. Он был огромен, и почти в два раза больше гусяного вожака. Так вот почему гуси боялись его! Они чувствовали «подводную мощь айсберга», его скрытые от человеческих глаз величие и силу. Раздался душераздирающий крик, стая гусей подхватила и усилила этот лебединый призыв. Гогот и крик лебедя слились в дикий едино-разноголосый унисон. Вероятно, он решил, что его хотят убить. Странно, но казалось, лебедь всем своим видом неимоверной тоски «показывал», что готов к смерти. И все-таки ее жуткое приближение напугало его. Мужики «спеленали» его и выпустили в загон. Там было много корма и воды, тепло, светло и уютно. Сначала лебедь метался по загону, надрывно и призывно крича, но потом затих. Наступила тревожная обманчиво-успокаивающая тишина.

Люди замерли, вслушиваясь в нее, – им показалось, что он успокоился, смирился со своей участью... Утром его нашли мертвым...

ГУБИН Андрей Терентьевич
(1927, ст. Ессентукская
Ставропольского края –1992, Москва)

писатель-прозаик, поэт, журналист
Автор произведений «Молоко волчицы» (1996), «Афина Паллада» (1968), «Светское воспитание или царский браслет» (1996), «Траншея» (1995) и др. Его полное собрание сочинений составило 12 томов. Член Союза писателей СССР... В 1995 году стал (посмертно) лауреатом литературной премии им. М. Шолохова.

Творчество Андрея Губина неразрывно связано со Ставрополем. В разные годы своей жизни писатель проживал в Москве, Прибалтике, Средней Азии, на Дальнем Востоке, но постоянно помнил о своей «малой родине».

Андрей Терентьевич Губин родился 17 октября 1927 года в станице Ессентукской. Предки его пришли на Кавказ из-под Великого Новгорода. Дед, Андрей Николаевич, имел большую семью, где было девятнадцать детей. Отец, Терентий Андреевич Губин, мать, Мария Васильевна Губина (в девичестве Тристан).

Детство прошло в Кисловодске. В годы Великой Отечественной войны Андрею пришлось работать с 15 лет. Сменил много профессий, был пастухом, молотобойцем, пожарником, кочегаром на паровозе. Дни проводил за чтением книг в библиотеке. Стремясь увидеть мир, отправился в город Ригу, где служил на морском транспортном судне. Затем – жизнь в Москве, Находке, Владивостоке и возвращение на землю предков.

*...Пишу я много и быстро,
но издаю медленно и не
много – разумеется,
издатель моих книг не я...*
А.Т. Губин

В 1951 году в газете «Искра» Предгорного района появляются первые публикации стихов Губина, после чего писатель сразу становится литературным сотрудником этой газеты. Первая большая повесть – «Созвездие Ярлыги».

Рассказы и повести Губина печатались в журналах «Октябрь», «Смена» и альманахе «Ставрополье».

В 1959 году окончил институт кинематографии, получив квалификацию драматурга. После этого зани-

мался только литературной деятельностью. Первая книга новелл – «Афина Паллада» – вышла в 1966 году в Ставрополе. Одним из крупных произведений писателя становится роман «Молоко волчицы», над которым Андрей Терентьевич работал около 20 лет. Повествование охватывает более чем столетний период жизни терского казачества, многие человеческие судьбы. Роман «Молоко волчицы» имел большой успех и издавался более 15 раз не только в нашей стране, но и за рубежом.

Последние годы жизни писатель провел в Москве. Похоронен в городе Эссентуки. На Кавказских Минеральных Водах именем Андрея Терентьевича Губина названы улицы, школы, библиотеки, в городах, где он жил, установлены мемориальные доски. После смерти писателя в его архиве почти в идеальном порядке были обнаружены рукописи 10 томов, среди которых очерки, эссе, рассказы, повести, романы, драмы, стихи, поэмы.

Синие горы Кавказа

Тысячу лет назад греческие мореходы, подплывая к кавказским берегам, писали: «Над Колхидой высится гора, треть ночи освещаемая солнцем». Древние народы и племена, кочующие по травянистым равнинам Европы и Азии, давали различные имена двуглавному гиганту, из которых главное – Эльбрус, или Грива Снега.

На провесне, теплым февральским деньком, молодые казаки ходили на стрельбы под Острый бугор. Там под водительством инструктора Антона Есаулова, в снежной балочке, стреляли они из винтовок и наганов в цель картонную голову Чемберлена. Инструктор Антон Есаулов учил будущих кавалеристов, а Михай Есаулов, не отставший от молодых, подковыривал мазил, радовался – старый бык борозды не портит – он стрелял отлично.

Возвращаясь домой, Антон опередил допризывников. Он еще донашивал армейскую шинель, работал в военкомате, военная казачья косточка, но душа загоралась иным, не военным. Готовился поступить в консерваторию, занимаясь сочинительством и собирательством музыки, песен, Божья искра, что тлела в роду Синенкиных, веками спящая под каменной шапкой, прорвалась в Антоне огненной магмой.

То было время невиданных дерзаний и взлетов. Горы, реки, моря, тайга и пустыня покорялись человеку. Ветер времени сорвал каменные наслоения на душах, и магма энергии расцветала по стране заводами, электростанциями, поэмами, урожаями. Антон не знал генетических теорий рода, но чувствовал, что природа через него выражает, наконец, стремление его дедов, родителей, их братьев. Понимая, что в пункте жизни он всего лишь крохотная черточка, он считал себя призванным на большие дела. Идя со стрельбища, он оглядывал мир, как первооткрыватель.

Пашни были заснежены. Кое-где протаяло, и земля там лежала как черный пух, легкая, волнистая. Нежно пуховели еще более черные кучки зем-

ли, нарытой и перетертой лапками хомяков. Так манили они свежестью, что Антон не удержался и погрузил пальцы в прохладные черные груди земли, бесчисленные, многорожальные.

Станица лежала внизу, просматриваемая от края до края. По ту сторону уходили в гору такие же, как и здесь, черно-белые пашни и зелена. Под холодком Толстого бугра и Пикета синел снег. Выше и дальше, резко и как попало, белели грани Главного Кавказского хребта. На одной высоте с хребтом перемешалось белое руно застывших, как на гравюре, облаков. Над всем этим – над пашнями, горами и облаками – неправдоподобно высоко вздымалась исполинская масса Эльбруса.

Любуясь неоглядной панорамой, Антон сжался от незнакомого нового облика Бештау, на вершине которой побывал в детстве. Беспощадно четко рисовались на лазури неба сине-серые контуры железной шершавости. Одиноко и светло под Острым бугром. В долине под Машуком длинная туманная полоса. От безжизненности Бештау веет диким, не поддающимся разуму хаосом, непокоренностью. Чудилось, что горы еще красноватые под пеплом вулканов, в неостывшей окалине магмы.

Антон представил, как ярко и сумрачно освещали Кавказ факелы вулканов в доисторические времена. Как нехотя отступало море. Надвигались ледники. Потом тут ревели бронтозавры. Бились с южными мамонтами саблезубые тигры. В этих же балках сутуло ходили обезьяно-люди. Их пещеры завоевали племена охотников на зубров и медведей. Это же солнце освещало шалаши первобытных кузнецов и пастухов. Тут справляли кровавые обряды, хранили огонь в глиняных сосудах, изобретали лук, колесо, топор...

Нет, не угадали горы. В их звериных складках навсегда залег запах серы и гари. Бесчисленные орды людей прошли здесь, где снежные горы соседствуют с знойными пустынями, лесные дебри – с плодородными полями, а солнце тропиков – с лютым северным бореем. И неспроста в преданиях земных народов возникали тут картины рая, земли богов и героев, и тысячи лет племена тянулись сюда, где высится гора, треть ночи освещаемая солнцем.

В легендарный мрак уходит прошлое Кавказа. Боги Олимпа сражались здесь со старыми богами-титанами. Аргонавты плыли сюда за золотым руном. Эльбрус – темница Прометея. Следы Великого переселения народов здесь на каждом шагу. Цари Кавказа упоминаются в Ветхом завете как нечто древнее. Жизнь здесь была ключом, когда еще не было ни Рема, ни Ромула, ни их матери-волчицы. В языке осетинов – когда-то азов, отсюда «Азия» – до тысячи слов, родственных по корням немецким. Есть свои Нибелунги. Есть эпос, подобный гомеровскому. Герой и бог северных саг один долго скитался по Кавказу, прежде чем обосновался в шхерах и фиордах Скандинавии.

Предки Антона заселили этот рай, в котором и ад свободно уместился со всем огненным хозяйством. А серо-синяя железность гор, их пугающая неподвижность, словно сознающая свою силу, остались. Грозно торчат из земли,

далеко разбросанные обломки скал. За ними и поныне мерещатся спины панцирных чудовищ, оголтелый вой первых веков жизни, неповторимо ужасных. Это чудо, что разум человека не затемнили пещерные ночи одиночества, ночи звериного бытия, ночи, озаренные взрывами эльбрусской лавы.

Три самых величественных близнеца природы окружают человека от начала. Звездное небо, синее море, белые горы. Созерцание их делает человека или поэтом, или сводит с ума. Потому что это пути вечного стремления человеческой души – ввысь и вдаль. Так не манит и так не угрожает ничто.

В стране безмолвия так не бывает тихо, как в горах, поражающих равнодушием. Горы – страшнейшее создание природы. Горы равнодушны. Их жестокость не похожа на окровавленный гнев океана или на затаенную вражду космоса. В ураганы море губительно. Горы прекрасны и привлекательны. Но достаточно начать восхождение, чтобы заглянуть в каменные глаза смерти. Горы всегда спят и, спящие, подстерегают человека. Поселиться в горах могли только безумцы, бросившие вызов Вселенной. словно гонимые на гибель, вечно стремились сюда поколения, оставляя в земле кости, мечи, черепки.

Никому не сгибались в угоду. Ютились над синими безднами. Пили железную воду – и сердца у них стали железными.

Антон свернул к колхозному птичнику, увидев мать. Михай добился для Марии реабилитации, и она стала колхозницей. Поговорили о том, о сем, об отце, что был в бегах, о дяде Спиридоне, песни которого любил Антон. Мария, Антон и Митька жили с семьей Федора Синенкина в старой из синего камня хате под железом и не ладили с невесткой – жена Федора хотела быть полноправной хозяйкой на своем подворье. Мария считала, что Антон по этой причине хочет уехать учиться, и уговаривала сына остаться в станице.

- Снимешь квартиру в городе и работай себе баянистом.

- Нет, поеду учиться.

- Ты же с малства играл на свадьбах, и лезгинку умеешь, и барыню, чего ж тебе учиться?

- Я, мама, песни пишу, музыку к словам.

- Мотив? – догадалась мать.

- Да. Одну мою песню на границах поют.

- Ты ее мне перепиши и напой.

- Выучусь, заберу вас с Митькой в большой город, хватит вам всех обстирывать да в навозе копаться. Вы-то нарзан хоть пьете?

- Некогда, – улыбнулась Мария.

- Вот казачество! Все им некогда! Люди за тыщи верст едут сюда пить воду! И руки у вас, как у амбала в порту.

- Рабата такая. Это ты, сынок, в армии отвык, тебе и страшно. А я скажу – или приснилось мне, или выдумалось? Будто шла я степью горькой, жаркой, серые коршуны, пыль, сушь, тоска. Долго шла. И вдруг зелень, пруды, белые дома, флаги на воротах. Усадьба колхозная. Это мы ездили в один ку-

банский колхоз за опытом. Все там новое, все по-другому. И я будто новая. Что, чего – не пойму, а дышится легче, даже засмеешься без причины, а работа, сам говоришь, не легкая, мой сынок. Как во сне.

- Было и у меня такое, – говорит сын. – Первый год служил я не на заставе, а на отдельном секретном посту. Время скучное, двое нас, пограничников, горы семь верст в небо, вода шумит, да барсы ночами воют. И хоть дружили мы с Османом, тяжело без людей. Перевели нас на заставу – тут веселее, хотя службы и строгости прибавилось. А когда повезли нас на парад и мы шли по городу батальоном – вот точно ваша усадьба с флагами: такая радость в душе, такой огонь кипит, что я тогда и сочинил первый марш. Это от жизни, от людей зависит, а не потому, что вы пруды и новые дома увидали.

- Сказать я не умею. Есть и у нас и пруды, и сады, а вот что-то там показалось мне другим. Может, потому, что клуб у них голубым покрашен, да еще поле как бархатное, на нем ребята ногами мяч гоняют.

- Что же, у вас краски голубой нету? – засмеялся Антон. – Красьте и вы. Не в краске дело, а что живете с людьми вместе.

- Михай Васильевич звал меня в партию...

- Вступайте, женщины теперь везде впереди.

- Смех – я же малограмотная, тайком учусь по Митькиным книжкам.

- Сам-то Митька был двоечник!

- Он по скотине бешеный. Верить, любую корову подоит, кони ему покоряются, а как уроки делать, так и заскучает. Не идет ему грамота. Только и удался – быкам хвосты крутить.

- Бить его некому! Вот я до него доберусь! А вам попрошу план в стансовете, за лето сделаем хату, будете жить отдельно от Федора.

У Марии навернулись слезы. Страшно ей уходить от своих, от родимого гнезда. Она горой стоит за родных, всю отдает себя, но как вода в сухой песок, уходит ее доброта к родственникам – разрушение старой семьи, распад родственных связей совершались неостановимо, как и разрушение частной собственности и старого государства. Рождалось новое общество людей, объединенных работой, соседством, взглядами, а не только кровными узами. Кинулся как-то и Михай Васильевич спасать свой род, да лишь посмеялся – и время не то, и люди изменились, и близка им не станица и круг родных, а вся Россия, открывавшаяся кому вольно, кому невольно. Сам Антон уже мало знал с двоюродными, а троюродных и не знал. Новые у него товарищи, новая родня.

- Что ж мы в новой хате будем делать двое с Митькой? – говорит мать. – Вот кабы ты не уезжал, а женился и жил бы с нами.

- А есть невесты?

- У Бойченкиных, сестра Гаврюшки, что в артистах, в отпуск приехала. Такая расфуфыренная, ровно слизанная, по кораблю работает... чертежница, что ли. Вот бы и жена тебе.

- Ну, давайте сватать.

- Так посмотреть же вам надо друг дружку, познакомиться.

- Чего смотреть! Я вам верю!

Тут только мать улыбнулась, поняв в сыне неистребимое казачье шутство. И все же вздохнула:

- Девка, как капустный вилок, тронь – и скрипнет. Огурец в пупырышках.

- Зовут-то ее как? – продолжает шутить сын.

- Ювелина, – с трудом вспомнила мать.

- Эвелина, – поправил сын.

- Ага, дома ее кличут Евой.

- Знатное имя, жаль, я не Адам!

- Может, сходим к ним в гости? – воспрянула мать. – Фонечка Бойченки-на моя подруга.

- Сходим. Или я не казак?

- Ну?

- Женит меня шашка острая!

- Правильно! – крикнул подъехавший со спины Михей Васильевич. Соскочил с коня легко, будто серебро на висках накладное, а морщины на лбу от шашек времени случайны. – Во какого орла воспитала нам Красная Армия, Мария Федоровна! У него и родинка, как у твоею братца Антона. Раньше бы взяли кавалера в гвардию. Вот все зову к себе в колхоз заместителем – не идет.

- Учиться поеду, Михей Васильевич.

- Учиться – это дело, – погрустнел председатель колхоза. Разлетаются наши орлы из станиц по белому свету, тесно им у нас, а нам, старым пенькам, уже не вырваться от земли, тут и свекуем. Ну, что ж, скачи дальше, лихое племя... Да только и нас, хлеборобов, в будущем помяните добрым словом.

И тогда горы показались Антону ниже колена, а обветренные лица матери и Михея как из светлой бронзы.

В конце лета Антона вызвали в консерваторию. Он попросил в колхозе коня, шагом поехал проститься с родными местами. Напился из тех горных родников, в которых пили его деды, поехал к матери.

Птичник – в зеленой прохладной балке. Рядом старый сад с канавами, в которых снуют в воде раки. И в самые тихие часы деревья тут шумят, не смолкая, – в балке постоянное урло горного ветерка.

Мария сильно изменилась за последнее время. Расцвела в конце бабьего века. Любовь ее кончилась сама собой. Между ней и Глебом непреходимая вода. Кончается все. Устает железо. Песня их спета. Звал он ее к себе, куда-то в Среднюю Азию, не поехала от родных могилок. Сватались к ней пожилые женихи – не пошла, перед сынами совестно. Когда-то барыня Невзорова назвала ее гадким утенком. Теперь лебедь выросла. Одинокая лебедь. Помятая колесами Глебовой арбы.

Долго шли мать и сын по замирающей степи. Он, одетый в городской костюм, вел коня в поводу. Она всплакнула и просила писать почаще. Ему каза-

лось, что старость матери была раньше, давно, в голодные годы, а теперь проступала молодость, и он подбадривал ее, намекал, что и ей еще не поздно замуж выйти. И лишь когда вскочил в седло и мать по-старинному обняла шею коня, хоть конь тот оставался в колхозе, сын увидел в ней жалкое, покорное, бабье. А когда издали оглянулся, на кургане стояла высокая женщина, будто из царства склоненных деревьев привыкала жить прямо, не сгибаясь.

Ясный месяц садится, заливая порядки домов зеленым светом. Яркие и редкие, как всегда при месяце, звезды. Густо квакают на музге лягушки. Серо, печально, безлюдно. Налетит ветерок, поиграет листьями верб, журчит вода в мельничной Канаве. Должно, скоро светать будет, а председатель колхоза еще не ложился – опять прозаседали.

Мирно гудят жернова, перемалывая зерно нового урожая. Казаки первыми прославили свои колхозы большим хлебом. От маслобойни плывет сладкий аромат подсолнечного масла и горячего жмыха. И скоро окутает станицу самый вкусный запах утренней зари – от уставших за ночь пекарен. И хлеба вволю, и сквер у клуба взялся, вода в колодцах прибывает, строятся новые школы, учреждения, растут новые люди, и есть у председателя думка распахать, раскорчевать, очистить от камышей пойму Подкумка от Бельх до Синих гор, сделать землю садом.

Под «шумом» замерли парочки неугомонные, а потом в степи на работе дремать будут! У хворостяной запруды серебряное озеро. Михей Васильевич прищуривает глаза, чтобы берега озера расплылись вширь, видит в пригорной станице флаги на мачтах, паруса, море... И почему это клапаны в сердце не стальные, чтобы дожить до коммунизма!

Новое побеждало необоримо, но еще дремали револьверы, на чердаках таились клинки, еще «мужик» или «татарин» в иных устах звучали презрительно. Семнадцать станичных колхозов вытеснили извечное единоличное хозяйство. Но еще не все единоличники смирились с этим.

В ту зеленую кавказскую ночь молодой механик МТС Сергей Стрельцов, недавно приехавший на жительство в станицу с женой из Рязани, залег во дворе охранять картошку – цвела она, «как молоко», уродила сам – двадцать, и воры подкапывали ее. Не знал механик, что не за картошкой – за ним охотились враги колхозов и пришлых мужиков. Узкогрудого веселого парня, казалось, полюбили все. Он охотно помогал нуждающимся семьям вспахать огород трактором, катал на нем ребятишек, без всякой mzды чинил станичникам часы, швейные машины, потеснив в этом деле Федора Синенкина. Ложась в картошке, не взял и дрюка, думал руками проучить воров, а руками он поднимал тракторное с шипами колесо.

Враждебно шуршит бузина. Мяукают кошки. В четвертую стражу Сергей видит: тихо переходят речку – на светлом звездном пологe горбатые тени. Сергей встал и крикнул. Тени побежали на крик, шурша ботвой. Блеснули топоры или лопаты. Сергей кинулся к хате: «Тося, давай наган!» – хотя ни-

какого нагана у него не было. Жена успела открыть дверь. Жену зарубили сразу, а Сергея оглушили.

Очнулся механик у гаража МТС, где стояли тракторы. Убийцы взяли в кармане механика ключ, но замок был с секретом, приказали:

- Отмыкай!

Стрельцов собрал всю силу, рванулся и метнул ключи в бурьян. Схватка продолжалась долго. Наконец механик затих.

За двумя гробами шло полстаницы. Ближе к гробу шли Михей Есаулов и Февронья Горепекина. Она осуждающе смотрела на председателя – не всех врагов выслали в коллективизацию, вот их работа!

Новое побеждало неодолимо, но лишь в борьбе.¹

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.2: Проза. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. – С.109-114

ДМИТРИЧЕНКО Валентина Гапуровна
(род. 1956, с. Лузинка Северо-
Казахстанской области)

ставропольская поэтесса

Член союза писателей России, автор нескольких сборников лирических стихотворений, полюбившихся читателям. Изданы книги: «Выбираю любовь» (2001), «Подкова на счастье» (2002), «Продолжается жизнь» (2003), «Звезда в колодце» (2004), «Лунная подкова» (2006).

Поэтессе свойственно умение удерживать внимание аудитории доверительностью интонации, задушевым лирическим настроением, с которым она читает свои стихи.

Валентина Гапуровна родилась 20 января 1956 года в с. Лузинка Северо-Казахстанской области. Училась в Лузинской восьмилетней школе, затем в Волошинской школе-интернате. После окончания десятилетки один год работала преподавателем физкультуры в своей школе, а позже – заведовала Лузинской сельской библиотекой.

Высшее образование получила в Петропавловске на библиотечном отделении. В конце 1977 года переехала в город Невинномыск Ставропольского края. Работала в Малотенгинской сельской библиотеке Краснодарского края, а позже воспитателем в детском саду в Невинномыске.

С 1994 по 1996 жила с семьёй в Польской Народной Республике, работала на совместном Российско-Польском предприятии, созданном по инициативе своего мужа. В 1996 г. Возвратилась в Россию в г. Невинномыск, где и проживает до сего дня.

Шарит клен по скату крыши...

Шарит клён по скату крыши,
Ищет павшую звезду..
С чердака достану лыжи,
В лес заснеженный уйду -
В край нетронутых владений,
Задыхаясь на бегу,
Где лежат осинки тени
Синей зеброй на снегу.
Где заснеженные кроны
В белом мороке пурги,

Где досужие вороны
Взгромоздились на пеньки.
Где расхристанная ива
Горько плакала навзрыд,
Где шиповник у обрыва
Окровавленный стоит.

Накануне выпали снега

Накануне выпали снега,
Белый пар сплавляется по речке.
Дыма синеватые колечки
Дом трубой пускает в облака.

То, что было видимым вчера -
Всё под снег упрятано, укрыто:
Сена стог, дырявое корыто –
Всё облагорожено с утра.

Липа, как невеста в кружевах -
Наконец-то час желанный пробил...
И заря купается в сугробе
С лёгкою усмешкой на губах!

О Родине

Вот она – милая родина,
Тихая пристань души,
Листьями чёрной смородины
Ветер в овраге шуршит.

В чаще, где в сумрак осиновый
Ранняя смотрит звезда -
Белые шеи гусиные,
Как березняк у пруда.

Сердцу родная, желанная
С тёмной полоской жнивья...
Что там за дымкой туманною,
Может быть юность моя?

Знаю – за торной дорогою
Из полосы ячменя

Детство моё босоное
Тихо окликнет меня.

Осень

От чистых рос крапива в серебре,
И пижма в жёлтой шляпе из вельвета
Стояла тихо. Осень на дворе
Цеплялась паутинками за лето.

А дворник жёг отжившую листву,
И синий дым сползал на перекаты,
И падали, как яблоки, в траву
Румяные и спелые закаты.

Молчали птицы в скверах и садах,
Одним законам жизненным подвластны.
Лишь осень, словно женщина в годах,
Была неотразима и прекрасна.

Первая гроза

Листьев плавные вырезы,
Голубей воркотня.
Извергаются ирисы
В пламень майского дня.
Сад стоит без движения
В ожидании гроз...
Лишь цветов извержение
Да гудение ос.
Гаркнет зычно и молодо
Гром с небесного дна
И на части расколота
Над землёй тишина.
Потемнело за речкою
И, пробив синеву,
Град шинкует, как сечкою,
Молодую траву.

Первый снег

Мать с утра наденет валенки.
Догадаюсь: снег, зима...
Вербы в платьях накрахмаленных
Тщетно проснутся в дома.

Снег валит на крыши серые,
Ходит ветер верховой
И бельё гремит фанерою
На верёвке бельевой.

Кину взгляд – пустыня белая
Вся сверкает серебром.
Не звенит обледенелая
У колодца цепь с ведром.

Дым сиреневый над крышею
Переходит в неба цвет.
И слепит глаза отвыкшие
От полозьев санных след.

Месяц, как лодка плывет...

Месяц, как лодка плывёт
В небе над крышей гаражной.
Мама домой позовёт
Грустно, тревожно, протяжно.

В полное света окно
Бражники глухо стучатся...
Пышки остыли давно,
Спать улеглись домочадцы.

Тихо крадётся ко мне,
Плотной портьерою сужен,
Свет от луны по стене,
Больно царапая душу.

Малая Родина

Зорька летняя алая
Над деревней плывёт не спеша.
Называть тебя малою
Ни за что не согласна душа!
Торной тропкою узенькой
Я иду, раздвигая рельё...
По каёмочку, Лузинка,
Ты наполнила сердце моё.
Скромный ситчик берёзовый

Сушит ветер на кромках полей,
Переспелыми росами
Травы буйные гнутся к земле.
И шепчу запоздало я,
Прежде бывшие ветром, слова:
– Ну какая ж ты малая,
Если в сердце вместилась едва?!

Бабушка Алёна

Деревенька Лузинка, белая дорожка.
На оконце узеньком яркая матрёшка.
Галки у завалинки за ивовым тыном...
Обметаю валенки веником полынным.
Петушиным голосом кукарекнул двери.
У бабули волосы рано побелели.
Веретёнце, прялочка, половик зелёный,
Леденец на палочке для меня сладёны.
Пирожки, оладушки – не горбушка хлеба...
А глаза у бабушки синие, как небо.
А сверчок калякает сам с собой за печкой
И тихонько звякают спицы о колечко.

Луг в тополином снегу

Луг в тополином снегу.
Падают росы в ладони,
А на другом берегу
Ходят по клеверу кони.

Вывесит звёзд фонари
Небо по синему шёлку.
Будет до самой зари
В травах свистеть перепёлка.

Дрогнет в затоне вода,
Тихо качнув плоскодонку.
Скатится с неба звезда
Прямо на лоб жеребёнку.

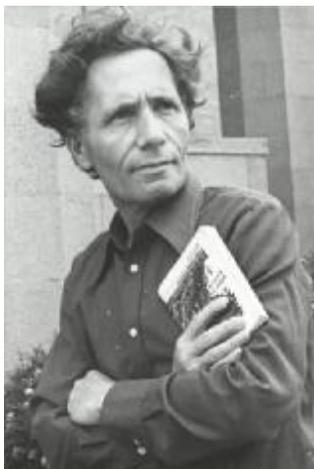
Январь

День сиренево-синий,
Лес в снегу до бровей.

Осыпается иней
Серебристый с ветвей.

Сосны в небе как вышки.
Чуток времени бег
И лущёные шишки
Плотно впаяны в снег.

Речки розовый глянец,
На снегу – снегири
Как весёлый румянец
На щеках у зари.

ЕКИМЦЕВ Александр Ефимович
(1929, с. Акуличи Брянской области –
1992, Ставрополь)

ставропольский детский поэт

Имя Александра Екимцева, автора 29 поэтических сборников (лирика и стихи для детей), с 1993 года носит Ставропольская краевая детская библиотека.

Его стихи для детей издавались в журналах «Мурзилка», «Пионер», «Костер», газете «Пионерская правда». Поэма «Брянский лес» удостоена премии на Всесоюзном конкурсе как лучшее художественное произведение для детей.

Александр Ефимович Екимцев родился в 1929 году в селе Акуличи Клетнянского района Брянской области.

Ребёнком пережил Великую Отечественную войну. Она врезалась в его жизнь, память навсегда и нашла отражение в творчестве.

После войны, окончив среднюю школу, А.Е. Екимцев проходил военную службу в Приморском, а затем в Хабаровском краях. Там же в окружной военной газете «Суворовский натиск» были опубликованы его первые стихи.

С 1960 года А. Екимцев жил в Ставрополе, где вышла в 1962 году его первая книжка стихов для детей «Десять добрых тропок».

*...И счастлив тем,
что здесь я рос,
И то мне сердце радует,
Что снежный свет
Родных берез
На всю планету падает!..*
Александр Екимцев

Строфа этого стихотворения
высечена на надгробном
памятнике Александра Екимцева

В стихах для детей много шутки, юмора, нежной, трогательной чуткости ко всему живому. Любовь к детям, их непоседливости, их максимализму, их озорству, любознательности, романтичности дышит в каждом его стихотворении, в каждом интересном образе. Детская поэзия Екимцева ценна как лёгкостью и выразительностью стиха, так и светлыми, одухотворёнными жизнеощущениями. А главное – в ней много любви к детям. Все это определило его судьбу как детского писателя. В дальнейшем ставропольское книжное издательство выпустило ряд его поэтических сборников. В 1967 году Екимцев стал членом Союза писателей, а в 1969 году – слушателем высших литературных курсов.

Живая природа, энергичная и лирически – задумчивая одновременно, яркая, искрящаяся, озорная и любопытная, участвует в стихах поэта в детских играх, помогая ребенку познать мир. Поэт умеет включить маленького человека в мир так же органично и полноценно, как это делают сами дети. Екимцев умел выступать перед детьми, они непосредственно откликались на его заразительную душевность, на создаваемые им игровые ситуации, охотно подключались к совместному стихотворчеству.

Александр Ефимович Екимцев писал также поэмы – не только о войне: о матери, о любимом Ставрополе.

ДЕДУШКА ТУМАН (сборник)

Дедушка-туман

Лес – в карман,
Поля – в карман
Спрятал
Дедушка-туман.
Спрятал
Копны и стога,
И лужайки,
И луга.
Даже солнышко
В карман
Спрятал
Дедушка-туман.
Только он
Совсем забыл,
Что карман
Дырявым был.
За рекою
В гору лез –
Потерял
Поля и лес.

Потерял потом
Лука,
Копны сена
И стога.
У высокого кургана,
Где дремал
Костра дымок,
Из дырявого кармана
Солнце
Вылезло само!¹

Рубашка

Детство, детство. Ты синь-рубашку
Подарило на память мне.
Вышивали ее ромашки
При огромной низкой луне.

Вышивали всю ночь ромашки
Гул ветров, шорох трав, леса.
Даже вышили на рубашке
Самых разных птиц голоса.

Светлый ливень берез над лугом
И раскаты июльских гроз.
Журавлей, улетающих к югу,
Медом пахнувший сенокос,

Полыхающее поднебесье
И закат у дальней межи,
Отголосок той бабьей песни,
Что запуталась в спелой ржи...
Низко кланяюсь вам. Ромашки,
Детству кланяюсь и луне:
Вы волшебную синь-рубашку
Подарили на память мне.
Захочу –
и заскачет детство
На игренево на коне.
Или старый-престарый дед мой
В полночь сказку расскажет мне.

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.1: Поэзия. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – С.59

Захочу –
станет филин ухать,
Захочу –
увидю с крыльца,
Белый ливень берез над лугом
С неба хлещущий без конца.

Обожженное в полночь небо,
Черный дым за каждым углом,
Золотую кроху хлеба,
Что делили большим селом.

Уплывающий дым тот горький
От земли, где я жил и рос, Мать,
стоящую на пригорке,
В ореоле седых волос.¹

Десять добрых тропок

Возле дома лесника
В жаркую погоду
Десять троп
Из родника
Пили с нами воду.

Путь-дорожка далека –
С ними мы расстались.
Десять троп у родника
Навсегда остались.

Если солнце припечет –
Под осиной робкой
Вам укажут родничок
Десять добрых тропок.²

Деревушка на сосне

Тёплый ветер, южный ветер,
Спозаранку, по весне,
Вдруг заметил, вдруг приметил

---

¹ Там же. – С.58-59

² Там же. – С.59-60

Деревушку на сосне.
Насчитал он в деревушке
Девяносто три избушки.

Развесёлый ветер гулкий
Ветки сосен покачал.
Пробежал по переулкам
И по улицам промчал.

Осмотрел он все избушки,
Разглядел он что к чему.
Посредине деревушки
Солнце встретилось ему.

В шубе заячьей, лохматой,
Сунув бороду в карман,
Будто сторож бородатый,
Под сосной дремал туман.

Может, просто так сидел он
И его клонило в сон,
Ну, а может, в самом деле,
Охранял избушки он.

Тёплый ветер, южный ветер
Деревушку облетел,
Всё заметил, всё приметил,
Всё как надо разглядел.

А потом помчал на почту,
Заглянул в просторный зал,
И, чуть-чуть помедлив, вот что
Дятлу весело сказал:

«Ты не в службу мне, а в дружбу
Телеграмму дай весне.
Сообщи ей: обнаружил
Деревушку на сосне

Передай: мальчишки срочно
Собрались со всех концов,
Дружно строили и прочно
Деревушку для скворцов.

Все пилили и строгали,
Все готовились к весне.
И Скворцовскую назвали
Деревушку на сосне.

Скоро лес зазеленеет,
Почки шепчутся во сне.
Пусть скворцы летят скорее
В деревушку на сосне!»¹

Осень

В журавлином небе
Ветер туи носит.
Шепчет верба вербе:
Осень. Снова Осень!

Листьев
желтый ливень,
Солнце ниже сосен.
Шепчет ива иве:
Осень. Снова осень!

На кустарник иней
Белый плащ набросил.
Шепчет дуб осине:
Осень. Снова осень!

Шепчут елям ели
Средь лесного бора:
Скоро заметелит
Изавьюжит скоро!

Хвостики да ушки

Жили у старушки хвостики да ушки.
Усики да лапки, коготки-царапки.
Ушки чутки были – писк мышей ловили,
Хвостики виляли – хатку подметали.
В срок по распорядку подметали хатку,

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.1: Поэзия. – Ставрополь: Изд-во СППИ, 2009. – С.60

Подметали быстро, подметали чисто.
Тапочки для бабки находили лапки.
Тапки подавали да на кухню звали.
А играли в прятки – аж сверкали пятки,
Аж мелькали ушки там и тут в избушке.
Вечерком на лавке появлялись лапки.
Уползали лапки, коготки-царапки.
Усики зевали, хвостики дремали.
Лишь не спали ушки в доме у старушки.
Ушки чутки были –
Писк мышей ловили.

Солнце
Вылезло само!

Я нарисовать могу

Я нарисовать могу
В небе
Радугу-дугу!

Только дайте краски разной:
Синей, желтой, белой, красной.
На один лишь ободочек –
Красной краски
Триста бочек.

И на желтый ободочек
Желтой краски
Триста бочек.

Бочек сто мне
Синей хватит –
Зря ее не буду тратить

И еще мне нужно очень
Белой краски
Много бочек.

А потом
С высокой кручи
Помогите влезть на тучи!

И подайте кисть и краски:
Синей, желтой, белой, красной.

Мне подайте с ближней кручи
Бочки с краскою
На тучи,

Что чернее черной сажи
И белее, чем снега.
И тогда зимою даже
Будет радуга-дуга!

Куст

Вырос куст над жёлтой кручей
Царапучий-царапучий.
Царапучее, чем кошка.
Я его боюсь немножко.

Варежки

Пришли, закружили седые метели.
И веточки варежки тут же надели.

Пуховые варежки белого цвета
Они натянули в сиянье рассвета.

Чтоб тонкие пальчики не обморозить,
Пуховые варежки веточки носят.

Я салазки не виню

Белый снег, белый снег –
Я катаюсь лучше всех.

Через ямы и бугры
Мчусь с большой-большой горы.

На салазках стоя мчу –
Перегнать я всех хочу...

Про храброго Антошку

...Простыню – в ведро с водою,
Вынул, кошку обернул,

И бесстрашно в пламя злое
Вместе с кошкою шагнул.
Пламя билось, пламя выло,
По лицу хлестало зло,
Чуть ли с ног его не сбило,
Чуть ли вовсе не смело.
Вот и выскочил наружу,
Дым вокруг, огонь, жара.
Обжигало пламя стужу,
Таял снег вокруг двора...

ХОРОВОД ВОПРОСОВ, ХОРОВОД ЗАГАДОК (сборник)

Как спят сосны

По полянам росным
Ходят-бродят
Сосны.
Мимо рыжиков, маслят.
Мимо ягод сочных...
Эти сосны
Стоя спят
Тёплой летней ночью.
Спят они
У родника,
За лесной избушкой,
Положив на облака
Головы-верхушки.
Им постель
Не стелет мать:
Час вздремнут –
И хватит.
И не надо им вставать
Поутру с кровати.

Ехал дождик на коне

Полям, Лугам,
Большаком
Тёплый дождик
Шел пешком –
Устал немного.
Ох, и дальняя
Дорога!

Подошёл к селу
Поближе –
Видит:
Конь пасётся
Рыжий:
«Я на нём
Подъехать должен!
Я устал,
Я шёл полдня».
И вскочил туг
Тёплый дождик,
Как мальчишка, на коня.
Фыркнул трижды
Конь гривастый,
Хвост взметнул
Под облака!
Не возил ещё
Ни разу
Он такого седока.
У моста,
За быстрой речкой,
Дождь хлестнул его
Покрепче!
И помчался
На коне
По заречной
Стороне.

Глухарь

Сначала вроде робко
Глухарь
Невдалеке
Защёлкал неторопко:
«Тэк-тэк; тэ-ке, тэ-ке!»

Короткое молочанье –
И снова в честь утра
Чирикание, журчанье
И щебет: «Хичи-фра!»

Окрест ещё незримо.
Но вот редет мгла.

Проста, неповторима
Песнь глухаря была.

И в песню в эту пору,
Все ноты перебрав,
Вплетал он шорох бора
И говорок дубрав.

И вздохи тёмных елей,
И скрип березняка,
И первый звон капли,
И рокот родняка.

«Тэк-тэк, тэ-ке, – всё пел он, –
Хичи-фра, тэ-ке-ке!»
А вот и посветлело
В стозвонном сосняке.

Проснулся спавший крепко
Барсук в тепле своём.
И наливалось небо
Малиновым огнём.

Глухарь опять защёлкал,
Вновь песней зажурчал.
Потом он – как на счётах –
Костяшками стучал.

Мне показалось с виду:
Умело кем-то встарь
Из чёрного гранита
Был выточен глухарь.

Приспущенные крылья –
Чернее черноты –
Совсем похожи были
На ратные щиты.

Он пел в лесной долине,
Весенний лес будил
И всё по суковине
Туда-сюда ходил.

Вот он смешно подпрыгнул
И перья распушил,
Как будто с кем-то мигом
Сразиться он решил.

За сосны и за ели,
Царящие кругом,
За первый звон капели,
За новый вешний тром.

За ясный день погожий,
За радость красоты...
Ишь, крылья как похожи
На ратные щиты!

Легла зима порошею

Среди лугов покошенных,
Среди немых полей
Легла зима порошею
И стало враз теплей.

Под старую телегою,
Снежинки отряхнув,
Кричат сороки, бегают,
Халаты распахнув.

Утро

Вместе с солнышком встаю,
Молоко парное пью.
Пью и вижу я с крылечка:
Далеко-далеко
Красно солнышко за речкой
Пьёт парное молоко.

Только пьёт неосторожно,
Проливает молоко
На тропинки, на дорожки,
Что уходят далеко.

Молоко течёт по лугу,
Заливает всю округу.

И течёт оно по кручам,
Разливаясь широко.
Кто же солнышко научит
Пить парное молоко?

Как ветер примерял шляпу

В шесть часов утра во вторник,
Подметая школьный двор,
Скинул шляпу старый дворник
И повесил на забор.

Тут его и вызвал кто-то
За скрипучие ворота.
И как только дворник скрылся,
В ту минуту, в тот же миг

Возле шляпы появился
Шумный ветер-озорник.
Я глядел – глазам не верил:
Ветер шляпу снял, примерил.

Развихрастый торопыга
В ней немножко покружил.
Повертелся в ней, попрыгал
И на брёвна положил.
И опять хотел примерить,
Только кто-то скрипнул дверью.

До чего же испугался
Этот вечер-чудачок:
Закружился, заметался,
Завертелся, как волчок!

Заспешил, засуетился,
Поскорей бежать пустился.

А потом, довольной очень,
За посёлком у прудов
В шляпе дворника до ночи
Прыгал выше проводов!

О животных

В океане темно-синем...
Мы – вполне земные звери,
Но, поверьте, никогда

Не пускает нас на берег
Моря темная вода.
(кит, кашалот, дельфин)

На поверхность моря выплыв,
Я позавтракал слегка:
Спозаранку сразу выпил
Десять ведер молока.
(китенок)

Шерсти я имею мало,
Но среди полярных льдов
Жир меня, как одеяло,
Бережет от холодов.
(тюлень)

В океане темно-синем,
Лапой выудив моржа,
На полярной скользкой льдине
Я дрейфую не дрожа.
(белый медведь)

И в речушках, и в болотах...

Ни зимой, ни летом жарким
В клетке не прожил бы дня,
Потому-то в зоопарке вы не встретите меня.
(выхухоль)

В реках водимся и в клетках,
Людам нравится наш мех.
Шубок самых разноцветных
Мы имеем больше всех.
(норки)

В шубе я хожу богатой,
Глубоко нырять люблю.

Мудрый бобр мне – вроде брата,
Но деревья не пилю.
(ондатра)

Необычный свой обычай
Соблюдаю я везде:
Перед тем как съесть добычу, полощу ее в воде.
(енот-полоскун)

Там, где сосны сеют запах...

Сыт бываю только летом
В дни когда малину рву,
А полгода без обедов
И без завтраков сижу.
(медведь)

Протрудился я все лето,
Рыл в земле ходы хитро
И длиной в два километра
Для себя провел метро.
(крот)

Позапасливее всех я:
У меня, друзья, щека –
Вместо сумки для орехов
Или, скажем, вещмешка.
(бурундук)

Только солнце съест туманы,
Мы, уйдя в глухую падь,
Грязевые любим ванны
Целым стадом принимать.
(дикие свиньи)

Там, где сосны сеют запах–
В самой чаще, в тишине,
Проложив на брюхо лапы,
Сплю я только на спине.
(барсук)

От охотников спасаясь,
Там я мчу в знакомый лог –

Ноги задние бросаю
Впереди передних ног.
(заяц)

Даже если стану хворым,
Мне не нужно докторов:
Съем лукошко мухоморов –
Окажусь опять здоров!
(лось)

Очень острые иголки,
Я ношу на страх врагу.
А в комок свернуться колкий,
Словно ежик не могу.
(дикообраз)

Как зверек я неприметен,
И смущаясь, говорю:
Кисти лучшие на свете
Всем художникам дарю.
(колонок)

Из норушки под дубами,
Что спускается к ручью,
Ухватясь за хвост зубами,
Все же выволоку змею.
(еж)

Очень я на мышь похожа,
С ней мы в норках знаем толк.
А вот съесть меня не может
Ни лиса, ни хорь, ни волк.
(землеройка)

Средь пустынь и средь степей...

От своей норушки старой
Далеко не ухожу.
Ног имею я две пары,
Но на двух ногах хожу.
(тушканчик)

По пескам шагаю живо,
Знойным воздухом дышу.
Два мешка большущих жира,
Горбясь, про запас ношу.
(верблюды)

До чего ж в страду устал я,
По ночам не ведал сна –
В свой подземный склад немало
Натаскал с полей зерна.
(суслик)

С кем в степи ни повстречаюсь
При луне ли, в блеске дня,
От лисы не отличают
Очень многие меня.
(корсак)

И на дне морском глубоком,
И у самых берегов,
Кто из рыб электротоком
Отгоняет прочь врагов?
(электрический скат)

И хорошие соседи,
И родня с далёких пор.
Как зовут сестричек сельди?
Маленьких её сестёр?
(килька, тюлька)

А какая рыба может,
Всех врагов своих страша,
Моментально стать похожей
На колючего ежа?
(иглобрюх)

Если шторм начнётся, если
Станет моря глубь кипеть,
Могут ли морской болезнью
Рыба тяжко заболеть?
(могут)

В океане преогромном,
В тихом озере своём
Спят ли рыбы ночью тёмной,
Спят ли рыбы светлым днём?
(не спят)

Что за рыбы, по рассказам,
Всякий раз из года в год
Пред грозой всплывают сразу
На поверхность синих вод?
(сомы)

О растениях

Из речных растений кто же
Плотной сетью пузырьков
Ловит маленьких рыбёшек,
Ловит маленьких рачков?
(пузырчатка)

За рекой, в лесном затишье,
Где ни стёжек, ни полян,
Сколько из еловой шишки
Белка вытрясла семян?
(около двухсот)

В диких джунглях зеленея,
Не старея лет до ста,
Что за дерево имеет
Только два больших листа?
(вельвичия)

Что за дерево, ответьте:
Пусть хоть сколько лет пройдёт,
А оно на белом свете
Только раз один цветёт?
(агава)

С детства играю в прятки,
НЕ прошусь в лукошко к ней.
Кто я? Ягодок десятки
В каждой яголке моей?
(малина)

Кто же я? Мне дорог ельник,
Я соседством с ним горжусь.
Заменить могу щавель я,
И для многих блюд гожусь.
(кислица)

В дни, когда жарища схлынет,
Смочит дождь песков горбы,
Что за дивные в пустыне
Появляются грибы?
(подсаксаульчики)

Что за гриб растёт, кручинясь,
Гриб – не груздь и не строчок:
Лишь родился – весь в морщинах,
Как столетний старичок?
(сморчок)

**ЕПАНЕШНИКОВ Леонид
Фёдорович**
(1923, Черкесск – 1992)

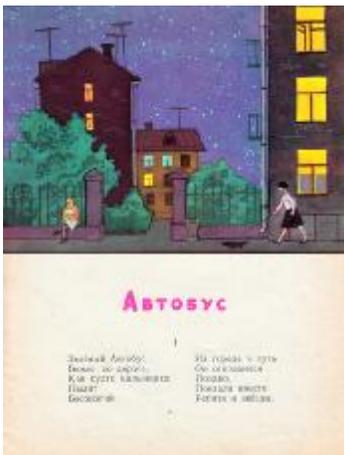
ставропольский детский поэт

Автор сборников стихов для детей дошкольного возраста «Живой значок» (1983), «Несговорчивый ручей» (1981), книжки «Автобус» (1964), «Веснушки на опушке», «Солнышко в хлебе», «Дедушкина бурка».

Леонид Фёдорович Епанешников родился 11 апреля 1923 года в городе Черкесске, долгие годы жил в Кисловодске. Еще будучи школьником, начал писать стихи и в тринадцать лет впервые увидел опубликованное в областной газете свое стихотворение. В 1940 году поступил в Литературный институт имени Горького, но война прервала учебу, лишь значительно позже удалось продолжить ее в педагогическом институте. После войны Леонид Федорович двадцать лет проработал в газетах Ставрополя и других краев и областей страны. С 1960 года работал в региональной газете «Кавказская здравница» – был корреспондентом, заведующим отделом, ответственным секретарем, руководил литературным объединением при газете. Уйдя из журналистики, работал некоторое время редактором издательского совета в Пятигорском педагогическом институте иностранных языков. Но главным делом своей жизни считал поэзию.

В 1959 году Карачаево-Черкесское книжное издательство выпустило первый сборник стихов для маленького читателя «Брат и сестра», в 1960 году в Ставропольском книжном издательстве вышел сборник его стихов «Друзья». Третью книжку «Автобус» в 1964 году издал «Детгиз». Леонид Федорович был членом Союза писателей страны. В 1982 году он вошел в число победителей конкурса на лучшее стихотворение для дошкольников. Председателем жюри конкурса был С.В. Михалков, а членами жюри – широко известные детские поэты.

Л.Ф. Епанешников писал о людях и природе края, где родился и вырос. Он известен не только как детский поэт, но и как переводчик творчества горских поэтов.

Опубликованы переводные сборники стихов с черкесского «Будильник» (Х. Гешоков) и абазинского «Мой товарищ» (П. Цеков). Основной же в литературной работе сам Епанешников всегда считал поэзию для детей.

На сафьяновых сапожках

Золоченые застёжки,
И задорный каблук
Отбивает – чок, чок, чок!
Ох, сапожки хороши,
Так и просят – попляши!

Муравей

В муравьином доме крышу
Починить пора.
За соломинкою вышел
Муравей с утра.
К ней через дорогу
Добрался не спеша.
Оглядел,
Потрогал:
Очень хороша!
Ухватился лапками,
Раз – и поволок...
Под лопухами-шапками
Домик-бугорок.
Нелегко,
Но к домику
Тащит всё равно.
Для тебя –
Соломинка,
А для него –
Бревно!
Ух как стало жарко,
Даже лоб намок!
Бросил бы,
Да жалко:
Дом уж недалёк!

На лужайке

Оделись
Две бабочки

В новые платьица
И друг перед дружкой
Никак не нахвалятся:
- Моё из капрона!
- Моё из нейлона!
- И скроено ладно!
- И очень нарядно!
Подружки
Легко
Над лужайкой
Порхают!
А жук
В холодочке
Сидит
И вздыхает!
Летал и запарился –
Ох и жара!
Одежда на бедном жуке
Тяжела!

Необразованный кот

Гладит Валя кога:
- Ай да шёрстка – густа!
Ты силён
И пригож,
Ты на тигра похож,
Да читать не учишься –
Ох, с тобой намучишься!
А прочёл бы книжку
Про кота-воришку –
И на кухне сало
Красть бы стыдно стало.
На вот, съешь-ка бутерброд,
Честный,
Не ворованный.
Ты такой пушистый кот!
Жаль – необразованный.

Ветер

Он и туда подует,
И повернёт сюда,

Над крышей озорует,
Качая провода.
Он ни о чём не тужит,
Гуляет по траве.
В том нет беды,
Но хуже,
Когда он веет-кружит
В ребячьей голове.

Танина Зорька

Встала Таня на заре
И корову Зорьку
Напоила во дворе
Вволю из ведёрка.
Хлебца корочку
Из рук
Ей дала в дорогу:
- Ну, теперь шагай на луг,
Провожу немного...
Солнце вечером ушло
Ночевать за горку.
Стадо движется в село,
Посерёдке –
Зорька.
Так старается ступать,
Чтоб не оступиться,
Словно что-то расплескать
По пути боится.
- Му-у-у, –
К воротам подошла,
Таню кличет Зорька.
- Молока я принесла,
Выходи с ведёрком!

Белая ворона

1
Эту сказку бор зелёный
Рассказал, шумя листвой.
Жили черные вороны
На прогалине лесной.
Вот одна,

Схватив покрепче
Клювом прут, как будто в клещи,
Понеслась чинить свой дом.
А другая,
На осине,
Малышей своих просила,
Наклоняясь
над гнездом:
– Не шалите тут, пока
Не същу вам червяка!
А ленивица одна
Раззевалась после сна.
До обеда всё зевая,
Вдруг увидела она
Белокрылую голубку:
Белошейку,
Белогрудку.
У вороны –
Чёрной птицы –
Тут же разум стал мутиться.
- Крра! – кричит ворона.
- Карр!
Ах, как я черна,
Кошмаррр!
Белошейкой,
Белогрудкой,
Как голубка,
Стать хочу.
Я к лесным колдуньям-совам
Поскорее полечу.
И в полёт неближний
С клёна
Отправляется ворона.
- Эй! – кричит весёлый чиж.
- Ты куда это спешишь?
- К старым совам я лечу.
Как голубка, быть хочу!
Чиж на странную ворону
Смотрит с вербы удивлённо
Да и молвит ей:
- Напрасно!
Быть самим собой –

Прекрасно.
Но не слушает ворона.
Что ей чижики слова?
Знай летит!
Мелькают кроны –
Аж кружится голова.

2
Вот и старый дуб.
А в нём
Есть дупло – совиный дом.
У дупла, под самой кроной
Сук заметила ворона.
На него она и села.
А в лесу уже стемнело.
Собралась ворона с духом:
- Совы, совушки,
По слухам,
Цвет вороньего пера
Изменить вы мастера.
Я хочу быть белогрудкой
Белокрылой,
Как голубка...
Шурх! И вдруг из темнотищи
Показалась голова;
Будто желуди, глазищи,
Фу ты, это же сова!
Из дупла, как из сарая,
Прыг на ветку и вторая.
Нос крючком,
Глаза горят –
Впору броситься назад.
Совы шумно отряхнулись
И, как бабушки сутулясь,
Глухо ухнули:
- Ухх! Ухх! –
Старый дуб затрясся вдруг.
И ворона в тот же миг
Стала белой...

3
Только зорька заалела –
Ввысь ворона полетела.

Стаю белых голубей
В небе увидала.
- Посмотрите-ка скорей,
Вот уже я стала
Белошейкой,
Белогрудкой.
Чем теперь я не голубка?!
Я отныне вам родня.
В стаю примете меня?
- Нет, нет, нет! Такая птица
В нашу стаю не годится.
- Не хотите? И не надо.
Мне вороны станут рады,
Или даже будет прок
Поселиться у сорок,
Потому что все сороки,
Все сороки – Белобоки.

4

Вот летит она домой
Над прогалиной лесной.
- Каррр! – вороны закричали,
А сороки затрещали.
Воронят и сорочат
Прячут в листьях,
Говорят:
- Это, дети, не ворона
И, конечно, не сорока,
А ужасная
Со-ро-на
Или, может быть,
Во-ро-ка!

5

И села она на сухую осину,
С которой опали все листья,
И заплакала горько-прегорько;
Стали слёзы из глаз её литься.
Поплакала она, поплакала
Да и полетела с поклоном к совам.
И совы её пожалели
И чёрной сделали снова.

Счастливую, быстрее самолёта
Понесли домой её
крылья.
Она у ворон попросила прощенья,
И вороны её простили.
Но сказали ей,
Как полагается:
- От безделья
И хуже случается!

ИВАНОВА Елена Львовна
(род. 1941, п. Ивот Дятьковского
района Брянщины)

ставропольская поэтесса

Автор более десяти книг. Сборники: «Кавказский ямбы» (1968 г.), «Мелодия» (1971 г.), «Росток» (1976 г.), «За Десною-рекою» (1977 г.), «Трава не знает» (1985 г.), «Ключи земные» (1991 г.), «Озорная азбука» (1994 г.), «Вечный образ» (2008).

Елена Львовна Иванова родилась 28 ноября 1941 года в рабочем поселке в Дятьковском районе Брянщины. После школы работала на стекольном заводе лаборантом; студенткой сотрудничала с областной молодежной газетой «Брянский комсомолец».

Окончила факультет журналистики МГУ.

*...Мир поэзии Елены Ивановой
с течением лет неуклонно
расширяется....
В ее лирике нынешних дней
особенно явственно заявляет
о себе историзм, стремление
автора осмыслить
настоящее, прошлое и
будущее как родной ей Руси,
так и всего человечества на
отрезке нового времени...*
Семён Ванетик

В 1965 году приехала в Пятигорск, куда попала по распределению для работы литсотрудником в редакции газеты «Кавказская здравница». Затем последовал переезд в Ставрополь – работа редактором литературно-драматической редакции краевой студии телевидения; и снова газета – «Ставропольская правда». Далее Е.Л. Иванова занималась издательской деятельностью, была заведующей отделом в Ставропольском краевом институте повышения квалификации работников образования. Ныне Елена Львовна – ведущий методист Ставропольского

литературного центра.

Ставропольский край органично вошел в ее поэзию. Елена Ивановна печаталась в областной молодежной газете «Брянский комсомолец», а на новом месте жительства первая ее публикация состоялась в альманахе «Ставрополье». Далее последовал цикл стихотворений под названием «Кавказские ямбы» в коллективном сборнике «Первое свидание» (1968 г.). Затем с большими промежутками во времени вышли в свет самостоятельные сборники поэтессы. В 1994 году опубликована её книга для детей «Озорная азбука», призванная помочь малышам в игровой форме овладеть умением читать.

Елена Львовна Иванова – яркий представитель российской интеллигенции, человек высоких нравственных убеждений, образованный, обладающий высоким уровнем общей и профессиональной культуры, целеустремлен-

ный, смелый, благородный, великодушный и толерантный. Её отличали умение дать добрый профессиональный совет, подсказать идею и помочь молодым коллегам в её реализации, активная жизненная позиция, требовательность к себе и окружающим, чуткое отношение к людям. Просветленный взгляд на мир, вера в будущее России, с судьбой которой автор связывает воедино свою судьбу, придают книге оптимистическое звучание. Природа, любовь, как тайна духа, мир людей и человеческих взаимоотношений, философская лирика, земная жизнь в соотнесенности с вечностью – вот далеко не полный перечень тем стихотворений Елены Ивановой.

Про ученье и пчелу

«Учусь я с горем пополам», –
Вздохнув, сказала Ксюша.
Так что же делать, внучка, нам?
Ты бабушку послушай.

Любой нам скажет пчеловод,
Что не на сладких только
Цветях
пчела находит мёд,
Но и на самых горьких.

С любовью трудится пчела –
Так вот откуда сладость!
Ты и сама бы так смогла:
С охотой взявшись за дела,
Добыть в ученье – радость!¹

Кот и мышонок

Мышонок
однажды попал в мышеловку...
От этой беды он отделался ловко.
Кота пригласил:
«Чем тебе я не ужин?»
И кот мышеловку открыл поднатужась.
Но заняты были передние лапы,
Чуть дверца открылась,
Мышонок как драпнул!

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.1: Поэзия. – Ставрополь: Изд-во СППИ, 2009. –С.63

Он в норке сидит, над мурлыкой смеётся:
«На сильного хитрый всегда, брат, найдётся!»¹

Весенний дождь

Он так нетерпелив, весенний дождь!
Смотри, неистово как землю ошарашил!
О, тёплый дождь!
Ты даром не пройдёшь,
Ты колосом взойдёшь с ладоней пашен.
Кристалнейший, в земную пыль и грязь,
Чтоб мог росток из почвы возродиться,
Струишься ты, ни капли не страшась
Ни низко пасть, ни паром обратиться.
И тянется былинкой каждой ввысь
Земля под засиявшими лучами.
Вот так любовь
Творит повсюду
Жизнь,
Небесное к земному приобщая.²

Весенний стих
Хрустальные бусы капли
В весенний сугробик слетели.
От счастья сугробик растаял,
Ручью свою радость оставил.

Бежит ручеёк, улыбаясь,
В глазах у Небес отражаясь.
Парок над ним вьётся бесшумно
И ввысь улетает бездумно.

Вот птички слетелись напиться.
Напившись, хотят порезвиться.
Бежит ручеёк из капли,
Сердца у прохожих запели.

Оттаяли в сердце их льдинки,
Хоть падают с неба снежинки.
В весенний сугробик слетели
Хрустальные бусы капли.

---

¹ Там же.

² Там же. –С.63-64

Лев

Такое выпало соседство:
Напротив лоджии моей,
В ночи тревожа всю окрестность.
Тоскует в клетке царь зверей.

Томит и дразнит воли запах,
Но льву отсюда не уйти...
Как ураган на мягких лапах,
Беснуется он взаперти.

Утробный рев его пещерный
Вдруг оглашает зоосад!
Гремит в гортани, как в ущелье,
Рычанья грозный камнепад.

Как упоительна свобода!
Но что мы ведаем о ней:
В железной клетке – царь зверей?
В бетонной клетке – царь природы?
Она тому дороже жизни,
Кто возрастал среди стихий.
Не крик ли это атавизма –
Мои полночные стихи?¹

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.1: Поэзия. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. –С.64

ИСАКОВ Андрей Максимович
(1902, ст. Родниковская Краснодарского
края – 1971, Ставрополь)

ставропольский поэт, прозаик, переводчик
Автор цикла стихов «Песни о победе», «Кав-
казская сторона», поэмы «Ставропольская
быль», «Виноградарь», «Кавказская сторона»,
сказки для детей «Былиночка», автор переводов
с черкесского языка сказок, поэм Х. Гашикова».

Исаков Андрей Максимович родился 7 апреля (26 марта) 1902 года в станице Родниковской Краснодарского края в бедной казачьей семье. С девяти лет был отдан в батраки, а после революции, в 1920 году добровольно вступил в ряды Красной Армии. Знаковым событием в жизни Андрея Максимовича стала его встреча в 1931 года с Отто Юльевичем Шмидтом, известным учёным, участником челюскинской экспедиции, который приехал на охоту в кавказские леса. Исаков вызвался быть проводником учёного, на берегу Чёрного моря читал ему свои стихи. О.Ю. Шмидт хорошо оценил первые творения начинающего поэта и помог Исакову в 1933 году поступить на литературный факультет Кавказского педагогического института г. Орджоникидзе.

*Я прошёл через битвы,
Страшней преисподней,
Сквозь годы и войны,
Что накалестей пекла.
Вам историю дней
Изучать по курганам,
По братским могилам,
По мраморным плитам,
Я же помню её
По знамёнам пробитым,
По товарищам павшим,
По собственным ранам ...*

А.М. Исаков

Впервые стихи Андрея Исакова были опубликованы на страницах студенческого сборника, изданного литературным кружком. За песни, написанные Андреем Максимовичем, ему была назначена стипендия.

Первый поэтический сборник вышел в Пятигорске в 1937 г. Работал в областных газетах Северо-Кавказского края, а 1938 г. был принят в члены Союза писателей СССР. В годы Великой Отечественной войны был фронтовым корреспондентом. Писал о Родине, земляках, воинах и партизанах, тружениках Ставрополя.

Поэт Г.С.Фатеев отмечает: «Особое место в творчестве Андрея Исакова заняло освобождение Ставрополя». 20 января 1943 года при освобождении Ставрополя погиб его боевой друг поэт Иван Булкин. Его памяти посвятил Исаков стихи «Товарищ с Волги». Военная лирика Исакова разнообразна. Большинство стихов – о Родине, родной земле, товарищах по оружию, земляках, воинах и партизанах. Есть у писателя и шуточные стихи, например,

«Потерял казак кисет». Стихи Андрея Максимовича Исакова мелодичны, напевны, некоторые из них положены на музыку.

Былиночка

В поле, неподалеку от веселого Ручейка, росла Былиночка. Голубая шляпка красовалась на ее маленькой голове.

Ручеек любил Былиночку. Он щедро поил ее. А весной, когда воды в нем прибавлялось, Былиночка слушала его веселое пение.

По тропинке мимо Былиночки каждый день пробегали к Ручейку то длинноухий Заяц, то колючий Еж, то еще кто-нибудь.

Однажды, в разгар весны, когда платье у Былиночки было еще совсем новое, очень яркое и красивое, обитатели поля решили устроить на берегу Ручейка весенний праздник.

Первым к Ручейку побежал Еж.

- Здравствуй, красавица! – сказал Еж, поравнявшись с Былиночкой. – Не скучно ли тебе на одном месте качаться?

- Нет, дядюшка Еж, не скучно: Ручеек мне сказки рассказывает, песенки поет.

- Ах, я забыл, что у тебя дружба с Ручейком. А я к нему в гости иду, на Праздник весны.

- На Праздник весны? А костюм-то твой, дядюшка Еж, весь в соломинках. Подойди-ка, я сниму соломинки, – сказала Былиночка.

- Беда мне, старику. Опять старуха моя, Ежиха-Ворчуньевна, забыла почистить мой выходной костюм.

Былиночка сняла соломинки с колючего Ежа.

- Ну вот, теперь можно идти в гости, дядюшка Еж.

Еж поблагодарил Былиночку. В то время раздался шорох. По своей давней привычке Еж свернулся. Теперь он стал похож на мяч, только весь в колючках.

- Не бойся, это Зайка к нам бежит, – сказала Былиночка.

Смущенный Еж попрощался с ней и побежал на своих коротких ножках к Ручейку.

- Привет, Былиночка! – еще издали крикнул Заяц.

- Спасибо за ласковое слово, – ответила Былиночка.

Ухо у зайца было разорвано.

- Где ты был, Заинька? Кто тебя обидел? Подойди-ка, я перевяжу твоё ухо.

- Воевал я, Былиночка. Ух, как воевал!

- С кем же ты воевал, Заинька?

- С собакой, с большой, зубастой... Ух, как я за ней гнался! Поймал бы, да жаль, за терновый куст зацепился, ухо разорвал.

- А разве зайцы за собаками гоняются?

- Гоняются, – врал Заяц. – Это же интересно. Бежит она впереди и дрожит от страха, хвост поджала. А я за ней. Чуть-чуть не ухватил ее зубами!

Тут раздался собачий лай. Заяц насторожился и умолк.

- Это собака лает, – пояснила Былиночка. – Ты хочешь за ней погнаться, Заинька?

- Нет, мне сейчас некогда. Я получил приглашение на Праздник весны и тороплюсь.

Даже позабыв проститься с Былиночкой, Заяц кинулся к Ручейку.

«Заяц, а какой храбрый», – думала Былиночка. Она была очень доверчива.

Думая о храбром Заяце и предстоящем Празднике весны, Былиночка закрыла свои маленькие глаза. Было начало мая, солнышко согревало землю и все, что жило на земле. Мягкий ветерок приносил на поле приятную прохладу. Былиночка чувствовала себя очень хорошо и была счастлива.

Когда Былиночка открыла глаза, она увидела нарядную Стрекозу. Стрекоза сидела на широком листе подорожника и чистила свои прозрачные, как стекло, крылья.

- Дремлешь, Былка? – спросила Стрекоза.

- Я не Былка, я Былиночка. Былиночкой меня называют все.

- Ну что ж, для кого ты Былиночка, а для меня Былка.

Платье у тебя неважное, лягушачьего цвета.

- Мое платье из зеленого шелка. Весна подарила.

- Ну, все равно. Лягушки тоже носят платье зеленого цвета.

Стрекоза похвалилась, что она приглашена на Праздник весны и будет там исполнять свой любимый танец «жу-жу».

После того, как Стрекоза улетела к Ручейку, к Былиночке подошли веселые степные музыканты: Кузнечик и Сверчок. Они тоже спешили к Ручейку, но обещали на обратном пути зайти к Былиночке и повеселить ее своей игрой.

Последним к Ручейку летел Жук. На нем был черный плащ и удивительная шляпа – замысловатого фасона, с вырезами и зубчиками на полях. Такие шляпы носят только жуки. Жук сел на кустик душистого чобора.

- Не опоздал ли я на веселье? – вежливо спросил он, переводя дух.

- Все уже собрались, – ответила Былиночка, – поторопитесь, дядюшка.

Жук перекинул через руку свой черный плащ, снял с головы дорожную шляпу и поклонился Былиночке.

- Очень сожалею, моя красавица, что ты не можешь присутствовать на общем празднике, – сказал он.

От Ручейка доносился шум веселья.

Ручеек принимает гостей! Какой он щедрый и добрый! Все его любят и спешат к нему!

Слушая звуки песен, Былиночка и сама запела свою любимую песенку:

Хорошо мне, травушке,

Качаться на ветру,

Умываться каплями

Росинок поутру.

Славная долинушка,
Широкая моя,
Поле неоглядное –
Любимые края.
Хорошо мне, травушке,
Качаться на ветру,
Умываться каплями
Росинки поутру.

Былиночка так увлеклась пением, что не заметила, как подошел к ней Урожай. На нем была шелковая рубашка цвета спелого колоса. А на голове лежал венок из колосьев, цветов и винограда.

- Как я рад, что ты весела, моя малышка, – сказал Урожай.

- Ты снова навестил меня, дядюшка Урожай! Какие подарки принес ты сегодня?

- Принес я тебе золотые колокольцы. Новый убор будет тебе очень к лицу.

- Благодарю, дядюшка Урожай. Ты очень добрый. У тебя так много работы. Но ты все-таки пришел навещать меня, порадовать подарком.

- Это правда, дел у меня много. Скоро зацветет пшеница, станет наливать колос, и мне надо следить, чтобы не пришел злой Суховой.

- А кто такой Суховой? Он страшный?

- Нет, Суховой не страшен, если в поле есть вода.

- Тогда я не боюсь Суховей. Здесь совсем близко течет Ручеек, – радостно сказала Былиночка.

- Ручеек? – Урожай с сомнением покачал головой. – Ну, я пошел, Былиночка.

Урожай ушел. А от Ручейка прилетела Стрекоза и села на листок подорожника. Вид у Стрекозы был гневный. Она протерла глаза лапками и посмотрела на свои крылышки.

- Какое безобразие! – закричала Стрекоза. – Этот Ручеек – невозможный грубиян.

- Что вы! Он вовсе не грубиян, он хороший, – заступилась Былиночка.

- Нет, грубиян, грубиян! – настаивала Стрекоза. – Когда я исполняла танец «жу-жу», все гости хлопали мне – кто лапками, кто крылышками, а Зайка даже ушами. Только этот Ручей брызнул на меня своей мутной водой. Чуть крылышки не сломал.

- И ты обиделась? Ведь он хотел сделать тебе приятное...

- Ну тебе-то все равно. Твое лягушачье платье от воды только чище становится, а мое – нежненькое, оно боится воды.

- А ты посиди на солнышке, солнышко доброе, оно просушит твоё платье.

Вертясь на листке подорожника, Стрекоза увидела новый убор на голове Былиночки – золотые колокольцы.

- Что это у тебя за черепушки на голове? Где набрала? Вот уж не к лицу!

- Это не черепушки. А золотые колокольцы, дядюшка Урожай подарил.
- Хи-хи, – засмеялась Стрекоза. – Ничего лучшего не нашел подарить твой дядюшка Урожай. Самому, видно, не нужны – вот и повесил их на твою голову.

Платье у Стрекозы уже просохло, она подбоченилась, расправила крыльшки и начала плясать. Пляшет и поет:

Я немножко
Покружу,
Я станцую
«жу-жу-жу»,
Свой любимый,
Интересный,
И прелестный
«жу-жу-жу».

- Прощай, Былка, меня на гороховом поле подружки-стрекозы ждут.

- Подожди, не улетай, Стрекоза, – раздался веселый голос Кузнечика.

Вся компания возвращалась от Ручейка. Обитатели поля расположились вокруг Былиночки. Кузнечик и Сверчок приложили к губам свои дудки и заиграла.

Былиночке очень нравилась музыка. Стрекоза еще несколько раз исполнила свой «жу-жу», хотя ее никто и не просил – она уже всем наскучила.

Гости веселились. Только один Жук сидел опечаленный, Былиночка первая заметила это:

- Дядюшка, расскажите мне что-нибудь.

- Я расскажу, друзья мои, – ответил Жук. – Только рассказ мой не будет веселым. Вот мы беспечно резвимся, играем, не думая о завтрашнем дне. А между тем нас подстерегает большое несчастье: злой Суховой собирает-ся в наши края.

Жук замолчал.

- Мне почему-то страшно, – сказала Былиночка.

- А мне все равно, играла бы только музыка. Я буду танцевать, – заявила Стрекоза.

Все с укором посмотрели на Стрекозу и молча разошлись по домам. Пора было приниматься за дела.

Настали жаркие дни. Дождей не выпадало. Обитатели поля то и дело бегали к Ручейку – утолить жажду прохладной его водой. Но сам Ручеек стал не таким бойким, как весной.

А скоро наступил страшный день. С утра не было росы. Небо стало рыжим, воздух – сухим. Подул горячий ветер.

Утро следующего дня было еще более душным. Еж принес печальную весть:

- Ручейка не стало.

Былиночка изнемогала от жажды и зноя. Шляпка у нее совсем выгорела, золотые колокольцы потемнели.

- Суховой, – шептала Былиночка, – прилетел злой Суховой.

Она не ошиблась. Над полем, поднимая тучи пыли, летал в своем огненном плаще горячий ветер Суховой.

Прилетел Жук и рассказал Былиночке новость:

- Урожай пошел к великому Эльбрусу.

- А по каким делам? – слабым голосом спросила Былиночка.

- Решил просить, чтобы Эльбрус направил Реку в наши края.

- Вот было бы славно! – воскликнула Былиночка. Трудно Урожаю без воды с Суховеем бороться... – он мне сам говорил. Да захочет ли помочь Эльбрус?

Около домика Жука собралась целая ватага малышей: жучат, ежат, зайчат. Малыши спорили, кто сильнее – огонь, вода или холод? Одни говорили, что вода сильнее – водой можно залить огонь. Другие доказывали, что холод сильнее воды – он может заморозить воду. Он вмиг уничтожит холод и высушит воду. Долго спорили малыши. Из домика вышел Жук.

- О чем вы тут спор завели? – спросил он.

Малыши окружили Жука.

- Дядюшка Жук, рассуди, кто сильнее: вода, огонь или мороз?

- Глупенькие, – засмеялся Жук, – зачем же спорить? Все они в своих владениях, сильны. Вы мне лучше скажите, какая самая высокая гора на Кавказе? Кто знает? Ты, Колочик?

- Самая высокая... самая высокая... самая высокая... – ежонок Ключик долго чесал за ухом. – Самая высокая гора на Кавказе – это Эльбрус.

- Молодец, Колочик. Самая высокая гора на Кавказе – это Эльбрус. А как ты думаешь, Пушок, какие овощи можно выращивать на вершине Эльбруса? – обратился Жук к зайчонку.

- На вершине Эльбруса можно выращивать морковь и капусту, – не задумываясь, ответил Пушок.

- Нет, вершина Эльбруса покрыта вечным снегом. Ничего там не растет и не может расти. Но все-таки от гор большая польза. Снег, что лежит на горах, медленно тает, вода собирается в ручейки и шумно течет по ущельям. Ручейки сливаются вместе, и получается могучая Река.

- А отчего наш Ручеек умер? – тоненьким голосом спросил Журжик.

Наш Ручеек берет начало не от гор, покрытых снегом, и не от большой

Реки, а от маленького родничка, который сам летом высыхает. Вот потому-то Урожай и пошел к великану Эльбрусу просить, чтобы он направил Реку в наши края.

Когда Урожай подходил к Эльбрусу, великан дремал. Из-под ледяного шлема у него выбивались седые космы снега, а за широкие плечи цеплялись тучи.

- Здравствуй, хранитель влаги, великий Эльбрус! – громко крикнул Урожай.

- Привет и тебе, хозяин изобилия! Зачем пожаловал ко мне? Какие ветры занесли тебя в мои заоблачные владения? Уж не думаешь ли ты украсть мои

ледяные поля золотыми колосьями пшеницы? – Эльбрус громко, раскатисто засмеялся.

- Не смейся, великан Эльбрус. Я пришел к тебе не шутить, а говорить о деле. В твоих кладовых томится вода, превращенная в лед. А мои поля изнемогают от жажды. Почему ты держишь влагу в плену? Ответь мне, великий Эльбрус.

Эльбрус шевельнул бровью – огромная глыба снега соскользнула с его ресниц и с грохотом понеслась вниз, в ущелье.

- Ах, вот ты о чем! Ну что ж, садись, будем разговаривать.

- Не могу я, древний Эльбрус, долго разговаривать с тобой. Поля мои изнемогают от жажды. . .

- Ты не сердись, Урожай. Сейчас напоим твои поля.

Эльбрус крикнул:

- Эй, Ветер!

Ветер примчался. Быстрый и веселый, он принес с собой ароматы леса и полей.

- Я слушаю тебя, великан!

- Куда ты собрался, непоседа? – спросил Эльбрус.

- Полечу на море, нагоню бурю и буду качаться на волнах... фа-фа-фа... Как это весело!

- Нашел забаву, проказник! А не можешь ли ты, Ветер, отложить свой полет на море? Есть другое дело. Полети-ка, дружок, да выдуй из ущелий дождевые тучи, да прогони их над полями. Пусть прольются дождем, пусть напоят поля, чтобы Урожай не был на нас в обиде.

Ветер рванул вперёд с такой силой, что даже снежная борода Эльбруса зашевелилась.

- Ну, Урожай, доволен ты моими хлопотами? – с улыбкой спросил Эльбрус.

- Доволен, да не совсем, – ответил Урожай. – Сегодня ветер прогонит тучи над полями, а завтра он направит их к морю, в котором и без того много воды. Полям нужна вечно бегущая, веселая вода Реки. Не скупись, великан. Пошли в мои владения Реку.

Эльбрус насупил свои седые брови.

- Нет, Урожай, не могу я этого сделать. Стар уж я, не по силам мне изменять течение рек... Но ты не печалься. Я знаю, кто поможет тебе: люди. Люди тысячу лет смотрели на убегающие воды рек и не имели силы направить их, куда нужно. А теперь они объединили силу свою и научились подчинять реки. Пока мы разговариваем с тобой, острые машины уже вгрызаются в землю. Пойди посмотри. Люди строят реку в твоих владениях. Я пошлю столько воды, сколько прикажет мне Человек.

– Благодарю, великий Эльбрус, – сказал Урожай и направился в широкие просторы полей.

Былиночка стояла и ждала, когда возвратится Урожай.

Вдруг прибежал Заяц.

- Слышала новость?

- Какую новость, Заинька?

- Река!

- Где Река?

- Совсем близко.

- Да как близко?

- Одна минута моего бега.

- Твоего бега?

- Ну да. Когда я гонюсь за собакой.

Заяц чихнул и поправил усы.

- А мне показалось, Заинька, что ты не гнался за собакой, а убежал от нее, – засмеялась Былиночка.

- Так она ж была с охотником!

Разговаривая, друзья увидели Ежа. Он шел по тропинке.

Следом шла Ежиха Ворчуньевна. Она вела двух ежат.

- С праздником вас, друзья! – издали крикнул Еж.

- С каким?

- Да разве вы не знаете? Река появилась. А от Реки пошла прохладная вода в наш Ручеек.

- В Ручеек? – обрадовалась Былиночка.

Все засуетились.

На шум прилетел Жук. Он был в той одежде, в какой видела его Былиночка в день Праздника Весны – в черном плаще и красивой бархатной шляпе, какие носят только жуки.

Все шумной толпой двинулись к Ручейку, только былиночка осталась на своем месте.

Но ей было весело. До нее доносилась чудесная песня Ручейка.

Дума об урожае

Я вырос здесь, в родных моих полях,

Владел цепом я, плугом и косою.

И сила есть еще в моих руках –

В любом труде я что-нибудь да стою.

И можно ли, когда кипит страда,

Сидеть, поля спокойно созерцая,

Подсчитывать чужой итог труда?..

Мы все хозяева большого урожая.

Вот почему в уборочное лето

Немножко я грущу в своей конторе,

Так хочется мне потрудиться где-то
В родных полях на солнечном просторе.

Послушать вечером колосьев тихий шорох,
По влажным травам утром побродить,
А в полдень –
В золотой пшеничный ворох
По локоть руки погрузить.

Я вырос здесь, в родных моих полях
Владел цепом я, плугом и косою.
И сила есть еще в моих руках –
В любом труде я что-нибудь да стою.

Земля зовет

Зреет колос налитой
Нет пшенице края.
Словно в шубе золотой
Даль моя родная.

С детства ты мне дорога
И для всех открыта.
Глянешь в даль –
Стога, стога,
Солнцем все залито.

И зовет, зовет земля,
Просит рук и пота.
Ой, поля, мои поля!
Радость и забота.

В белый утренний туман
Над пшеничным краем
Показался мне курган
Сдобным караваем.

Зреет колос налитой
Нет пшенице края.
Словно в шубе золотой
Даль моя родная.

КАШПУРОВ Иван Васильевич
(1926 – 1997, с. Калиновское
Ставропольского края)

ставропольский поэт

Автор около 30 книг, изданных в Ставрополе, на Украине и в Москве. Сборники: «Дыхание степи» (1956), «Над семью курганами» (1958г.), «Мои позывные» (1961г.), «Крылья» (1964г.), «Версты» (1967г.), «Обновление» (1968г.), «Осенний снег» (1969г.), «Певучие травы» (1972г.). Его стихи переведены на болгарский, монгольский, французский,

английский, японский, польский языки, а также языки народов бывшего СССР.

Истоки поэзии Ивана Кашпунова – в любимой его Калиновке, где он родился 14 октября 1926 года в семье буденовца, пришедшего на Ставрополье с Украины и завоевавшего уважение односельчан мастерством печника и чоботаря. От отца поэт воспринял любовное отношение к умельству в крестьянском труде, от матери-казачки – нежную влюбленность в родную природу. Это сочетание чувств и зародило в нем великого поэта.

Ивана Кашпунова называют поэтом Ставрополья: природа Ставропольского края, его люди, его история – это естественная

*...Я любил мою землю любовью звериной,
и она отвечала взаимностью мне;
и найдется строка, что другие отринув,
прозвонит в молодых ковылях по весне..*

И.В. Кашпунов «Я вернусь»

стихия творческого мира поэта, дающая темы его стихам. В его стихах воссоздан облик этого богатого и своеобразного степного края: «Осенняя баллада», «Звенят колосья», «Песня Ставрополю», «Ставрополье» и др. Жизнь каждого человека не мыслится поэтом вне истории. В стихах Кашпунова прослеживается историческая общность с родной землей, с деяниями наших предков. Поэту удавалось создать живые образы своих земляков, наделив каждого невыдуманной судьбой. В его стихах – реальные люди, имена которых поэт всегда называет. По стихам Ивана Кашпунова можно изучать растительный мир степей, мир красочный и звучащий своей особой музыкой; представить себе и сегодняшнюю жизнь Ставрополья, и его историю.

За литературную деятельность награжден орденом «Знак почета» и удостоен звания «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Умер Иван Кашпунов 15 ноября 1997 года, похоронен в селе Калиновском, рядом с родителями. В местной школе установлена памятная мемориальная доска.

ка, одна из улиц села названа его именем. Имя И.В. Кашпурова носит литературное объединение при редакции районной газеты «Александровская жизнь», библиотека села Калиновского и одна из библиотек города Ставрополя.

Колыбельная

Яркой звезды уголёк
долго глядит в окно.
Спи-засыпай, Василёк, –
вечер пришёл давно.

Ветер поёт в трубе
песенку свою.
Спать уж пора тебе –
Баюшки-баю.

Вечер устал и прилёг
рядом с тобой в кровать.
Спи-засыпай, Василёк, –
время и маме спать.

Ветер поёт в трубе
песенку свою.
Спать уж пора тебе –
Баюшки-баю.

Спит во дворе тополёк,
веткой пристыв к луне.
Спи-засыпай, Василёк, –
дети растут во сне.

Ветер поёт в трубе
песенку свою.
Спать уж пора тебе –
Баюшки-баю.¹

Гуси

Рано утром босиком
По росе студёной

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.1: Поэзия. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. –С.82.

Гуси топают
Гуськом
К речке полусонной.
Впереди –
большой гусак,
у него широкий шаг.
Ну, а следом,
семена,
семь гусынь –
его семья.

Гуси в воду устремились
с ходу,
без оглядки,
и ныряли,
и резвились
вместо физзарядки.

А когда нырять устали,
охорашиваться стали.

Мирно чистились гусыни
от макушки
и до пят,
Слышат –
крики в небе синем:
гуси дикие летят!
Тут гусыни зашумели:
«Как же так!..
Ну, как же так! ...
Дальше речки этой
в мелях
не водил ты нас,
гусак? ...

Надо небом завладеть!... »
Взмахи крыльев,
гогот...
Гуси пробуют взлететь,
а взлететь
не могут.

Василёк глядит
с крылечка:
что случилось там,
на речке?
«Мам, – кричит он, –
полюбуйся:
Улетают наши гуси!...»

Засмеялась мать:
«Василий,
не волнуйся очень.
Это гуси пошугили,
это, Вася, осень...»¹

Парикмахерская

Прибежал Васятка с речки
и принёс такую весть,
что в колхозе
для овечек
парикмахерская есть.

«Неужели правда? –
И решил:
– Проверю завтра!..»
Утром,
Только рассвело,
Он помчался за село.

На пригорке –
навес,
а под ним –
настил дощатый.
Тут ребята и девчата
целый день
стригут овец.
Сто машинок стригалей,
рук умелых
двести,
и на фабрику скорей

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.1: Поэзия. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. –С.83

ЗИЛы мчатся с шерстью.
Там прядут
из шерсти пряжу,
а из пряжи
гольфы вяжут,
теплые фуфайки –
только покупайте!

Вася шел домой
под вечер
мимо стриженных овечек,
мимо рощи,
мимо пасек
Вася шел,
и думал Вася:
«Значит, поздно
или рано
стричься надо
и баранам...»¹

Про арбузы

И на вид,
и на вкус
Васильку знаком арбуз.
Но не знал карапуз,
Где и как растёт
арбуз.
А вчера
друзья спросили:
«На бахчу пойдёшь,
Василий?..»
Вася глянул им в глаза,
видит:
жду ответа.
«Я пошёл бы, –
он сказал,
но бахча...
что это?»
Тут ребята

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.1: Поэзия. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. –С.83

шум подняли
возле речки синей.
«Это ж поле, –
объясняли, –
где арбузы, дыни...»

Через речку
Из села
вдоль степи широкой
на бахчу
ребят вела
торная дорога.
Сторож дедушка Евсей
встретил радостно
гостей.
Улыбаясь в сивый ус,
он принёс
большой арбуз.
Угощал от души:
«Ешьте, сколько влезет,
ешьте вволю, малыши:
всем арбуз полезен».
А потом своих гостей
по бахче повёл Евсей.
Шли
арбузным полем дети,
а кругом
стелились плети.
Листья –
словно кружева.
Ах, кружится голова!
А под листьями
арбузы
В полосатых крепких блузах
сочной тяжестью своей
вдавливались в землю.
Улыбался дед Евсей:
«Пусть до срока
дремлют...»¹

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.1: Поэзия. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. –С.84

**КОРНИЕНКО Татьяна
Юрьевна**
(род. 1957, Ставрополь)

*ставропольская поэтесса,
прозаик, композитор*

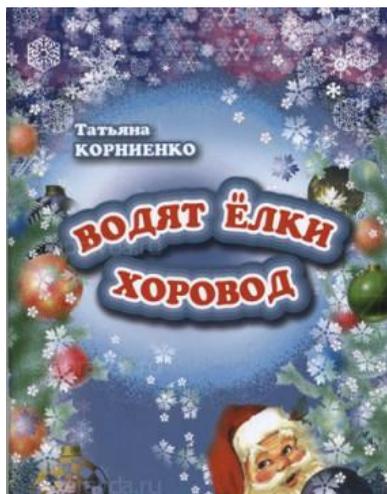
*Автор книг: «Ягодная пора»
(1989 г.), «Когда-нибудь... Когда-нибудь...» (1992 г.), «Если б Жар-птица знала» (1996 г.), «Снова всё на земле обретает значение» (1996 г.), «Каждод-*

невность» (1996 г.), «Ты меня любишь?» (1999 г.), «Горная речка» (2001 г.), «Страна детства» (2004 г.), «Весёлые стихи» (2004 г.), «Медведь и ягоды» (2004 г.), «Когда из детства вырастаем», «Возраст Христа» и повесть «Не долгие, чем живёт цветок» (2007), песенных сборников: «Страна детства», «Вслед за мечтой», «Бардовский альбом», «Водят ёлки хоровод» (2012) и др. Ее песни исполняются детьми и взрослыми.

Корниенко Татьяна Юрьевна родилась 11 ноября 1957 года в городе Ставрополе. Как и многие ее сверстники, занималась спортом. С седьмого класса посещала литературный факультатив, чувствуя тягу к поэзии. Умение рифмовать было

*...Убежало к югу
Солнечное лето,
Отзвенела осень
Золотом вдали.
И опять подули
Северные ветры,
Снежные поэмки
Зиму принесли...*

Т.Ю. Корниенко

одной из ее обыденных способностей. Она увлекалась рисованием и музыкой.

Окончила Киевский Институт физической культуры в 1979 году, работала на Севере в глухом районе Магаданской области. Там же районная газета опубликовала несколько первых ее стихотворений.

В 1983 году вернулась в Ставрополь.

Одной из главных вех творческого развития поэтессы явилась ее учеба в литературном объединении «Современник», которым в то время руково-

дила талантливая поэтесса Раиса Котовская. Первая книга Татьяны Корниенко «Ягодная пора» вышла в 1989 году. С тех пор писательница написала ещё тридцать пять книг. В 1992 году Татьяна Юрьевна Корниенко становится членом Союза писателей СССР.

Она пишет и для взрослых, и для детей: стихи, рассказы, сказки... Ребятам полюбились песенки, созданные поэтессой на собственные тексты. Татьяна упорно остается верна одной из главных тем своего творчества – детству, она работает для того, чтобы таким же счастливым от общения с хорошей книгой росло и нынешнее юное поколение. Даже в «простых» детских стихах четко прослеживается «стратегическая» линия поэзии Татьяны Юрьевны: безграничная любовь к детям, миру, природе. Татьяну Корниенко нередко приглашают на встречи с детьми в детские сады, школы, библиотеки, потому что помимо понятного любопытства – увидеть живьем писателя – дети слышат не только хорошие слова, сложенные в рифму, но и понимают щедрую душу поэта.

* * *

Мы спешим к родному дому
Поскорее сил набраться
Чтоб в дорогу, словно в омут,
Из него опять сорваться,
Чтоб в сумятице скитанья –
Из купе удобных, спальных –
Снисходить до пониманья
Тихих мест провинциальных,
Что сторонятся пугливо
И бессонными ночами
Жмутся к рельсам сиротливо,
Каждый поезд привечая.
Сколько ж крохотных и грустных
У дороги за плечами
Полустанков захолустных,
Зарастающих молчанием...¹

Внучок

Колдует бабушка над плиткой –
Ну, как же! – Гость пришел – внучок!
Желтков оранжевеют плитки,
В борще румянится лучок,

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.1: Поэзия. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. –С. 92

Грибочки нежатся в сметане,
Лоснятся ломти ветчины,
Вздыхает паром плов бараний,
И маслом светятся блины...
А он кемарит в уголочке,
Свернув под щечкой кулачок –
Мужчина в сорок пять годочков –
Любимый бабушкин внучок.¹

* * *

Хоть зима еще храбрится,
Непогоде вышел срок,
И погожестью гордится
Наапреленный денек.
Вплавь спешат по лесу лыжи,
Карамелью тает лед,
В золотых подвесках крыши –
С них с утра звонит и льет,
И летит капель кисейно,
И румяное село
По-весеннему кисельно,
Хоть по-зимнему бело.
Козни луж – игра вприглядку.
Резок свежести глоток.
В полынье, разбитой всмятку,
Пляшет солнечный желток.²

* * *

Беспечный и задиристый
В сухой листве рябиновой
Звонит ручей залиvisto,
А голосок
малиновый!
Сник ветер, оказавшийся
На грани потрясения –
Простора надышавшийся,
Безбрежного, весеннего.
А молний стан разбойничий

---

¹ Там же. – С. 93

² Там же.

Ждет громового покрика,
И головою солнечной
Слегка примято облако.
И лес, чуть оперившийся.
Летать ветвями пробует,
И мир, преобразившийся,
Сердца надеждой трогает.
И день – с утра до вечера –
Огнем в реке полощется,
И радость
беззастенчива,
И жить безумно хочется!
И знать, что жизнь
не кончится.¹

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.1: Поэзия. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. –С. 93

**КОЛЕСНИКОВ Геннадий
Михайлович**
(1937 – 1995, Пятигорск)

поэт

Автор поэтических сборников «Путина» (1966), «Предзимний сад» (1971), «Не перестану удивляться» (1974), «Остров сострадания» (1981), «Фламинго» (1983), «Автопортрет» (1986) и книжка для детей «Апрелька» (1979).

Геннадий Михайлович Колесников родился 12 марта 1937 года в Пятигорске. С

1961 года стал работать профессиональным журналистом, писал для районных, областных, центральных газет и журналов, много ездил по стране, репортажи часто писал в стихах.

Геннадий Михайлович был очень общительным человеком, экспансивным; легко устанавливал контакт и находил общий язык со всеми. Писал и печатал прекрасные стихотворения. Особенную популярность он приобрёл после того, как по всему Союзу запели песню «Тополя» композитора Г. Пonomаренко на его стихи. Написал он эти строки, лёжа на больничной койке, тяжело болея. В 1977 году Геннадий Колесников был принят в члены Союза писателей СССР.

*...Тополя, тополя,
старой дружбе верные,
Я теперь к вам уже не
вернусь, наверно.
Далеко ухожу,
в сердце вас уношу,
Ваш весенний волнующий
шум ...*

Г.М. Колесников «Тополя»

Умер Геннадий Михайлович Колесников в 1995 году, в возрасте 58 лет.

В 2004 году в издательстве «МИЛ» вышел сборник стихов «Любовь была совсем недолгой», куда вошли тексты Геннадия Михайловича и его супруги Евгении Заславской. В память о поэте редакция газеты «Кавказская здравница» (совместно с администрацией Кавказских Минеральных Вод) учредила творческий фонд «Фламинго» (по названию одного из его сборников). На здании Пятигорской гимназии №11, где учился Геннадий Колесников, открыта мемориальная доска.

По одной из биографических версий Геннадий Колесников родился в Пятигорске, по другой – в Астрахани. Не исключено, что поэт, склонный к мистификациям и розыгрышам, в разных компаниях рассказывал разные истории о том, в каком именно городе он родился.

Поля, полные перепелов

Теплый асфальт кончался за последними домами города.

Ощупывая босыми ногами землю, чтобы не ломать ботву, и балансируя руками – как через речку вброд – перешли они картофельное поле и нырнули в лесной овраг.

И сразу затаились, приглушались. Этот приём – внезапно затаиться, если тебя настигает погоня – они открыли ещё в прошлом году, когда в садах попевали яблоки, и держали в глубочайшем секрете.

...

Передний нёс на плече одноствольное охотничье ружье, задний – полевою брезентовую сумку, на дне которой рядом с горбушкой хлеба лежала картонная пачка с десятью патронами.

...

К утру потемнело – зашла луна. Но из темноты проступили далекие холмы, и колосья стояли не сплошной стеной, а каждый отдельно, и стало видно, как зачинается на востоке рассвет.

Повисла над горизонтом зеленая утренняя звезда. Если смотреть на нее сквозь прищуренные ресницы, можно увидеть серебряную нитку, на которой она подвешена.

Мягкими толчками, подминая пшеницу, накатились и ушли за горизонт волны зоревого ветра. Звонко и отчетливо ударил первый разбуженный перепел: «Спать пора, спать пора!» и через секунду, окончательно проснувшись – «Пить пойдем, пить пойдем!»

Ему откликнулся второй, третий, четвертый, и вся степь загремела перепелиными голосами.

- Мишка, сколько их тут!

- До черта! – сдерживая озноб восторга, ответил Михаил. – Давай ружье!

Переломив одностволку, он торопливо сунул патрон в ствол. Чуть слышно щелкнул взведенный курок.

Они спустились к лугу. Под ногами хрустела сочная трава. Несколько шагов, и вдруг прямо из-под ног взорвался и, громко трепеща крыльями, понесся над землёй перепел.

- Стреляй! Мишка, стреляй! Ну, стреляй же!

- Ч-тух! – сухо ударил выстрел, осел на траву пороховой дым. Приятели обескураженно провожали глазами улетающего перепела.

...

Там, где они прошли, на ярко-зеленой траве ручьились две темные полосы.

- Дергач-то удирать будет – росу стяхнет...

- Точно!

Почти одновременно заметили они, как потекла по траве чуть заметная темная полоска – след убегающего коростеля.

- Вот он!
- Бежит-то... не утонишься?
- Впереди болотце, сейчас взлетит.

Коростель добежал до болотца, замочил лапки и поднялся в воздух, неуверенно махая слабыми, словно тряпичными крыльями.

Виктор вскинул ружьё, повел стволом, ловя коростеля на мушку, и в этот миг на птичьих лапках ослепительно вспыхнули и упали в траву рубиновые капли. Не пролетев и двадцати метров, коростель плюхнулся на землю, и снова потекла по траве темная полоска.

...

На краю луга коростель взлетел снова. После выстрела он на секунду замер в воздухе. «Падай, ну падай!»

Коростель сложил крылья и упал в траву.

- Здорово ты его срезал! – восхищенно выдохнул Мишка.

Виктор осторожно поднял коростеля, положил на ладонь, счастливо глянул на Мишку:

- По перепелу я бы, пожалуй, промазал.

...

Солнце перевалило за полдень, когда на горизонте показались верхушки деревьев, а немного погодя и соломенные крыши хутора.

Тетка Марья полола картошку. Заметив охотников, она выпрямилась, всмотрелась из-под ладони, узнала.

- Зойк, а Зойк, смотри, кто к нам идет!

Из ботвы поднялась глазастая рыжая девчонка, тоже посмотрела из-под ладони.

Охотники мрачно переглянулись. Во всем городе не сыскать девчонки вреднее, чем эта Зойка.

...

Тетка Марья взяла птицу за ножки, повертела.

- Зачем же вы горобца сгубили?

- Это не горобец, это дергач – снисходительно пояснил Мишка. – Он жирный, из него лапшу можно сварить.

...

Первую пробу снимала тетка Марья. Она долго дула на ложку, внимательно посматривая то на одного, то на другого охотника, затем опасливо отхлебнула и удивилась:

- Вот это мужики! И мясо добыли, и суп добрый состряпали!

...

А вечером тетка Марья разложила во дворе костер. Не для дела, а просто так, посидеть. На землю постелили старое одеяло и овчинную шубу, на одеяло высыпали сковородку сладких тыквенных семечек и устроились вокруг огня кто как хотел: тетка Марья полулежа, Зойка рядышком, а ребята чуть поодаль – на шубе.

...
Все вместе они пели песни про барабанщика, про буденновцев и про чибиса.
А когда утомились петь, грызли семечки, и Зойка бегала с кружкой за водой.

...
Тетка Марья постелила ребятам на сеновале. Мишка долго ворочался, вздыхал. Потом позвал тихонько:

- Вить, а Вить...

Не получив ответа, он вздохнул и через минуту задышал глубоко и ровно.

А Виктор через дыру в застрехе смотрел, как шевелятся и переливаются в небе звезды, слушал, как осторожно шуршат в сене мыши, и незаметно уснул.

...
- Охотнички! Всех перепелов проспите! – тетка Марья трясла их за плечи.
– Петухи давно откричали, заря занимается!

Не глядя друг на друга, они торопливо оделись, проглотили по стакану молока, взяли ружье, сумку и вышли из сарая.

Тетка Марья проводила их до оврага, пожелала ребятам ни пуха, ни пера.

...
Друзья переглянулись и весело зашагали вперед. Заря на полнеба обещала погожий день, а впереди до самого горизонта волновались под ветром поля, полные перепелов.

Тополя

Тополя, тополя,
В город мой влюбленные,
На пути деревца,
Деревца зеленые.
Беспокойной весной
Вы шумите листвой,
И не спится вам вместе со мной.

Тополя, тополя,
Беспокойной весной
Вы шумите листвой.
Тополя, тополя,
И не спится вам вместе со мной.

Тополя, тополя,
Солнцем коронованы,
Ждут дороги меня
И тревоги новые.
Далеко ухожу,
В сердце вас уношу,
Как весенний волнующий шум.

Тополя, тополя,
Далеко ухожу,
В сердце вас уношу,
Тополя, тополя,
Как весенний волнующий шум.

Тополя, тополя,
Долгой дружбе верные,
Я не скоро, друзья,
К вам вернусь, наверное.
Пусть в ночной тишине
Вам приснится во сне,
Как бродили под вами мы с ней.
Тополя, тополя,
Пусть в ночной тишине
Вам приснится во сне,
Тополя, тополя,
Как бродили под вами мы с ней.

Тополя, тополя,
Мы растем и старимся.
Но, душою любя,
Юными останемся.
И, как в юности, вдруг
Вы уроните пух
На ресницы и плечи подруг.
Тополя, тополя,
И, как в юности, вдруг
Вы уроните пух,
Тополя, тополя,
На ресницы и плечи подруг.

КОТОВСКАЯ Раиса Николаевна
(1951, Бельцы Молдавской ССР – 2007,
Минеральные Воды)

ставропольская поэтесса, писательница
Автор многих поэтических сборников. Один из них – «Станция формирования» – вышел в издательстве «Современник» (Москва), остальные – «Отцовский дом», «Ночной дождь», «Уроки пения» – в Ставропольском книжном издательстве.

Раиса Николаевна Котовская родилась 6 января 1951 года в городе Бельцы Молдавской ССР, а выросла в городе Минеральные Воды.

Пробы пера будущей поэтессы первым оценил Ян Бернад, который сразу понял, что встретился с настоящим талантом. Первые стихи школьницы Раисы Котовской – «Ночная фиалка» – были опубликованы в минераловодской газете «Коммунист». После восьмого класса дневной школы она пошла работать строителем и поступила в вечернюю школу рабочей молодежи, которую окончила в 1970 году. В конце 70-х ставропольский Союз писателей дал Раисе Котовской рекомендацию для поступления в Литературный институт имени М. Горького. В то время она уже была студенткой пединститута, но, не раздумывая, поехала в Москву. Училась заочно. А так как надо было на что-то жить, Раиса работала проводницей. Значительная часть ее

...Этот стих –
на ниточке наития,
Этот снег –
у ветра на волне...
Нет, не автор я,
а исполнитель Музыки,
мятущейся во мне...

Р.Н.Котовская

жизни была связана с железной дорогой, и даже первый сборник ее стихов, вышедший в Москве, назывался «Станция формирования». В 1982 году вступила в Союз писателей СССР, переехала в город Ставрополь, работала ответственным секретарем альманаха «Ставрополье», являлась руководителем литературного объединения «Современник». Ее стихи публиковались в газете «Комсомольская правда», в журна-

лах «Дон», «Знамя», альманахах «Истоки», «Ставрополье».

Раиса Котовская работала в лучших традициях русской литературы. В последние годы поэтесса больше писала духовные стихи, вернулась к вере дедов и отцов, что естественно и благородно. В семье Котовских традиции православной веры передавались из поколения в поколение. Прадед Раисы Николаевны был священником в Воронежской губернии. Всех детей, даже в советское время, крестили в церкви. Отец Раисы Николаевны хоть и был ком-

мунистом и возглавлял парторганизацию на железной дороге, не противился этому. Домашних просил только, чтобы никто не афишировал свою приверженность православию.

В последние годы жизни Раиса Николаевна жила в г. Минеральный Воды.

* * *

Места, знакомые до слез,
Глухая память детства,
Ленивый кот, брехливый пес –
Вот все мое наследство.

То снег повалит, то родня –
Считай лишь, кто да сколько...
Нет прав наследных у меня –
Обязанности только.

В моей ограбленной стране,
Где правят «бакс» и «ксива»,
Жива – и счастлива вполне,
На воле – и спасибо.

* * *

Весной беспокойною дышит
Весёлая листьев возня...
И спорят деревья, кто выше,
Друг друга ветвями тесня.

Не спорьте об этом, не надо!
Грозою встревожится тьма –
И молния огненным взглядом,
Кто выше
отыщет сама.

Стихи о Железноводске

Разновысокие дома
В листве желтеющей зарыты.
Дворов глубоких полутьма
С бельем и теплым духом быта.
Средь неожиданных ходов
И многочисленных ступеней,
Впитавших зной и холодок,
Дурманы всех былых цветений.

И заплутаться бы не грех
В тот праздник радостный, неожиданный,
Когда уже созрел орех
И осыпаются каштаны.
Стуча в полдневной тишине,
Царящей на исходе лета,
По плитам пористых камней,
По крышам, солнцем разодетым.
Когда внезапно наугад
Сорвется лист паляще-красный,
Кружа и плавая в пространстве,
К себе приковывая взгляд...

* * *

Когда леса подлесок и кусты
С налёту перешаривает ветер, –
Что ищет он? Что вздрагиваешь ты,
Во сне услышав шорох на рассвете?

Не знаю, сплю... Но, глянув в очи звезд,
Движением на миг твой сон нарушу,
Чтоб этот вихрь случайно не унес
Твою остановившуюся душу.

КРЫЛОВА Елена Ивановна

(род. 1930, Краснодар)

пятигорская детская поэтесса

Автор 14 сборников стихов для детей, член Союза российских писателей, внештатный корреспондент газет «Молодой ленинец» и «Кавказская здравница», ветеран войны и труда, обладатель диплома за гимн города Пятигорска, сочиненный к его 200-летию.

Елена Крылова – человек необычайного таланта, самых разнообразных интересов и знаний; известная пятигорская поэтесса,

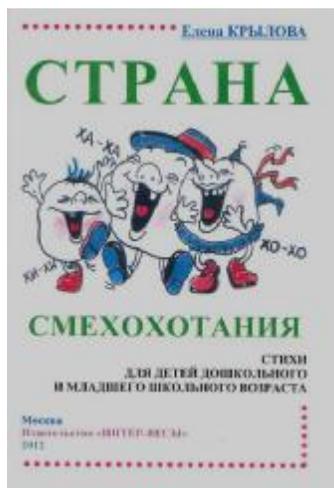
отличающаяся безграничной любовью к детям, умением изобретать забавные истории, видеть в самом обычном интересное.

После окончания Ленинградского института культуры и аспирантуры при нем она работала в основном в библиотеках, что давало ей возможность самой постоянно пополнять знания и через книги передавать их юному поколению.

Елена Ивановна обладает очень редкой способностью мыслить и чувствовать детей. Именно для них она сочинила множество стихотворений, песен и сказок, темы которых всегда отражали наиболее «важные» детские проблемы, озвучивали всевозможные случаи из жизни, подмечали все казусы и приключения, которыми так полон детский возраст. Для детской поэтессы Елены Ивановны Крыловой характерна приверженность юмору. Это прослеживается даже в названиях книг – «Страна Смехохотания», «Смешок-хохотунчик».

В общей сложности работе с детьми она отдала более 50 лет. Все эти годы Елена Ивановна наблюдала за детьми, изучала их интересы, характеры, достоинства и недостатки. А наблюдения формировались в стихотворные строчки, чаще всего смешные, потому что «герои» ее стихов – народ веселый, с выдумкой. И многие детские фантазии нашли отражение в ее произведениях.

Её первая книга вышла в 1972 году. Сильными сторонами творчества Елены Крыловой являются не столько отдельные строчки, сколько темы и идеи, которые она воплощает с большим или меньшим литера-

турным успехом, но всегда изобретательно и метко с точки зрения детской психологии, детских интересов.

Пятигорская поэтесса Елена Крылова – член Союза российских писателей с 1998 года.

Никто

- Скажите, кто ударил Сашу?
- Никто! Ни Гриша и ни Маша.
- Кто разбросал кругом игрушки?
- Никто! А может, кошка Мушка.
- Кто выкрасил вчера козу.
Потом купал ее в тазу?
...Мы десять раз спросили: «Кто?»
Ответ все тот же был: «Никто!»
Никто случайно съел конфеты
И глазом не моргнул при этом.
Никто увидел НЛЮ
И потому разбил окно.
Никто – проказник и лгунишка.
А главное, Никто – трусишка.
Хотелось знать бы нам про то,
Кто он – таинственный НИКТО?

Во сне

Во сне я совсем на себя не похож,
Настолько другой я, настолько хорош!
Умею я плавать, умею летать,
Смогу и коня на скаку подковать.
Во сне я – герой! Я дал сдачи Смирнову:
Не будет дразнить он Катюшу «коровой».
Сегодня во сне был гусаром-повесой,
За Пушкина мстил, убивая Дантеса.
Порою приснится одна ерунда,
И смысла во сне не найдешь, и следа:
Вчера почему-то я прыгал с часовни
И двойку поставил Марии Петровне.
А в среду бежал я со связкой бананов
Почти без одежды по льду океана.
Наверно, на солнце в тот день перегрелся,
А может, соленого просто объелся.
Уроки во сне я готовлю прилежно,

С сестренкой своей обращаюсь так нежно!
И маме готов я во сне помогать –
Картошку почистить, белье постирать.
Одно только есть, непонятное мне:
Как стать наяву мне таким, как во сне?

Неудачный рыболов

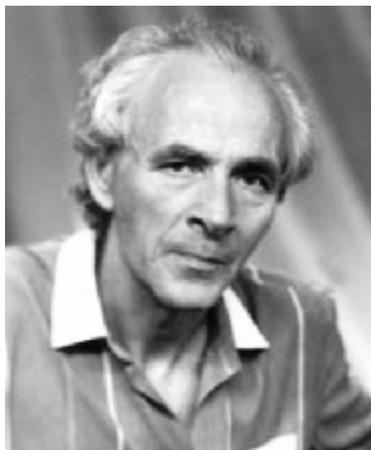
Вот как-то на речке седой старичок
Привычно надел червячка на крючок.
Чтоб лучше клевало, он плюнул разок,
Присел и уставился на поплавок.
Но солнце взошло, и вздремнул старичок,
И сам не заметил, как лег на бочок.
Чирикали птички, плел сеть паучок,
Под ним колокольчик раскрыл колпачок...
А сом под корягой увидел крючок,
На нем аппетитно висел червячок.
Не выдержал он и схватил червячка,
А с ним заодно потянул старичка.
Барахтался долго дедуля в воде...
Не спи на рыбалке, не то быть беде!
Как рыба взяла старичка на крючок,
Об этом – ни слова! Прошу вас – молчок!

КУДИНОВ Владимир Васильевич
(1938, г. Котельниково Волгоградской
области – 1990, Ставрополь)

ставропольский поэт

Автор сборников стихов: «Зал ожидания» (1980); «Перекрёстки» (1984); «Позвольте мне предсказывать погоду» (1987). Лауреат премии имени Германа Лопатина.

Кудинов Владимир Васильевич родился 31 марта 1938 года в г. Котельниково Сталинградской (Волгоградской) области. Учился в железнодорожной школе № 5. Окончил пединститут в г. Ставрополе. Еще учась в школе, Володя пробовал писать стихи, позже они стали смыслом его жизни. Много лет отдал журналистике – работал в разных газетах, в том числе в «Ставропольской правде», а в последние годы жизни трудился в отделе поэзии Ставропольского книжного издательства. В рубрике «Писатель и эпоха XX век» вышел сборник его избранных произведений. Поэзия Владимира Васильевича Кудинова тесно связана с Северным Кавказом, родным краем. В своих произведениях поэт воспекает подвиги людей мирного труда и мужество защитников Родины. Все творчество поэта служит родному Отечеству. На слова поэта композиторы А. Рошин, А. Маслов, В. Чернявский создали песни «Ставропольский вальс», «Снятся мне ковыли, ковыли» и другие.

Колыбельная

Баю-баю-баю-бай.
Спи, сыночек, милый Зай.
Моя радость, засыпай,
Спи, мой сладкий, баю-бай.
Спи, котеночек, в кроватке,
Спи, пушонок, сладко-сладко.
Баба-Ежка над избушкой –
Она добрая старушка,
Она мчится на метле,
Зажигает ночь тебе.
А Кашей наш в хороводе
Звезды яркие выводит,
Чтобы спал ты, видел сон,
Тоже добрый очень он.

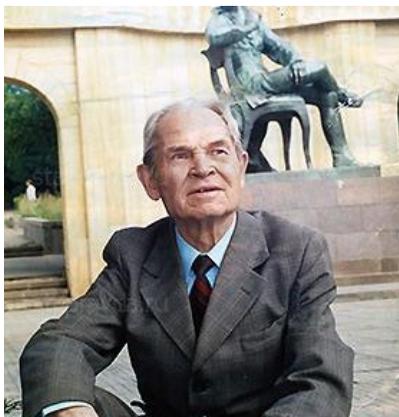
Спи, малыш мой, утром рано,
Встанем вместе мы с вараном,
Чтобы Солнышко встречать,
Радость детям раздавать.
Мы по радуге-дуге
В путь поскачем на коне,
К Морю-Синему-Буяну
Он поскачет рьяно-рьяно.
Столько дел ждет впереди,
Спи, сыночек, сладко спи.
Твой космический корабль,
Полетит как дирижабль
К звездам ласковым, Луне,
Это в детстве снилось мне,
На Луне нас встретит мальчик,
Мальчик ростом с мамин пальчик.
Хочешь сон смотреть такой? –
Глазки, ты, скорей закрой.
Посижу я рядом, крошка,
И с тобой, посплю немножко.
Баю-баю-баю-бай,
Поскорее засыпай.

**КУЗНЕЦОВ Иоаким
Вячеславович**

**(1917, с. Колобово Читинской
области – 2007, Ставрополь)**

ставропольский писатель

Иоаким Вячеславович Кузнецов – член Союза писателей России, подполковник в отставке, войсковой казачий старшина, В 1964 году вышла его первая повесть «На ближнем рубеже», затем издаются очерковые книги «Весна в Долинном», «Ключи к земле» и «Как вырастили крылья». В 1976 году – написаны повести «Крепость в степи», «На перекрестке дорог», в которых автор показывает рождение и мужание крупнейшего на юге нашей страны административного, экономического и военного центра – Ставрополя. Немного позже выходят книги о городах Пятигорске – «На холмах Горячих» и Кисловодске – «У истоков живой воды». О ставропольских казаках Иоаким Кузнецов написал исторический роман «Тихая линия» (1997).

*Отцы, деды, прадеды оставили
нам такое наследие, познав
которое нам легче
формировать личность,
строящую жизнь по законам
разум, добра и красоты....
И.В. Кузнецов*

Иоаким Вячеславович родился 21 августа 1917 года в с. Колобово Балецкого района Читинской области в семье железнодоро-

рожника. Рано потеряв мать, воспитывался бабушками. Учиться в школе ему очень нравилось, особенно увлекала история. Поэтому, успешно окончив семилетку, свою дальнейшую судьбу он решил связать с педагогикой. Поступил в педагогическое училище, а затем продолжил учёбу в Читинском учительском институте. Трудовую деятельность И. В. Кузнецов начал преподавателем истории, а затем завучем в средней школе.

Как и многие в те годы, Иоаким увлекся авиацией. Участь ещё в институте, занимался в аэроклубе, а потом незадолго до начала Великой Отечественной войны – летное училище. Правда, воевать на фронте будущему писателю не пришлось, он охранял воздушные границы нашей Родины на Дальнем Востоке. И. Кузнецов был командиром авиазвена, а затем – эскадрильи.

Когда по состоянию здоровья Иоаким Вячеславович был списан с лётной работы, его перевели в г. Баку, где он работал военным корреспондентом в газете «На страже». А спустя некоторое время, в 1965 году, Кузнецов переехал в Ставрополь, где и прожил до конца своей жизни.

Иоаким Вячеславович был истинным гражданином и патриотом Ставрополя и Ставропольского края. Во всех своих произведениях он старался вернуть людям историческую память, сохранить основы народного бытия, уберечь корни, питающие нацию, дать ответы на вечные вопросы о смысле жизни и цели существования человека. Показывал, что люди исстари стремятся к счастью, справедливости и свободе. А добиться этого можно только через Добро.

НА ХОЛМАХ ГОРЯЧИХ

(отрывок из книги)

Часть первая

По замыслу Суворова. Первые колышки

В один из жарких майских дней 1780 года вверх по Подкумку устало шёл пятый сапёрный батальон 16-го егерского полка. Солдаты в бескозырках, в тёмных, коротких до пояса мундирах, в серых штанах, вправленных в сапоги, несли за спиной ружья с гранёными штыками и скатки шинелей, оттягивала плечо кожаная сумка с боеприпасами. Шли по бездорожью, по колено в густой траве. Привал был всего один.

Солдаты недовольно переговаривались:

- Скоро ль дотащимся до назначенного места?

- Ноги гудят!

- Одежда взмокла, в пору хоть выжимай!

<...> Часовой то ли спал, притулившись спиной к телеге, то ли просто не видел, как горец подкрался к табуну: услыша крик, с перепугу выстрелил вверх. <...> Услышав выстрел, они ошалело вскочили на ноги и, увидев переплывающего через Подкумок человека на вороном коне, дали залп, но не попали. Командирский конь вынес похитителя на правый берег.

<...> – Бесплезно! Абрек не станет дожидаться, чтобы его схватили, – тяжело вздохнул Чайковский.

Спустя полчаса казаки вернулись. Но не с пустыми руками. Елисей крепко держал перед собой оборванную, в страхе озирающуюся девочку лет десяти.

– Вот нашли в землянке. Должно быть, абрекова дочь, – сказал он, опуская пленницу на землю. И как только ноги её коснулись поляны, она кинулась бежать к Подкумку.

Елисей, спрыгнув с коня, бросился за ней. Догнал её, поднял на руки и понёс, но девочка билась, стараясь вырваться, царапалась и кусалась. Епифан бросил брату шинель, сказал:

– Запеленаяй её, иначе она тебя издерёт в клочья.

Елисей укутал горянку в шинель, оставив на поверхности только голову, обмотал вожжами и, как куклу, положил на землю.

- Зачем ты приволок зверёныша? – с сердитым укором спросил Епифан.

- Жалко стало. Без отца с голодухи подохнет. И всё ж-таки заложница-аманатка. Отец, может быть, вернёт Воронка за неё, – ответил младший Серебряков.

- Вернёт – разевай рот пошире! За такого коня абрек готов десять своих детёнышей отдать! – ворчал старший брат.

<...> Завтракали молча. <...> Елисей, посадив девочку, пытался накормить её кашей, подносил ко рту ложку, но пленница вертела головой, отплевывалась.

- Да перестань ты её силой! Голод – не тётка, подождёт, сама попросит и за милую душу съест, – наставлял старший брат.

Мёртвой куклой полдня лежала на спине девочка в дальнем углу палатки, только лихорадочный блеск глаз, неподвижно уставленных вверх, и мигание длинных ресниц свидетельствовало о том, что она жива и в голове её идёт какая-то напряжённая работа.

К обеду она зашевелилась, упёрлась чёрными, потрескавшимися пятками о землю, перевернулась на бок и жалобно, просяще сказала что-то на своём языке. <...> Елисей привёл девочку в палатку присмирившую, подал ей чашку с кашей, и она, скрестив ноги на полу, охотно стала есть, уже без опаски посматривая на кормильца.

Младший Серебряков присел на корточки перед ней, заглядывая в большие чёрные глаза, спросил:

- Как тебя зовут?

Девочка непонимающе смотрела на русского солдата. Тогда ординарец, тыча пальцем себя в грудь, стал повторять, что его зовут Елисей, показывая на брата, твердил – Епифан. И пленница скорее всего не поняла, а догадалась, чего от неё требуют, прошептала: «Таньгей».

- А-а-а, Таней, значит, по-нашему! – обрадованно заключил Серебряков, повернулся к брату: – Слышь, братуха, Таней зовут черкешенку-то!

- Ну, что ж, имя доброе! – отозвался Епифан...

Елисей сводил пленницу на Подкумок, сам умылся и её заставил умыться. <...> Подал белую солдатскую рубаху и велел надеть её. Вышел из палатки, а когда вернулся, увидел Таню в чистом белом одеянии и улыбнулся, показав большой палец: дескать, полный порядок.

<...> – Не кумекает по-нашему. Надо учить её, – сказал один солдат и, показав топор, который одержал в руках, добавил: – Топор.

Таня испуганно подняла брови и попятилась назад, готовая убежать.

– Не с этого, Егор, начинай. Чего доброго, подумает, что собираешься ей голову отрубить, – сказал другой и вытащил из кармана высохший кусочек хлеба, подал ей:

- Сухарь. Повтори: сухарь!

К весёлому удивлению солдат, Таня вымолвила: «Сухар», – взяла хлеб и начала есть.

Третий егерь вынул кошелёк, достал из него медную монетку, потёр о штаны, чтобы заблестела, и тоже подал ей:

– Копейка!

- Копека, – ответила девочка и обрадованно схватив монетку, мечту своего детства, крепко зажала в ладошке.

<...> Обучение черкешенки русскому языку стало заботой солдат, в какой-то мере утоляло их тоску по мирной, семейной жизни.

МАЛЫШЕВ Алексей
Александрович
(1907, Петербург – 2000, Карачаево-Черкессия)

писатель

Автор книг «Золотое озеро», «Искатели», «Тринадцатый кордон», «Встреча ветров», «Корни жизни», «Повесть о таежном следопыте» и других. Многие его книги автобиографичны. Работал в жанре научно-художественной биологической литературы.

Доктор биологических наук.

Алексей Малышев еще при жизни стал человеком-легендой. Ученый, приручивший женшень, литератор, издавший в России и за рубежом десятки произведений, неутомимый борец и защитник природы.

Алексей Александрович родился в Петербурге 10 октября 1907 года. Родители были студентами агрономического факультета, пламенными революционерами-подпольщиками. По материнской линии – в родственных отношениях с Н.П. Огаревым: Н.А. Тучкова-Огарева – его бабушка.

Раннее детство прошло за границей: мать болела туберкулезом и вынуждена была постоянно менять климат. В Россию его привезли в 1913 году, после ее смерти. Ужасы Гражданской войны, голод, постоянные переезды... Но Алексей усердно тянется к знаниям, много читает и начинает писать.

Окончил Саратовский сельхозинститут (поступал в Азербайджанский политехнический институт на сельскохозяйственный факультет, затем перевелся). В первые годы работал агрономом в горных колхозах, заведовал молочной, кролиководческой фермами, был зоотехником в Теберде, когда там создавались первые колхозы, участвовал в перестройке деревни. В 1935 году в Теберде создается заповедник. Алексей Александрович направляется туда. Закладывает опытные участки, доходя до рекордной в агрономической практике отметки – 2400 метров над уровнем моря. Местные жители

Третий справа
Алексей Александрович Малышев

удивляются: никогда здесь не росли ни капуста, ни брюква, ни редька, ни свекла. Успехи агронома Малышева по достоинству оценил всемирно известный растениевод академик Николай Вавилов. И в 1939 году Алексей Александрович привез свои съедобные экспонаты на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву. С этого начался его путь в большую науку.

В 1941 году Малышев – заместитель директора Алтайского заповедника. Алексею Александровичу удалось решить важную задачу по размещению зерновых культур на берегах весьма своеобразного Телецкого озера. В годы войны был заместителем директора Алтайского заповедника, в 1948 году – заведующим научной частью Приокско-Террасного заповедника под Москвой, в 1952 году вернулся в Теберду.

Впечатления о людях, природе, работе и всевозможных приключениях на Алтае вылились в лирическую повесть «Золотое озеро», получившее горячее одобрение К. Паустовского. Позже Паустовский способствует вступлению ученого в Союз писателей СССР.

Умер Алексей Александрович Малышев в 2000 году.

Звери в плену

(из сборника рассказов)

1. Первые питомцы

Началось всё это с телеграммы из Москвы: для Зооцентра надо было отловить серн. Директор заповедника дал распоряжение наиболее опытным лесникам отправиться в горы. Легко сказать – поймать серну! Ведь серна самое проворное, выносливое и ловкое животное горных стран. При виде опасности серна взбиралась высоко в горы. Недаром говорят – «серна царит в горах».

Много времени лесники ходили по горам, и наконец, им удалось поймать взрослую серну. Однако измученное животное довести не смогли, так как она погибла от нервного перенапряжения.

После этого случая, они решили отловить маленьких козлят, но никто не знал, как за ними ухаживать и кормить. И вскоре в наскоро выстроенном загончике собралось до десятка козлят. Казалось, что всё хорошо, но нет, почти всем малышам грозила гибель! Козлята гибли от волосяных шариков, которые образовывались во время линьки. Как предотвратить появление этих шариков – никто не знал. . . К концу июня остался самый бойкий – Жорка, а вместе с ним турёнок – Бессо. Жорку и Бессо в Зооцентр не отправили, и решили продолжить эксперимент на следующий год. А тут ещё появился оленёнок Борис, которого отобрали у браконьеров. Для них построили большие вольеры. За животными ухаживала Фёдоровна, которая жила в сторожке рядом.

2. Загадка не решается

Прошёл год. Зверята заметно подросли, и у каждого из них к концу лета отросли небольшие рожки. Вольеры постепенно наполнялись. Появились: два

медвежонка, козуленок, два пятнистых поросенка. Выкармливала и ухаживала за потомством Федоровна. Завидя ее, еще издали, зверята поднимали отчаянный крик, а особенно поросята. Фёдоровна принесенных поросят назвала Катей и Ежиком. Медвежат окрестила Женькой и Мишкой. Хлопот было полно.

А тут начали поступать новые турята и сернята. После прошлогодней неудачи, решили воспитывать по-другому. Выпаивали их из рожка, а чтоб они не слизывали шерсть, сшили каждому рубашечку и штанишки. Эта было глупо, потому что сернята рвали и теряли одежду. В этой ситуации нужны иные меры. Сернята по-прежнему гибли... Однажды привезли двухдневного серненка, которого поймали лесники. Все думали: сколько нужно малышу молока и через какое время кормить? Нельзя было продолжать, чтоб сернята гибли. Федоровна в отчаянии не раз хотела бросить всё и уйти, но ее держали здесь другие питомцы, которых она любила.

3. Важные события

Миновали еще две зимы и два лета. В вольерах было на кого посмотреть. Жорка стал высоким, стройным и легким. И стоило кому-то тронуть рукой решетку он бился своими рожками. Бессо был медлительный и массивный. В загоне он жил не один, а с ним находилось несколько молодых самок и небольшой тур-самец. У оленя Бориса выросли большие рога, с рядом отростков. Он был высокий, стройный и красивый. Самым изящным животным в вольерах была козуля. Поросята превратились в крупных длиннорылых, покрытых щетиной, кабанов. Федоровна очень любила Катюку. Медвежатник был разделен на два отделения, пока они были маленькие, казались потешными. Но время шло, медвежата выросли. Для них построили новый медвежатник. Но как их туда перевести не знали. Решили заманить их в ящик, и перенести в новый вольер. Женьку быстро заманили и перенесли. Когда в ящик забрался Мишка, пришлось вызвать еще рабочих на помощь. Однако медведь оторвал одну из досок и начал размахивать лапой, и, проломив доски, встал в полный рост.

Мишка оказался на воле, и очень быстро оказался в лесу. Но не долгими были его прогулки, потому что Мишка, проголодавшись, вернулся обратно в заповедник и теперь уже жил в новом вольере. Всё шло благополучно, кроме гибели серн. Однако и здесь появилась надежда. Научные сотрудники обнаружили, что малышам не хватает йода, именно его сернята не получали совсем. Вскоре наступило время, когда они начали поедать траву. Все были в ожидании. Серны остались живы. Это была большая победа.

4. Месть за плен

Это было страшное зрелище! Жорка, сумевший перескочить через преграду, наступал на Бессо, желая поскорей вонзить свои рожки. Бессо, наклонив свои массивные рога, собирался идти на таран – сокрушить своего противника ударом. Подоспела во время Фёдоровна и разогнала животных. Былой дружбе пришел конец.

Можно было заметить. Что почти все обитатели вольер, по мере того, как они вырастали, становились более злыми и по отношению к людям даже опасными. Сказывались условия неволи: ведь звери не могли не тосковать в плену. Животных собирали, чтоб показывать людям. Были разные и добрые и злые. И нередко пытались затолкать железной палкой доверчиво подошедшее животное или бросить камень в него. Больше всех попадало волчонку, который был похож на обычную овчарку. Он потерял свое детское добродушие, и лишь к Федоровне он не терял доверия. Он был одинок, поэтому подолгу бегал вдоль решётки. Фёдоровна решила развеселить его, и кинула собачонку, с которой он ранее играл. На этот раз Серый чуть не задушил собаку. Борис также изменился, он стал более злым, особенно после случая, когда один из посетителей обломал неокостеневший отросток. Из надломленного рога хлынул фонтан крови, Борис болезненно замотал головой. Он долго болел, никого к себе не подпускал. К осени к его вольере подошел олень-рогач, через решетку началась у них битва. Всю ночь они бились, к утру разбили забор и Борис оказался на воле. На следующий вечер он вернулся, но не один, а с подругой – очень красивой оленухой. Борис не сводил с неё глаз. Через две ночи состоялась очередная битва, с очень сильным и красивым оленем, которого звали Мальчик. На этот раз победа была за Мальчиком, который рос на воле. Он нанес сильный удар Борису в бок- из рваной раны полилась кровь. Борис отступился и бросился прочь. Он пытался бежать, но его поймали и привезли в вольер, укрепив перед этим забор. Олень снова оказался в плену. Самым спокойным, пожалуй, казался толстяк Бессо, но он мог дать Жорке отпор, хотя тот был известный забияка. Туренок подрастал и Бессо иногда с ним играл, не чувствуя в нём соперника. Однажды произошел случай, который развеял миф и незлобности Бессо. Корреспондент, желая снять туров вблизи, залез в вольер. И Бессо одним ударом разбил фотоаппарат, полоснул рогами по спине. Маруся, стала отгонять Бессо, но тот протянул её по всему вольеру. Туристы спасли женщину и корреспондента. Жорка, фыркая, тоже ожидал расправы с людьми.

5. Жар-птица

Зима вышла суровая. И уже в ноябре выпал снег. Всё шло своим чередом. Сюда, скрываясь от мороза, сюда прилетели разные птицы. Накануне нового года воспитатель детского сада принесла крупную, величиной почти с индейку птицу. Эту птицу увидели дети. Федоровна усадила Беллу, напоила чаем. На пол насыпала серна, и к удивлению всех, птица начала его клевать. Эта птица называлась уларка. Федоровна ухаживала за ней, хотела, чтоб птица осталась в заповеднике. Все рассматривали эту птицу, которую было очень тяжело увидеть на воле. Новым событием было рождение двух медвежат у Женьки. Мишка, слыша писк в Женькиной «квартире», возбужденно ходил по своей клетке. Однажды зимой выловили беркута. Для него отстроили высокий терем вокруг дуба. Затем появился молодой орёл, которого поместили вместе с беркутом.

МАСЛОВ Анатолий Михайлович

(род. 1950, х. Веселый
Ставропольского края)

Поэт

Автор книг «Плач по России», «Вечная дорога к себе» и «Даруй мне, степь, успокоенье», «Сладкая горечь полыни», «Степная сторона». Один из авторов сборника «Святые копани» и книги «Земля Изобильная».

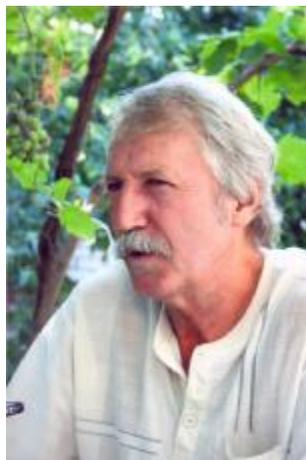
Анатолий Михайлович Маслов родился 15 августа 1950 года на хуторе Веселом, ныне поселок Передовой Изобильненского района. Родом из казаков. Живет в Передовом. Работал электромонтером в колхозе, разнорабочим на строительстве газобензинового завода в Нефтекумске, грузчиком на железнодорожной станции, преподавателем в сельской школе.

С самого детства Анатолий Маслов дышит и мыслит стихами. Первое свое стихотворение он написал в девятилетнем возрасте, в рождественское утро. Мальчишки бегали утром по дворам, славили Христа: «... воссиял свет разуму». Он сел на пол, написал стишок и побежал к богомольной старушке, соседке бабушке Даше. «В жизни, – сказала она мальчику, – ничего случайного нет. Этот дар дан Богом». Позже его первые стихи печатал в поселковой газете ее редактор писатель Тимофей Шелухин, живший от Анатолия Маслова через поле.

... Не сделай шага без причины
В судьбе единственной своей –
Не прибавляй, мой брат,
морищины
На лике Родины твоей....

А.М. Маслов

Маслова, остановился: «Садись. Со мной ставропольские писатели». Так произошло его знакомство с поэтом Александром Федоровичем Мосинцевым, которого Анатолий называет теперь своим литературным крестным отцом. С его доброй руки Анатолий Маслов попал на краевой семинар молодых писателей в Ставрополе весной 1976 года. В апреле 2000 года в Ставропольском краевом отделении Союза писателей России поэт Анатолий Маслов принят в члены Союза.

В свое время другой корифей ставропольской литературы, Иван Кашпуров, давал начинающему поэту рекомендации в московский литературный институт, но Анатолий Маслов поступил в ставропольский педагогический. Окончил филологический факультет. Много лет работал преподавателем литературы и русского языка, завучем сельской школы.

Публикуется с 1965 года. Был участником многих краевых и всероссийских совещаний молодых литераторов.

Больше всего Анатолий Маслов любит волю и степь.

Родовая черта истинно русского поэта – ощущение «смертной связи» (Н. Рубцов) с землей, его породившей и давшей силы для высокого полета в поднебесной выси. Рисуя яркими красками красоту степи весной, Анатолий Маслов помнит ее и иной, выжженной дотла неистовым солнцем.

Анатолий Маслов человек большой искренней силы, способный на глубокие чувства, проникновенную эмоциональность. Пишет он много и плодотворно, много места занимает в его творчестве тема малой родины – родного хутора – потаенного уголка Ставрополя. Но то, что именуют «поэтическим огнем» поднимает лирику А. Маслова на новый качественный уровень. Поэт все время в поиске. И пока длится этот поиск, совершенствуется его поэзия.

* * *

Вот милый сердцу южный хуторок!..
На площади здесь, будто на базаре!
Мужчины ищут в сквере холодок
С такими хитроватыми глазами!..

Старухи приютились за ларьком,
Торгуют бойко луком и рассадой.
Такая благодать царит кругом,
Что, кажется, другого и не надо!

У бочки с пивом гомонит народ,
А рядом утки бьют рекорды в луже.
Пожалуй, если кто и перепьет,
Дешевле вытрезвитель и не нужен.

Цыганки с сигаретами снуют,
В киоске крутят музыку все утро,
Сложив оклунки рядом, сельский люд
К культуре приобщается попутно.

Ах, южное цветастое село!
Ах, колоритный говорок казачий!

Так на душе моей светло-светло!
Я счастлив здесь!..
Не может быть иначе!

Сыну. Жене

Свет лучится по спальенке.
В ней убранство, как встарь.
Спит сынишка мой маленький
Под иконкой Христа.

По всем стенам развешаны –
В полумраке видны
Старые пожелтевшие
Фотоснимки родни...

Над покоем неброского
Быта спальни звучит
Увертюра Чайковского
В тихой, светлой ночи...

Упаду я сегодня
Перед ликом святым:
- На все воля господня...
Так и с сыном моим...
Пусть ему уготовлены
Розы или шипы,
Отче, лишь бы он с Родиной
Был единой судьбы!..

Виноград деда Игната

Тянет тачку ишачок.
А на тачке – старичок.
Это дедушка Игнат,
Зазывает:
- Ви-но-град!

Тут как тут уж пацаны,
В латках рваные штаны.
- Дед, а дед, а дай за так,
Подрасту, верну пятак.

Знает дед: отдай добром –
Не отмашешься кнутом,
Налетят, не страшен кнут,
Что сопрут, а что помнут.

Он пытается:

- Чей таков?
- Васькин, дедушк, Шестаков.
- Ну а ты, лобастый, а?
- Нюрки Редькиной...
- Ах, да...

Всем по кисти виноград
Наделяет дед Игнат.
Едет дальше хуторком,
Глушит думки табаком.
О протез тряхнёт мундштук
И вздохнет:
- А сколь их штук?!
Почитай, вон пол-Корны
Стали сироты с войны.

Ну а вдовам без родни
Как тянуть на трудодни?
Всех жалеет дед Игнат:
- По дешевке виноград!

Может быть, старик Игнат
Расточителен, богат?!
Хата гнется, сам горбат,
Сохранил лишь виноград.

Дети пали на войне
В супостатовой стране.
Может, эти заживут,
Добрым словом помянут.

Ишачок домой везет,
Бабка встретит у ворот:
- Что ж, отец, твой виноград?!
- Подкормил чуток ребят.

* * *

А. Т. Врацкой

Жнет камыш седая бабка,
Я снопы вяжу за ней,
А над нами солнце – латкой –
Прикипает все сильней.

Пот утрёт старуха:
– Внучек,
Не поранься, голубь мой,
Не порежь осокой ручек...
Ну, а лучше – дуй домой...

- Что ты, бабушка, а крышу
Кто ж починит нам с тобой?
- На тебя надёжа, вижу...
Вместе справимся с бедой...

И, слезинку вытирая,
Вдруг прижмёт меня к себе:
- На тебя надёжа, знаю...
Лиха б вот не знать тебе.

Под дождём

По улице босиком,
Парусиновым мешком
Накрывшись до пяток,
Бегают ребята.

Дождик хлещет по ногам
И по лицам, и рукам,
Но они довольны:
- Дождь сечет не больно.

Их веселый смех берет:
- Прохудилось небо вот...
Латку сделать надо –
Дождь не будет падать.

И штанишки подкатав,
Палки с ходу оседлав,
Хуторочком скачут,
Озорства не прячут.

Да еще кричат потом,
Если долго стонет гром:
- Бог катает бочки,
Видно, мелет кочки.

Но густеет небосвод,
Мамы вышли из ворот,
Загоняют в хаты:
- Ноги мыть, чертята!

Зима

Посмотреть на небо – вроде чисто,
Только кто ж бросает белый пух
И широким пологом искристым
Укрывает задремавший луг?

Все вокруг о чем-то шепчет тихо:
Не понять пришедшей кутерьмы...
Белый снег отплясывает лихо
Танец наступающей зимы.

* * *

Ветер дунул с полей –
Стало сразу зябко!
- Не лови снегирей! –
Мне грозила бабка.

Мне хоть по лбу,
хоть в лоб –
Лез, не беспокоясь,
Где повыше сугроб?!
Увязал по пояс.

Все снега покорил
Вокруг нашей хаты.
Спрятались снегири
От меня куда-то.

И щипался мороз, –
Ноги все озябли.
Было жалко до слез, –
Где снегирь и зяблик?

Сапогом о порог
Я стучал устало...
- Перемерз, снегурок?! –
Бабушка встречала.

Синий вечер

Светочке Гавва

Вечер смотрится в окошко
Васильковыми глазами –
На печи пригрелась кошка
Мурка рыжая с усами.

Вечер слушает в окошко:
- Что под нос мурлычет кошка?
- Мур, мур, мур... – поет частушку
Про норушку-побирушку,

Что живет за печкой в норке
И ворует крошки, корки...

Вечер смотрится в окошко:
- Подгляжу еще немножко.
У стола на табурете
Бабушка сидит и вяжет
Варежки малышке Свете
Из цветной суконной пряжи.

Света, вымазав курносый
Носик в розовую краску,
Заплетает кукле косы
И рассказывает сказку...

Вечер смотрится в окошко
Васильковыми глазами –
В хате каждый делом занят:
Света, бабушка и кошка...

Ваня-Кубаня

Дочери Верочке

У зеленой ветлы
Все листочки светлы.

А на жердочках-ветвях
Приютилась стайка птах.

Пробежал ветерок,
И ветла – веерок...
Опущусь под ветлой
На ковер луговой.

На цветке стрекоза.
- Что шуршишь, егоза?!
В травке маленький жучок
Заблудился, толстячок.

- Не робей, – говорю, –
Жизнь тебе подарю.
Это дело по плечу...
И, как в детстве, вдруг шепчу:
- Ваня-Кубаня,
Кто тебя поранил?
Дам тебе хлебка,
Полети на небко,
Там твои детки
Кушают конфетки,
Всем ребятам раздают,
А тебе не дают...

Полетел толстячок,
Накренься на бочок.
- Долети же, долети,
Не сверни, дружок, с пути.

Ничего, что большой –
Верю чистой душой,
Как в ребячестве своем,
Что найдет Кубаня дом...

* * *

Софии Ткаченко
Здравствуй, милая София!
Как живешь, подружка, как?
Лепестки цветов сухие –
Мой привет издалека.

Я сорвал их на полянке,
За станицей, на лугу.
Там гусята спозаранку
Удивлялись:
- Га – га – гу – у!

И коза бродила рядом,
И козлята-бодуны
Провожали хитрым взглядом
И резвились, шалуны!

Ветерок плясал, обманщик,
В моих кудрях-волосах,
Солнце – желтый одуванчик,
Улыбалось в небесах!

Ах, какая здесь природа!..
Приезжай ко мне, дружок,
У меня за огородом
Растет аленький цветок!..

Жаворонок

Сыну Мише

Над курганом, над родной сторонкой
Жаворонок точкою висит,
Тянет ноты солнечные тонко,
Задохнется – камнем вниз летит.

- Ах, разбился! –
Я бегу вдогонку,
Падаю, исколотый стерней,
Но взлетает весело и звонко
Жаворонок снова надо мной.

Не другой ли?!
Я ищу приметку –
Ничего не нахожу в траве...
Радуюсь свободе, солнцу, лету
И счастливым мыслям в голове!

* * *

Мне часто снятся степь и поле —
Без них я болен, очень болен...
Они мне так ласкают душу,
Зеленые поля и степи!
Я так люблю, волнуясь, слушать,
Когда шумят пшеницы стебли.
Когда на взгорке шепчут травы,
Когда поют над лугом птицы...
Бывает: ветер, буйный нравом,
В красе полей угомонится.
Дождями прослезится небо —
Цветы рубином заискрятся...

Ах, степь!
Ах, поле!..
Кто там не был,
Тому без них не стосковаться!..

* * *

Ветер листья опавшие гонит
Переулком в открытую даль.
Это рыжая осень хоронит
Красоту свою.
Осень мне жаль.

И печально.
А тополь обронит
Свой последний листочек, и вот
Мне покажется, что на ладони
Не листок, а душа упадет.

ОКЕНЧИЦ Наталья Владимировна

(род. 1955, Киргизия)

ставропольская поэтесса

Член союза писателей России с 2010 г. Автор 8 поэтических сборников: 5 сборников для взрослых и 4 для детей: «Шесть белых цветочков для спасения бабушки», «Вкус соли», «Происшествие на Гамме», «Летающий цветочек». Живет и работает в г. Михайловске.

Наталья Окенчиц родилась 17 сентября 1955 г. в Киргизии, в семье военнослужащего. По роду деятельности отца Натальи – Владимира Васильевича – семье пришлось часто переезжать из одного места в другое; жили в Сибири, Киргизии. С раннего детства любовь к поэзии девочке привила мама – Татьяна Михайловна, которая читала на русском и украинском языках стихотворения, поэмы.

В 1979 году Наталья Владимировна окончила Ставропольский электротехникум связи. С 1993 года по настоящее время работает бухгалтером.

Сочинять поэтические произведения Н. Окенчиц начала давно и серьезно. Тематика ее произведений разнообразна: это любовная лирика, философская, гражданская поэзия; написано большое количество произведений о природе, Родине.

*Ложатся годы скошенной травой,
А я люблю встречать свои рассветы.
Не все стихи пока еще воспеты,
Не все еще подарено судьбой.*
Н. Окенчиц.

С 20 октября 2010 года член Союза писателей России. В свет вышли 9 сборников ее произведений. Из них два изданы совместно с братом Сергеем Козьминых: «Созвучие» и «Созвучие 2». Три сборника взрослой лирики: «Цветы и облака», «А лето все-таки придет», «На июльских перекрестках». И четыре сборника для детей. Три первых сборника – это три поэтических сказки (2003) – «Шесть белых цветочков для спасения бабушки» (2004) – «Вкус соли»; (2007) – «Происшествие на Гамме». В 2009 году в печати вышел сборник стихотворений Н. Окенчиц «Летающий цветочек».

Стихотворения для детей Н.В. Окенчиц стала писать несколько лет назад, когда родилась внучка, которая помогла поэтессе попасть в мир ребенка, раскрыть все его тайны. Общение с детьми вдохновляет, дает новые темы.

Барашек

Был барашек счастлив очень:
Улыбался днём и ночью.
У него от доброты
На рогах росли цветы.

Яблоки

Срывает яблоки сентябрь,
Их нежно вырастило лето.
Они единожды летят
И повреждаются при этом.

Зачем так сильно горевать?
Еще не раз придут апрели
Свои бутоны создавать
Из поднебесной акварели.

Загадка 1

Тёплым утром на лужайке
Бегал, прыгал серый (*зайка*)

Загадка 2

Плачет толстый бегемот.
У него болит (*живот*)
Он вчера на вечеринке
Съел невкусные (*корзинки*)

Разговор внучки с бабушкой по телефону

– Как дела, Иришка, в садике у вас?
– Обижает мальчик, и не в первый раз.
– Он влюбился, что ли? Как его зовут?
– Нет, он не влюбился, просто баламут.
А влюбился мальчик, маленький такой.
Следом он всё время бегает за мной,
Даже повторяет то, что я скажу.
– Ты его покажешь?
– Нет, не покажу...

Подарок маме

Я в подарок нарисую
Для любимой мамочки

Сказку добрую такую,
Где летают ласточки,
Солнце, поле, водоём,
Маленькую бабочку.
Мы пойдём туда втроём:
Мама, я и папочка.
А над нами проплывут
Корабли небесные.
И повсюду расцветут
Васильки чудесные.
Мы станцуем и споём
По такому случаю.
А под деревом найдём
Ёжика колючего.

Глупый кот

Я решил помыть кота.
Мыло с полочки достал.
Поливал кота из кружки.
Он, конечно, не игрушка:
Вырывался, а потом
Мы поссорились с котом.
Потому, что глупый кот
Оцарапал мне живот.

На уроке

Как-то раз весь день, ребята,
Рисовал мне брат пернатых.
Я рисунки в класс принёс:
«Это кто?» – возник вопрос.
«Это дрозд», – сказала Света
И указкою при этом,
«Уколола» соловья.
Понимаете, друзья,
Я на Свету не в обиде.
Если девочка не видит
Рядом маленьких друзей:
Птичек, рыбок и зверей, –
Пусть тогда она со мной
Ходит каждый день домой,
Через парк и старый мост,
Где гуляет чёрный дрозд.

Машинки

А у меня сегодня день рождения,
И будет небольшая вечеринка.
Я прочитаю всем стихотворения.
А мне подарят разные машинки.
Потом их на запчасти разберу.
Машинок стало в нашем доме много.
Однажды папа мне доверил руль.
Я тоже, как и он, люблю дорогу.
А мама, отправляя меня спать,
Машинки собирает в старый ящик.
И говорит: «Их нужно поменять,
На джип один, но только настоящий».

Мишка

– Никогда ты не вырастешь, Мишка,
И всегда будешь только такой, –
Говорила игрушке Иришка,
– Ты хорошенький, словно живой
Завернула медведя в пелёнку:
Пусть увидит игрушечный сон,
Отошла незаметно в сторонку
И сказала: «Вдруг вырастет он?!»

Чемпион

Мне вчера приснился сон:
Я – известный чемпион.
Выхожу гулять во двор,
Знают все: идёт боксёр.
А мальчишки встали в ряд –
Руку мне пожать хотят.
Филимон, обидчик мой,
Убежал к себе домой.
Мама смотрит из окна.
Улыбается она.
Потому, что я такой:
Сильный, крепкий и большой!
В жаркий полдень воробей
Был неосторожен.
И забрался воробей
В комнату Серёжи.

Не скучал: смотрел кино,
Воду пил из кружки
И в открытое окно
Улетел к подружке.

Тая и тайна

Лучше всех на свете Тая.
Нет девчонки веселей.
Тая добрая такая...
Я открою тайну ей:
Там, у речки, за сараем,
Кто-то выбросил котят.
Я кормил их, но не знаю,
Почему они пищат.

Пять проблем

Есть у мамы пять проблем:
Я всё время плохо ем.
А вторая – на работе
Я мешаю важной тётке.
А ещё – завёл собачку,
Но гулять с ней не хожу.
А вчера – костюм испачкал:
Так испачкал – просто жуть
Как нам быть с проблемой пятой?
Может папе объяснить:
«Я хочу сестру и брата.
Сколько можно вас просить?»

Первая улыбка

Мне братик улыбнулся в первый раз.
Он маленький. Ему всего лишь месяц.
Я щётку взял и вычистил палас –
От радости не мог стоять на месте...

Я вымыл всю посуду – ту, что смог.
Уроки сделал – сам решил задачу.
Потом лежал и, глядя в потолок,
Мечтал о том, как мы пойдём рыбачить.

На уроке

Как-то раз весь день, ребята,
Рисовал мне брат пернатых.
Я рисунки в класс принёс:
«Это кто?» – возник вопрос.
«Это дрозд», – сказала Света
И указкою при этом,
«Уколола» соловья.
Понимаете, друзья,
Я на Свету не в обиде.
Если девочка не видит
Рядом маленьких друзей:
Птичек, рыбок и зверей, –
Пусть тогда она со мной
Ходит каждый день домой,
Через парк и старый мост,
Где гуляет чёрный дрозд.

Рыжий тятя

– Кто стащил у Сони тапок?
– Это сделал рыжий Тятя.
Соня пёсика ругает.
Тот не может рассказать,
Что сама она, играя,
Пнула тапок под кровать.
А когда открыли двери,
Тятя тапочек принёс.
И, шутя, его примерил,
На чумазый рыжий нос.

Мой поход

– Я решил пойти в поход
На соседний огород.
Взял игрушечный КАМАЗ,
А ещё рюкзак припас.
Пригодились: мой берет,
Камуфляж и пистолет.
С огорода для сестрички
Я привёз домой клубничку,
Две редиски, три тюльпана
И гороху полстакана.
– А тебе не стыдно было?
– Мне, соседка разрешила...

ПИДОРЕНКО Игорь Викторович

(род. 1953, Ставрополь)

русский писатель-фантаст

Автор рассказа «Все вещи мира» (1980). Издал книги: «Мухобой» (1989), «Две недели зимних четвергов» (1990), «Все вещи мира» (1993), «Небо под потолком» (1998), «Степные волки» (2000), «Сейвер» (2003), «Подземелье зла» (2005), «Приказ есть приказ» (2006).

Пидоренко Игорь Викторович (псевдоним Игорь Берег) родился 17 июня 1953 года в городе Ставрополе. После окончания школы №12 в 1970 году, работал на химическом комбинате вместе с кубинскими рабочими, собирался идти в туристическое бюро, но был призван в армию. Поступил в Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков.

Фантастику, как, собственно, и всю прочую художественную литературу я взахлеб читал с самого детства. Классе в третьем даже получил в городской детской библиотеке города Советска Калининградской области приз, как самый активный читатель. Позже, когда отец служил в Группе Советских войск в Германии (ГСВГ) вообще представилась уникальная возможность. В полковой библиотеке имелось множество прекрасно изданных собраний сочинений. И вот я брал Вальтера Скотта или Бальзака и читал все, с первого до последнего тома. Читал в любую свободную минуту, даже на ходу ухитрялся, честное слово. Но фантастику любил особенно. А что можно тогда было достать? Ну, Жюль Верна, Александра Беляева. Попадались изредка книжки тогдашних советских авторов. Поэтому, когда каким-то чудесным случаем в руки попала по-настоящему хорошая книга, – все, прощай ночь, под одеяло, да с фонариком, чтобы родители думали, что сплю.

Леонид Епанешников
«Муравей»

В 1979 году получил специальность преподавателя испанского и английского языков. В совершенстве владеет тремя иностранными языками. Первая публикация молодого автора вышла в краевой молодежной газете «Молодой ленинец» в Ставрополе в 1980 году. Это был фантастический рассказ «Все вещи мира». Его Игорь Пидоренко написал, работая техническим переводчиком на Ставропольском заводе автоприцепов. «Как умел, напечатал его на машинке и отнес в редакцию газеты «Молодой ленинец». В то время Евгений Панаско заведовал там отделом писем и по совместительству вел ежемесячную страничку «Клуб любителей фантасти-

ки». Маститый журналист рукопись прочел, оценил, безжалостно выкинул пару фраз и... рассказ напечатал».

Работал рабочим, солдатом, редактором книжного издательства, журналистом. А с 1982 по 1984 г. – военным переводчиком в Анголе.

В 2004 году получил Всероссийскую литературную премию имени А. Фадеева, в 2007 году – Губернаторскую литературную премию имени А. Губина. Встречался с писателями: А. Стругацким, Кириллом Булычевым, Севером Гансовским, с космонавтами: Глазковым, Хруновым, Джанибековым и другими.

Участник Всесоюзного семинара молодых писателей-фантастов (Малеевки), известного Всесоюзного творческого объединения молодых писателей-фантастов (ВТО МПФ), многих конвентов фантастики член Союза писателей России. Живет в Ставрополе. Десять лет (до 2004 года) проработал корреспондентом в отделе информации в газете «Ставропольская правда», сейчас – ответственный секретарь альманаха «Литературное Ставрополье».

Некоторые рассказы и повести Игоря Пидоренко относятся к сатирической и юмористической научной фантастике и являются переложением фольклорных сказок и легенд. Выделяется своей оригинальной идеей рассказ «Мухобой» про то, как одному чиновнику подкинули миниатюрный самолёт с ангаром и с уменьшающим устройством, позволявшим на этом самолёте летать по комнате. Война этого чиновника с осами и в связи с этим изменение психологии героя в дальнейшем стала основой для создания романа «Небо над потолком», опубликованного писателем под псевдонимом Игорь Берег. Сюжет еще одного романа «Подземелья зла» вращается вокруг главного героя с паранормальными способностями, состоящего на правительственной службе для поиска пропавших людей.

Чужие дети

(отрывок из повести)

– Не думай напрямую выпрашивать. И не узнаешь ничего, и Саше можешь навредить. Нужны осторожность и такт.

Ох уж эта мамина дипломатия! Сначала «ничего не узнаешь», а потом только: «Саше навредишь». Егор, слушая вполуха наставления матери, поднялся из кресла и подошел к окну. Весна никак не могла разогнаться, войти в силу, на улице было холодно, о стекло изредка с дребезжающим звуком бились крупные капли дождя. Небо плотно затянуло серо-белым, того и гляди снег сорвется. Сумрачно и противно. Но ехать все же придется. Егор подышал на стекло, пальцем написал на появившемся мутном пятне: «Март». Пятно быстро побледнело, но надпись прочесть было можно, и Егор стер ее ладонью.

Может быть, за неделю все неприятности забудутся, перегорят. По крайней мере, он постарается, чтобы перегорели. Будет читать, в лес с Денисом ходить, пользоваться остальными деревенскими благами. Какие там еще бла-

га-то? Парное молоко, росные рассветы... Росные рассветы ранней весной? Скорее всего, та же мерзость и холод, да еще плюс грязь. А, там видно будет! Может, не брать Дениса, не портить ему каникулы?

Внизу, у подъезда, остановились ярко-синие «Жигули». Из них на мокрый тротуар неловко выбрался толстый мужчина с объемистым пакетом в руках. Даже отсюда, с третьего этажа, было видно, как от дождя лысина его тут же начала блестеть. Он захлопнул дверцу автомобиля, аккуратно запер и, переваливаясь, вошел в подъезд.

– Ма, – сказал Егор не оборачиваясь, – дядя Валя приехал.

Мама, все еще продолжавшая пространно излагать свои взгляды на тактику и стратегию родственных взаимоотношений, замолчала на полуслове, сбита с толку неожиданным возвращением к реальности. Теперь она долго будет вспоминать, что же еще хотела сказать, но так и не вспомнит. И разговор потечет по другому руслу. Егор вздохнул и пошел открывать дверь.

В прохажую боком протиснулся толстый мамин брат. Он походил на добродушного синего бегемота в очках.

– Черт знает что за погода, – бурчал он, стягивая необъятных размеров плащ и пристраивая его на вешалку. Потом достал платок, развернул, неторопливо потер очки, обтер лысину и только тогда протянул Егору руку:

– Ну, здравствуй, племянник. Маша, надеюсь дома?

– Дома, дома, проходите, – заверил его Егор. Дядя стал протискиваться в комнату. Надо дать им поговорить. А то они вдвоем станут давать инструкции по разведке. Кончать бы это скорее да ехать!

Он успел разлить чай в чашки, сложить в вазочку печенье и положить в розетку вишневого варенья до того, как из комнаты послышался мамин голос:

– Егор! Поди сюда, пожалуйста!

Он вошел в комнату и сразу определил, что не ошибся. Стороны уже достигли соглашения, и руководящую роль взял на себя дядя Валя.

– Садись, – указал он племяннику на кресло. Егор осторожно поставил на стол поднос с чашками и сел.

– Значит, так, – начал дядя, отхлебнув чаю. – Общее положение тебе известно, повторяться не буду. Задача твоя тоже ясна. Основное наблюдать, выяснять и помогать Саше. Для помощи он тебя, собственно, и зовет. Но нам нужно знать – что с ним происходит и почему это затворничество? – Он отставил чашку, поднял толстый палец и со значением посмотрел на Егора. – Понятно? Ты Дениску с собой берешь? Это хорошо, пусть поедет. А теперь вот еще что. – Дядя с шумом поднялся и принес из прихожей тот большой сверток, что привез с собой.

– Тут витамины и сказки, все, что можно было достать. Я, правда, не очень представляю, зачем ему столько. Но там все узнаешь. А это тебе.

Дядя подался вперед, его громадный кулак разжался перед носом Егора, и на колени тому, звякнув, упали ключи от «Жигулей»!

Дядя Валя полюбовался произведенным эффектом, успокаивающе пробурчал заперевживавшей сестре: «Ничего, он парень хороший, можно доверить» – и сказал Егору, протягивая через столик бумаги:

– Права у тебя ведь есть? Тут доверенность. Смотри, не разбейся. Сам я ехать не могу, дел невпроворот, а автобусом в Николеньки добираться неудобно. Да и долго.

«Хорошие у меня родственники, – размягченно подумал Егор. – Нудные иногда, чересчур любопытные, но все равно хорошие». Жизнь уже не казалась такой однообразной и серой.

Дядя допил чай и засобирался.

– Пора ехать. А то дотемна не доберешься. Подбрось меня на работу. Заодно посмотрю, как ты водишь.

Егор затолкал сверток в свою сумку, натянул куртку, чмокнул мать в подставленную щеку и запрыгал вниз по лестнице.

Дорога была мокрой, скользкой – дождь не прекращался уже часа три, словно тучи двигались от города в ту же сторону, куда ехал Егор. Ветровое стекло покрывалось крупными бурыми пятнами, когда мимо проносились тяжелые грузовики с затянутыми брезентом прицепами, и «дворники», жужжа, стирали эти пятна, превращая в бледные серые полукружья. Вести машину в такую погоду было занятием утомительным, и Егор уже начал раскаиваться в том, что они не поехали автобусом. Денис, поначалу резвившийся на заднем сидении, теперь, устроившись поудобнее и натянув на себя плед, дремал.

Наконец впереди, на обочине, показалась синяя стрела с надписью «с. Левокрасное 10». Довольно большое село, от которого до Николенок было еще километров двадцать. Но, как предчувствовал Егор, эти километры должны были стоить всего предыдущего пути.

Так оно и оказалось. Грязный, разъезженный асфальт после Левокрасного как-то незаметно закончился, и пошла размытая до неузнаваемости грунтовка. Егор, вцепившись в руль, каждую секунду ожидал, что вот сейчас машина ухнет в какую-нибудь особенно подходящую для этого колдобину, да там и останется на веки вечные. Но «жигуленок» пока полз, и даже с не очень большим трудом. Во всяком случае, всерьез разоспавшийся Денис от толчков не просыпался.

«Угроблю машину – дядя. Валя голову оторвет», – подумал Егор и в этот момент увидел, как впереди обозначилась темная человеческая фигура с поднятой рукой.

«Попугчик!» – обрадовался Егор. Попугчик представлял собой дополнительную толкательную силу, что в сложившихся обстоятельствах было совсем не лишним.

– В Николеньки? – спросил Егор, притормозив и открывая дверцу. Человек молча кивнул и как-то очень ловко и стремительно нырнул на сидение. Егор осторожно, мягко, чтобы не забуксовала, тронул машину и сказал:

– Ну, тут и дороги! Если засядем – вам помогать придется!

Попутчик буркнул в ответ невразумительно что-то среднее между «да» и «нет», и тут только Егор обратил внимание на его наряд. Незнакомец был затянут в длинный блестящий плащ из черного, на вид синтетического материала. Голову скрывал капюшон, и лица не было видно под большими темными, абсолютно непрозрачными очками.

«Глаза у него болят, что ли? – недоуменно подумал Егор. – В такую погоду и в темных очках». Но вслух ничего не сказал, сосредоточиваясь на дороге.

Некоторое время ехали молча. Внезапно послышался высокий хриплый голос попутчика:

– Зачем вы туда едете?

– Дядя здесь у меня. Вот, проведать решил. Попов Александр Иванович. Знаете такого? – Егор собрался уже было рассказать в юмористических тонах о заказе на витамины и сказки, но, взглянув на соседа, осекся. Черные очки смотрели в упор, и от этого тяжелого взгляда почему-то расхотелось откровенничать.

Попутчик повторил, словно запоминая: – Дядя... Попов... – и безо всякого перехода, не меняя интонации, продолжил: – Вам не нужно туда ехать.

– Как это не нужно? – опешил Егор, едва не выпустив руль от таких слов.

– Вы будете только мешать. К тому же события могут выйти из-под контроля, и тогда все закончится очень плохо.

«Ничего себе... – смятенно подумал Егор. – Эка меня – в такой глуши на психа напороться. Хоть бы только Денис не проснулся».

«Псих» продолжал:

– Впрочем, мне трудно будет вас убедить, а рассказать все я не вправе. Раз уж вы все равно туда едете, то разумнее будет использовать вас для обоюдной пользы. Вам ведь знаком этот населенный пункт?

Егор утвердительно кивнул, не решившись на большее.

– Нужно только узнать, нет ли чего-нибудь необычного там, не держит ли кто-то у себя необычных животных.

– Это все? – поинтересовался Егор, опасаясь вступать в длительные расспросы. Кто их знает, этих психов. Станешь перечить, а этот тип буйствовать начнет.

– Да, это все. Остальное – наше дело. Результаты сообщите мне. Каждый вечер в двадцать один ноль-ноль я буду ждать вас у въезда в населенный пункт. И запомните: у вас и у нас очень мало времени. В случае же успеха вы поможете избежать большой беды. А теперь остановите машину.

Егор, тормозя, наконец понял, почему разговор с попутчиком производил, несмотря на всю его ненормальность, такое странное впечатление: тот слишком четко и правильно выговаривал каждое слово, непривычно правильно.

Щелкнула дверца. Незнакомец все так же удивительно ловко выскользнул из «Жигулей». Темный силуэт, сделав еще несколько шагов, словно растворился в дожде, не переставшем сыпаться с серого неба.

– Пап! – сказал вдруг с заднего сидения Денис, до этого момента молчавший так, словно его и не было в машине. – Нас завербовали?

Егор даже подпрыгнул от неожиданности. Потом, прищурившись, посмотрел на сына.

– Ты все слышал?

– Да.

– Так вот запомни: с этой минуты от меня ни на шаг.

Денис кивнул понимающе, но все же не удержался, спросил:

– А почему?

– Как тебе сказать... Очень похоже брат, что вляпались мы с тобой в нехорошую историю.

Егор захлопнул дверцу и огляделся. «Жигуленок» застрял в самом начале неширокой и единственной улицы села. Селом Николеньки можно было назвать лишь с большой натяжкой. Когда-то тут был хутор, который начал было разрастаться, да что-то видно, помешало, и загдох он, не дотянул до настоящего села. Тем не менее вдоль улицы стояло десятка два домов. Улица была невероятно грязной, с лужами и ямами, полными серой жижи. В одну из таких ям, расположенную точно посередине, и угодила задними колесами машина. Егор присел на корточки, пытаясь заглянуть под «Жигули» и надеясь, что с затруднением удастся справиться собственными силами. Но под днищем никакого просвета видно не было, автомобиль сел плотно.

Надо было искать помощи, какой-нибудь трактор или грузовик. Егор посмотрел по сторонам в поисках чего-либо подобного, но улица была пуста. Ни одного живого существа не было видно на всем ее протяжении.

– Однако, – сказал вслух Егор. – От дождя попрятались все, что ли? Где же мы теперь трактор искать будем? – Он потоптался в нерешительности, потом забрался в машину и спросил сына:

– Денис, открытка у тебя?

Новогодняя открытка, видимо, осталась с зимы и, когда дяде Саше понадобилось написать родственникам, попала под руку. На обороте было набросано несколько строк красивым почерком: Егор перечитал еще раз уже знакомый текст: «Маша, здравствуй! У меня все в порядке. Одна просьба: не мог бы Егор приехать на недельку – помочь мне? Если сможет – пусть захватит с собой побольше витаминов и детских сказок. Это для дела. Целую всех. Александр». Обратный адрес: Курловский район, село Николеньки, фамилия и инициалы дяди. Номер дома не указан. Конечно, здесь все друг друга знают.

Эта же мысль, видимо, пришла в голову и Денису, заглядывавшему в открытку через плечо отца.

– Пап, надо у кого-нибудь спросить, в любом доме должны знать, где дедушка Саша живет.

Егор улыбнулся. Действительно! А дядя и с трактором поможет.

Александра Ивановича Попова здесь действительно должны были знать все. Небесталанный художник-портретист, он вдруг бросил все и, забрав жену, уехал в дальнее село, преподавать местным ребятишкам рисование в школе. Сколько родственники ни пытались вызнать причину такого решительного шага, ничего у них не вышло. Наезжали, будто бы для отдыха, да так и уезжали в недоумении. Был и Егор с матерью, но давно и почти не помнил этого посещения.

Года три назад жена у дяди Саши умерла, он вышел на пенсию, но в город не вернулся. А вместо этого стал злоупотреблять горячительными напитками и попадать в различные неприятные истории. И ведь нельзя сказать, что супруга его держала в черном теле или с горя по ней загулял человек. Вспомнилась, наверное, жизнь неудавшаяся, сказалось одиночество (детей у них с женой не было), времени много свободного оказалось. И стал дядя Саша прибегать к помощи испытанного средства увеселения и забвения. С большим, можно сказать, вдохновением это делал. Сдерживающие центры у него слабоваты оказались, и соседи могли порассказать много историй, забавных и не очень, о похождениях дяди Саши. И откуда только энергия бралась?!

Однако месяца три назад на смену Бахусовым забавам пришло почти полное затворничество. Дядя сидел дома и крайне редко выходил на улицу. Добросердечные соседи написали об этом родственникам дяди в город, и в Никольники срочно отправилась его сестра, но не мать Егора, Мария, а другая, Алена, под предлогом того, что ей предстоит командировка в Африку и надо покататься на лыжах, запастись зимними впечатлениями. Встречена она была крайне неприветливо, едва ли не враждебно, смогла вынести такое обращение всего один день и, разгневанная, уехала. Но перед отъездом узнала у соседей, что дядя Саша мало того, что редко выходит из дому, так и гостей к себе не пускает! Диагноз родственников был однозначен и единодушен: «Религия!»

ПОДОЛЬСКИЙ Станислав Яковлевич
(род.1940, Кисловодск)

Ставропольский поэт, писатель
Автор 12-ти книг стихотворений и 4-х книг прозы. Главный редактор альманаха «Литературный Кисловодск». Член Союза российских писателей.

Станислав Яковлевич Подольский родился в городе Кисловодске 10 мая 1940 года в семье служащих: мать – юрист, отец – экономист. В 1941- 45 году находился с матерью и братом в эвакуации в г. Фрунзе Киргизской ССР. В 1957 году окончил кисловодскую среднюю школу № 3 и поступил в Новочеркасский политехнический институт на химико-технологический факультет, который окончил в 1965 году. В 1962 году стал очевидцем расстрела рабочего митинга в Новочеркасске. Написал радиопьесу обо всем увиденном, опубликовал очерк о тех событиях в «Литературной газете». В 1972-75 году работал в г. Сусуман на Колыме, одновременно учился заочно в дальневосточном Госуниверситете г. Владивостока на филологическом факультете.

Станислав Подольский в течение жизни работал грузчиком, токарем, мастером сварщиков, учителем черчения, много странствовал по миру. Видимо, поэтому все его стихотворения отображают те места, в которых он когда-либо побывал: дороги, окружающую природу: степи, горы, леса. И все эти места связаны с незабываемыми впечатлениями, чувствами, которые он привык излагать на бумаге. Такие стихотворения вошли в книгу «Дождливое воскресенье». Стихотворение «В степи Пятигорья» показывает его отношение к Родине, к своему Северному Кавказу – это чувство любви к милому краю.

В апреле 2000 г. отмечен губернаторской премией Ставрополя за книгу стихотворений «Живая тишина». В июне 2009 г. стал лауреатом литературного конкурса им. А. Т. Губина и губернаторской премии за 2008 год за книгу стихотворений «Нагорная страна». Публиковался в журналах «Дети Ра», «День и ночь», «Ковчег» и др.

*Буду скитаться, гореть, горевать...
Знаю заранее: сердцу есть радость,
просвет, благодать – это Сияние.....
С.Я. Подольский*

* * *

В мае будет сильный ветер
И пойдут дожди.

Верба руки протянула
в небо, как костёр.

Люди ходят, как колодцы
с пересошим ртом.

Так когда же это будет,
чтобы май пришёл?!

Город Сердца

Здесь будет город...
А.С. Пушкин

Тетрадь на гранитный упор положил –
вмиг тень замелькала ворвавшихся крыл,
процокали скачущей бронзы пуды,
надвинулись орды угрюмой воды,
когда же отхлынули – на спор в упор
сошлись на странице завод и Собор,
воздвиглись кварталы, порталы, мосты,
скворцы затрещали в кустах молодых...
Жил Город и светлую ночь обретал,
блистал, коренился, крепчал, вырастал,
трудился, молился, гневился, пылал,
рождал, и дышал, и от бури дрожал,
и сердце мне песней за то целовал,
что я на граните тетрадь основал.

Урок письма

Учиться у куста письму –
во все края вселенной сразу!
Или, как тополь, строить фразу
за облака, минуя муть?..
Каштаном вдруг метафор град
Вздывать громадно-прихотливо,
или обрушивать, как ива,
живые строки в водопад
бунтующий?.. Не то, как сад,
избитый осенью до крови,

весь в красняках и струпьях, – словом
дышать душистым из оград...
А лес рокочущий и тёмный
стоит романом тайнословным.

* * *

Синичка, крохотка, комочек
сине-зелёного тепла,
в большой зиме
озябших строчек
слагательница –
задарма.

Попискиваешь, поспеваешь –
иглою звонкою – в стеклень...
Ах, мне бы так,
не обживаясь,
песнь добывать
на чёрный день.

И мне б на огненном морозе
свистать, не замыкая век,
как эта –
запятая в прозе –
певичка –
Божий человек!

ПУХАЛЬСКАЯ Галина Николаевна
(1944, Пятигорск – 2004, Ставрополь)

ставропольская поэтесса, писательница
Автор книг «Мой сладкий плен» («Восемь стихотворений о восьмом чуде света по имени Театр») (1995 г.), «Встречи с А. И. Цветаевой» (1996 г.), «Театр: время перемен» (1999 г.), «Мой город – моя судьба» (в соавторстве с М. Кузьминым) (2001 г.), «Серебряная дудочка» (2000 г.), «Бабушкины сказки» (2000 г.). Член Союза журналистов России.

Педагог, театральный критик Галина Николаевна Пухальская родилась в Пятигорске в 1944 году. Рано осталась без родителей.

Первые стихи были опубликованы в газете «Пятигорская правда», когда автору было лишь 12 лет. Окончила музыкальное училище и педагогический институт в Ставрополе, аспирантуру в Ленинграде. Слово, глубина и красота русского языка и литературы стали ее профессией.

Преподавание эстетики и культуры речи, работа на краевом радио – основные этапы трудового пути Галины Николаевны. И все время параллельно основной работе – большая общественная и литературная деятельность. Галина Николаевна создала и много лет возглавляла как художественный руководитель

муниципальный литературный театр «Гармония». Каждый спектакль театра «Гармония» она предваряла своим выступлением. Зрители называли ее «королевой слова». Галина Николаевна всегда боролась за чистоту и красоту русского языка. Она стремилась очистить слово от «пыли будней».

*Может быть, те, с кем я тебя
познакомлю, заденут струны твоего
сердца, их пример поможет тебе
устоять в трудную минуту жизни -
не всегда легкой, но всегда
прекрасной...*

Галина Пухальская
из «Обращение к читателю»
31 августа 2001 года

Одновременно она являлась руководителем центра духовно-патриотического воспитания молодежи «Славянский мир», собственным корреспондентом газеты «Литературная Россия».

Ее талант проявлялся как в поэтических произведениях, так и в прозе. Она писала книжки для детей и серьезные эссе, принимала участие в создании летописи парламентаризма на Ставрополье.

Галина Николаевна всю жизнь была увлечена творчеством Марины Цветаевой, Она – страстный поклонник творчества Цветаевой и глубокий исследователь судьбы поэтессы. Галина Николаевна встречалась, переписывалась с сестрой Марины – Анастасией. Свой архив Г.Н. Пухальская подарила городу Ставрополю.

Галина Пухальская занимала видное место в культурном пространстве Ставрополя.

С творчеством Пухальской знакомы не только на малой родине, но и в - Москве, и за рубежом. В Ставропольском государственном педагогическом институте и в школах края изучают ее произведения. В поселке Каскадном создан музей Пухальской, Ставропольское телевидение сняло фильм в память о ней – «Гармония духа».

Серебряная дудочка

Бабушка моя, Ирина Васильевна, была человеком удивительным. Не имея никакого образования, она самостоятельно выучилась читать и писать, знала наизусть стихи Пушкина, Тютчева, Есенина и умела рассказывать их эмоционально и выразительно, как никто. Всю жизнь прожила она в бедности, в голод ходила вместе с подругами собирать колоски на полях, в войну работала санитаркой в госпитале. Всегда кусок хлеба доставался ей непросто, а, что называется, с потом и кровью. Но при этом была она добра, делилась последним с теми, кто беднее, и никогда не жалела копейку на то, чтобы купить любимую книгу.

А уж сказки сказывать бабушка была мастерица. Андерсена и братьев Grimm читала она с удовольствием, но и свои собственные сказки любила рассказывать тоже. Вечером, закончив ужинать, перекрестясь на икону, садилась она рядом с моей кроватью и начинала:

“В некотором царстве, в некотором государстве жил-был один человек по имени Кирилл. Жил он в бедном жилище, носил бедную одежду, ел простую пищу, и той не всякий день вдосталь было. Но, несмотря на это, был Кирилл незлоблив по натуре, на судьбу свою не сетовал, и Божий мир был ему в радость.

Однажды, ближе к ночи, когда на улице было уже не видать ни зги, кто-то постучал к нему в дверь. Кирилл зажег свечу и крикнул: «Входите, не заперто!». Он и вправду никогда не запирался. «Меня Господь пуще всяких замков охраняет, – говорил он, – а с ним мне ничего не страшно!»

Дверь скрипнула, и в дом вошел высокий человек с седой бородой.

- Мир твоему дому, Кирилл, – сказал он.

- Спасибо на добром слове, мил человек. Только откуда тебе известно мое имя?

- Мне много чего известно, – сказал поздний гость. – Например, я знаю, что ты в детстве любил на дудочке играть.

- И правда! – воскликнул Кирилл. – Однако ж откуда ты узнал об этом? Сам-то я давно позабыл о своем увлечении.

- Нельзя талант свой в землю зарывать. Не для того Господь награждает им человека. Пора тебе снова браться за дело, но прежде чем мы поговорим об этом, дай мне чего-нибудь поесть: проголодался я в пути, озяб и устал.

- К сожалению, нечем мне угостить тебя, добрый человек, разве что черствым куском хлеба да глотком воды. Больше-то у меня ничего и не найдется.

- А сам-то ты что же завтра есть будешь, ведь последней пищей делишься со мной?

- Как не поделиться? Ведь ты гость, а мудрая пословица гласит: гость в дом...

- ...Бог в дом! Ну а завтра Бог даст день, Бог даст пищу, глядишь – и не околею!

- Правильно рассуждаешь, Кирилл, видно, добрый ты христианин, праведно живешь, душа у тебя чистая, кроткая, значит, я могу доверить тебе вот это.

С этими словами протянул путник хозяину серебряную дудочку.

- Вот, возьми, играй на ней всегда, когда попросит тебя об этом больной, бедный или страждущий человек, о котором станет сокрушаться твое сердце. Дудочка поможет всякому, чьи помыслы чисты. Она может сделать немало добрых дел. И через нее прославится имя твое. Станут называть тебя Кириллом-музыкантом. Жить станешь безбедно и радостно. Но остерегайся соблазна. Стоит хоть раз взять в руки дудочку с корыстными помыслами, и пропадет ее волшебная сила.

Сказав это, седобородый исчез, будто его и не бывало. А Кирилл поднес дудочку к губам, тотчас полились чудные звуки. Была в них тихая печаль и кроткая радость, серебряная грусть и хрупкая надежда, неземная красота и земная боль. Много увидел Кирилл, пока наигрывал свой мотив, – родную деревню, глаза покойной матери, леса и озера, пушистые белые облака и цветущие сады. Долго играл Кирилл, до самого утра, а когда ночь отступила, изнемог музыкант, опустил дудочку и крепко уснул. Не слышал он, как подходили к его жилищу благодарные люди. Многим помогла чудо-музыка пережить темноту, многих исцелила, отвела от края, даровала прозрение. Жестокосердных смягчила, совершившим грех дала раскаяние, а в малoverных укрепила дух. Люди несли дары музыканту и складывали их у порога и спрашивали друг у друга: «Вы слышали музыку?». И читали утвердительный ответ в сияющих глазах собеседников. Этой ночью никто не умер, никто не преступил закона, никто не замыслил зла против ближнего, и у всех было легко и радостно на душе.

А Кирилл, проснувшись, отправился странствовать. Много стран повидал он, и в любой город раньше него приходила слава о его прекрасной музыке и добрых делах. Многим помогла выздороветь дудочка Кирилла, многих наставила она на путь истинный. Сам же музыкант жил, как птица Божья: ни в чем не знал нужды, но и на богатство не зарился.

И вот однажды довелось ему исцелить дочь очень богатого человека. Открыла она глаза и глянула в самое сердце музыканта. И сжалось его сердце, и почувствовал Кирилл, что не властен больше над собой, пленила его Красавица, и позабыл он обо всем на свете. День пирует в ее шатре и ночь, и еще два дня и две ночи, а затем, на исходе третьих суток, говорит Красавица Кириллу:

- Хочешь, Кирилл, пойду за тебя замуж?

Не успел он и слова молвить, как она добавила:

- Только сделай так, чтобы все богатства отца моего мне одной достались: не сестрицам, не братьям, а мне одной! Сможешь?

- Зачем тебе они? – печально спросил Кирилл. – Разве счастье само по себе не есть богатство? И разве мало у тебя злата-серебра, камней драгоценных, парчи, бархата и всяких других нарядов?

- Ты говоришь пустое, Кирилл! Лучше ответь на мой вопрос: сможешь сделать то, о чем я тебя прошу?

- Да как же сделать это?

- А дудочка твоя на что?!

- Нет, дудочка здесь ни при чем. Мне нельзя играть на ней ради грешного дела.

- Нельзя? Да кто же тебе запрещает?

Молчит Кирилл, в сторону взгляд отводит, а сам все грустней становится, все пасмурней.

- Разве не ты хозяйин дудочки? Разве она тебе приказывает, а не ты ей? – не унимается Красавица. – Так ты раб, а я-то тебя за господина принимала...

Не выдержал тут Кирилл, хлестануло его по сердцу злое презрительное слово, и взбунтовалось сердце, возгордилось, возвысилось. Засмеялся он громко, дерзко и надсадно, взглянул на нее, как безумный, и поднес дудочку к губам. Но не послушались его губы, и вместо волшебной музыки раздался дикий свист и визг, и немощное шипение.

Разгневалась тут Красавица, закричала, затопала ногами, и все увидели, как из-за нежных черт ее лица проступила страшная уродливая личина. Увидел эту метаморфозу и Кирилл, понял все и упал как подкошенный. Долго ли он пробыл в забытии, нет ли – никто не ведает. Только очнулся он опять в своем бедном жилище, в родном селении. Дудочки рядом с ним не было, да он о ней и не помнил. С тех пор никто больше не слышал ее серебряной печали и светлой радости...

«Так-то вот на земле заведено, – заканчивала свою сказку бабушка. – Все прекрасное и доброе должно быть бескорыстным. Красота, если она настоящая, поверху плывет, над нами, грешными, точно облачко светлое простирается, а корысть – та по оврагам стелется, по темным уголкам, по закоулкам души. Разные дороги у них. И никогда им не пересечься. Скорее небо рухнет на землю и ворона соловьиные трели издавать начнет. Истинная красота – всегда от Бога. А корыстью князь Тьмы ведает, потому-то красота и талант лечат, а корысть губит душу».

Прощеное воскресенье

По соседству с нами жил батюшка, отец Василии. Молодой красивый священник в послевоенные годы был редкостью, поэтому весь пятигорский приход гордился им. Особенно умилялись старушки, видя в этом добрый гос-

подный знак, и усердно молились о его здравии и клали поклоны. Не забывали в молитвах и матушку Анну, жену отца Василия. Она тоже была молода и мила лицом. Голос у нее был тихий и мелодичный, а глаза добрые, лучистые, проникающие прямо в душу. Жила семья священника во флигельке соседнего двора, и иногда матушка Анна приходила к нам одолжить на вечер веретено у моей бабушки, которая и прясть, и вязать была большая мастерица. Заходя ненадолго, матушка всегда приносила что-нибудь в подарок: то маслица постного, то горстку карамелек, а то и вовсе половинку каравая. «Кушайте на здоровьице, – говорила она, – все освящено в церкви, все пойдет на пользу». И я с особым удовольствием откусывала хлебный ломоть – ведь это был не просто хлеб, а хлеб, освященный в храме.

Бабушка моя, встречая отца Василия у ворот, всегда просила благословения для себя и для меня, конечно, ибо я неотлучно была при бабушке. Батюшка останавливался и благословлял, не спеша, с мягкой улыбкой произнося волшебные для меня слова: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». А потом крестил и говорил: «Идите с миром».

После этих слов я всегда ощущала удивительную легкость, точно тяжесть невидимая спадала с плеч, а вместо нее вырастали крылья. А бабушка, великая любительница стихов, которые читала в книгах по складам, но быстро запоминала и с удовольствием потом рассказывала наизусть, после благословения отца Василия вспоминала лермонтовские строки: «С души как бремя скатится, сомненья далеко. И верится, и плачется, и так легко-легко».

Однажды – это было незадолго до Масленицы – соседские ребята, отчаянные сорванцы и безбожники, решили забраться в сарай, где отец Василий, кроме дров и угля, хранил завернутые в бумагу антоновские яблоки, присылаемые ему родителями откуда-то из средней России. Это было своеобразное лакомство, и священник, видимо, приберегал их к Пасхальным праздникам. Мысль совершить набег на сарай пришла в голову Эдику, сыну хозяйки, которая сдавала флигель семье священника. Он видел, как отец Василий принес посылочный ящик, распаковал его и, аккуратно завернув каждое яблочко, сложил их на полку в сарае.

Проследив, как отец Василий ушел на вечернюю службу, Эдик скомандовал детворе: «Айда!» И все гурьбой ринулись во двор. Меня поставили у дверей сарая караулить, не идет ли кто в этот отсек двора. Всей душой ощущая мерзость своего поступка, я не смела все же отказаться. Отговорить ребят от этой затеи мне было не под силу – уж больно мала я тогда была. А предать их, обидеть отказом – тоже духу не хватало. Так и стояла я, раздираемая противоречиями, как вдруг в начале вымощенной камешками дорожки показался отец Василий. Потом, уже став взрослой и не раз возвращаясь памятью к этому поступку, я поняла, что он, видимо, забыв что-то важное, вернулся с полдороги. Но тогда мне казалось, что это Господня кара обрушилась на меня, явив образ священника, который на самом деле был в то

время далеко. Сначала у меня ноги приросли к земле, а душа обмерла и застыла. Потом, вспомнив про ребят, я попыталась крикнуть им «Атас!» – но вместо крика только беззвучно пошевелила губами.

Отец Василий, как обычно, улыбнулся мне своей мягкой улыбкой и, миновав сарай, прошел прямо к флигелю. Когда он скрылся за дверью, мне наконец удалось оторвать ноги от земли. Добежав до сарая, я рванула на себя дверь «Атас!»

Услышав сигнал тревоги, ребята кинулись к выходу, роняя по пути яблоки, которыми только что набивали карманы. Чуть не сбив меня с ног, воришки скрылись из глаз. И в это время из флигеля вышел отец Василий. Подойдя к сараю, он молча посмотрел на меня, на яблоки, разбросанные на земле, и все понял. Изменившись в лице, он сказал мне одну лишь фразу: «Эх, ты!» – но она прозвучала так по-мальчишески досадливо, что я в первый раз ощутила, что он тоже человек, и ему, как и мне может быть горько, обидно, муторно... Слезы брызнули у меня из глаз, и, не сказав ни слова в оправдание, я бросилась бежать.

Бабушка, увидев мое смятение, всполошилась, не обидел ли меня кто. Но я ничего ей ничего не сказала и только продолжала плакать. Так и надобившись от меня ни слова, бабушка перекрестила меня и уложила спать, а сама засветила лампадку и принялась читать молитвы. Под них я и погрузилась в сон, который, впрочем, не принес, желанного облегчения.

Со дня на день я ждала прихода отца Василия, который пожалуется бабушке на мой ужасный поступок. Но он все не появлялся.

Шла Масленица. Я отказалась идти с бабушкой в церковь, сказавшись больной. Ока окропила меня святой водицей, перекрестила и вздохнула: «Что за болезнь у тебя такая? Температуры как будто нет». Я промолчала в ответ – разве могла я сознаться ей в тяжести совершенного греха, гнетущего душу? Это было хуже любой температуры.

И вот настало Прощеное воскресенье.

– Прости меня, внученька, сказала мне бабушка перед завтраком, – Может, чем-то обидела тебя зря, накричала, не сдержалась.

От бабушкиных слов слезы сами собой покатались у меня по щекам. Она повинилась, а я? Неужто так и буду носить сном грех в себе?!

В эту минуту открылась дверь, и на пороге вырос отец Василий.

У меня душа в пятки ушла. «Ну, вот и все, – подумала я про себя. – Сейчас все узнают про мой позор – и бабушка, и мама».

И вдруг священник подошел ко мне, наклонился и сказал: «Прости меня, родная, я был несправедлив к тебе в тот вечер. Ведь ты же не хотела сделать ничего плохого, правда? Это злая сила толкнула тебя на грех, искусила. А искусить можно каждого, на то мы и люди. Прости за то, что не помог выбраться тебе из греха, что обиделся. Не держи на меня зла, ладно?!»

Я не буду описывать, что чувствовала в те минуты, потому что это невозможно передать обычными словами. Но урок, преподанный мне тогда

отцом Василием, перевернул всю мою жизнь. С тех пор я твердо знала, что просить прощение не стыдно, что это не слабость, а великая сила человека. И если есть на свете что-либо чистое, безгрешное, святое – так это два великих подвига души; просить прощения и прощать, не помнить зла. Ведь для этого и дано нам Прощеное воскресенье.

За ужином

За ужином Илюшка спросил:

- А что, Бабушка, придумала ли ты новую сказку?

- Э, дружок, да сказки и придумывать-то не надо. Они живут рядом с нами. Знаешь ли ты, о чем думает после обеда старая сковородка? «Охо-хох, – стонет она, – видно и впрямь стара я стала, крива, плохо пеку. Оттого и невкусны мои блины да лепешки, не ест их Илюша. Все на пирожные посматривает. А раньше, бывало, и торт отступал перед моими пирогами. Охо-хох, пора, видно, мне на покой, на свалку. Уже лучше там лежать, чем здесь от стыда сгорать».

А железные качели до сих пор повизгивают от обиды. Ты ведь сегодня на них и не взглянул целый день, с новеньким велосипедом провозился.

Да и шапка твоя прошлогодняя загрустила, когда ты ногой на бегу ее поддел, за вешалку закинул, а сам новенькую натянул, да и был таков.

Вещи обидчивы – совсем, как люди. А ласковое слово и пеньку приятно.

Оглянулся Илюшка, удивился: и вправду, вокруг все живое. Пошел спать, а перед тем, как голову на подушку положить, погладил ее и сказал: «Покажи мне цветной сон, ладно? Ты же можешь? Ты ведь у меня не простая, а волшебная». Подушка только ухнула в ответ, когда он уронил на нее голову. А ночью снилось ему море и солнце, и белый пароход с обезьянкой на палубе.

Утром он встал радостный и, убегая, шепнул теплой еще наволочке:

- Спасибо тебе за сон, ты – самая волшебная в мире.

На кухне бабушка хлопотала у плиты. А на столе уже дымилась ароматная горка пирожков ... Илюша ел с аппетитом, а потом сказал:

- Знаешь, бабушка, нигде я не ел таких вкусных пирожков. Отчего это, как ты думаешь?

- Пирожки как пирожки, – ответила бабушка, но взглянув на внука с любопытством.

- А вот и нет. Наши лучше всех, потому что сковородка у нас особая, разве ты не знаешь? – Илюша ласково подмигнул, а на плите раздался низкий басовитый звяк. Это сковородка крякнула от удовольствия.

У вешалки мальчик замешкался на секунду, выбирая шапку.

- Надену-ка я сегодня старую. А новая пусть отдыхает, – решил он.

Выбежав во двор, Илюша сразу прыгнул на качели, и они весело взвизгнули, унося его ввысь.

- Здравствуйте, качели, – закричал Илюша. – Как я соскучился по вас, целый день не видел!

- Уи-уи, радуясь, вторили ему качели и летели к самому солнцу.

Денек выдался удачный. А когда на землю опустились сумерки, Илюша пошел домой, но задержался у старой березы. Легкий ветерок пробежал по ее листьям, и они о чем-то таинственно шептались...

- Бабушка, о чем шепчутся листья? – спросил Илюша прямо с порога.

- О, – одобрительно улыбнулась бабушка. – Ты уже умеешь слушать, дружок. Значит, скоро сам станешь сказочником.

РЫБАЛКО Сергей Николаевич

*(род. 1950, Армавир
Краснодарского края)*

*ставропольский поэт, драматург,
художник, композитор*

Сергей Рыбалко – автор двух поэтических книг «Любовь у каждого своя» и «Легенды - Кавказа». Член бюро литературного объединения на Кавминводах при газете «Кавказская здравница» (г. Пятигорск), участник краевых творческих семинаров поэзии. Выступает с авторскими концертами, исполняет под гитару свои песни, а также популярные русские романсы.

Стихи С. Рыбалко отличает лирическая взволнованность, простота формы, задушевность, жизненность и афористичность. Чувствуется, что у поэта свое видение мира, своя лирическая интонация, искренность, чувствуется талант, свой взгляд на жизнь, свои интересные наблюдения, удачно найденные образы, сравнения, сопоставления.

Деятельность С.Н. Рыбалко многогранна: он не только поэт, но и художник (многие иллюстрации для своих книг он выполняет сам, причем на высоком художественном уровне), композитор и исполнитель собственных песен – играет на гитаре, поет. Он замечательный драматург, прекрасный педагог и ученый-исследователь, он много лет собирает краеведческие материалы, и это также отражается на его творчестве.

*«Будет Родине легче — будет
легче и мне»
С.Рыбалко*

Жил и воспитывался Рыбалко в прекрасной семье. Отца – инвалида Великой Отечественной войны – он безгранично любил и гордился им, посвящал ему стихотворные строки. И своей маме, Любови Сергеевне, удивительно доброй - женщине, излучающей свет и тепло, по-

эт посвятил немало стихов. После ранения на войне отец нуждался в лечении, и в 1960 году семья переехала в Ессентки. Десятилетнего мальчика поразила природа и самобытность Кавказа. Он рос в атмосфере, пропитанной лермонтовской поэзией, и все больше любил места, связанные с его именем.

Желая стать помощником в семье, уже после 8-го класса он получил профессию мастера-кондитера, а учиться дальше продолжил в вечерней школе, затем поступил в филиал Калмыцкого университета в г. Элиста, после его окончания продолжил учебу в аспирантуре филологического факультета Ленинградского университета.

Отслужив в армии, преподавал русский язык в профессионально-техническом училище, работал педагогом-воспитателем в детском санатории «Березы» (ныне «Россия»), пробовал себя в журналистике. Свои первые стихи Сергей Рыбалко публиковал в 18 лет в районной газете.

Творчество С.Н. Рыбалко интернационально, широта его стихотворного диапазона многогранна. Он воспекает в стиле средневековых былин Древнюю Русь и Седой Кавказ, мужество и патриотизм, дух независимости и мудрость народов. В легкой и доступной форме он излагает на бумаге историю Государства Российского, его легендарных патриотов.

Мое родное Ставрополье

Мое родное Ставрополье –
Орлиный солнечный простор.
Люблю степей твоих раздолья,
Твои папхи снежных гор.
Люблю продутые ветрами,
Твои курганы и поля,
Казачьи песни над дворами,
Где рукоплещут тополя.
Люблю орлов, парящих в сини,
Колосья нив, и шум садов,
И зноем пахнувшие дыни
На рынках шумных городов.
Мое родное Ставрополье,
Люблю тебя я с давних пор.
Во мне живут твои раздолья,
Твои папахы снежных гор.

Ночь на Родине

Какая ночь! Как воздух пахнет мятой!
Росою звезд осыпан небосвод.
И месяц, как жених молодцеватый,
Смеется, выходит в звездный хоровод.
Сады уснули. Свежею прохладой
Повеяло от берега, с реки.
Прорезав тишь, в канаве, за оградой
Застрекотали весело сверчки.
В прозрачной мгле над спящею равниной
Уже не слышно птичьих голосов.
Царит над миром вызов лягушинный
Да тонкий писк зудящих комаров.

Я всматриваюсь в призрачную роздымь,
Вдыхаю жадно запахи полей,
И слушаю, как вздрагивают звезды
Над кронами притихших тополей.
Как хорошо в прошедшее вернуться,
Увидеть сад, калитку, лунный свет...
И вновь душою нежно прикоснуться
К тому, что сердцу близко с давних лет.

Весна

С улыбкой солнечной и ясной,
Вся юной свежести полна,
Явилась девушкой прекрасной
К нам синеглазая весна.
Люблю весну! Её цветенье!
Её пьянящий травостой,
Весенних запахов брожение
И небо с яркой синевой!
Люблю весенний дождь с грозой
У тихой рощи над рекой,
Где звонким дышится озоном
Так удивительно легко!
Как хорошо тогда с подругой,
С которой с юности знаком,
Навстречу радуге по лугу
Промчаться в росах босиком!

* * *

О, Русь терпеливая,
Свет мой, Россия,
Немало ты видела
Горя и слез.
Немало хранят в тебе тайн
Вековые
Рубцы на бинтах
Овдовевших берез.
Как знать, не с того ли,
Скорбя об утратах,
Плакучие ивы
По-вдови грустны,
Что в каждом селе,
Почитай, на три хаты

Пришлись по две
Похоронки с войны.
Шагая во ржи
Полевою тропинкой
И глядя в простор твой
Загадочный, Русь,
Я кланяюсь каждой
Березке, осинке
И слушаю их
Затаенную грусть.

САХВАДЗЕ Николай Николаевич
(род.1950, Моздок)

писатель-прозаик

Автор книг: «Ставропольские писатели» (2012), «Калейдоскоп» (1983), «Его последний вечер» (1991), «Ставропольская ГРЭС» (1999, в соавторстве с Н. Ляшенко), «Сад осьминогов» (2000), «Натюрморт любви» (2003). «Период полураспада (молодой человек в эпоху Брежнева)», «Избранное» (2010), в которую вошли: роман «Хроники Моздока», «Бодрящий воздух Грузии», «Легенды и мифы Ставропольской ГРЭС», «Множества рассказов и новелл.

Николай Сахвадзе родился 27 февраля 1950 года в семье почтовой служащей и старшины-сверхсрочника. В 1965 году он окончил восьмилетнюю школу № 2. В этой школе его первые писательские опыты поддержала Вера Михайловна Воронина, преподаватель литературы. Более профессиональную помощь оказал член Союза писателей СССР Евгений Васильевич Карпов, живший в то время в Моздоке. Аттестат зрелости будущий писатель получил в средней школе № 1 в 1967 году, а уже осенью попал на незабываемый семинар молодых писателей в г. Пятигорск. Тогда же устроился рабочим сцены в Ставропольский драмтеатр им. М.Ю.Лермонтова. В начале марта 1968 года в газете «Молодой ленинец» появилась первая публикация Н. Сахвадзе – новелла об А. Грине «Угощение». В августе 1968 года поступил на заочное отделение Литературного института им. Горького. Работал же в это время на гардинной фабрике, хлебозаводе, слесарем службы сжиженного газа в конторе «Моздокрайгаз».

В 1975 году, уже окончив литинститут, поехал на строительство Ставропольской ГРЭС, крупнейшей электростанции Юга России. С тех пор для него постоянным местом жительства стал поселок энергетиков Солнечнодольск. Рассказы Сахвадзе появлялись регулярно в газетах, альманахе «Ставрополье», журналах «Южная звезда» (Ставрополь), «Лирика Кавказа» (Кисловодск), коллективных сборниках. В 1992 году Н. Сахвадзе был принят в Союз писателей России.

Связь с Моздком у Николая Сахвадзе не прерывалась никогда: здесь живет его мама Любовь Николаевна, долгие годы работавшая на гардинной фабрике, и сестра – Елена Николаевна, учитель английского языка. Со многими моздокчанами Николай Николаевич поддерживает дружеские отношения.

Николай Сахвадзе – человек светлый. Он умеет говорить правду не «назло», а прямо и честно. Творчество ставропольского писателя Николая Сахвадзе в 2010 году отмечено губернаторской премией.

Ландыши

(из сборника рассказов «Натюрморт любви»)

Отцу – Николаю Иосифовичу,
стрелку-радисту в 1944- 1945 гг.

В шесть часов вечера я сидел в Комсомольском парке на длинной, выкрашенной в голубой цвет скамейке.

Если вы бывали в Моздоке, то, безусловно, знакомы с этим уютным укромным местом, где по вечерам пенсионеры и подростки собираются празднично поболтать в своих компаниях или посмотреть сообща фильм в летнем кинотеатре. Зрительный сезон ежегодно открывают на Пасху, и первый фильм всегда показывают бесплатно. Думаю, это связано с антирелигиозной пропагандой. Но служба в Успенско-Никольской церкви продолжается всю ночь, и ребята успевают после фильма вволю полюбоваться торжественным церковным обрядом под строгим, неусыпным надзором принаряженных старушек, которые шипят сквозь поджатые губы: «Шли бы лучше в швой парк, антихристы!»

По словам моей матери, парк посажен за два-три года до начала войны, в конце тридцатых. Мать училась в то время в Моздокском педучилище и вместе со своей подругой Любой Кондратенко и другими студентами рыла в тот памятный для молодежи воскресник глубокие ямки и сажала в них гибкие саженцы.

Наверное, мало кто из тех людей жив сейчас, а вот парк остался. Давно окрепли и вымахали тополя, дубы, клены. По вечерам, когда с Терека по узкой горловине Пушкинской улицы струится свежий, холодный воздух, в парке, оживая и отзываясь на это атмосферное движение, начинает негромко вздыхать и перешептываться листва высоких деревьев, словно приглашая вас посидеть в тени.

Я ждал Симу Звонареву.

В шарообразных, отяжелевших от молодой поросли кустах стайка воробьев деловито расклевывала огрызок яблока. Время от времени воробьи, попискивая, переругивались, но обошлось без драки.

Сима работает у нас на ремзаводе в отделе кадров. Спокойная, темноволосяя, кареглазая, привлекает внимание не столько красотой, сколько выражением приязни, доброжелательства на ласковом круглом лице. В то же время есть в ней что-то надежное и недоступное, как у античной статуи. Человек, которого она выберет, никогда не пожелает лучшей подруги. Впрочем, это сугубо личное мнение.

Скамейка стояла наискосок от узкого постамента. Я сидел и смотрел на суровый, сосредоточенный профиль Любы Кондратенко (1922-1943). Эта большеголовая, коротко остриженная девушка в ловко сидящей пилотке добровольно ушла на фронт. Стала стрелком-радистом 90-го гвардейского штурмового авиационного полка 2-й воздушной армии.

Видимо, она была умелым и результативным стрелком, иначе, за что бы еще 1 октября 1943 года ее наградили орденом Красной Звезды.

А 7 ноября, в праздничное воскресенье, Люба вместе с младшим лейтенантом Степаном Виноградовым ушла в свой последний, 48-й вылет.

Они сбросили бомбы на немецкую танковую колонну, легли на обратный курс. Но тут из-за гряды облаков вынырнули три вражеских истребителя и, стремительно приближаясь, пошли наперерез.

В завязавшемся бою Люба длинной очередью из пулемета сбила один самолет противника. Но и наш ИЛ-2 потерял винт, зарылся носом и вошел в смертельное пике. Он глубоко врезался в землю.

Двенадцать лет спустя на месте падения ИЛа обнаружили останки героев, их вещи, оружие, партбилет Виноградова и комсомольский билет Кондратенко.

А еще через три года Люба в виде изваяния вернулась в 1958 году в уютный Комсомольский парк, насаженный некогда ею. Вернулась теперь уже навсегда.

Я вдруг подумал, что хотя я родился через пять лет после окончания Великой Отечественной войны, а все равно с самого раннего детства, едва начав сознавать себя, наткнулся на ее приметы. С таким ожесточением прошла она по земле Северного Кавказа.

Пегий приبلудившийся пес Рябчик ел из непривычной глазу немецкой каски. Бабушка вечерами доила Зорьку при свете фитиля, заправленного в гильзу артиллерийского снаряда. Мы с друзьями ходили играть в вырубленный в войну городской лес, поросший новыми деревцами и кустиками; едва приметные тропки выводили к взорванному мосту через Терек. А на том, правом, более высоком берегу и по сию пору стоят прочные низкие бетонные доги, чьи защитники до конца прикрывали отход наших войск.

Гитлер в неумном безумном желании покорить мир мечтал дойти до Индии.

Небольшое осетинское селение Майрамадаг стало самой южной точкой на глобусе, до которой продвинулись войска вермахта.

Отсюда началось их возвращение, их мрачная дорога домой, – и труд войны перестал приносить им радость...

Внимание мое внезапно привлекла белобрысая девочка с алым галстуком, в коричневом платье и черном фартуке. Она медленно, будто прислушиваясь к пению невидимой птахи, шла из 2-й школы. В одной руке у нее был пухлый портфель с самодельной веревочной ручкой, в другой – букетик ландышей. Очевидно, несколько отчаянных пацанов сбежали с уроков в поход за ландышами. И один из них с непонятной самому себе робостью сунул только что свой букетик в девчоночьи руки, стараясь, чтобы не заметили товарищи.

Лицо юной Джульетты тихим солнечным зайчиком грела задумчивая полуулыбка.

Девочка дошла до высокого черного постамента, на котором стоял бюст летчицы, и остановилась. Нерешительно, переминаясь с ноги на ногу, посмотрела вокруг и положила ландыши рядом с большим бумажным венком. Венки принесли сюда 9-го мая, и он поблек от недавнего дождя.

У девочки были ярко-зеленые на бледном веснушчатом лице глаза. Она с вызовом посмотрела на меня и ушла.

А я дождался Симу, еще издали признав ее по ровной, летящей походке, и во мне совершенно непроизвольно зазвучали страстные, сумасшедшие стихи Велимира Хлебникова. Впервые они попались мне на глаза в армии и забылись потом, но, когда познакомился с Симой, вспомнились и скорее всего навсегда.

Она одуванчиком тела
Летит к одуванчику мира,
И сказка великая пела –
Глаза человека – секира.

И в сказку вечернего неба
Летели девичьи глаза,
И волосы темного хлеба
Волнуются, льются назад.

Сима легким взмахом руки поприветствовала меня и незаметно оглянулась вокруг, чтобы по мимолетному взгляду случайных прохожих с безобидным женским тщеславием убедиться: мы с ней совсем неплохая пара, – и тут заметила ландыши.

— Какой хорошенький, – сказала она. – Какой хорошенький букетик. Я возьму его.

— Не надо, – попросил я. – Пусть лежит.

Мы прошли квартал по улице Свердлова и вышли на Главную. Сегодня была пятница, и по Главной улице прохаживалось немало гуляющих. Моздокчане с их врожденной тягой к базару, ярмаркам, толчее любят улицу Кирова так же сильно, как одесситы – Дерибасовскую, а москвичи – Арбат.

Я рассказал Симе о девочке, и у Симы поднялось настроение.

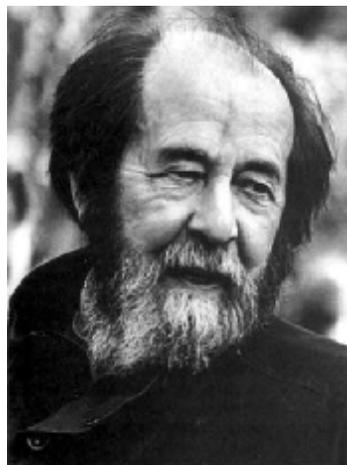
Это был замечательный вечер, и то, что причина нашего настроения была так незначительна, радовало меня больше всего

СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич
(1918, Кисловодск – 2008, Москва)

русский писатель, публицист, общественный деятель

Александр Солженицын – лауреат Нобелевской премии по литературе («За нравственную силу, с которой он продолжил традиции великой русской литературы» 1970), лауреат Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности (2006), академик Российской академии наук.

Александр Исаевич Солженицын родился 11 декабря 1918 года в городе Кисловодске. Отец его, поручик-артиллерист, вернувшийся с фронта германской войны, погиб от несчастного случая на охоте за полгода до рождения сына. С 1925 года переехал с матерью из Кисловодска в Ростов-на-Дону. В Ростове он окончил среднюю школу. Очень рано понял, что хочет писать. Еще будучи школьником начал создавать собственные рукописные журналы, где пробовал работать в разных жанрах. Весной 1934 года в школьных тетрадках ученика восьмого класса стартовало рукописное «Полное собрание сочинений Александра Солженицына».

Многое в жизни я делал противоположно моей же главной поставленной цели, не понимая истинного пути, - и всегда меня поправляло Нечто. Это стало для меня так привычно, так надежно, что только и оставалось у меня задачи: правильной и быстрее понять каждое крупное событие моей жизни... Давно оправдался и мой арест, и моя смертельная болезнь, и многие личные события...

А.И.Солженицын

твовало рукописное «Полное собрание сочинений Александра Солженицына».

В 1941 году окончил физико-математический факультет Ростовского университета. В 1939 поступил на заочное отделение Московского института философии, литературы и искусства, однако из-за войны его не окончил.

Вплоть до 40-х считал себя романтиком революции, из нее выводил героическое начало русской истории.

Задумал написать роман «Люби революцию». С 1942 в действующей армии, прошел путь от Орла до Восточной Пруссии. В феврале 1945 года арестован за «антисоветскую агитацию» (вел переписку с другом, порицая коммунистических вождей), провел в лагерях 8 лет. 3 февраля 1956 Верховный суд СССР освободил его от ссылки, а через год объявил не-

виновным. Первый успех пришел к нему после публикации повести «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир» в 1962 году. Разрешение на публикацию дал лично Н.С. Хрущев. Однако с 1966 Солженицын перестают печатать, а в 1969 году исключают из Союза писателей. В 1970 году Солженицын становится лауреатом Нобелевской премии. 12 февраля 1974 был арестован и выслан в ФРГ. Солженицын с семьей поселился в Швейцарии, в 1976 переехал в США.

27 мая 1994 года Солженицын возвращается в Россию. Проехав страну от Дальнего Востока до Москвы, он активно включается в общественную жизнь, работает над книгой «Угодило зернышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания». Рассказы и лирические миниатюры («Крохотки»), опубликованные Солженицыным в «Новом мире» (1995-97), свидетельствуют о неувядаемой мощи его дара.

Александр Исаевич Солженицын скончался в ночь на 4 августа в Москве на 90-м году жизни.

В 1997 г. «Русский Общественный Фонд» учредил в России ежегодную «Литературную премию Александра Солженицына», лауреатами которой стали крупные учёные, писатели, кинематографисты.

Ныне в Кисловодске, на родине писателя, по решению Правительства РФ создается Музей А.И. Солженицына, как филиал Государственного литературного музея.

Костер и муравьи

Я бросил в костёр гнилое брёвнышко, недосмотрел, что изнутри оно густо населено муравьями.

Затрещало бревно, вывалили муравьи и в отчаянье забегали, забегали поверху и корёжились, сгорая в пламени. Я зацепил брёвнышко и откатил его на край. Теперь муравьи многие спасались – бежали на песок, на сосновые иглы. Но странно: они не убежали от костра. Едва преодолев свой ужас, они заворачивали, кружились, и – какая-то сила влекла их назад, к покинутой родине! – и были многие такие, что опять взбегали на горящее брёвнышко, метались по нему и погибали там...

Утёнок

Маленький жёлтый утёнок, смешно припадая к мокрой траве беловатым брюшком и чуть не падая с тонких своих ножек, бегает передо мной и пищит: «Где моя мама? Где мои все?»

А у него не мама вовсе, а курица: ей подложили утиных яиц, она их высидела между своими, грела равно всех. Сейчас перед непогодой их домик – перевёрнутую корзину без дна – отнесли под навес, накрыли мешковиной. Все там, а этот затерялся. А ну-ка, маленький, иди ко мне в ладони.

И в чём тут держится душа? Не весит нисколько, глазки чёрные – как бусинки, ножки – воробьиные, чуть-чуть его сжать – и нет. А между тем – тёпленький. И клювик его бледно-розовый, как наманикюренный, уже разлапист. И лапки уже перепончатые, и жёлт в свою масть, и крыльца пушистые уже выпирают. И вот даже от братьев отличился характером.

А мы – мы на Венеру скоро полетим. Мы теперь, если все дружно возьмёмся, – за двадцать минут целый мир перепашем.

Но никогда! – никогда, со всем нашим атомным могуществом, мы не составим в колбе, и даже если перья и косточки нам дать, – не смонтируем вот этого невесомого жалкенького жёлтенького утёнка...

Шарик

Во дворе у нас один мальчик держит пёсика Шарика на цепи – кутёнком его посадил, с детства.

Понёс я ему однажды куриные кости, ещё теплые, пахучие, а тут как раз мальчик спустил беднягу побегать по двору. Снег во дворе пушистый, обильный. Шарик мечется прыжками, как заяц, то на задние ноги, то на передние, из угла в угол двора, из угла в угол, и морда в снегу.

Подбежал ко мне, лохматый, меня опрыгал, кости понюхал – и прочь опять, брюхом по снегу!

Не надо мне, мол, ваших костей, – дайте только свободу!...

Дыхание

Ночью был дождик, и сейчас переходят по небу тучи, изредка брызнет слегка. Я стою под яблоней отцветающей – и дышу. Не одна яблоня, но и травы вокруг сочают после дождя – и нет названия тому сладкому духу, который напаивает воздух. Я его втягиваю всеми лёгкими, ощущаю аромат всю грудь, дышу, дышу, то с открытыми глазами, то с закрытыми – не знаю, как лучше. Вот, пожалуй, та воля – та единственная, но самая дорогая воля, которой лишает нас тюрьма: дышать так, дышать здесь. Никакая еда на земле, никакое вино, ни даже поцелуй женщины не слаще мне этого воздуха, этого воздуха, напоённого цветением, сыростью, свежестью. Пусть это – только крохотный садик, сжатый звериными клетками пятиэтажных домов. Я перестаю слышать стрельбу мотоциклов, завывание радиол, бубны громкоговорителей. Пока можно ещё дышать после дождя под яблоней – можно ещё и пожить!

Озеро сегден

Об озере этом не пишут и громко не говорят. И заложены все дороги к нему, как к волшебному замку; над всеми дорогами висит знак запретный, простая немая чёрточка. Человек или дикий зверь, кто увидит эту чёрточку над своим путём – поворачивай! Эту чёрточку ставит земная власть. Эта чёрточка значит:

ехать нельзя и лететь нельзя, идти нельзя и ползти нельзя. А близ дорог, в сосновой чаще, сидят в засаде постовые с турчками и пистолетами.

Кружишь по лесу молчаливому, кружишь, ищешь, как просочиться к озеру, – не найдёшь, и спросить не у кого: напугали народ, никто в том лесу не бывает. И только вслед глуховатому коровьему колокольчику проберёшься скотьей тропой в час полуденный, в день дождливый. И едва проблеснёт тебе оно, громадное, меж стволов, ещё ты не добежал до него, а уж знаешь: это местечко на земле излюбишь ты на весь свой век. Сегденское озеро – круглое, как циркулем вырезанное. Если крикнешь с одного берега (но ты не крикнешь, чтоб тебя не заметили) – до другого только эхо размытое дойдёт. Далеко. Обомкнуто озеро прибрежным лесом. Лес ровен, дерево в дерево, не уступит ни ствола. Вышедшему к воде, видна тебе вся окружность замкнутого берега: где жёлтая полоска песка, где серый камышок ощетинился, где зелёная мурава легла. Вода ровная-ровная, гладкая без ряби, кой где у берега в ряске, а то прозрачная белая – и белое дно. Замкнутая вода. Замкнутый лес. Озеро в небо смотрит, небо – в озеро. И есть ли ещё что на земле – неведомо, поверх леса – не видно. А если что и есть – оно сюда не нужно, лишнее. Вот тут бы и поселиться навсегда... Тут душа, как воздух дрожащий. Между водой и небом струилась бы, и текли бы чистые глубокие мысли. Нельзя. Лютый князь, злодей косоглазый, захватил озеро: вон дача его, купальни его. Злоденята ловят рыбу, бьют угок с лодки. Сперва синий дымок над озером, а погода – выстрел. Там, за лесами, горбит и тянет вся окружающая область. А сюда, чтоб никто не мешал им, – закрыты дороги, здесь рыбу и дичь разводят особо для них. Вот следы: кто-то костёр раскладывал, притушили в начале и выгнали. Озеро пустынное. Милое озеро. Родина...

Прах поэта

Теперь деревня Льгово, а прежде древний город Ольгов стал на высоком обрыве над Окою: русские люди в те века после воды, питьевой и бегучей, второй облюбовывали – красоту. Ингварь Игоревиич, чудом спасшийся от братних ножей, во спасенье своё поставил здесь монастырь Успенский. Через пойму и пойму в ясный день далеко отсюда видно, и за тридцать пять верст на такой же крути – колокольня высокая монастыря Иоанна Богослова. Оба их пощадил суверенный Батый. Это место, как своё единственное, приглядел Яков Петрович Полонский и велел похоронить себя здесь. Всё нам кажется, что дух наш будет летать над могилой и озиаться на тихие просторы. Но – нет куполов, и церквей нет, от каменной стены половина осталась и достроена дощаным забором с колючей проволокой, а над всей древностью – вышки, пугала гадкие, до того знакомые, до того знакомые... В воротах монастырских – вахта. Плакат: «За мир между народами!» – русский рабочий держит на руках африканёнка. Мы – будто ничего не понимаем. И меж бараков охраны выходной надзиратель в нижней сорочке объясняет нам: – Монастырь тут был, в мире второй. Первый в

Риме, кажется. А в Москве – уже третий. Когда детская колония здесь была, так мальчишки, они ж не разбираются, все стены изгадили, иконы побили. А потом колхоз купил обе церкви за сорок тысяч рублей – на кирпичи, хотел шестирядный коровник строить. Я тоже нанимался: пятьдесят копеек платили за целый кирпич, двадцать за половинку. Только плохо кирпичи разнимались, всё комками с цементом. Под церковью склеп открылся, архиерей лежал, сам – череп, а мантия цела. Вдвоём мы ту мантию рвали, порвать не могли... – А вот скажите, тут по карте получается могила Полонского, поэта. Где она? – К Полонскому нельзя. Он – в зоне. Нельзя к нему. Да чо там смотреть? – памятник ободранный? Хотя постой, – надзиратель поворачивается к жене. – Полонского-то вроде выкопали? – Ну. В Рязань увезли, – кивает жена с крылечка, щёлкая семечки. Надзирателю самому смешно: – Освободился, значит...

Вязовое бревно

Мы пилили дрова, взяли вязовое бревно – и вскрикнули: с тех пор как ствол в прошлом году срезали, и тащили трактором, и распиливали его на части, и кидали в баржи и кузова, и накатывали в штабели, и сваливали на землю – а вязовое бревно не сдалось! Оно пустило из себя свежий зелёный росток – целый будущий вяз или ветку густошумящую, Уж бревно положили мы на козлы, как на плаху, но не решались врезаться в шею пилой: как же пилить его? Ведь оно тоже жить хочет! Ведь вот как оно хочет жить – больше нас!

Отражение в воде

В поверхности быстрого потока не различить отражений ни близких, ни дальних: даже если не мутен он, даже если свободен от пены – в постоянной струйчатой ряби, в неугомонной смене воды отраженья неверны, неотчётливы, непонятны. Лишь когда поток через реки и реки доходит до спокойного широкого устья, или в заводи остановившейся, или в озёрке, где вода не продрогнет, – лишь там мы видим в зеркальной глади и каждый листик прибрежного дерева, и каждое перышко тонкого облака, и налитую голубую глубь неба.

Так и ты, так и я. Если до сих пор всё никак не увидим, всё никак не отразим бессмертную чеканную истину, – не потому ли, значит, что ещё двинемся куда-то? Ещё живём?..

Гроза в горах

Она застала нас в непроглядную ночь перед перевалом. Мы выползли из палаток – и затаились. Она шла к нам через Хребет. Всё было – тьма, ни верха, ни низа, ни горизонта. Но вспыхивала раздирающая молния, и отделялась тьма от света, выступали исполины гор, Белала-Кая и Джугутурлючат, и чёрные сосны многометровые около нас, ростом с горы. И лишь на мгновение показывалось нам, что есть уже твёрдая земля, – и снова всё было

мрак и бездна. Вспышки надвигались, чередовались блеск и тьма, сиянье белое, сиянье розовое, сияние фиолетовое, и всё на тех же местах выступали горы и сосны, поражая своей величиной, – а когда исчезали, нельзя было поверить, что они есть. Голос грома наполнил ущелья, и не слышен стал постоянный рёв рек. Стрелами Саваофа молнии падали сверху в Хребет, и дробились в змейки, в струйки, как бы разбрызгиваясь о скалы или поражая и разбрызгивая там что живое. И мы... мы забыли бояться молнии, грома и ливня – подобно капле морской, которая не боится ведь урагана. Мы стали ничтожной и благодарной частицей этого мира. Этого мира, в первый раз создававшегося сегодня – на наших глазах.

Город на Неве

Преклонённые ангелы со светильниками окружают византийский купол Исаакия. Три золотых гранёных шпиля перекликаются через Неву и Мойку. Львы, грифоны и сфинксы там и здесь – оберегают сокровища или дремлют. Скачет шестёрка Победы над лукавою аркою Росси. Сотни портиков, тысячи колонн, вздыбленные лошади, упирающиеся быки... Какое счастье, что здесь ничего уже нельзя построить! – ни кондитерского небоскрёба втиснуть в Невский, ни пятиэтажную коробку сляпать у канала Грибоедова. Ни один архитектор, самый чиновный и бездарный, употребив всё влияние, не получит участка под застройку ближе Чёрной Речки или Охты. Чуждое нам – и наше самое славное великолепие! Такое наслаждение бродить теперь по этим проспектам! Но стиснув зубы, проклиная, гния в пасмурных болотах, строили русские эту красоту. Косточки наших предков слежались, сплавившись, окаменели в дворцы – желтоватые, бурые, шоколадные, зелёные. Страшно подумать: так и наши нескладные гиблые жизни, все взрывы нашего несогласия, стоны расстрелянных и слезы жён – всё это тоже забудется начисто? Всё это тоже даст такую законченную вечную красоту?..

Способ двигаться

Что был конь – играющий выгнутою спиной, рубящий копытами, с размётанной гривой, с разумным горячим глазом! Что был верблюд – двугорбый лебедь, медлительный мудрец с усмешкой познания на круглых губах! Что был даже черноморденький ишачок – с его терпеливой твёрдостью, живыми ласковыми ушами! А мы избрали?.. – вот это безобразнейшее из творений Земли, на резиновых быстрых лапах, с мёртвыми стеклянными глазами, тупым ребристым рылом, горбатое железным ящиком. Оно не проржёт о радости степи, о запахах трав, о любви к кобылице или к хозяину. Оно постоянно скрежещет железом и плюёт, плюёт фиолетовым вонючим дымом. Что ж, каковы мы – таков и наш способ двигаться.

Старое ведро

Ох, да и тоскливо же бывшему фронтовику бродить по Каргунскому бору. Какая-то земля здесь такая, что восемнадцатый год сохраняются, лишь чуть обвалились, не то что полосы траншей, не то что огневые позиции пушек – но отдельная стрелковая ячейка маленькая, где неведомый Иван хоронил своё большое тело в измызанной короткой шинельке. Брёвна с блиндажных перекрытий за эти годы, конечно, растащили, а ямы остались ясные. Хотя в этом самом бору я не воевал, а – рядом, в таком же. Хожу от блиндажа к блиндажу, соображаю, где что могло быть. И вдруг у одного блиндажа, у выхода, наталкиваюсь на старое, восемнадцать лет лежалое, а и до тех восемнадцати уже отслужившее ведро. Оно уж тогда было худое, в первую военную зиму. Может, из деревни сгоревшей подхватил его сообразительный солдатик да стенки ко дну ещё на конус смял и приладил его переходом от жестяной печки в трубу. Вот в этом самом блиндаже в ту тревожную зиму, дней девяносто, а может сто пятьдесят, когда фронт тут остановился, гнало худое ведро через себя дым. Оно накалялось шибко, от него руки грели, от него прикуривать можно было, и хлеб близ него подрумянивали. Сколько дыму через себя ведро пропустило – столько и мыслей невысказанных, писем ненаписанных – от людей, уже, может быть, покойных давно. А потом как-нибудь утром, при весёлом солнышке, боевой порядок меняли, блиндаж бросали, командир торопил свою команду – «ну! ну!» – ординарец печку порушил, втиснул её всю на машину, и колена все, а худому ведру места не нашлось. «Брось ты его, заразу! – старшина крикнул. – Там другое найдёшь!» Ехать было далеко, да и дело уж к весне поворачивало, постоял ординарец с худым ведром, вздохнул – и опустил его у входа. И все засмеялись. С тех пор и брёвна с блиндажа содрали, и нары изнутри, и столик – а худое ведро так и осталось у своего блиндажа. Стою над ним, нахлынуло. Ребята чистые, друзья фронтовые! Чем были живы мы, и на что надеялись, и самая дружба наша бескорыстная – прошло всё дымом, и никогда уж больше не служить этому ржавому, забытому...

На родине Есенина

Четыре деревни одна за другой однообразно вытянуты вдоль улицы. Пыль. Садов нет. Нет близко и леса. Хилые палисаднички. Кой-где грубо-яркие цветные наличники. Свинья зачуханная посреди улицы чешется о водопроводную колонку. Мерная вереница гусей разом обёртывается вслед промчавшейся велосипедной тени и шлёт ей дружный воинственный клич. Деятельные куры раскапывают улицу и зады, ища себе корму. На хилый курятник похожа и магазинная будка села Константинова. Селёдка. Всех сортов водка. Конфеты-подушечки слипшиеся, каких уже пятнадцать лет нигде не едят. Чёрных буханок булыги, увесистей вдвое, чем в городе, не ножу, а топору под стать. В избе Есениных – убогие перегородки не до потолка, чу-

ланчики, клетушки, даже комнатой не назовешь ни одну. В огороде – слепой сарайчик, да банька стояла прежде, сюда в темень забирался Сергей и складывал первые стихи. За пряслами – обыкновенное польце. Я иду по деревне этой, каких много и много, где и сейчас все живущие заняты хлебом, наживой и честолубием перед соседями, – и волнуюсь: небесный огонь опалил однажды эту окрестность, и ещё сегодня он обжигает мне щёки здесь. Я выхожу на окский косогор, смотрю вдаль и дивлюсь: неужели об этой далёкой тёмной полоске хворостовского леса можно было так загадочно сказать: На бору со звонами плачут глухари...? И об этих луговых петлях спокойной Оки: Скирды солнца в водах лонных...? Какой же слиток таланта метнул Творец сюда, в эту избу, в это сердце деревенского драчливого парня, чтобы тот, потрясённый, нашёл столько для красоты – у печи, в хлеву, на гумне, за околицей, – красоты, которую тысячу лет топчут и не замечают?..

Колхозный рюкзак

Когда вас в пригородном автобусе больно давят в грудь или в бок его твёрдым углом, – вы не бранитесь, а посмотрите хорошо на него, этот лубяной плетёный короб на широком брезентовом разлохмаченном ремне. В город возят в нём молоко, творог, помидоры за себя и за двух соседок, из города – полета батонов на три семьи. Он ёмок, прочен и дешёв, этот бабий рюкзак, с ним не сравниваются его разноцветные спортивные братья с карманчиками и блестящими пряжками. Он держит столько тяжести, что даже через телогрейку не выносит его ремня привычное крестьянское плечо. Потому и взяли бабы такую моду: плетёнку вскидывают на середину спины, а ремень нахомучивают себе через голову. Тогда равномерно раскладывается тяжесть по двум плечам и груди. Братья по перу! Я не говорю: примерьте такую корзиночку на спину. Но если вас толкнули – езжайте в такси.

Мы-то не умрём

А больше всего мы стали бояться мёртвых и смерти. Если в какой семье смерть, мы стараемся не писать туда, не ходить: что говорить о ней, о смерти, мы не знаем... Даже стыдным считается называть кладбище как серьёзное что-то. На работе не скажешь: «на воскресник я не могу, мне, мол, моих надо навестить на кладбище». Разве это дело – навещать тех, кто есть не просит? Перевезти покойника из города в город? – блажь какая, никто под это вагона не даст. И по городу их теперь с оркестром не носят, а быстро прокатывают на грузовике. Когда-то на кладбищах наших по воскресеньям ходили между могил, пели светло и кадили душистым ладаном. Становилось на сердце примирение, рубец неизбежной смерти не сдавливал его больно. Покойники словно чуть улыбались нам из-под зелёных холмиков: «Ничего!.. Ничего...» А сейчас, если кладбище держится, то вывеска: «Владельцы могил! Во избежание штрафа убрать прошлогодний мусор!» Но чаще – зака-

тывают их, равняют бульдозерами – под стадионы, под парки культуры. А ещё есть такие, кто умер за отечество – ну, как тебе или мне ещё придётся. Этим церковь наша отводила прежде день – поминовение воинов, на поле брани убиенных. Англия их поминает в День Маков. Все народы отводят день такой – думать о тех, кто погиб за нас. А за нас-то – за нас больше всего погибло, но дня такого у нас нет. Если на всех погибших оглядываться – кто кирпичи будет класть? В трёх войнах теряли мы мужей, сыновей, жён – пропадите, постылые, под деревянной крашеной тумбой, не мешайте нам жить! Мы-то ведь никогда не умрём!

Приступая ко дню

На восходе солнца выбежало тридцать молодых на поляну, расставились вразрядку все лицом к солнцу, и стали нагибаться, приседать, кланяться, ложиться ниц, простирать руки, воздевать руки, запрокидываться с колен. И так – четверть часа. Издали можно было представить, что они молятся. Никого в наше время не удивляет, что человек каждодневно служит терпеливо и внимательно телу своему. Но оскорблены были бы, если бы так служил он своему духу. Нет, это не молитва. Это – зарядка.

Путешествуя вдоль Оки

Пройдя просёлками Средней России, начинаешь понимать, в чём ключ умиротворяющего русского пейзажа. Он – в церквях. Взбежавшие на пригорки, взошедшие на холмы, царевнами белыми и красными вышедшие к широким рекам, колокольнями стройными, точёными, резными поднявшиеся над соломенной и тесовой повседневностью – они издалека-издалека кивают друг другу, они из сёл разобшённых, друг другу невидимых, поднимаются к единому небу. И где б ты в поле, в лугах ни брёл, вдали от всякого жилья, – никогда ты не один: поверх лесной стены, стогов намётанных и самой земной округлости всегда манит тебя маковка колоколенки то из Борок Ловецких, то из Любичей, то из Гавриловского. Но ты входишь в село и узнаёшь, что не живые – убитые приветствовали тебя издали. Кресты давно сшиблены или скривлены; ободранный купол зияет остовом поржавевших рёбер; растёт бурьян на крышах и в расщелинах стен; редко ещё сохранилось кладбище вокруг церкви; а то свалены и его кресты, выворочены могилы; заалтарные образы смыты дождями десятилетий, исписаны похабными надписями.

На паперти – бочки с соляжкой, к ним разворачивается трактор. Или грузовик въехал кузовом в дверь притвора, берёт мешки. В той церкви подрагивают станки. Эта – просто на замке, безмолвная. Ещё в одной и ещё в одной – клубы. «Добьёмся высоких удоёв!» «Поэма о море». «Великий подвиг». И всегда люди были корыстны, и часто недобры. Но раздавался звон вечерний, плыл над селом, над полем, над лесом. Напоминал он, что покинуть надо мелкие земные дела, отдать час и отдать мысли – вечности. Этот

звон, сохранившийся нам теперь в одном только старом напеве, поднимал людей от того, чтоб опуститься на четыре ноги. В эти камни, в колоколенки эти, наши предки вложили всё своё лучшее, всё своё понимание жизни. Ковырай, Витька, долбай, не жалея! Кино будет в шесть, танцы в восемь...

Молитва

Как легко мне жить с Тобой, Господи!
Как легко мне верить в Тебя!
Когда расступается в недоумении
или сникает ум мой,
когда умнейшие люди
не видят дальше сегодняшнего вечера
и не знают, что надо делать завтра, –
Ты снисылаешь мне ясную уверенность,
что Ты есть
и что Ты позаботишься,
чтобы не все пути добра были закрыты.
На хребте славы земной
я с удивлением оглядываюсь на тот путь
через безнадежность – сюда,
откуда и я смог послать человечеству
отблеск лучей Твоих.
И сколько надо будет,
чтобы я их ещё отразил, –

Ты дашь мне.
А сколько не успею –
значит. Ты определил это другим.

СЛЯДНЕВА Валентина Ивановна

*(род.1941, с. Надежда
Ставропольского края)*

*ставропольский поэт, прозаик,
переводчик*

Валентина Сляднева – автор тринадцати книг, изданных в Ставрополе, в Москве, в Свердловске. Среди них – поэтические – «У подножья горы», «Горицвет», «На юру», «Час равноденствия», «Крутогорье»; «Одолень-трава», прозаические – «Полоска земли», «Перепелина душа» и жругие. Семь компакт-дисков с её песнями вышли в Москве. Стихи публиковались в газете «Неделя», в журналах «Новый мир», «Дружба», «Урал», «Уральский следопыт», «Смена», изданы её переводы с татарского, карачаевского и черкесского языков.

Валентина Ивановна Сляднева родилась 22 декабря 1941 года в селе Надежда Ставропольского края, на земле, где искони жили ее деды и прадеды. Первые годы жизни совпали с военным лихолетьем.

Ее трудовая биография началась рано: с пятнадцати лет пошла работать в совхоз села Надежда. Приходилось делать все, без чего немислим сельский уклад, – работа в овощехранилище, на току, на свекловичном поле... Десятилетку заканчивала в вечерней школе рабочей молодежи. Затем поступила на историко-филологический факультет Ставропольского педагогического института. Преподавала любимые предметы – русский язык и литературу в школах военных городков на Южном и Среднем Урале, в Заполярье, в Германии, куда ездила вместе с мужем, военным летчиком. Сейчас живет в родном Ставрополе, на хуторе с теплым названием

*Всем сердцем к Тебе обращаюсь,
Господь,
Прости мне мои прегрешенья!
Усталость души помоги побороть,
И жизнь будет мне утешеньем.
Я все, что Ты создал, Творец, так
люблю,
Вовеки душа не остынет.
Я под ноги все луговины стелю,
Все тропки Твои мне – святыни.....
В.И. Сляднева «Молитва»*

Молочный, занимается домашним хозяйством и пишет стихи.

Первая книга «Тропинка в солнце» В.Слядневой вышла в Ставрополе в 1970 году. Стихи посвящены материи и родной земле, теплом и красотой которых она была так щедро одарена. В ее стихах, рассказах, песнях отражены и четкая гражданская позиция, и умение тонко и проникновенно пере-

дать неповторимость жизненных мгновений. Характерной чертой лирического героя стихов Валентины Слядневой является радостное восприятие мира, удивления перед его красотой и многообразием; вера в лучшее, гордость за свой народ, историю, где есть место подвигу.

Валентина Сляднева – поэтесса, одинаково талантливо владеющая искусством слова прозаического и поэтического, увенчанная многими высокими наградами за свой вдохновенный труд. В 2003 году В. Сляднева возглавила Ставропольское региональное отделение Союза писателей России. В замыслах автора – выпуск в свет нескольких томов стихов и прозы.

Песня

Ставропольская лирическая

Слова В. Слядневой. Музыка К. Губина

Мое Ставрополье! Цветы твои средю не вянут!
Прохладные росы в лугах выпадают к утру...
Над полем бескрайним, над травным простором медвяным
Пурпурное платье зари парусит на ветру.

Серебристой ковылью помашет мне степь!
Всхлипнет курай...
Ты как песнь моя! Песнь эту мне петь,
Милый мой край!

Тут в стежки – дорожки навек будет след мой впечатан!
И в блеске ажурном поднялись кругом купыри...
А жатва наступит – машины все мчатся и мчатся,
На склонах – отары, а ягод горстями бери!

Струны спелой пшеницы, терновник у круч
И птичий грай!
Ты в сумятице дней, словно солнечный луч,
Милый мой край!

Прохладные речки, сады к себе вновь заывают,
Меня отовсюду, к родному крыльцу тополя!
Мое Ставрополье, нигде тебя не забывают,
Поскольку никак невозможно забыть мне тебя.

Серебристой ковылью помашет мне степь,
Всхлипнет курай...
Ты как песня моя! Песню эту мне петь,
Милый мой край!

Любить мне Россию (В.В. Хорунжему)

Не ведаю, сколько дорог мной исхожено.
Но всюду со мной звон колосьев и шорох ветвей.
Любить мне Россию судьбою положено,
Ей быть суждено лебединою песней моей.
И дочке, и сыну оставлю я Родину.
Ее им беречь и печалиться с ней.
И падать им сызнава, и падать им сызнава
В рассветную зелень цветущих полей.
Люблю я покосы и пашни, и нажити,
И облик крестьянки в косынке почти до бровей...
И отчее слово, и память, что нажита...
Россия, былинкой навеки останусь твоей.

Золотые подковы

Не надо забав казаку – дай коня вороного!
Несет он овес ему и золотые подковы.
А девушка смотрит, сверкает зубов перламутром,
Коня вороного приводит жених ей под утро.
-Владей, – говорит он, – мной и моею забавой.
... О, как ликовали в то лето в округе купавы!
Тут вспыхнул огонь, луговая сгорела обнова,
И дым повалил из ноздрей у коня вороного.
... Блестят у вдовы под окном золотые подковы –
То ночь к ней приходит в обличье коня вороного.

В Ставрополе

Отчетливо видны здесь, как нигде,
Черты эпохи, что стирает грани
Меж городом и сельскою геранью,
И утками, снующими в воде.

Столкнулись лбами хатки и дома,
Где ввысь на лифте бабушки взлетают,
К тем лифтам уважение питаю,
Признаться вам, давно и я сама.

Летят такси, троллейбусы идут,
В день завтрашний глядится день вчерашний...
Невдалеке совсем цветут ромашки –
О, пусть они подольше здесь цветут!

СУРГУЧЕВ Илья Дмитриевич
(1881, Ставрополь – 1956, Сен-Женевьев-де-Буа, Франция)

русский прозаик, драматург

Илья Дмитриевич Сургучев родился в семье промышленника 15 (27) февраля 1881 года. Отец писателя, Дмитрий Васильевич Сургучев перебрался в Ставрополь из Калужской губернии. Женат был на Софье (Соломониде) Петровне Маковозовой. Дмитрий Васильевич, видимо, был человеком зажиточным: купил в городе имение. В семье рождалось много детей, но часть из них рано умерли. Сохранились сви-

детельства о брате Ильи Сургучева Иване, который служил дьяконом Рождества-Богородицкой церкви станицы Бекешевской Кубанской области, и сестрах Серафиме и Елизавете. Родители мечтали видеть сына Илью священником и определили его в духовное училище, а затем в Ставропольскую духовную семинарию. Далее пре дстояло продолжить духовное образование в Московской академии. Но он поступает в Санкт-Петербургский императорский университет на восточный факультет. Ему легко давались иностранные языки. Кроме ряда восточных, он хорошо владел французским и немецким.

В студенческие годы Илья Дмитриевич женился. В 1902 г. у него с женой Ольгой Григорьевной родилась дочь Клавдия, а в 1904 г. – Вера. Старшую из дочерей отец любовно называл Колокольчиком, а младшую – Елочкой. К сожалению, в марте 1907 г. в возрасте 25 лет

Ольга Григорьевна умерла от хронического воспаления легких. Об этом печальном событии писатель упоминает в биографической новелле «Профессор».

Литературная биография Ильи Сургучева началась еще в годы учебы в университете. Писал рассказы, главным образом в миролюбивском «Журнале для всех», «Вестнике Европы» Ковалевского.

Молодого писателя заметили с первых шагов. Официальная критика отмечала психологизм, импрессионистскую манеру его письма. «Илья Сургучев, – писал критик В. Львов-Рогачевский в статье «В мире звуков» (журнал «Современный мир» № 8 за 1912 г.) – художник, влюбленный в звуки, в песню, в мечту, в нежные мелодии рояля, в неясное и далекое. Часто музыка в его произведениях подчеркивает грубость и пошлость жизни».

...И не было ни войн, ни революций. Стоит, как град Петров, Россия и никакие врата адавы не одолеют ее.

И. Д. Сургучев

В 1908 году И. Сургучев окончил университет. Ему предложили остаться на кафедре монгольской словесности для подготовки к профессорскому званию. Он отдал предпочтение литературной деятельности и возвратился в Ставрополь. Здесь писатель объединяет вокруг себя журналистов, литераторов. Илья Дмитриевич был одним из организаторов издания в Ставрополе художественно-сатирических журналов «Ставропольский сатирик» и «Сверчок», где проявился его талант сатирика.

И. Сургучев вел и большую общественную работу, избирался гласным Ставропольской городской думы. В 1910 г. избран председателем железнодорожной комиссии, добывающей того, чтобы Армави́ро-Туапсинская железная дорога прошла через Ставрополь, и многое сделал для этого.

В 1912 г. при содействии М. Горького и И. Бунина в 39-м томе сборника товарищества «Знание» вышел роман И. Сургучева «Губернатор». Старый боевой генерал, управляющий губернией, неизлечимо болен и знает, что скоро умрет. Приближение смерти дало губернатору понять, что «нужно исправить все зло, которое он сделал на земле». Он словно проснулся от долгого сна и стал замечать окружающее. В романе много страниц посвящено родному городу. Перед читателем проходят: Николаевский проспект с «дремлющим густым зеленым бульваром, как бы мечом рассекающим улицу надвое, Ташлянское предместье, здание полиции с пожарной каланчой, дом полицмейстера, «в котором когда-то проездом на Кавказ жил три дня Пушкин», губернаторский дом, сад Иоанно-Марьяинского монастыря...».

Роман получил положительную оценку Максима Горького. В письме к И. Сургучеву в Ставрополь 19 декабря 1911 г. Алексей Максимович писал: *«...Мне кажется, Вы написали весьма значительную вещь, и несомненно, что Вы большой поэт, дай Вам Боже сил, здоровья, желаний! Еще раз скажу – человечно написано, матерински мягко, вдумчиво... Взволновал меня Ваш «Губернатор», с головы до пят взволновал».*

После издания романа Илья Сургучев заявил о себе как драматург. В 1913 г. вышла его пьеса «Торговый дом». Герои произведения списаны с представителей известного на Ставрополье купеческого рода Меснянкиных. Постановку осуществил Александринский театр в сезон 1913-1914 гг. Роль владелицы торгового дома с успехом сыграла известная актриса М. Савина.

Следующая пьеса «Осенние скрипки», образы кото-

рой взяты также из жизни Ставрополя, шла во многих театрах страны. В 1915 г. она была поставлена на сцене Московского художественного театра В. Немировичем-Данченко. В роли главной героини выступила замечательная актриса О. Книппер-Чехова. Постановка «Осенних скрипок» не так давно осуществлялась и в Ставропольском крайдрамтеатре.

Интересный документ, открывающий еще одну страницу из жизни писателя, хранится в крайгосархиве. Это фотокопия донесения комиссара 7-й армии Юго-Западного фронта от 15 октября 1917 г. (подлинник находится в Российском государственном историческом архиве). Этим комиссаром Временного правительства был ни кто иной, как И. Сургучев. В донесении он сообщал, что в армии «безотрадная картина общего падения духа и дисциплины. Необходимы особые меры поднять армию, оградить от безответственных сил...».

И. Сургучев не принял революцию. В памфлете «Большевики на Ставрополье», изданном в 1919 г., он рассказал о том, как губернский Ставрополь захлестнула волна «красного» террора. Писатель считал, что русский человек заболел «страшной болезнью, он начал осквернять свою землю, свои храмы, убивать своих родных...».

В 1920 г. Илья Сургучев уезжает из России. Как многие эмигранты того времени, он оказывается в Стамбуле. Этот период жизни писатель отразил в пьесе «Реки Вавилонские». Она шла на сценах Парижа, куда перебрался И. Сургучев.

Вопреки утверждению, что И. Сургучев не преодолел творческий кризис, мало писал, его литературное наследие парижского периода говорит о другом. В 1928 г. выходит роман «Ротонда». Так назывался парижский ресторан, где собиралась литературная богема. Публикуются «Эмигрантские рассказы», этюды о Тургеневе, Флобере, повесть «Детские годы императора Николая II».

Любовь к театру привела И. Сургучева к созданию в Париже «Театра без занавеса», где шли водевили, миниатюры, со своими произведениями выступали писатели и поэты.

Пьесы Ильи Сургучева в переводах ставились на иностранных сценах, например, пьеса «Письма с заграничными марками» шла в Королевском театре в Стокгольме, в Национальном театре в Осло и в берлинском театре драматурга Кайзера.

Илья Сургучев избирался председателем союза русских писателей. В последние годы жизни был литературным советником журнала «Возрождение». Его коллега И. Мартыновский – Опышня вспоминал о И. Д. Сургучеве: «В эмиграции он не стал пессимистом, нытиком, как все писатели, оторванные от России, бодрость духа во всем, до последней минуты сохранил он».

Похоронен И. Сургучев на «русском кладбище» Сен-Женевьев-де-Буа в предместье Парижа.

* * *

Илья Дмитриевич все же вернулся в горячо им любимый город. Вернулся в своих произведениях с их философскими размышлениями, лиризмом, чувством природы, милыми женскими образами, с его мечтами о жизни «ясной и легкой, прекрасной и счастливой». Душа писателя витает над улицами и бульварами Ставрополя, ведь никто лучше не рассказал о них.

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ «ДЕТСТВО ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II»

Ссора

Подошел вечер, глаза слипались, надо было спать. А глаза не переставали смотреть на этот волшебный, не от мира сего шарик. Зная, что со сном не вот-то поборешься, чувствуя линии ослабевающих, как после гимнастики, мускулов (особенно сдавали ноги), я решил, что если со злом сна и земного забвения бороться невысказано, то шара своего я, во всяком случае, из рук ни за какие деньги не выпущу. Я сплю, пусть и он спит. Накручу нитку на палец, улягусь на спину, и так вместе проведем ночь. Но Аннушка, пришедшая делать постель, заявила:

– Ночи не выдержит ваш шар. Лопнет.

– Как лопнет? – воскликнул я.

– Очень просто, как лопаются шары. Его нужно на холодный воздух. Тогда он продышит еще день.

Завязался спор, в котором я атаковал Аннушку, как своего злейшего врага, но увы! Пришла мамочка и, со свойственным ей авторитетом, заявила, что Аннушка права и что шар нужно выставить на вольный воздух. Шар, как все прекрасное, не долговечен. Надо спасти его, – и дрожащими руками я передал шар Аннушке, чтобы она выставила его в кухне за окно и прицепила бы попрочнее. Аннушка равнодушно, как обыкновенную вещь, схватила его своими заскорузлыми пальцами и вынесла из комнаты. Мне хотелось плакать, кричать, бежать след, но я был бос, раздет и боялся маминого скандала.

Вздохнув, я завалился на подушки и сразу увидел какую-то зеленую прямую линию, которая шла через весь Петербург. Потом дед чавкал мой пирожок, потом я подержал черного кота за хвост, потом кто-то шумно вздохнул около меня и я, как топор, начал спускаться на дно: вода была теплая и приятная, и мне было приятно знать, что я теперь не кадет. Потом бухали молотом какие-то часы, и я съезился от ужаса, думая, что вот зазвонит на вставанье корпусной визгливый колокольчик. Но колокольчик не зазвонил, а раздался голос все той же Аннушки:

– Пора вставанкили, а ваш шарик уже по саду гуляет.

– Что ты наворачиваешь? – сердито сказал я. – Мой шарик привязан к окну.

– Был, да сплыл.

Во мне все оборвалось.

– Как так? Что ты несешь?
– Да вот уж и так. Никенька прислал солдата и взял шарик.
– Как так взял? Кто же его дал?
– А я дала. Пусть побегает.
– Стерва! Ты отдала мой шар?
– А что ж он его съест, что ли? Побегает и принесет. Я понял, что миру наступил конец.

– Он царенок, Никенька-то, – заметила Аннушка.

Меня трясла лихорадка. Я не помнил, как сами собой натягивались мои штаны и левый сапог влезал на правую ногу. Руки тряслись, пальцы не попадали в петли. Мысль была одна: спасти шар, спасти какой бы то ни было ценой, пока ни поздно.

Как сумасшедший, выбежал я в сад: без шинели. Ничего не замечал: ни адского холода, ни снега, валившегося мне за ворот, ни скользкости пути. Была одна сумасшедшая мысль: где Ники? Что с шаром? Чувствовал одно: Ники мой злейший враг. Все остальное: старая дружба, дворец, то ощущение разницы, которое у меня начинало уже образовываться («правда, что ты учился с великими князьями?»), все вылетело из головы...

И вдруг оно где-то между деревьев мелькнуло, цветное пятно. Как стрела, пущенная из лука, я бросился туда. Ники, завидев меня, со смехом бросился наутек. О, этот прелестный, шаловливый, почти девчоночный смех! У нас в корпусе был один кадет с таким же смехом, и всегда при нем я вспоминал Ники. Но сейчас это был смех злейшего врага. Я двинулся со всей поспешностью за ним, чтобы отнять свой шар. Но Ники (он был слегка косолапый), как зайчонок, юлил по всему саду с чертячьей ловкостью. Вот-вот уже схватил его за шиворот, – ан нет: он уже метнулся вокруг дерева и увильнул.

– Отдай шар! – кричал я. – Не твой шар!

– Теперь мой, не возьмешь, – отвечал Ники, и прелестное цветное пятно туманило у меня перед глазами.

– Ты не смеешь трогать мой шар!

– Мне его Аннушка дала. Знать тебя не знаю.

Долетев до катка, Ники с шиком прокатился на подошвах, я тем же аллюром за ним, но в волнении не выдержал равновесия и брякнулся на четвереньки. И опять рассыпался в воздухе девчоночный смех: Ники был уже далеко и кричал:

– Не можешь на подошвах прокатиться, медведь. Ни за что меня не словишь.

Опять новая заноза в самолюбие. И опять новый завод, новая пружина в теле... Опять понеслись по саду. Закрутились вокруг дерева: Я – направо, он – налево, поди ухвати. Вижу перед собой только веселые, бесконечно смеющиеся глаза, бархатные и лучистые. Досада меня разбирает все больше и больше: решил лечь костями, но отнять шар, ни с чем в саду не сливающийся, но придающий красоту каждой точке, около которой он появляет-

ся. Дерево кажется другим деревом, каток – другим катком, и сам Ники кажется мне другим, – неизвестным мне мальчиком. И тень очаровательного цвета иногда скользит у него по лицу и делает его еще прелестнее и нежнее.

На Нику напал хохотун, серебром этого звонкого смеха полон весь зимний, с крепким, как сахар, снегом сад. С удовольствием, как выздоровление, я чувствовал, что моя первоначальная злость переходит в доброе и благожелательное чувство: так приятно, в крепких сапогах и чувствуя усиленное тепло в теле, бегать, скользить, ловчиться с растопыренными руками, звонко рычать и смехом отвечать на смех. И вдруг случилось долгожданное. Ники поднял руки в знак сдачи.

– Отдаю шар, – сказал он и, с поднятыми руками, как парламентар, шел навстречу.

С сердца сваливался камень. Сейчас мое сокровище будет всецело принадлежать мне. Я уже протянул жадные руки. Ники поднес шар к самому моему носу и вдруг выпустил нитку из рук, и шар мгновенно вознесся к самой вершине сада.

– Лови свой шар! – крикнул Ники со смехом и опять пустился бежать. Но тут силы мои утроились, к ногам приросли воздушные крылья, я сделал какой-то невероятный скачок, настиг, повалил его, смеющегося до хохота и совершенно от этого бессильного, и начал ему насыпать по первое число. От хохота, от смешных слез его у меня все больше поднималось сердце и все большею силой наливалась рука. Я лупил его по чем попадя, но, очевидно, теплый тулупчик поглощал мою силу и только щекотал бока Ники.

– Ты смотри, кровь пойдет, узнают, обоим влетит, – сказал наконец Ники, и я отпустил его и сам, как нюня, заплакал по шару. Мы оба начали смотреть в небо, забегали в места, с которых повиднее, – увы! ничего не было видно. Шар улетел. На меня сваливалось горе, тяжелая тоска, при которой жизнь теряет всякий интерес и начинается апатия.

Показался Данилович в длинном сюртуке и вызвал Ники. Ники сказал потихоньку: «холера» и послушно, наклоняясь вперед, побежал. Я, со своим горем, остался один в мире. Конечно, шары есть, но, во-первых, кто пустит на балаганы еще раз, а во-вторых, где найдешь нужные средства?

Дома рассказал все маме. Мама посмеялась и сказала, что завтра у меня будет два шара. Это меня успокоило, и, чтобы победить мучительность ожидания, я раненько залег спать и, проснувшись поутру, увидел, что к кровати привязаны два шара: красный и зеленый. И опять комната, которую я так хорошо знал, показалась мне новой, интересной и жизнь – радостной и полной. Я был счастлив и чувствовал в сердце прилив доброты. Меня мучили сомнения: уж не слишком ли я вчера ополчился на старого друга Ники? В комнату вошла Аннушка и объявила мне:

– На кухню прислан солдат и говорит, что Никенька ждет тебя на катке. И Жоржик тоже.

Дворцовая прислуга, надо сказать, всю великокняжескую семью звала просто: «цари». «Цари пошли ко всенощной. Цари фрыштикают». А маленьких великих князей, как в помещицкой семье, звали просто по именам и всегда ласково: «Никенька, Жорженька». Конечно, за глаза. Прислуга, как я теперь понимаю, любила семью не только за страх, но и за совесть. И вообще комплект прислуги был удивительный, служивший «у царей» из рода в род. Старики были ворчуны, вроде чеховского Фирса, которые, не стесняясь, говорили «царям» домашние истины прямо в глаза...

Оставив шары под надежным прикрытием, я быстро сбежал в сад. Там на катке уже суетились разругавшиеся Ники и Жоржик. Было весело, светло, уютно. Каток я знал, как свои пять пальцев. Он был большой, с разветвлениями, с особыми заездами, походил на серебристый паркетный пол. В самый разгар катанья Ники вдруг сказал:

– А вот по той дорожке ты не проскочишь.

– Почему это так? – гордо, с обидчивостью, спросил я.

– А потому! – уклончиво и с загадочной улыбкой ответил Ники.

Это задело меня за живое.

– Ты хоть и кадет (этому званию он завидовал искренно), а не проедешь, – сказал еще раз Ники.

– Что за чушь? Почему это не проеду? – опять гордо ответил я, прицеливаясь глазом на «необыкновенную» дорожку.

– А вот не проедешь.

Я, ничтоже сумняшеся, стал на изготовку, прищурил глаз, разбежался и... ахнул в яму. И с испугу, от неожиданности, заорал, конечно.

Как на грех, в это время проходил на пилку дров отец Ники, Великий Князь Александр, будущий Александр Третий. Услышав мой крик, он поспешил к катку, вытянул меня из ямы, стряхнул снег с моей шинели, вытер мне лицо, как сейчас помню, необыкновенно душистым и нежным платком. Лицо его было сплошное удивление.

– Что это? Откуда яма? Кто допустил?!

Теперь догадываюсь, что у него промелькнула мысль: не было ли здесь покушения на детей? Но Нику снова схватил хохотун, и он, приседая, чисто-сердечно объяснил отцу все: как я вчера поколотил его за шар и как он мне сегодня отомстил.

Великий Князь строго все выслушал и необыкновенно суровым голосом сказал:

– Как? Он тебя поколотил, а ты ответил западней? Ты – не мой сын. Ты – не Романов. Расскажу дедушке. Пусть он рассудит.

– Но я драться не мог, – оправдывался Ники, – у меня был хохотун.

– Этого я слушать не хочу. И нечего на хохотуна сваливать. На бой ты должен отвечать боем, а не волчьими ямами. Фу! Не мой сын.

– Я – твой сын! Я хочу быть твоим сыном! – заревел вдруг Ники.

– Если бы ты был мой сын, – ответил Великий Князь, – то давно бы уже попросил у Володи прощения.

Ники подошел ко мне, угрюмо протянул руку и сказал:

– Прости, что я тебя не лупил. В другой раз буду лупить.

Вечером от имени Ники мне принесли шаров пятнадцать, целую гроздь. Счастью моему не было конца, но история, вероятно, имела свое продолжение, которого я так, до встречи в Севастополе, и не знал.

И только теперь, через множество лет, стоя со мной на Царской севастопольской ветке, Император Николай Второй намекнул мне, шутя, об этом...

* * *

Выслушав признание Императора, я, что называется, внутренне заерзал. Многое в моей жизни непонятное стало вдруг освещаться. «Он никогда мне этого не простил», – думал я. Вдруг Император сказал:

– У вас утомленный вид. Надо бы полечиться, отдохнуть...

Я ответил, что собираюсь, уже отпуск – в кармане и через неделю еду на кавказские группы.

Государь протянул руку и как-то просто, по-солдатски, сказал:

– Счастливо!

И поднялся в вагон, легко спружинив руками. И вдруг с площадки повернулся и сказал мне в темноту.

– Да! Если будешь в Тифлисе, передай от меня поклон князю Орлову.

И скрылся. А я чуть не грохнулся на тырс от этого дружеского, прежнего, детского, забытого «ты».

Жизнь и учение

В рассказе о случае с воздушным шариком я отклонился в сторону и теперь начну по порядку излагать историю нашей совместной жизни с Великим Князем Николаем Александровичем и совместном учении.

Теперь, по исходе лет, мне кажется, что его отец, будущий Император Александр Третий (которого я считаю Государем гениальным) понимал, что детей своих не нужно особенно отдалять от земли и делать из них небожителей. Он понимал, что небожителство придет само собой, в свое время, а пока суд да дело, нужно, чтобы они потоптались в обыкновенной земной жизни. Тепличные растения – не прочны. И потому на меня, на обыкновенного шалуна и забияку, он смотрел благосклонным глазом и прощал мне многие штуки. Я был представитель той простой, обыкновенной жизни, которую ведут миллионы его подданных, и, очевидно, по его плану нужно было, чтобы к этой обыкновенной жизни причастился будущий хозяин жизни, а пока что – его маленький сын.

Я же, по совести сказать, не отдавал себе отчета в том великом счастье, которое мне выпало на долю. Больше: я просто тяготился той невероятно

скучной и монотонной жизнью, которую мне пришлось вести в золоченых стенах великолепного дворца. Ну что толку из того, что к утреннему завтраку нам подавался чай, кофе и шоколад с горами масла и яиц, и все это – на каких-то особенных чудесных блюдах? Ты мне дай краюху хлеба, которую я заверну в карман, и потом на Псковской улице буду по кусочкам щипать и отправлять в рот. Тогда я почувствую этот очаровательный святой запах в меру зажаренной корки и дам себе счастье, как у Гомера, насладиться пищей. А то вот мы встали, все трое, кто хватил того, кто – другое, все спешат, глотают не жуя, несмотря на все запреты и замечания, и у всех – одна только мысль: поскорее в сад, на вольный воздух, поноситься друг за другом в погоне, устроить борьбу и, по возможности, чехарду, которую Ники обожал. Другое, что он обожал, это – следить за полетом птиц. Через многие десятки лет я и теперь не могу забыть его совершенно очаровательного личика, задумчивого и как-то мрачно тревожного, когда он поднимал вверх свои нежные, невинные и какие-то святые глаза и смотрел, как ласточки или какие-нибудь другие птицы вычерчивают в небе свой полет. Я это так любил, что иногда обращался с просьбой: – Ники, посмотри на птиц!

И тогда он, конечно, не смотрел, а в смущеньи делался обыкновенным мальчишкой и старался сделать мне салазки.

Он очень любил изображение Божией Матери, эту нежность руки, обьявшей Младенца, и всегда завидовал брату, что его зовут Георгием, потому что у него такой красивый святой, убивающий змея и спасающий царскую дочь.

– Вот так и я бы спас нашу Ксеньюшку, если бы на нее напал змей, – говаривал часто маленький Великий Князь, – а то что же мой святой, старик и притом сердитый?

Он раз даже позондировал у моей мамы почву, нельзя ли ему перестать быть Николаем и быть Георгием.

– Ну что ж? – говорил он в ответ на возражения мамы. – Мы будем два Георгия: один большой, другой – маленький.

Он отлично понимал, что я – счастливее его, потому что моя мама – всегда со мной, а его мама видит его только два раза в день, утром да вечером, в постели.

Он обожал свою мать. Впрочем, обожал ее и я. Да и не знаю, кто ее не обожал? Вот это было божество в полном значении этого слова. Я дурак, мальчишка, лишался слова в ее присутствии. Я разевал рот и, застыв, смотрел на нее в божественном восторге. Она часто снилась мне, всегда с черным веером, каких потом я никогда не видел. Иногда и теперь я вижу этот прекрасный, раз в году повторяющийся сон, и все тот же страусовый веер, – и тогда я счастлив целую неделю, забывая и старость, и чужбину, и дикую неуютную жизнь. Как это бывало?

Обыкновенно часов в одиннадцать утра, среди занятий, раздавался с четвертого этажа звонок. Все радостно вздрагивали. Все знали, что это звонит

мамочка. Тут Ники гордо взглядывал на меня: «его мамочка». Мгновенно все мы летели на лифт и сами старались ухватить веревку. Достигнув четвертого этажа, в котором жила Августейшая чета, мы через Блюдный зал, знакомой дорогой летели кто скорей, в «ее» будуар. Сейчас же начинались поцелуи и распробы:

– Ну как спали? Что во сне видели? Боженьку видели? Начинались обстоятельные, вперевивку, доклады, при которых всегда, с скрытно-радостным лицом, присутствовал и отец.

Дети рвались к матери, грелись у ее теплоты, не хотели оторваться, но увы! Официальное время шло, и родителям нужно было уезжать к деду, в Зимний дворец, где они и проведут потом целый день, до поздней ночи. Я потом слышал, что Наследник потому так упорно ездил в Зимний на целый день, что боялся что отец, Александр Второй, даст конституцию. Мы этого тогда не знали, но знали, что перед расставаньем нас ждет огромное удовольствие. И это удовольствие наступало: Великая Княгиня всех по очереди катала нас вокруг комнаты на шлейфе своего платья. Это была постоянная дань за расставанье, покатавшись, обласканные на целый день, мы снова спускались на свою половину к мрачным книгам и тетрадам.

Детская половина состояла из приемной, гостиной, столовой, игровой так называемой опочивальни, в которой стояло три кровати. Была еще комната мисс Брент, англичанки, которая занималась воспитанием Великой Княжны Ксении, которая к нам, мужчинам, никогда никакого отношения не имела. В игровой комнате был песок, качели, кольца, всяческие игрушки. Кровати в спальне были особенные, с мудростью, без подушек (что на первых пор меня убивало), были невероятной упругости матрацы с валиками в головах. Был умывальник с проточной водой. Ванны не было, и купались дети у матери, в четвертом этаже. Я – у себя дома.

Занятия сперва захватили Великого Князя. Мир тетрадок, которые ему казались сокровищами, которые жалко пачкать чернилами, сначала мир очаровательных и таких, в сущности, простых книг, как «Родное Слово», с картинками, от которых нельзя оторваться. В особенности занимала его картинка: «Вместе тесно, а врозь скучно» и серый воздушный шар. Совершенно очаровало его стихотворение «Румяной зарею». Не знаю, то ли уютный ритм этих строф, то ли самые картины утра, выраженные в стихе, но он, по неграмотности, сам еще не мог читать и все просил маму, чтобы она читала, и, когда она читала, он благоговейно шевелил губенками, повторяя слова. И опять его больше всего завораживала фраза: «гусей караваны несутся к лугам». Я, признаться, не понимал этого, но чувствовал, что это – интересно, как-то возвышенно, что это – какой-то другой склад, мне не доступный, и вот по этой линии я инстинктивно чувствовал его какое-то превосходство надо мной. Мне было смешно, когда он думал, что эта книга — только одна на свете и только него, что у других не может быть таких пре-

красных книг, а я знал, что такие книги хоть завались и стоят они по двадцать пять копеек, а он не верил и совсем не знал, что такое двадцать пять копеек. Я ему иногда показывал деньги и говорил, что вот на этот медный кружок можно купить великолепную свинчатку и он не понимал, что такое купить, а променять свинчатку на скучный медный кружок считал безумием.

Он только тогда согласился писать в тетрадке, когда мама показала их целую гору в запасе. У него было необыкновенное уважение к бумаге: писал он палочки страшно старательно, пыхтя и сопя, а иногда и потея, и всегда подкладывал под ладонь промокательную бумагу. Часто бегал мыть руки, хотя тут, пожалуй, была предлогом волшебной лившаяся из стены вода. Его писанье было девически чисто, и тетради эти мать потом благоговейно хранила. Не знаю теперь, где они, кому достались и кто их бережет.

Ученье начиналось ровно в девять. Уроки были по 50 минут, десять минут – перемена. Вне урока рисовали огромного папу и маленькую маму с зонтиком. Иногда на уроках бывал Великий Князь Георгий: этот только смотрел, слушал, вздыхал и норовил, как бы поскорее выбрать такой промежуток, чтобы поскорей стрелнуть из комнаты в сад. И мы смотрели ему вслед с искренней завистью. По стенам бегают зайчики, в саду простор, улица аппетитно шумит: улица – недоступный, запретный, какой-то особенный, удивительный, для счастливых, свободных людей мир.

Что же, признаться, скучно во дворце жить. Великим князьям было все равно: они в этом родились, свободы не знали и жили, как будто так и быть должно. Но я был птицей вольной, я знал, что такое свет Божий, что такое наслаждение дружбы, отваги, вольной игры, в которой каждый волен изобретать свои вариации, комбинации... Я знал, что такое сирень за забором или манящее яблоко. Я знал, что такое марафет, купленный по дорогой цене, за копейку, я знал восхитительное свойство денег, приближающих к вам очаровательные вещи, я знал запах дикой бузины и как из нее делать пушки, а из сочной арбузной корки – звонкие зарядки. Я знал, как в сирени искать счастье, я знал мечтательность и загадочность счастья, а они? Они все имели уже при рождении.

Меня потрясло рождение Великого Князя Михаила. Однажды нам таинственно объявили, что родился братец. Там, наверху, в четвертом этаже родился братец. Что за братец? Какой братец? Мы знали только то, что наверх нас давно уже не пускали, и катанье на шлейфе кончилось, и маму никак нельзя видеть. Начиналась полная заброшенность. Великие Князья приуныли, осиротели, и Ники часто спрашивал:

– Мамочка больна?

Ему отвечали, что нет, не больна, но ее нельзя сейчас видеть, ей некогда, дедушка задерживает, уезжает рано и приезжает поздно. Дети как-то осунулись, потускнели, стали плохо есть, плохо спать. Жоржик плакал по ночам, и Ники, подбежав к кровати голыми ножками, трогательно успокаивал его, утешал и говорил.

– Гусей караваны несутся к лугам...

Ложился с ним в кровать и вместе засыпал. Вообще Ники не мог съесть конфетки, не поделившись... И вдруг:

– Братец! Новый братец! На кого похож? – Когда же мы его увидим?

– А вот погодите, придет срок.

Началось ожиданье. Дворец притих, Аннушка ходила неузнаваемая, не глядя на людей, зажигала у своих образов красные страстные свечи.

И вдруг как-то нас всех позвали в неурочную минуту из сада, после завтрака или по окончании обеда. Была какая-то взволнованность и особое тревожное внимание к Великим Князьям. Как-то особенно тщательно осматривали их костюмчики, их причесочки, заново прошлись гребешком по проборчикам, заставили экстренно вымыть руки, вычистили ногти и потом как-то скомандовали:

– Ну, а теперь к маме, смотреть нового братца. Взяли и меня.

И вот мы вошли в спальню Цесаревны. С подушки на нас смотрело милое, знакомое, улыбающееся, отстрадавшее лицо, счастливое. Ничего общего с той, что уезжала к бабушке, такой одетой и причесанной, не было. Лежала обыкновенная, как все, мама, которой вовсе не надо каждый день ездить во дворец. А около нее стояла колыбелька, и в колыбельке лежал толстенький ребенок, спавший. Все в нем было новое: и кожа на лице, и ручки, и маленькие пальчики, и какие-то особенные неуловимые волосики. И все было в смешных морщинках.

Но самое главное, – около него на особом столике, вровень с колыбелью, лежала какая-то толстая тяжелая цепь.

Я спросил, что это за цепь.

И мне ответили:

– Это – Андрей Первозванный.

Дружба

Когда начались занятия моей матери с Великим Князем Николаем Александровичем и когда мы только что переехали на жительство в Аничков дворец, – мама моя больше всего боялась (и теперь я считаю это совершенно естественным), как сложатся мои отношения с детьми, но все же российскими Великими Князьями самой, так сказать, большой ветви. В далеком, но, все-таки, несомненном будущем, – Великий Князь Николай Александрович – сначала – Наследник Престола, а затем, если Бог соизволит, и Император всея Руси, Царь Польский и Великий Князь Финляндский. Конечно, теперешний Наследник Престола Великий Князь Александр Александрович – богатырь и рассчитан минимум на сто лет жизни (в моем тогдашнем воображении «не мал человек под потолок ростом»), но все под Богом ходим и надо брать вещи так, как они суть. И поэтому мать ночей не спала и мне не давала, все уча меня: как надо быть почтительным к царским мальчикам,

как быть сугубо осторожным в обращении с ними и, в особенности, как нужно их титуловать.

– Обязательно называй Вашим Высочеством и никак не Ники или Жоржик, а Николай Александрович и Георгий Александрович и обязательно на «вы». Это – дети царские, считай счастьем, это папочка умолил и так далее и так далее...

И я чувствовал, как у меня к сердцу подступает, что называется, неизбывная тоска. Это мне, человеку с Псковской улицы, ходить с накрахмаленной душой, быть вечно на страже собственных слов, следить за каждым своим движением и жестом! И потом: какие они великие князья? Такие же мальчишки, как и я, только у богатого отца, – вот и все, У них отец есть, а у меня, бедного, нет: вот и вся разница. Я – сирота, они нет. В этом их счастье. Так почему же мне думать о каких-то высочествах, когда они так же, как и я, ходят, бегают, разговаривают, едят, спят и так же, как и я, врут маме насчет большого живота, когда урока не выучил, или что палец болит, когда писать не хочется? И, как говорят французы, я ходил со смертью в душе. Мне было скучно и тоскливо, и в саду я старался отделяться от них. Пусть я играю здесь, а Их Высочества – там. Так проще и для языка – удобнее. И не нужно о чем-то думать, к чему-то приспособляться.

И вот однажды в зимний день я что-то делал в саду и вижу: прямо на меня, в одном сюртуке, идет действительно Великий и благоговейно уважаемый, без всяких предварительных наставлений, Князь Александр Александрович, подходит ко мне и спрашивает:

– Володя! А где же Ники?

Я ответил:

– Его Высочество за горой чистит снег.

Великий Князь, подумав немного, сказал:

– Слушай, Володя. Для тебя великий князь здесь – только я один. А Ники и Жоржик – твои друзья, и ты должен звать их Ники и Жоржик. Понял?

– А мне мама велела...

– Правильно. Маму слушаться необходимо, но это я тебе разрешаю и сам с мамой поговорю. Понял?

– Понял, Ваше Высочество. А то очень скучно.

– То-то и дело, что скучно. Ну, беги к мальчикам и играйте вместе.

Лед рухнул. С плеч скатилась гора.

Я на крыльях радости полетел к Ники, теперь моему дорогому другу и товарищу, которого тоже злило, что я называл его неуклюжим и плохо вращающимся во рту титулом. Иногда с досады он тоже и меня называл вашим высочеством, и тогда я боялся матери: услышит и будет скандал в очках, как говаривал наш ламповщик. Этот ламповщик был большим нашим общим другом, вроде Аннушки, и мы испытывали по отношению к нему самое полное доверие. Когда он, бывало, зайдет в игральную комнату заправлять лампы, – мы сейчас же к нему:

– Сидор, Расскажи про войну...

И он, нарочно подольше возясь с лампами, рассказывал, и особенно наше воображение поразил переход русских войск через Дунай. Как это: переход через Дунай? И потом в саду мы изображали это так: маленький Жоржик был Дунаем, ложился на землю, а мы с Ники через него «переходили», причем Дунай, чтобы сделать трудности, шпынял нас ногой в зад. И мы тогда, чем больше было трудностей, тем больше гордились и надевали медали, которые Ники уже тогда мне «жаловал», отлично понимая эту свою привилегию. Жорж не менее отлично понимал неблагодарность роли переходимого Дуная и за это выхлопывал себе немалые привилегии, например: он был постоянным продавцом мороженого, ему принадлежала в частном порядке знаменитая столовая ложка, выбитая из пивной бутылки и о которой я в прошлый раз уже говорил.

Иногда Ники, ложась спать, когда горел только маленький ночничок, изображал низким басом:

– Сах-харно мржено, мр-р-ожено.

И тогда Жоржик вскакивал и лупил его кулачком по одеялу и требовал:

– Не смей кричать. Это я кричу.

Тогда, закрывшись в одеяло с головой, начинал я:

– Сы-ыхарно мыржено.

Жоржик подлетал ко мне и кричал:

– Замолчи! Это я кричу.

И ожесточенно барабанил по мне.

Мы с Ники закатывались со смеху, но Жорж входил в азарт, отстаивал права собственности, кричал, что никогда больше не будет Дунаем, не даст ложки даже понюхать и мы насидимся без мороженого. А когда и это не действовало, начинал всерьез грозить:

– Диди скажу-у... Папе скажу-у...

– Докладчику – первый кнут, – говорил Ники.

– Пусть кнут, а я скажу.

– Ну замолчи, Володя, – начинал уступать Ники, – я тебе жалую медаль.

– Какую? – спрашивал я.

– В ладонь, – отвечал Ники.

И тогда я, уже от полной души, говорил:

– Рад стараться, Ваше Императорское Высочество.

Тогда же Жорж смирялся, лез к Ники на кровать и начинал вести с ним переговоры о медали. Начиналась торговля.

– Сколько раз Дунаем будешь? – деловито осведомился Ники.

– Два раза буду.

– Мало два раза. Сто раз, – требовал Ники.

– Двести раз буду.

– Нет, сто.

- Сто много. Буду двести.
- Двести мало, требую сто.
- Сто, – тогда две медали.
- Ну, хорошо. Две так две. Ты маленький.
- Я маленький. Мне надо две.
- Маленькие по две не носят. Где это ты видел?
- Я видел.
- Врешь.
- Ей-Богу, не вру. Видел.
- Божиться грех, дурачок.
- Значит, жалуешь две?
- Две. Иди спать.

Жоржик счастливо вздыхал и шел к себе.

Ники вдруг что-то вспомнил, приподнимался и угрожающе говорил Жоржу:

– Но только, чтобы животом вверх лежать! Жорж вздыхал и отвечал:

– Животом так животом. За живот третью медаль потребую. Не дашь – папе скажу.

И, как по команде, все сразу засыпали, удовлетворенные, что жгучие вопросы жизни благополучно разрешены...

Время от времени во дворец приводили каких-то высокородных мальчиков «для принятия участия в играх Их Высочеств», как это на суконном языке именовалось. Мальчики эти были не чета нам, псковским, необыкновенно воспитаны, выдрессированы, отлично понимали оказанную им честь и всем от усердия шаркали ножками, даже проходящим лакеям. У них уже было твердое и дальнзоркое представление и о важности двора, и соображения карьерности, и настороженное внимание ко всему, и то подмечание глаз, которое обыкновенно характеризует людей себе на уме. С переляку они и меня тогда именовали высочеством, понимая, что кашу маслом не испортишь, а я, в порыве великодушия, отводил их в сторону и тихонько, на ушко, жаловал им медали. Они шаркали ножкой и как-то по-особенному, головкой вниз, кланялись. Все почти, как на подбор, они были рыжие, и это в наших глазах их делало не симпатичными. В припадке ревности я даже выучил Великих Князей песенку, которую распевали у нас, на Псковской улице:

Рыжий красного спросил,

Чем ты бороду красил?

Я не краской,

Не замазкой, –

Я на солнышке лежал,

Кверху бороду держал.

Определенного мотива этой песенки у нас не было, мы всегда пели его импровизацией, и Жоржик, надув шею, всегда брал самого низкого баса, подражая своему кумиру в церковном хоре. И вообще у него необыкновенно были развиты подражательные способности, и он не раз морил нас со смеху.

Эти посещения рыжих мальчишек навели меня на мысль о необходимости подписать договор дружбы. Мысль была принята с большим воодушевлением. дело было сделано так. Из новой тетради вырвали лист бумаги, и я, в подражание крови, мамиными красными чернилами написал, как мог: «Дружба на веки вечные, до гроба». Потом, памятуя, как после смерти отца мать подписывала через марку какие-то бумаги (это ослепило раз и навсегда мое воображение), я и теперь решил исполнить эту формальность. Путем долгих переговоров с Аннушкой я упрямил ее купить в мелочной лавочке три марки, и Аннушка за девять копеек привезла мне три какие-то красенькие марки. Мы столбиком наклеили эти марки на договоре дружбы и потом расписались. Первым поставил свою подпись Ники и вывел ее через марку каракулями несгибающимися линиями. Я подписался с росчерком «Володя», а Жоржику, как малограмотному, предложили поставить крест. И он поставил его с необычайной твердостью и правильностью. У него была крепкая и уверенная рука. Он без линейки проводил совершенно и безукоризненно правильную линию, – признак художественного дарования. Он рисовал чрезвычайно верно всякие предметы, особенно лошадей и собак. Детям нужна тайна, и с необыкновенными и изобретательными предосторожностями в какой-то жестяной коробочке мы зарыли договор дружбы под деревом в Аничковом саду. Потом забыли, и этот договор, быть может, и до сих пор в целости лежит на своем месте. Если не изменился пейзаж сада, я, пожалуй, и теперь бы его отыскал.

Рыжих мы не любили. Рыжие нанесли нам тяжкое оскорбление: когда Жоржик предложил им сахарного мороженого из мокрого песка, – рыжие поголовно все шаркнули ножкой и отказались. Тогда мы им спели песенку про бороду: рыжие вежливо слушали и криво улыбались: фу, какие противные! Их карьера в Аничковом дворце была кончена. Когда провозглашалась угроза:

– «Завтра будут мальчики», – то Великие Князья с редким искусством начинали дуэт: «Не надо рыжих...» А Жоржик невпопад обмолвился:

– К чолту рыжих! – что произвело колоссальное смущение, и мама нюхала спирт.

Как чудесно и таинственно было сознавать, что неподалеку, рукой подать, в садовой земле зарыты такие сокровища, как договор дружбы и стеклянная ложка! У нас было особенное многозначительное, в присутствии других, переглядывание, понятное только нам. Были особые, вроде масонских, знаки пальцами, – как-то: если я поднял большой палец мякотью к Ники, то это значило: «Дай написать задачу». Если я его поднял ногтем к нему, то это значило: «Надо произвести шум для отвлечения внимания». Мы так разработали эту систему, что иногда вели целые молчаливые беседы, как глухонемые. И это было таинственно и прекрасно, и дружески связывающе.

УСОВ Михаил Васильевич
(1905, Георгиевск –1990, Ставрополь)

ставропольский писатель

Автор более пятнадцати книг, среди которых: «Рассказы о птицах» (1952), «Сто дней, сто ночей» «Длинные ружья», «Синичкин души», «Погляди вокруг», «Наш родной язык» (пособие для преподавателей русского языка в начальной школе) (1971) и др.

Ветеран Великой Отечественной войны, награжден орденом «Красная Звезда» и боевыми медалями: «За освобождение Белграда»,

«За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За оборону Кавказа», «Участнику Великой Отечественной войны», болгарской медалью, Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР.

Человек непростой судьбы, интересной биографии, яркой творческой одаренности, Михаил Усов – писатель и гражданин Ставрополья. Природа Ставропольского края, его люди, его история – это естественная стихия творческого мира писателя, не только дающая темы его рассказам, но составляющая его художественный арсенал. По образованию учитель, преподавал в средней школе, был директором, журналистом, главным редактором Ставропольского краевого радиовещания, корреспондентом газеты «Сельское хозяйство».

Вся жизнь писателя подчинена творческому ритму: постоянные поездки по родному краю давали материал для новых рассказов и новых книг, общение с творческой молодежью – возможность помочь, поддержать молодые дарования словом или делом.

Книги для детей – отдельная и важная страница в творчестве М.Усова. Живая природа, энергичная и лирически-задумчивая одновременно, яркая, искрящаяся, озорная и любопытная, участвует в рассказах писателя, помогая ребенку познать мир. Он умел включить маленького человека в мир так же органично и полноценно, как это делают сами дети.

По рассказам Михаила Усова можно изучать растительный мир степей, мир красочный и звучащий своей особой музыкой; представить себе и сегодняшнюю жизнь Ставрополья, и его историю.

*Мне довелось
услышать о бурунах в
детстве. Страсть как
хотелось попасть в
бурунные края. И
рисовались они мне в
самом немыслимом
сказочном свете. Не
просто степь, а
таинственная страна,
где и земля, и травы, и
солнце, и сами люди
необыкновенные, М.В.
Усов «Штормовая
земля».*

Семнадцать книг Михаила Усова, увидевших свет за полувековую творческую деятельность, свидетельствуют о богатстве и глубине жизненных наблюдений писателя, его трудолюбии и многогранности таланта. Рядом с рассказами для детей – лирические новеллы, полные любования миром.

Герои его книг – труженики Ставрополя: председатели колхозов, комбайнеры, чабаны... Уважением к трудовому человеку проникнуто все творчество Михаила Васильевича Усова. Ему посвящены сотни очерков и документальная повесть «Горячие степи».

Военная тема – одна из постоянных тем писателя.

За четыре военных года он побывал политруком роты противотанковых ружей, агитатором стрелкового полка, редактором фронтовой газеты «За Советскую Родину», прошел с боями в составе Южного, Степного, Третьего Украинского фронтов и достиг родных рубежей, затем воевал в Болгарии, Румынии, Югославии, Венгрии, Австрии, Чехословакии.

До последних дней Михаил Васильевич Усов с удовольствием часто встречался с ребятами, делился с ними своими воспоминаниями о войне, впечатлениями от путешествий по краю.

Сказ о белом лебедя

Еще по старинке зовут село Митрофановкой. Издавна лепятся к его плетням и огородам бело-сизые поляны и никак не могут изойти древним эфирно-горьким духом. А куда ни глянь – степь, словно по линейке захожего степельщика обрезанная по окоему острым алмазом. Ни лесных кущ, ни речных разливов. И над земной ширью – ширь небесная.

Сколько так жили в том селе – никто не считал.

Потом за околицей, перехватив поперек сухую от века изложину, грузно осела земляная плотина, по-местному – гребня. Талые воды скатывались сюда не одну весну, замачивали тугие блескучие солонцы, прежде чем с краями залили изложину.

Так не сам по себе, а по людской задумке засинел у села пруд. И словно всего прибавилось в степи: и облаков, гонимых ветрами, и серых жаворонков с их переливчатыми трелями, и ярко макового да ромашкового цвету.

А как-то увидели селяне на тихой воде белого лебедя. Сон ли это? Нет – явь! Все село на цыпочках, не подходя близко, любовалось и ахало.

Старухи, приодевшись в праздничное, часами стояли, глаз не сводя с залетной красавицы птицы. Старики забывали про кисеты, не дымили самокрутками, не баловались покупными лавочными папиросами. И откуда бралась ястребиная зоркость в старческих очах?! Далеко видели залетную птицу! Теплели сердца, добрели люди. Пели девушки, пели парни, звали громко лебедя, звали прилететь из далекого края сударушку, мил-лебедушку.

Мальчуганы, как ящерицы, подползали к самому берегу, из-за полыни и бессмертников, во все глаза глядели и не могли наглядеться на никогда еще

не виданную птицу. Как добирались к пруду, так и отползали назад становились на ноги только у сельской околицы.

Не спугнуть, сберечь красу неписаную – вот о чем думали, чего от всей души желали люди. Еще на зорьке всматривались в розовеющую водную гладь и улыбались, видя живым и здоровым лебедя.

Да отыскался среди всех селян один, у кого при взгляде на лебедя вспыхнула не любовь-радость, а волчья алчность и затмила все собой. Таясь, выбрав глухое недоброе время, подкрался он поближе...

Легко держась на воде, отраженный в ней каждым своим чистым изгибом, – лебедь был на виду.

... и хищно впряясь в добычу, поднял малокалиберное ружье. Не красоту он видел, а мясо.

Негромко стукнул выстрел. Как подрезанная, смертно поникла лебединая голова, раздались белые широкие крылья, забились по воде – и побежала волна за волной, тревожно ударила в берег...

Так не стало залетного белого лебедя на степном пруду, погубила алчность красоту неписаную. Лишь память селян навсегда сохранила в себе того лебедя, от дедов и отцов передает этот сказ детям.¹

Последнее цветение

Во время августовской грозы надломило акацию. Излом пересек почти весь ствол. Дерево было обречено. Оно по-прежнему возвышалось над улицей, шумело мелкой листвой, но дни его были сочтены.

Глядя на акацию, я думал: «А знаешь ли ты об этом? Чувствуешь ли приближение конца?» Дерево – не человек. Что может оно чувствовать?

И случилось: я долго не появлялся на улице с обреченной акацией, забыв про дерево.

Когда листва уже опадала, когда солнце растеряло свой жар, оказался я вновь возле акации. Бездумно, не вспоминая о дереве, взглянул на него, сразу охватив ствол от основания до вершины. И остановился, и замер. Только гляжу на акацию. На ее обнаженных ветвях в полном цвету белые кисти.

Акация цвела.

И столько красоты было в этом цветении, столько печали, что я снял шапку. Акация прощалась с жизнью. Это ее последнее цветение. У нее не будет больше весны.²

Рябой снег

Густой иней, осев на ветвях, сделал сад непроглядным. Дворовый песик Шарик забежал за вишни, и его не стало видно. А до инея его можно было увидеть у самой противоположной стороны сада.

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.2: Проза. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. –С.260-261

² Там же. – С.261-262.

Удивительно чистым выглядел в это утро сад: снег и иней преобразили его, как в сказке.

Ближе к полудню потеплело. Иней начал осыпаться. То с одной, то с другой ветки срывалась снежная бахрома. Чем дальше, тем больше. Шорох шел отовсюду.

Что ни минута – тепла прибывало. С веток зачастила капель. Мокрые ветви, словно после дождя. И с каждой срывались крупные капли. Падали на белый снег и оставляли маленькую впадинку-рябинку.

Скоро их стало так много, что весь снег в саду порябел.¹

Луг со звездами

Снег еще не всюду сошел. А вечерняя заря не такая, как зимой, особая – с прозеленью.

Солнце опустилось за край земли. Исчезли с неба веселые, как праздничные флаги на ветру, красные и золотые краски заката. Сгущаются сиреневые, синие тона, и сквозь них нежно проступает прозелень. Там, где закатилось солнце, прозелени больше, она выступает ярче, и небосвод представляется широким весенним лугом.

Смотришь на этот небесный луг с проклюнувшимися звездами и не намотришься, и не налюбуйешься.

Сколько живу, столько на небо смотрю, пора бы приглядеться к нему, считать его ничем не примечательным, привычным. А вот не могу. Всякий раз, сколько ни смотри, выглядит оно по-новому.

Вот и сейчас.²

Светополье

Вроде все, как всегда: деревья, снег, морозный воздух. А смотреть, как это делал обычно, не могу. Веки сами по себе сходятся, закрываются. С чего бы это?

Раскрыл глаза, да ненадолго. Так и хлынул отовсюду сияющий свет. Каждый белый сугроб его щедро излучает, каждый похиленный снегом куст, белые поляны. Слепит да и только. Жмуришься, как от пламени электросварки.

Опустил глаза, смотрю под ноги, на чуть притоптанную тропинку, а от нее все тот же сияющий свет. И не могу я на него смотреть. Как до этого, как еще вчера смотрел: плющатся веки.

Теплый, ласковый свет, он переполняет собой все вокруг от дерева к дереву, от куста к кусту, от сугроба к сугробу, все дальше, насколько видит глаз, все выше до источающий свет небесной голубизны.

Вот оно, весеннее светополье.³

---

¹ Там же. –С.262

² Там же.

³ Там же. –С.262-263

Сколько у весны солнц?

Еще не скоро падут первые росы, далеко еще до первого дождя – пока всюду снег. По ночам потрескивает мороз. Утром за снег не вздумайте браться – кусается. Да и среди дня он такой же недобрый, палец ему в рот не клади. Без зубов, а бойся.

Но со светополем, с прибавления дня неприметно начал меняться снег, злость свою укорачивать. Куда его жестяная корочка делась! Снег стал мягким.

С крыш зачастила светлая капель: тук да тук, а близко к полудню – откуда у нее голос взялся – зацвиркала, забренчала в желобах, заплескалась из крышных труб. И что ни труба, то блюдечко талой воды под нею, а то и в тарелку не уберешь. До вечера сколько ее прольется!

Посмотришь в такое блюдечко – купается в нем желтое солнышко. И что ни блюдечко, что ни талая лужица – в каждой яркое солнышко. Точь-в-точь, как на бирюзовом небе, только крохотное.

Сколько же у весны солнц? Не подсчитать никому на свете.¹

Чубатая сойка «заиграла»

Казалось, у лесной сойки всего-то голоса на один крик хватает. Приметит кого-либо и заорет во все свое извечное: «Ке-е!»

Крикнет сильно, резко. Повторит еще. Вздернет чубатую голову с толстым клювом. С ветки на ветку перепрыгнет, на соседнее дерево перемахнет. Теперь ищи-свищи эту птицу. Ни ее, ни крику. Задалась подальше. И вроде бы у нее иного голоса нет, кроме противного «Ке-е».

Не одному мне так казалось.

Но что это?.. Вот опять...

Не пение, не щебет. Среди ветвей кто-то квохчет, пришепetyвает. Снова квохчет, вроде курлычет негромко, вполголоса, и столько в этом голосе томления, предчувствия желанного, невысказанного.

Кто бы это?

Шагнул раз, другой. Приглядываюсь и, наконец, обнаружил толстоклювную сойку. То приподнимет, то опустит хохолок, топчется на развилке, давится. Того и гляди начнет пускать пузыри.

Может, и правду неладное вышло, поперек горла крупный желудь стал? Немного богу душу отдать. Но страхи мои рассеялись.

Не подавилась сойка, а новый голос у нее объявился, и «заиграла» лесная птица по-весеннему.²

---

¹ Там же. – С.263.

² Там же. –С.263

Сизокрыл орел

Казаки пели. Пели на базарной площади, не отходя от брочек и отпряженных коней, от сложенных на сохлую землю мешков с пшеницей, ячменем, просом, картофелем.

Хотя август едва отошел, а солнце пекло по-летнему, – среди белых, серых и черных войлочных шляп виднелись шапки. Бешметы домашней пошивки, а кое на ком еще черкески стянуты у пояса узкими ремешками. Медью отливают загорелые лица, безбородые и бородатые. Суровы эти лица.

Когда хор замирал – начинало сполошно гудеть и постреливать пламя костров. Но опять росла и ширилась песня. Мужские огрубелые голоса, сливаясь, заглушали не только треск коробящихся в пламени веток. Как в немом фильме, кони беззвучно перетирали крепкими зубами овес, беззвучно отфыркивались. Базарные шумы оставляли площадь. А по ней по-прежнему передвигались брочки и арбы, спешили люди.

Уж вы, горы мои, да!

Эх, ой, уж вы, горы мои...

Гудели басы. В их низком раскате слышалась человечья тепlinkа – так взывают к очень близкому, к очень дорогому, чего не забыть, не отнять от сердца. А тенора и в своем численном меньшинстве не подавлялись басами, не отгеснялись ими нисколько. Со звенящей, хватающей за душу силой они и пронизывали хор, и парили над ним, уносясь дальше, все дальше – к синееющим горам.

Горы вы, кавказские,

Горы вы, кавказские!..

Ни облачка на закатном небе с огненно-красным шаром солнца.

Примолкшие на мгновение голоса вдруг снова воспряли, и хор с былинной величавостью повел свой песенный сказ.

Как под этой под горой, да!

Ге-е-е-ей, ой! Да под этой, братцы,

под горой

Течет речка быстрая,

Течет речка быстрая.

Как над этой над рекой, да!

Ге-е-е-ей, ой! Да над этой

над рекой

Вырос куст ракитовый,

Вырос куст ракитовый.

Как на этом на кусту, да!

Ге-е-е-ей, ой! Да как на этом, братцы,

на кусту

Сидел сизокрыл орел,

Ой, сидел сизокрыл орел.

Басы и тенора слились в сплошном, медленно затихающем звуке.

«Си-зо-кры-ыл о-оре-е-ел...»

Огненный шар, плющась снизу и сверху, опускался за лиловый край земли. Сизые громады казались орлиной стаей, слетевшейся на недолгий ночлег.

Мы, мальчишки, видели только этот внезапно смолкший казачий хор, до которого всего шаг, видели сизые, фиолетовые горы – поди-ка, дойди до них! И необычные, еще не осознанные чувства томили и тревожили нас, куда-то звали. И каждое маленькое мальчишье сердце пело о сизокрылом орле.

С того давнего времени горы и орлы навсегда слились в моем представлении, стали частью единого – Кавказа.¹

Лесной дых

Прежде чем увидеть оленя, я услышал его голос.

Должен оговориться: до этого приходилось мне рассматривать снимки кавказского оленя, читать описание – как он выглядит, что у него за ветвистые рога. Да мало ли что можно было вычитать об этом лесном красавце! Но то было книжное знакомство, не выходя из дома. Так узнаем мы про нильского крокодила, австралийского кенгуру, индийского и африканского слона.

Теперь же я находился в лесистых горах, где олень жил на воле. Может, под теми купама высоких деревьев? Или вправо от них? Или влево? Может, подальше? Лес скрывал гигантскими зелеными бурками безымянные горы, ущелья между ними выглядели изломанными складками.

Из этого леса, из его зеленых темных глубин и докатился до меня впервые услышанный звериный дых.

Ни одна хвоинка не качнулась, ни один лист не затрепетал – лес стоял недвижно, как горы. Но в том живом вздохе чувствовалась и чащобная мощь, и твердь сокрытых гор, и рев водопада.

Нет в человеческом языке словосочетаний, способных передать этот протяжный, с придыханьем звук.

Все во мне обращено к нему, ни с чем не схожему звуку.

И вновь тот же дых, вырвавшийся грозно и страстно, несдержимо, как лавина.

Распадки и ущелья – все внимало, все слушало лесной голос.

Так, не видя оленя, я впервые услышал его в один из октябрьских дней в Теберде. И звук его – где и стон, и зов – живет во мне.²

Глаза как человечьи

Оленя я увидел за оградой. И, хотя меня предупредили, встреча вышла почему-то неожиданной. Трудно все-таки внутренне подготовить себя к тому, чтобы увидеть оленя как обычного быка.

---

¹ Там же. –С.264-265

² Там же. –С. 266-267

Медленно продвигался я вдоль изгороди из крепких досок и столбов, обходя деревья и камень. Непроизвольно, словно повинуюсь чужой воле, взглянул – и замер: в пяти шагах, подняв голову, стоял олень.

Вздвогнув, мгновенно охватил взором лесного зверя. Ничего схожего с испугом не было в позе, будто изваянного из камня оленя. Глаза его – карие, почти черные, бархатные от влажного блеска и ресниц, человеческие, – не мигая, смотрели в мои, не отпуская от себя.

Время исчезло для меня – видел только оленьи глаза.

Человек и зверь стояли друг перед другом, ничем не выказывая враждебности, ничего не предпринимая. Любование и восторг наполняют меня с каждым новым мгновением. Как же красив олень с его суховатой точечной головой, увенчанной ветвистыми рогами! Сколько в нем достоинства, сознания собственной силы.

Мои ноги сделали шаг... второй к изгороди.

Олень, приняв это за вызов, пошел навстречу. Весь он сейчас, от резных копыт до каждого мускула, собран в одно – движение. Склонив голову, с сухим треском ударил рогами об изгородь, разделявшую нас. И в такой позе не спускал с меня чуть вывернутых с пробелью глаз.

Не найдя во мне достойного соперника, олень легко вскинул голову с черными ноздрями, повел ушами, отошел в глубину загона – и затрубил.

Бывает, привлеченные трубным зовом, к самой огаде выходят робкие оленушки. Как завороженные, смотрят они на красавца с запрокинутой в реве головой.

...Пришлось как-то вдвоем с товарищем идти в горы. Осенний лес удивительно тих. Лист, оставляя ветвь, бесшумно и бережно ложится на землю.

Повинуясь тишине, медленно продвигаемся к распадку. Товарищ скрылся за мшистой скалой. Чувство одиночества заставило меня ускорить шаг. Молчаливые деревья настораживали. Все бы оглядывался, словно ожидая опасности со спины. Древнее чувство, роднящее человека со зверем: погоня по следу, скрадывание, прыжок сзади...

Фигура товарища открылась вдруг, вселяя в меня радость. Не успев ее выразить, я ощутил тревогу от того, что он стоит неподвижно. Не оглядываясь, сделал мне еле приметный предостерегающий знак – остановись!

Замер.

Не слышу своего дыхания. Смотрю туда, куда направлен взгляд товарища. Стволы, стволы, сплетение ветвей с редколистьем. Сумрак за деревьями.

Ничего другого, кроме лесной чащи.

И не могу поверить, что-то побуждает меня еще и еще напрягать зрение, всматриваться в каждое дерево...

Стволы... стволы... сплетение оголенных ветвей...

Медленно перевожу взгляд на товарища – рука его теперь поднята. Следую молчаливому указанию.

Готов, кажется, к любой опасности. И тут, словно сняв пелену с глаз, увидел оленя, его силуэт, слитый с осенними красками леса. Но глаза – человечески глаза зверя приковывают мой взор, держат вновь в своей власти.

Безмолвные, не делая ни одного движения, стояли мы – трое, как будто соединенные взглядами. Два человека и лесной зверь.¹

Олень вышел к людям

По-разному звонят телефоны.

Той ночью внезапный резкий звонок заставил меня вздрогнуть и схватить трубку.

Кто первым увидел оленя – не установишь: на шоссе стоял лесной обитатель.

Едва ли кого здесь можно удивить зрелищем дикого зверя. Не только мужчины, перегоняя овец и коров, кося сено или вывозя древесину, встречались с оленем. Женщины и дети, собирая ягоды и грибы, наталкивались на пасущихся самцов и самок. Лишь во время оленьего рева, когда рогаги готовы наброситься на все живое, что приблизится, люди избегали встречи с ними.

Но это время давно отошло, горы еще не сбросили со своих плеч снег, лес не оглашался свистами певчего дрозда, глуше шумела река. А там, где темнел асфальт, где обычно проносились автомашины – теперь стоял ветвистый олень. Его не отпугивал едкий запах бензина и солярки.

Подняв голову, он смотрел вдаль на темное шоссе, на изгородь из тонких древесных стволов и каменные кладки тяжелых оград, на белые дома. Черные влажные его ноздри вздрагивали, ловя запахи печного дыма, приносимого ветром.²

Морской воробей

Удивляйтесь – не удивляйтесь, а встретил я такого воробья: морского.

Отдыхал в Сочи. Проводил время у моря, на пляже. Иду как-то, люблюсь на море, на быстроходные моторные лодки-глиссеры. И тут попалась мне на глаза пичуга: всего с малый огурец.

Показалась она мне незнакомой. Вертится у самой воды. Волна с белым гребнем хлестнет на берег, вмиг его прикроет. Тут бы, казалось, и пичуге конец. А она, будто оттолкнулась от волны, – на метр отскочила, стоит себе как ни в чем не бывало.

Ловко, думаю. Ишь отчаюга!

Что же дальше будет?

Волна засипит и отхлынет. А пичуга тут как тут: скок-перескок. Так у кромки воды и толчется.

---

¹ Там же. – С. 267-268

² Там же. – С. 268-269

Волна снова изловчилась – хлесть по пичуге... У меня сердце замерло, где же теперь ей увернуться?! Даже пожалел: мала, да удала.

Глядь, а пичуга – пырх от волны и еще в какой-то миг успела клонуть что-то среди мокрых гольшей. Отскочила и занялась трофеем. Тюк-тюк по нему, теребит клювом.

У моря трофей взяла! Ай да молодчага!

Не хватило у меня выдержки – шагнул я к пичуге. А она от меня деру, а сама по-воробьиному: «чирик-чирик!»

Выходит – не только у элеватора, не только у поля воробей кормится. Кормится он и у Черного моря.

Молодец, бестия! Где хочешь проживет – не пропадет.¹

Васькин «детсад»

Поначалу намеревался я назвать то, что сейчас пишу – «Васька с чердака». Лучшего названия не приходило на ум. Вроде здесь самое главное, самое существенное в жизни этого обычного домашнего животного.

Да, забыл сказать, что речь идет о коте с неизвестной родословной и мало чем привлекающей внешностью – не черный, не рыжий, а бурый с полосками и пятнами.

Ну что за важность – знакомый не одному мне кот обитает на чердаке?

Но это недавнее место его обитания – сперва он жил в квартире, как говорили, со всеми удобствами: имел широкий подоконник, где приятно припекало солнце, неподалеку стоял мягкий с пружинами диван, питался с тарелочки.

Хозяйка, учительница Зинаида Петровна, всегда находила время пощекотать ему шейку, и выбить подстилку, и накормить Ваську, а когда кормила, то не молчком, а с разговором. Разговор, как вам понятно, вела Зинаида Петровна, на долю Васьки оставалось поводить ушами, настораживать их на хозяйкин голос, иной раз подойдет и головой ткнется об ногу или руку, то молчком, то с мурлыканьем. Засиживаться в комнате не засиживался, чуть что – за дверь. Не только в доме, где жил, не позволял появиться мышам, но и у соседей.

Положительный, с достоинствами кот. Не чета коту у другой моей знакомой. Мышей он не замечал, даже носом, не поведет, не то что понюхать. С этим котом я познакомлю вас попозже, а пока о Ваське.

Все-таки подлинным властелином Васькиных чувств и, надо полагать, дум был единственный сын учительницы – Андрей. Бывает ничем как будто необъяснимая привязанность. Ни одной царапинки от Васькиных когтей не знали его руки, хотя подросток не прочь был опрокинуть кота на спину и щекотать нещадно, а то взять кота за ноги и закинуть себе хомутом на шею, побегать с ним по комнате. Пинков же, тем более трепки, не ведал кот, призыв к обходительному обращению.

---

¹ Там же. –С. 270

Случилось непредвиденное: подросток погиб в автомобильной катастрофе. Горе матери не знало предела. Какие-то силы не дали матери лишиться рассудка. Все, что принадлежало сыну, было связано с ним, хранилось теперь матерью, оберегалось от всего, что могло нанести ущерб.

Васька бродил неприкаянно, останавливался у кровати Андрея, подолгу сидел или лежал на полу. Посмотреть на него – спит, а глаза приоткрыты, уши приподняты – выходит, что ждет, не может смириться с отсутствием молодого друга.

В ту пору Васька и перебрался на чердак, да не своего дома, а того, что напротив через двор. Зинаида Петровна день его не видела, второй. Забеспокоилась. Дверь в квартиру оставляла полуоткрытой на цепочке, не убирала тарелочку с едой.

Кот не появлялся, словно забыл сюда дорогу.

Зинаида Петровна глянула как-то по привычке в окно и уже не может отойти – нашелся Васька! Выбрался на крышу, лег на брюхо, а голову положил на передние лапы и смотрит на ворота с калиткой.

У матери думы-печали одни – о сыне, потому решила, что Васька его поджидает. Бывало, встретит Андрея, замурлычет и ластится – трется то одним бархатным боком, то другим о мальчишьи ноги.

Заторопилась выйти из квартиры, позвала Ваську, выговорила за долгое отсутствие:

- Пойдем домой, пойдем! Где ты пропадал?

Васька нисколько не одичал, не отвык от хозяйки – подчинился ей.

Дома не кинулся к тарелке, а подошел, как всегда, степенно. Надолго не задержался, снова ушел на чердак.

Время от времени, чаще по утрам, проводывал хозяйку, бесшумно следовал за нею из комнаты на кухню и обратно, терся боками о ноги. Посещение заканчивалось завтраком, затем опять уходил. Двора избегал – торопился скорее пересечь, потому что в него могли бросить камень или палку, а то и криком испугать, захлопать в ладоши. Заступничество Зинаиды Петровны не помогало, вело к перебранке.

Как бы ни была занята Зинаида Петровна проверкой ученических тетрадей, подготовкой к урокам, – да сколько этих забот у любой учительницы! – но мимо окна не проходила без того, чтобы не заглянуть па крышу.

Как-то глянула: Васька, ее Васька показался из чердачного лаза, поминутно оглядываясь, словно приглашает кого-то последовать за собой. Не сразу увидела она котенка, маленький серый комочек, а поотстав от него – еще двух.

Васька дождался, когда все три котенка, пугливо пластаясь, выбрались на крышу, подбадривая, лизнул каждого, кого вдоль спинки, кого в мордашку. Лег на бок – котята к полосатому боку припали.

Зинаида Петровна глазам своим не верит, ведь так котята ведут себя у материнских сосков! А Васька не вскакивает на все четыре лапы, не ощеривается, не шипит сердито на малышей, позволяет им копошиться у своего

брюха. Лишь голову приподнимет да глянет, может, что и промурлычет, только Зинаиде Петровне не слышно.

С того дня не одна Зинаида Петровна, но и другие жильцы видели Ваську с котятами. Чаще в солнечную погоду. Васька всегда впереди, котята дичатся, идут с оглядкой на темный чердачный лаз, готовы чуть что дать стрекоча. Не от сладкой жизни это делается, много еще зла вокруг. Вся защита – Васька, и не отходят от него малыши. Чем он их кормил, никто толком не знал. Были упитаны и пушисты, как положено в их возрасте. Собьются в кучку – разбирай тут, чья лапка, чей хвосток. Разнежатся от жаркого солнца, кажется, не будет конца сну-дремоте. Глядь – возьатся, задними ножками один другого шпыняют, один другого оседлать хотят, подмять под себя. Васька тут же, рядом, благодушествует, посматривает на шалунишек **через** глазные щелочки. А то прогулку на крыше устроят. Васька опять-таки впереди, котята следом.

Взбредет кому-либо из жильцов запустить камень – другие заступятся: нашел, мол, в кого – в малышей! Это же детский сад из котят!

Пристыдят и одернут.

Васька не забывал старой квартиры, по-прежнему мурлыкал у ног Зинаиды Петровны, задира л голову, подставляя шею для щекотанья, не оставлял без внимания знакомой ему тарелки. Считая визит законченным, направлялся к двери. Хозяйка его не задерживала, как можно: у Васьки столько забот. К трем котяткам еще один покрупнее прибился, или его Васька привел. Откуда у него страсть к розыску бесприютных малышей, к стаскиванию их на обжитой чердак? Каждый требует пригляда, всех надо обогреть и накормить.

Сейчас кстати вернуться ко второму коту у другой моей знакомой. Мало того, что он наперекор своей кошачьей породе не ловил мышей, был к ним глух и равнодушен. Этот кот не выносил детей, а когда они пробовали поиграть с ним – бил их лапами, когтил и кусал их не на шутку. Стоило же ему увидеть котенка, как глаза у него вспыхивали, дыбились шерсть, а морда вся перекашивалась и что-то дикое из визга и мяуканья несло из ощеренного рта. Все, и взрослые, пугались. Держать такого в семье с детьми было небезопасно.

Почему-то зверовитого кота звали ласкательно Барсик.

Говорят, ночью все кошки серы. Но черных не всякий глаз приметит в темноте, а белые выглядят как они есть. Еще больше не схожи кошки по своему характеру, по тому, как они ведут себя в жизни. Взять хотя бы Ваську и Барсика.

Васька спустя год и спустя два и три продолжал разыскивать брошенных или осиротевших котят, стаскивать их на свой чердак. Подростки его воспитанники разбредались, переселялись в квартиры, а Васька возился с малышами, не отвлекался от добровольно принятых на себя забот.

Жильцы, даже те, кто не прочь были запустить камень или палку в кога, смотрят теперь на него как на дворовую достопримечательность, гордятся Васькой.¹

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.2: Проза. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. –С.273-275

Янтарный вечер

Вечерняя заря была как из самого чистого балтийского янтаря. Глазу не рассмотреть. Есть что-то завораживающее в желтом закатном небе.

Безмолвно стоят тополя. Янтарь, опав с деревьев, лежит на траве, на дорожке.

Прозрачно-холодный воздух с желтинкой, с отсветом волшебного камня.
Сказочный вечер!

И хочется, чтобы каждый увидел его недолгую красоту. Остановился бы на пороге квартиры, на улице, у окна, и, забыв обо всем, смотрел и упивался чудесным осенним закатом.¹

Через горные перевалы

Застал нас октябрь в Алибекском ущелье на Кавказе. Первые бураны уже успели замести перевалы. Путь через них закрыт.

-Что это? – в голосе товарища удивление.

Через поляну, поверх зеленых полей, россыпью летят ласточки. Видно с первого взгляда. Знакомые – черные, с белей грудкой, мчат изо всех сил. Круглые головки вытянуты, острые крылья с каждым махом толкают вперед птичьи тела. Ни одна ласточка не взметнется в сторону или ввысь, не сделают круга в поисках пищи, – все усилия направлены к стремительному полету – на перевалы. Не слышно веселого щебета, летят молча.

Глаза наши вглядываются поверх елей, силятся не выпустить бесстрашных маленьких птиц. Но даль успела их скрыть. Лишь белые громады Эрцога и Сулахат вздымаются к небу. И сюда, на заснеженные перевалы между этих гор. Летят ласточки.

Что их ждет? Морозная тишина? Обжигающий холодом ветер?

Мы долго и молча смотрим вслед умчавшейся стае.

Там, за горными перевалами, – Черное море, теплая земля.²

Как Федя стал Федором Никандрычем

Не за одними овцами присматривал Федя. Кормил, поил, ухаживал за коровами и телятами, волами и лошадьми. Всякую крестьянскую полевую работу умел делать.

Есть такая поговорка: с кем поведешься – от того и наберешься.

Жил у хороших, щедрых на добро лошадей. Жил у немилостивых, ругливых хозяев, кому свою копейку неохота отдавать другому, даже если тот ее у них заработал. Что палец отрывать – то им деньги отдавать.

---

⁴⁶ Там же. – С.275

⁴⁷ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.2: Проза. – Ставрополь: Изд-во СПИИ, 2010. –С. 276.

Многое познал Федя, многому научился. Он не только себя кормил – старшему брату с женой и детьми то мешков пять пшеницы, то мешок размольной муки, а то сеянки, из лучшей лучшую, доставлял прямо в хату.

Пеки, тетя, пироги, мечи в печь хлебы!

Не одним ветрам с четырех сторон открыта степь, самая дальняя, за Манычем. Открыта она хорошей и дурной вести, всяким слухам.

То конные банды Канаря, то Дарагана прошли по глухим хуторам разбойным волчьим рыском. Смяли конями... изрубили саблями... забрали-разграбили... спалили дотла... – точится по ушам, бежит от хаты к хате пугливый слушок.

- Не те ще буде тым, хто... – угроза вслед.

Живи да оглядывайся.

Но наперекор всем страхам широким порывистым ветром, что мчится освежительно от ливня-грозы, влетали во все углы и закоулки вести о «коммунах». Земля, семена, тягло, плуги-бороны – все у них общее, а люди справедливы и честны, не норовят на чужую шею сесть.

Не раз слышал и Федя, готов еще слушать. Но слух есть слух. Не зря говорится – лучше раз увидеть, чем сто раз услышать.

Что терять Феде? Ни кола, ни двора, зипун – весь пожиток. За плечи его, а язык до Киева доведет.

Довел до «Коммунистического маяка».

Не на готовые хлеба, не за обеденный стол спешил сюда Федя, не одну сотню километров отшагал босыми ногами. Уж и не сказать, слов тех не найти, как хотелось ему почувствовать себя не наймитом-батраком, не чужим в хате, во дворе, в поле.

- З Велькой Джалгы я, – представился он. – Соломченко мое прозвище. Хведир Никандрыч. Прыймайте до себе, дядьки!

Дядьки оглядели просителя.

- Тебя принять?..

- На шо ты гож, га? Хлеб исты?

Низкорослый хлопец, черномазый и худой, смахивающий на цыганенка, стоял на своем, все упрашивал да упрашивал «дядькив».

- Посадыть на лобогрийку, побачыте ще, хто на шо гож буде!

Здоровенные дяди аж грохнули, хватаясь за животы:

- Це да, косарь!

- Уморыв, ей-бо, уморыв! Куда запросывся! Та бачив ты, хлопче, яка така лобогрийка?

А хлопец все то же:

- Посадыть на лобогрейку, тодди побачыте, – задетый смехом, не сдержался, – Як ляскать без дила, давайте поспорымо, як хто на лобогрейки пройде круг, у кого гон выйде найкраще?

Хорошо, что подошла на ту пору жатва, когда любая пара рук пригодится в поле.

- Сидай!

Испыток – не убыток. Не столько надеялись на какой-либо прок, сколько сбить мальчишеский гонор, проучить хлопца.

Оказался Федя на лобогрейке. Была такая косилка, недалеко она ушла от своей прародительницы простой ручной косы. Тащили, правда, лобогрейку кони, а на долю косаря выпадало сбрасывать накошенные навильники. Сидит такой косарь на штампованном железном сиденье, в руках у него вилы-двойчатки или тройчатки. Подрезает косилка хрустящие стебли пшеницы, валятся они на полок, а косарь подхватывает их вилами, сгребает в кучу, чтобы следом одним рывком смахнуть на землю.

И некогда косарю не то что оглядеться – горячие градины пота стереть рукавом рубахи со лба. Заливают они глаза, сползают по лбу, по щекам, по носу. Истинно сказано – лобогрейка.

У Феде и рубахи не имелось, прикрывала его грудь да спину выцветшая майка, вторая – в запасе. Пока косили пшеницу – обе майки у него от горячего едкого пота сопрели, остались от них лоскуты.

- Жиловатый, скажи, пацан! Нашенский – сельский!

- Маленький – та шустренький! – дивились, разводили руками дядьки, хлопали Федю по спине, и было это лучшей похвалой, признанием пригодности его для тяжелой крестьянской полевой работы.

– В батька пишов. Як есть ты, Хведир Никандрч!)

Когда еж не в духе

Снова – в который раз! – свистнула коса и побежал еж подальше от беды. Но куда ни подается – все голо, укрыться негде.

А тут я подхожу, приметил во-он еще откуда: чего это среди бела дня разгуливает? Ему же, конечно, как вы понимаете, не до гулянья.

После ночных хлопот тихого местечка себе не найдет: сгоняю его косари.

Еж ни звука. Недоверчиво темнеет глазок. Нос чуть набок, в мою сторону.

Пробую зайти с тыла. Повторяю самым ласковым голосом:

-Я тебя, ежка, не обижу, честное слово!

Темный глазок зверушки не отпускает меня из-под контроля, а вся поза его говорит: «Знаем вашего брата, только развесь уши, как же!»

Тут я решил, шагнул еще несколько раз, стою рядом.

Еж – ни с места. И в колючий клубок не сворачивается. Только, пугая меня, фукнул: я, мол, тебе сейчас задам!

Слегка подвинул его ногой, а оно голову под себя – и «фу, фу!».

Тогда я вытянул правую руку, хочу погладить ежа по спине, а он как поддаст, как кольнет своими иголками и еще громче фукнул. Я впрямь оробел, руку отдернул, уколотые пальцы потираю.

Поющий стручок

Много раз проходил я по этой дороге, возвращаясь с прогулки на комсомольские пруды. Все знакомо, видано-перевидано. Чего бы тут ожидать? Каких открытий?

Занятый своими мыслями. Бреду не спеша. Сильный ветер толкает в спину. Пугает волосы, захлестывает ими глаза. Эх, жаль – не взял фуражки! То и дело придерживаю волосы рукой, всей пятерней.

Подхожу к городской окраине.

Откуда-то донесся протяжный звук.

Насторожился, прислушиваюсь.

Снова, усиливаясь с порывами ветра, зазвучала странная мелодия. Протяжно запели невидимые струны.

Что за музыка? Кто музыкант?

Все остальные мысли рассеялись. Я занят поисками музыканта. Но тщетны мои усилия. Только деревья да каменную ограду вижу.

А музыка не утихает – музыкант поблизости, рядом. Но где же он, где он? В недоумении озираюсь.

Вновь с жалобным стоном пронесся ветер, набрасываясь на высокие деревья, с силой раскачивая гибкие ветви. Это – колочая акация. Острыми щипами унизаны стволы и сучья – к ним не подступиться. Еще ни один листок не трепещет на голых ветвях. Акации выглядят по-зимнему, безжизненно.

-Зззззз! – запело вверху.

- Шшш! – вторил ветер.

- Зззззз!

Вижу – отчаянно мотаются на гибких сучьях длинные черно-коричневые стручки, рвет их ветер.

Подхожу ближе, стою под деревьями.

Вот оно что! Музыкант нашелся наконец. Это поют стручки. Вызревшие, сухие, по-своему встречая весеннюю теплынь, они трескаются вдоль, как по шву. Неутихающий ветер с силой рвет их, врывается в трещины.

- Зззззз!

Поднимаю с земли сорванные ветром стручки. Через трещины видны черные семена.

Их ждет прогретая весенним солнцем земля.

Очей очарованье

Несколько холодных дождей – и прощай лето! А тут еще, спутав все сроки, замелькал ранний снег.

Стынут пальцы. Холодеет нос.

Ну и погодка, бр!

Унылая пора!..

Как будто к этому и нечего добавить. Невеселое времечко.

Но так ли? Посмотрите: в природе – буйство красок.

Еще совсем недавно листья декоративного винограда выглядели сплошной темно-зеленой грудой. А сегодня не узнать. Их будто подменили. Не листья – яркие цветы: желтые, красные, фиолетовые, бордовые, розовые. Стелющиеся лозы могут соперничать с любыми клумбами. Глаз не свести.

А что творится в парках и садах, в лесах и лесополосах!

Желтыми, золотистыми кострами вскинулись тополя, ясени, липы, березы, каштаны, акации. Они словно источают вокруг себя негаснущий желтый свет. С утра до сумерек завораживает глаза сказочное сияние. Багряно пламенеют клены, осины, вишни, бересклет. В богатырских темно-зеленых шапках стоят вековые дубы. Но и к ним подбирается листопад. То падали спелые желуди, а теперь, вслед им, перевертываясь в воздухе, один за другим падают желтые листья.

Очей очарованье!

Как зорек, как прав поэт, воспевший осень.

Унылая пора! Очей очарованье!

Приятна мне твоя прощальная краса –

Люблю я пышное природы увяданье,

В багрец и в золото одетые леса...

Листья на снегу

Неожиданно выпал снег. Земля побелела. Груши с желтой густой листвой выглядят, как большие костры с необжигающим пламенем. А красные листья вишен и винограда похожи на бесчисленные праздничные флажки, развешанные по всему саду.

Желтые и красные листья трепетали на легком ветру. То один, то другой листок отделялся от ветки. Сильные порывы ветра срывали их десятками. Одни косо летели вниз, иные кружились при этом в воздухе. И вскоре снег в саду запестрел и принарядился опавшими листьями, словно искусная рука ковровщицы украсила белую землю.

Напрасные страхи

Любопытная история вышла у него с ежиком.

Прибежал как-то из школы Женя, положил портфель с учебниками, глядит: где же Колька? То, бывало, сам бежит к мальчику, топчется вокруг ног, ботинки обнюхивает. «Сейчас, сейчас возьму на руки!» – скажет Женя.

А сегодня не бежит ежик из дальнего угла. Заглянул Женя под кровать – и там пусто. Всюду заглянул, даже в печку, но Кольку не нашел.

«Где же ежик? Что с ним?»

Страх сжал сердце: «Может, Колька умер?»

«Умер?»

Мальчик сделал усилие – и вот ежик у него на ладони. О, какой же он холодный! Такие живые не бывают.

Страх и горе охватили мальчика.

Что делать? Может надо позвать доктора? Или бабушку?

Ежи, суслики, сурки, летучие мыши, ящерицы, змеи впадают в спячку до вешнего тепла. Даже такой крупный зверь, как медведь, залегает в берлогу.

Перед дальней дорогой

В одно утро провода перед нашим домом были унижены ласточками. Ни одна не срывалась, не покидала своего места, не носилась вокруг. Даже щебет затих.

Что-то строгое виделось в застывших черных силуэтах, в том, что ласточки собрались огромной стаей перед домом, где под карнизами и в углах окон десятки опустевших гнезд.

Я не знаю, сколько так продолжалось. Торжественность минуты передавалась и мне. И вот – словно электрический ток сбросил всех ласточек с проводов: они разом метнулись, их щебет, схожий с журчанием воды, зазвучал над домом, над улицей.

Дальше, все дальше – и затих.

Это было их прощание, последний раз перед дальней дорогой они присели у родного дома.

Брачный танец

Осторожно, не показываясь ей на глаза, подойдем поближе.

Теперь стрепет весь на виду. Он, как индюк, распутив крылья и хвост, ходит на одном и том же месте. Друг с криком подскакивает. Бьет ногами землю.

- Стрэк!

Солнце коснулось порозовевшего края степи. Медленно опустилось в ее недра. Над землей осталась верхняя долька дневного светила. Она становится все тоньше и, блеснув напоследок, исчезает. Не стало маков, что пунцовыми волнами струились по степи. Все вокруг посумрачнело.

Только стрепет, как привязанный, все ходит на одном и том же месте. Голова птицы откинута назад, грудь воинственно выпячена, хвост приподнят. Косо расставив крылья, стрепет нахохлился, ходит по кругу, потом с криками взлетает и припадает к земле. Он бьет по ней сильными лапами. Вновь подскакивает.

- Стрэк! Стрэк!

Это – весеннее токование дикой птицы, это ее брачный танец.

Теперь, не таясь, подойдем к токовищу. Стрепет, едва завидя нас, улетел. Но хорошо приметив местечко, мы без труда находим ток. Земля здесь лишена травяного покрова, сильно уплотнена, как будто ее утрамбовали. Ежедневно прилетая сюда на утреннюю и вечернюю зори, стрепет так исколотил ногами кружок земли, что он затвердел, как цемент.

Теперь вы побывали на стрепетином току. Зовут его еще точком. Потому, видать, зовут его так, что место невелико, округлой формы. Брачную игру на точке ведет обычно один самец. А если соберется их несколько, тогда между ними происходят настоящие петушинные бои.

В мае стрепетка кладет три-четыре, иногда пяток яиц, оливкового цвета, с бурыми пятнами. В июне можно встретить выводки цыплят с матерью-наседкой и знакомым нам танцором-петушком.

Не будем тревожить степных птиц, пожелаем им преодолеть все невзгоды и опасности, просто сказать, пожелаем им птичьего счастья.

Вернемся сюда через два-три месяца.

Прогулка на велосипеде

Она была совсем маленькая, тоненькая и, как все дети, большая непоседа.

Только, что вертелась здесь, во дворике, а теперь выбежала на улицу, улыбается прохожим. Чаще всего она подбегала вприпрыжку к русскому дяде: «Бонжур Месье» скороговоркой – по щеглиному – щебетала она, останавливаясь перед ним, поблескивая глазами, низко наклоняясь, знакомый дядя весело отвечал на приветствие.

Его голос, чуть картавя, походил на голос парижских мальчиков. Это очень нравилось девочке, она отвечала на вопросы дяди о том, как спала, куда собирается пойти, торопилась поделиться своими новостями, голосок ее звучал не умолкая, то и дело захлебываясь в смехе. Дядя совал руку в карман пиджака и вытаскивал конфету. И вот – это сладкое лакомство держат тонкие пальцы девочки: «Мерси Месье!» – опуская глазки, благодарит она и опять вскидывает бровки, доверчиво смотрит в добрые глаза русского дяди, смеется звонко, звонко. А с него заразительно смеется дядя.

Обычно он с пакетами и письмами отправлялся на велосипеде до ближайшей почты. Помахав на прощание рукой, дядя скрывался за углом соседнего дома.

Но однажды девочка попросила своего знакомого прокатить ее на велосипеде.

А это так ново, так заманчиво, интересно! И вот русский дядя осторожно усаживает ее на велосипед, садится сам, и они катят на двух резиновых колесах по улице с высоченными домами.

С каким восторгом вспоминала после маленькая француженка об этой поездке.

Свою маленькую знакомую из большого города Парижа прокатил впервые на велосипеде Ленин. Он был тогда в эмиграции, далеко от родной страны.

Птичка-невеличка

Еще малышом слышал я о соловье. И в школе, из рассказов учителей, разучивая басни дедушки Крылова, вновь узнавал о соловье. Нет среди птиц

другого такого певца. Знал: соловей мал, с виду неказист. Слышал о прославленных курских соловьях. «Эх, вот бы к нам такого!»

И выходило, что настоящие соловьи обитают где-то в далеких от нас «курских землях». И сами эти края представлялись мне чудесным соловьиным раем, где в зеленых лесах, над тихими заводьями с утра до вечера гремят птичьи раскаты, раздается знаменитая соловьиная дробь. Даже во сне я слышал эту дробь.

Когда же мне сказали, что соловьи водятся не только в «курских краях», но и в наших местах, близехонько, рукой подать, показалось мне это неправдоподобным. Соловьи – и вдруг у нас! Да быть этого не может! И первые, тщетные поиски пернатого певца укрепили мою уверенность: нет, в наших местах, над глинистой рекой Кумой, соловьев не водится!

Но вот однажды мы, мальчики, отправились на рыбалку и заночевали на реке. Левый берег был обрывист, близ него начинались поля, а правый – отлог и лесист. К самой реке подходили густые кусты лещины, терна, ежевики, шиповника с пахучими бело-розовыми цветами.<...>

Там сидели мы и беседовали, конечно, больше всего о рыбной ловле, о всяких происшествиях на воде.

«Тиу-тиу», – донеслось из невидимого леса.

Повторилось раз, другой.

«Что за птица?» – подумал каждый из нас, не решаясь еще поделиться догадкой – уж не соловей ли это поет? А ночной певец вдруг так и рассыпался серебряным бисером. Сразу все ожило. Как будто не было тишины. Мрак словно поредел. Птичьи рулады, одна другой лучше, одна на другую не похожее, заполняли воздух, переливались свободно и вольно, вызывая восторг в наших детских сердцах.

Не умея совладать с собой, мы вскочили на ноги, секунду-другую стояли, боясь пропустить какое-либо колено, а потом ринулись на голос неведомого певуна. Лесная сырость обдавала наши разгоряченные лица, густые кусты царапали тело. А мы лезли и лезли через чащобу на соловьиное пение. Терновые колючки в кровь царапали руки и ноги. Иногда кто-нибудь спотыкался и кубарем летел в яму. Но никто из нас не обращал внимания на такие мелочи, главное – найти соловья. Мы даже как-то не думали о том, что в темноте нам все равно не удастся разглядеть певца. Неведомая сила влекла в лесные дебри, откуда, заполняя все собой, звучала ни с чем не сравнимая соловьиная песня.

Мы впервые слышали эту лесную птицу, но никто не сомневался, что поет соловей. Ведь сколько нам рассказывали о его пении, сколько мы читали описаний соловьиных трелей – знаменитых двенадцати колен.

И вдруг певец замолк. Мы остановились, как вкопанные.

Тихо. Ничто не зашелестит. Вновь словно стужилась тьма. Сколько мы ни дождались, соловей не запел: наверное, мы спугнули его, когда продирались сквозь чащу.

С трудом выбрались к костру, он давно затух, чуть теплились угольки в золе.

Так впервые услышал я соловьиное пение, и не в «курских краях», а в семи километрах от дома, на полпути от Георгиевска к селу Обильному.

После этого случая всем нам, ребятам, еще более захотелось увидеть диковинную птицу. Немало мы полазили по лесу в поисках ночного певца. Все напрасно: соловьи избегали этой встречи. Правда, в непролазной чаще мы избегали этой встречи. Правда, в непролазной чаще мы иногда замечали птичку-невеличку. Обычно она появлялась на миг перед нами: была – не была. Птичка совсем крохотная, серенькая, молчаливая, даже не пискнув, она скрывалась в листве.

Разве такая птичка могла быть соловьем? Нет, не сумела б она петь так, что ее слышно чуть ли не за километр.

А соловья я все же увидел, много лет спустя после того памятного вечера на берегу Кумы.

Было это во время Великой Отечественной войны. Наш стрелковый полк отвели в тыл. Получили новое пополнение. Офицеры усиленно обучали солдат. <...>

Устав за день, я крепко спал в блиндаже. Среди ночи проснулся – словно кто толкнул меня. Да ведь это соловей поет! Те же, когда-то давно слышанные трели. Вот она и дом. Так близко, что сначала я подумал: «Не в блиндаже ли он?»

Боясь спугнуть птицу, я долго лежал без движения, всматриваясь во все углы своего солдатского жилья. Лунный свет, проникая через входную щель, освещал блиндаж. Только убедившись, что соловья нет, я осторожно поднялся.

А соловьиное пение лилось свободно и вольно, как тогда, над Кумой. Одно колено сменялось другим.

Мальчишеская страсть волновала меня с прежней силой. Крадучись, приблизился я к входной щели, заменявшей дверь. Замерли травы, низко свисают ветви, отчетливо виден каждый листок со всеми своими извилинками и зубчиками.

Соловей поет.

Он здесь, рядом, я даже боюсь громко дышать. Надежда и тревога сменяют друг друга. Где же, где ты, птаха? В который уже раз я обвожу взором ветку за веткой, листок за листком.

И вот, когда уже все показалось напрасным, я увидел соловья. Он так мал, что его легко принять за листок на тонком черенке. Только по раскрытому клювику и вздымающейся и опадающей шейке можно было отличить его среди листьев. Да ведь это та самая птичка «была – не была», которую встречали мы ребятами в лесной чаще! Это та самая крохотная лесная птичка-невеличка, молчаливо, без писка, нырявшая в листву, как в зеленую воду.

С чувством восхищения, близким к благоговению, я безотрывно смотрел на самозабвенного пернатого певца. Горло его легко вздымалось, то округляясь, то спадая.

Соловей пел радостную майскую песню.

Степные пригревки

Какой бы ровной ни казалась степь, она – не стол. То балочка прорежет, то курганы на ней взгорбятся, косогоры ее изломают, появятся возвышенности.

Где повыше, там снегу всегда меньше: сдувает его в балки и овраги.

Где повыше, там больше солнца, сильнее пригревает: Глядь – на снежной белизне зачернело, проглянула земля. Это и есть степные пригревки.

Сначала серый бурьянок обогреется, вокруг него снежок протает до мерзлой почвы. А стоит солнцу добраться до земли – начнет пригревок из чуть заметной проталинки, превращаться в талое место. По косогорам. По южным склонам всюду покажутся пригревки. И еще, может быть, не один раз снег выпадает, а то и пробушует буран, снова все заметет. Но припечет к полдню – откуда пригревки возьмутся. Вся степь запестреет от них. С малого большое начинается, а с пригревок – степная весна.

Спящее озеро

Преданиями и легендами полнится долина, как шумящая в ней Большой Зеленчук, Кизгыч, Псыш.

В первый день я услышал про Спящее озеро. И воображение рисовало его утихомирленным, успокоенным среди содвинутых лесистых гор и скал. Склонились над тихими водами сосны и пихты, отразились в его глади в его глади каждый хвоинкой и прядью. Ивы, березки тянутся к нему тонкими ветвями. Деревья ревниво оберегают озерный покой, не пускают к нему ветровальных бурь. А ранние морозы, по-рысьи бесшумно сходя с вечных снегов, неприметно прикрывают озеро ледяным стеклом.

Спящее... Как долго оно стоит? Что за сон?

Так повелось – человеку нужно не обычное, а сказочное. Нужны чудеса. Без них меркнет воображение, оскудевать окружающее, становится обыденщиной, лишенной красок фантазии, сверкающих и радужных домыслов.

И вот я на озерном берегу. Да есть ли здесь берег? Разве эти более ярко зеленые травы обозначают собой конец суши? Где же водная гладь? Зрение тщетно в своих отысканиях. Сонмища осок, вскинутых и полегших стеблей. Сонная дремь. Тишь. Бабочки молчаливо появятся и исчезнут. Метнется без треска стрекоза.

И ноги, повинувшись нетерпению человека, делают шаг, второй. Хочется проникнуть за эти вскинутые осоки, заглянуть через их лезвия, разглядеть таинственный блеск.

Мягко, не так, как до этого, опускается нога. Словно что-то живое, податливое под твердой подошвой. Мшистые бугорки. Мокреет ботинок. И невольная тревога останавливает тебя, предостерегает не быть опрометчивым. А хочется, как же хочется, проникнуть за запретную черту, чтобы открылось оно – лесное, спящее, поделилось с тобой тайнами!

Мягко опускается нога. Податливая почва, да и почва ли?

Два чувства борются, и одно из них толкает тебя сделать новый шаг, идти вперед, а второе – как путы на ногах, держит на месте. И не исчезает холодок тревоги, подспудного страха перед неведомым, нераскрытым. Что тебя ждет? Не расступится ли под ногами зыбь, не поглотит ли пучина?..

Всегда ли нужно подвергать себя риску? Оправданы ли они сейчас, когда ты здесь один, без товарищей?

Пришли сомнения – подточена воля.

Сухой мох, а нога чувствует сквозь обувь холод влаги.

Ни вперед, ни назад. Лишь глаза зарятся что-то узреть, хотя бы малое. Где-то, ближе к той стороне уснувшего озера, изредились осоки. Не блеснет ли, как глаз из-под век, озерное лоно?

Приподнимаешься на носки, вытягиваешься всем телом до хруста в шейных позвонках, задираешь голову. Блеснуло или показалось? Хотя бы еще чуть-чуть приподняться...

И обессилено никнешь.

Спящее! Ты не хочешь проснуться иль не можешь?

Легенды вещают о тебе светлом, чистолонном, держащем в себе небесную синеву. И нельзя было узнать, сколько ни обращай взоры на тебя и на раскинутое над тобой небо, – где первоначально, где извечная синева? Ты было самонадеянное, гордое, не признавало преходящесть и неумолимость времени. И время покарало тебя – ты в долгих веках потеряло свой лик. Слой за слоем на твое холодное дно легли отмирающие копыя и стрелы осок, стебли, листья, семена неведомых еще нам растений. Слой за слоем поднимались они, а ты теряло свою глубину, мелело, пока не закрыли тебя вскормленные твоей влагой сонмища болотных трав.

Ты спишь и не знаешь начало своего сна, как не знаешь – будет ли конец этому вековому сну?

А человек знает. Он назвал тебя реликтовым, определил твой возраст, оберегает тебя, как все остальное в Тебердинском заповеднике. И уже намечает, как проникнуть в твои торфяные толщи, открыть неведомые единства всего живого на Земле. И не в одном лишь воображении человека, а в его руках пробудить тебя, Спящее озеро, что зовется еще мертвым. Вернуть тебе чистое лоно, чтобы держать в нем синее небо и восторгать и радовать человека.

Живехонек!

Воробьи шныряют. Скачут по земле. «Чик-чилик! Чик-чилик!» – слышится отсюда. У каждого весенняя обнова: перо чистое, одно к другим подогнуто.

Хороши!

Откуда-то – маленький ястреб. За ним еще прозвище есть: перепелятник. Видно разбойника по хватке! Воробьи словно поперхнулись, а сами, сломя голову, кто куда.

Ястреб как кинется за одним – даже мне стало страшно. Очень лют тот ястреб, бросился, как камень из пращи. И тут бы воробью конец, да в этот миг домчался он до куста. Ястреб хищно взмыл над ним, а воробей шмыг в самую гущину веток.

Ухватиться за одну из них успел, но «память» тотчас же его оставила. Вижу только – валится воробей головой вниз. Однако не упал комом, а повис на веточке и замер, как неживой.

Ястреб еще облетел куст – очень ему не хотелось расставаться с такой славной добычей, но здесь уже я не выдержал – закричал и замахал на него.

Подбегаю к кусту, глаз не спускаю с воробья. Тонкие ножки словно вросли в веточку. Не сразу я снял воробья, так он крепко-накрепко уцепился, ища спасения. Бережно держу на ладони. И не знаю – жив ли? Но тут пленочка на глазу у него задрожала, задергалась, затем чуть-чуть приоткрылась.

Эх, как я обрадовался: живехонек!

А воробей встрепенулся весь и – пырх с моей ладони. Только его видел.

Теперь мне каждый воробей спасенным кажется.

ЧЕРНЫЙ Карп Григорьевич
(1902, ст. Новоджерелиевская
Краснодарского края –1985, Ставрополь)

русский писатель, педагог

Автор книг «Бабы», сборника избранных произведений «Звенья» (1972), «Кавказ под мною», «У истоков подвига», «Идеалы и люди», «Сегодня, завтра, всю жизнь», «Там, вдали за рекой», «Несколько дней жаркого лета», «Путешествие в страну запрещенных улыбок», множества статей о классической и современной литературе в периодической печати.

Заслуженный работник культуры. Член Союза писателей СССР.

Карп Григорьевич Черный родился 26 октября 1902 года в станице Новоджерелиевской Краснодарского края. Еще обучаясь в высшем начальном училище в родной станице Новоджерелиевской Краснодарского края, он влюбился в поэзию, в литературу, особенно классическую. В 1922 году экстерном сдал экзамены за среднюю школу и поступил в Краснодарский педагогический институт на филологический факультет. Дальше – все по биографии страны: работал учителем в разных школах (провинциальная армянская, экспериментально-трудовая, опытно-показательная), затем, после окончания аспирантуры в 1933 году, преподавателем только что основанного Ставропольского педагогического института, где тогда было всего четыре «отделения» – факультета. До конца жизни Карп Григорьевич верно прослужил на педагогическом поприще, вырастив сотни воспитанников-филологов, учителей русской литературы. Читал курс зарубежной литературы Средних веков и эпохи Возрождения. Его лекции для многих выступали эталоном по свободе владения материалом, богатству фактической основы, красоте русской интеллигентной речи. Он был среди тех немногих первых организаторов высшего образования на Ставрополье, кто осуществлял становление вуза. Еще до войны он стал деканом факультета, долгое время заведовал кафедрой литературы. За педагогический труд награжден орденом Ленина.

Воевал с 1941 по 1945, награжден орденами «Красной Звезды» и «Отечественной войны» II степени и медалью «За победу над Германией».

Карп Григорьевич начал писать в 20-е годы XX столетия.

Вместе с В. Воронцовым, И. Егоровым, Э. Капиевым, В. Хохловым он был основателем и редактором альманаха «Ставрополье», руководил крае-

"Жить с достоинством"
- житейское и
нравственное
завещание Карпа

вой писательской организацией. Литературоведческие работы Карпа Григорьевича по творчеству А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, М. Ю. Лермонтова вошли в научный оборот, используются в качестве дополнительных пособий литературоведами, преподавателями и студентами.

Умер Карп Григорьевич Черный 18 сентября 1985 года в Ставрополе.

Через всю жизнь он пронес одну ценность, которая была ему чрезвычайно дорога. Это – литература. Он любил ее чисто и самоотверженно, искренне видя в литературе спасение от многих бед.

Три огромных дела, у истоков которых стоял Карп Григорьевич Черный и организатором которых был: создание с «нуля» факультета русского языка и литературы Ставропольского государственного педагогического института, создание Ставропольской краевой писательской организации, основание и издание альманаха «Ставрополье». Каждого из них в отдельности было бы достаточно для жизни одного человека.

Путешествие в страну запрещенных улыбок

Глаза первая. В ней юные читатели познакомятся с мальчиком, которого зовут Защитник Людей и который по непонятной, для его матери причине перестал вдруг здороваться с людьми.

В Стране Умелых Мастеров жил мальчик Саша. Был он умный, честный и смелый, очень любил книги и все свободное время проводил за чтением. И вот однажды ему попалась в руки удивительная книга. До этого ему нравились «Чудесные приключения Жоана-Смельчака», а теперь герой их стал еще ближе, потому что из новой книги Саша узнал, что португальское имя Жоан это все равно, что французское Жан, немецкое Иоганн, итальянское Джованни, русское Иван, английское Джон, что все они словно братья, расселившиеся по разным странам. Ах, чего-чего только не узнал Саша из этой книжки! Имя норвежского писателя, совершенно невозможное для произношения – Бьернстьерне Бьернсон, означало Звезда-Медведица Медвежьего Сына. Но особенно поразило Сашу то, что узнал он о своем имени. Оказывается, имя Александр существовало давным-давно и означало: Защитник Людей. Его сердце наполнилось гордостью, и он с нетерпением стал ожидать маму, чтобы с нею поделиться этим необыкновенным открытием. Как только мама появилась на пороге дома, Саша бросился к ней и закричал:

- Мама! Ты знаешь, кто я такой? Мама сразу поняла, что Саша хочет сказать ей что-то необыкновенно интересное, и сказала:

- Нет, не знаю. Скажи мне, кто же ты такой?

- Я – Защитник Людей. Вот кто я! Мама подошла к нему и обняла:

- Я так и думала, что ты станешь защитником людей!

- Почему стану? – удивился Саша. – Я и сейчас Защитник Людей. Это мое имя. Ты мне сама его дала.

- Да, да, – засмеялась мама. – Ты – Защитник Людей. Я вижу, как ты вырос на моих глазах, у тебя крепкие руки и широкая грудь. О, с такими крепкими руками и с такой широкой грудью ты можешь победить любого великана. Ну, а теперь, мой мальчик, спать!

- Одну минуточку, – сказал Саша и поднял руку, словно для салюта. –

Отныне я – Защитник Людей, и никто иначе называть меня не будет. Хорошо, мама?

- Хорошо, мой мальчик! – сказала мама. – Отныне ты самый храбрый на свете Защитник Людей. Однако с некоторых пор мама стала замечать, что ее славный Защитник людей перестал здороваться с людьми. Как же это ее огорчило! Но о том, почему он перестал здороваться, будет рассказано в следующей главе. Умелые Мастера страны, где жил Защитник Людей, при встречах улыбались друг другу и говорили: «Здравствуйте! Доброго вам здоровья!»

Повелось это с давних пор, когда самый Мудрый Человек на земле собрал Умелых Мастеров и сказал:

- Здравствуйте, Хозяева Земли! Все, что вы делаете на земле, принадлежит вам.

А чтобы никто не был вам страшен, протяните друг другу руки, и все увидят, что нет еще такой силы, как ваша сила. И все Умелые Мастера взялись за руки и сказали:

- Здравствуй, самый Мудрый Человек на земле!

С тех пор стали они хозяевами своей страны и назвали ее Большой Страной Согласия. В те давние времена в этой стране жили не только люди, но еще и Малые Гады и Большие Гады. Они страшно испугались, увидев новых Хозяев Земли, и бросились все прямо в море. Иные из гадов не в силах были преодолеть трудные морские расстояния – опустились на дно, которое и стало для них могилой. В Большой Стране Согласия остался только один Гад – Змей Горыныч. Он не успел выкопать свой клад, а без клада убежать в другую страну ему не хотелось. Поэтому потихонечку уполз он к мосту и спрятался между покрытыми водорослями сваями, благо и сам был весь зеленый.

Живя на сваях, Змей Горыныч, когда к пристани подходили заморские корабли, подслушивал разговоры путешественников, среди которых были не только добрые люди, но нередко люди недобрые. И вот однажды Змей Горыныч услышал, как двое недобрых шепотом говорили о далекой стране, в которой появился превеликий фокусник по имени Верховный Страж. Любимое занятие Верховного Стража заключалось в том, что он заменял людям головы медными шарами и со всеми, кто ему в этом помогал, расплачивался чистым золотом. Змей Горыныч задрожал от радости. Черное дело Верховного Стража было ему по душе. Он решил немедленно отправиться в эту страну, а чтобы быстро добиться расположения самого Верховного Стража, надумал привезти ему в подарок умного мальчика из Большой Страны Согласия.

Глава вторая. *Повествует о том, как встретился Защитник Людей со Змеем Горынычем. С этой встречи и начинаются все печальные и веселые события сказки «Путешествие в Страну Запрещенных Улыбок».*

Поразмыслив над тем, как легче найти такого мальчишку, Змей Горыныч затаился за высоким щитом для объявлений неподалеку от школы.

Кончились занятия. Ребята высыпали из школы на улицу. Защитник Людей вышел из школы последним. Он задержался в библиотеке, куда заходил почти каждый день. Теперь он шел по тротуару, рассматривая на ходу книжку.

- Ага, – шмыгнул рваной ноздрей Змей Горыныч, – такой мальчишка мне как раз и нужен. Дождавшись, когда Защитник Людей поравнялся с ним, Змей вышел из-за щита, вильнул хвостом.

- Не узнаешь? Защитник Людей посмотрел на него и стал вспоминать, где он видел эту уродину. Он стал перебирать в уме все сказки, какие слышал и читал, и воскликнул:

- Ты Змей Горыныч. Вот ты кто! Ты из сказки.

- Верно! – обрадовался Змей Горыныч.

- Ты хоть и из сказки, но совсем не похож на сказочного Змея Горыныча!

- Жизнь плохая, – пожаловался Змей Горыныч. Он сказал это таким плаксивым голосом, что Защитнику Людей даже стало его жалко.

- А ты кто? – в свою очередь спросил Змей Горыныч.

- Я Защитник Людей. Я тоже из сказки. И мы можем, если хочешь, померяться с тобой силами. Змей Горыныч недовольно скривил рот. Он не любил людей, а судьба свела его с их защитником. С таким хлебнешь горя. Он стоял и думал: лучше найти обыкновенного мальчишку и дело с концом, а с этим свяжись... Но внезапно Змея Горыныча осенила радостная мысль. Одно дело доставить Верховному Стражу обыкновенного мальчишку, другое дело – Защитника Людей. За такой подарок и награда от Верховного Стража покрупнее будет. Но как склонить Защитника Людей на поездку к Верховному Стражу? Мимо них проходили люди и все говорили:

- Здравствуйте? Защитник Людей им отвечал:

- Здравствуйте!

А Змей Горыныч смеялся:

- На всех не начихаешься!

- Как тебе не стыдно, Змей Горыныч! Ты ни с кем не здороваешься. Ты нарушаешь хорошие правила Большой Страны Согласия!

- А я так воспитан, – хмуро ответил Змей Горыныч. – Если хочешь знать, так для того, чтобы хорошо жить, совсем не обязательно здороваться.

Змей Горыныч поманил Защитника Людей поближе и, раскрыв у самого его уха огромную пасть, сказал:

- Ты «Путешествие Гулливера» читал?

- Не только читал, но и в кино видел.

- Стало быть, страну лилипутов знаешь?

- Ну?
- И страну великанов знаешь?
- Конечно, знаю! – сказал Защитник Людей.
- Интересно? А вот есть еще страна, о которой ты и не слышал, и не читал,- хитро улыбнулся Змей Горыныч.
- Что же это за страна? – сразу заинтересовался Защитник Людей.
- А ты никому не расскажешь? – совсем тихо сказал Змей Горыныч. – Это Страна Запрещенных Улыбок. Слышал? Там люди не улыбаются и не здороваются друг с другом. Вот!
- Ну да! – с сомнением покачал головой Защитник Людей.
- И не верь, пожалуйста, – дело хозяйское. Только я сказал тебе правду, по-приятельски.

Защитник Людей заколебался. В Большой Стране Согласия совершались полеты в далекие космические миры. О чудесах Вселенной писатели-фантасты написали немало книг. Защитник Людей верил в существование космических государств и хотя не стал еще взрослым, но уже втайне мечтал о полете во Вселенную и даже тренировал себя для сверхдальнего полета, ежедневно занимаясь спортом. Но и слова Змея Горыныча не внушали Защитнику Людей доверия. Уж больно он отстал от жизни, ничего не знал ни о кибернетике, ни об атомной физике, и совершенно не представлял себе, по каким физическим законам совершаются в мировом пространстве полеты космических ракет. Змей Горыныч полагался только на свои перепончатые крылья, на которых в давние времена совершал он перелеты. Но сейчас и крылья у него имели жалкий вид. Так, грязные тряпки какие-то. А Змей Горыныч, словно угадав мысли Защитника Людей, а может, он их действительно угадал – как-никак был он персонаж сказочный, – поманил еще ближе своей грязной лапой мальчика, таинственно подмигнул затянутым зеленой пленкой глазом:

- Хочешь, я тебя свезу в Страну Запрещенных Улыбок, где люди не здороваются друг с другом? Предложение было столь невероятным и неожиданным, что Защитник Людей от души рассмеялся.

- А ты не смейся! – сердито сказал Змей Горыныч. – Это только кажется, что я одряхлел, а на самом деле у меня еще предостаточно сил для перелетов. Ты читал сказку о том, как я перелетел в одну ночь два океана, чтобы засыпать камнями людей, которые не хотели признавать над собой мою власть?

- Потеха! – продолжал смеяться Защитник Людей. – Да ты не только взлететь в воздух, ты даже от земли оторваться не сможешь!

- Посмотрим, – настаивал на своем Змей Горыныч. – Это сейчас немножко у меня крылья пообтрепались оттого, что жил я на сваях, а не в каменных палатах, как мне положено. Да ничего, подремонтируюсь с помощью современной техники, и ты увидишь, на что я еще годен. Он понизил голос до таинственного шепота:

- Знаешь, что я еще сделаю? Я покажу тебе Верховного Стража! Это полше любой сказки! Чего еще тебе надо? Ну же, соглашайся!

Он замахал от нетерпенья рваными, облезлыми крыльями. Ему так хотелось доставить Защитника Людей Верховному Стражу! Уж то-то будет он рад, когда подадут ему на стол Защитника Людей вареным, тушеным или жареным!

- Ну решай – да или нет?

- Ладно, – сказал Защитник Людей. – Я согласен! – И занес ногу, чтобы сесть на Змея Горыныча.

- Но-но! – сердито остановил его Змей Горыныч. – Страна, в которую я хочу тебя отвезти, хоть и небольшая, но дальняя. Лететь к ней надо через горы, леса и океаны.

- Ты, я вижу, и дороги туда толком не знаешь, – сказал Защитник Людей.

- А вот и знаю. Как перелетишь Черный лес, так ее и увидишь!

- Почему Черный? Лес мы называем своим зеленым другом. Все люди называют лес зеленым.

- Ничего ты не понимаешь, – перебил его Змей Горыныч. – И этот был когда-то Зеленым, а только Верховный Страж его сжег, и он стал Черным.

- И Верховного Стража никто не судил за такое варварское отношение к природе? – возмутился Защитник Людей.

- Ха! – ослабился Змей Горыныч. – А кто может его судить? Верховный Страж и сжег лес для того, чтобы показать, что он самый сильный.

- Ладно! Поедем и посмотрим, такой ли действительно Верховный Страж сильный, каким ты его изображаешь.

- Ну вот и молодец! – обрадовался Змей Горыныч. – Но, во-первых, мне надо пройти капитальный ремонт, и это даже не главное. А главное... – тут Змей Горыныч широко ослабился от тайного удовольствия, но сразу же прикрыл лапой пасть, которая в стародавние времена была огнедышащей. – Главное заключается в том, чтобы ты перестал здороваться с людьми.

- Это еще что ты придумал? – возмутился Защитник Людей.

- Как хочешь, – равнодушно ответил Змей Горыныч, – только иначе полет не состоится.

- Почему?

- Да потому, что в той стране чудес ты, чего доброго, поздоровался по забывчивости и тогда пропали наши головы, а я пропадать из-за твоей глупости вовсе не желаю. Защитник Людей засмеялся:

- Как был ты с незапамятных времен трусом, так по сей день трусом и остался!

- А ты меня не перевоспитывай. Я свое змеиное дело хорошо знаю. Ты лучше скажи, принимаешь мое предложение или нет? Защитнику людей не хотелось поступать правилами Большой Страны Согласия, но возможность переселиться в сказку и совершить путешествие в Страну Запрещенных Улыбок настолько завладела им, что он сказал:

- Ладно! Так и быть, поверю тебе. Хотя, честно говоря, особого доверия ты мне не внушаешь. Полетим с тобой в страну, где люди не здороваются друг с другом.

- Тогда приходи через три дня на пристань. За это время я успею подремонтироваться, а ты успеешь разучиться здороваться с людьми. Полетим ночью. Не хочу, чтобы Умелые Мастера Большой Страны Согласия видели, как мы с тобой улетаем. Так безопаснее. Защитник Людей не возразил. Как и все мальчишки, он иногда делал то, что запрещали делать старшие.

Глава третья. В ней рассказывается о встрече в Стране Запрещенных Улыбок Защитника Людей с Горным Богатырем и о том, какой между ними состоялся разговор.

За четыре дня Змей Горыныч заклеил дыры на крыльях полиэтиленовой пленкой и покрасил их голубой нитрокраской. Крылья ему после ремонта понравились. Он взмахнул ими и сразу как вертолет поднялся в воздух. От этого к нему пришло великолепное расположение духа. Беспокойство вызывал только Защитник Людей. А вдруг мальчишка не придет? Но верный своему слову Защитник Людей пришел на пристань, и Змей Горыныч, радуясь тому, что все идет по задуманному плану, немедленно поднялся в воздух. Размахивая перепончатыми крыльями, он перебирал в своей змеиной голове все те милости, которыми осыплет его Верховный Страж за столь приятный подарок, как сидевший на его спине Защитник Людей. Но полет оказался долгим и трудным. Змей Горыныч все чаще и чаще стал жаловаться на то, что хочет пить. Защитник Людей поил его кефиром. Змей

Горыныч морщился, кефир ему не нравился, и пил он его без всякого удовольствия.

- Ой, не дотяну я до Черного леса!

- Перестань канючить! – ругал его Защитник Людей. – Как тебе не стыдно! Ты же всю жизнь хвастался, что обладаешь волшебной силой!

- Была сила – да не стало. Эти проклятые времена! Ой-ой! – кричал Змей Горыныч. Вдруг он оживился и даже своими залатанными крыльями шире размахивать начал.

- Вижу Черный лес! Мы у цели!

И так он обрадовался, что тут же над Черным лесом его хватил инфаркт и он начал стремительно падать на землю. Защитник Людей не растерялся. Недаром на уроках физкультуры он по прыжкам в длину и высоту был первым. Поэтому когда Змей Горыныч оказался близко от земли, Защитник Людей разбежался по его бутристой спине и смело прыгнул на землю.

Змей Горыныч рухнул вслед за ним. И что же это за жалкая была картина! От Змея Горыныча осталась одна только дряблая шкура. Длительная дорога очень утомила мальчика, и он прилег отдохнуть. Но когда глаза его стали закрываться, раздался протяжный тяжелый вздох. Никого вокруг не было.

Защитник Людей подумал, что это ему показалось, но не успел он снова закрыть глаза, как тяжелый вздох повторился.

- Кто здесь? – встревожился Защитник Людей.

- Это я – Горный Богатырь. Я очень хочу пить. Дай мне напиток.

И тут Защитник Людей заметил, что рядом с ним огромная каменная глыба дышит, ее поверхность поднимается и опускается подобно тому, как поднимается и опускается при дыхании человеческая грудь.

- Сейчас, сейчас, – заторопился Защитник Людей. – У меня есть виноградный сок. Хочешь?

- О-ох! – тяжело простонал Горный Богатырь – так сильно хотелось ему пить.

Защитник Людей в отверстие, похожее на большой каменный рот, вылил бутылку виноградного сока.

- Почему же ты не станешь снова живым богатырем? – спросил он.

- Не могу. Мой жестокий враг – Верховный Страж превратил меня в каменную глыбу.

- Чем тебе помочь? – спросил Защитник Людей.

- Спасибо на добром слове. Но сейчас ты мне ничем не поможешь.

- Почему же? Я – Защитник Людей, Умелые Мастера меня многому научили.

- Нет, мой друг! Время еще не пришло. Далеко в горах Верховный Страж спрятал живую воду, один глоток которой возвратит мне жизнь. Но пока Верховный Страж жив, никто из людей не сможет ее достать. О-ох! – снова застонал Горный Богатырь. – Хочу пить! Защитник Людей вытащил последнюю бутылку виноградного сока и отдал ее Горному Богатырю.

- Спасибо, мой друг. Я знаю, ты приехал в Страну Запрещенных Улыбок потому, что не поверил в существование такой страны. Такая страна есть, мой славный Защитник Людей, но тебя ждут в ней страшные испытания. Выдержишь ли ты их?

- Я все выдержу. Я из Большой Страны Согласия.

- Тогда я помогу тебе. Слушай меня внимательно. Верховный Страж превратил меня в каменную скалу, но не смог лишить способности на добро отвечать добром. Ты дал мне напиток. Я дам тебе два камешка. Погляди, они лежат у твоих ног. Возьми, они тебе пригодятся. Когда ты встретишь на своем пути Трехглавого Дракона и он захочет схватить тебя, брось ему навстречу эти камешки. Они волшебные. Они принесут тебе победу над Трехглавым Драконом.

- А Трехглавый Дракон очень злой?

- Это не имеет значения. Ты запомни другое. самого злого Волшебника можно победить, если не хочешь ему подчиниться. Слушай дальше и не перебивай. Скоро меня снова начнет одолевать жажда, тогда не смогу я сказать тебе ни единого слова. В Высоких Горах мучается Скорбящая Мать. У нее есть средство, с помощью которого Верховному Стражу можно вер-

нуть его прежний облик. Только тогда прекратится его власть над людьми. Вот поэтому Верховный Страж тайно приковал Скорбящую Мать к Пылающей Скале Высоких Гор. Путь к ней далек и труден. Преодолеть его может только тот, кто на вопрос – готов ли он идти к Пылающей Скале, не страшась тяжких испытаний, смело ответит: всегда готов! О-ох! – застонал Горный Богатырь. – Я снова хочу пить. О-ох! Защитник Людей заволновался. Он полез в рюкзак, но никакой воды в нем больше не было.

- О Горный Богатырь! Как мне помочь тебе?

- Не волнуйся, мой друг! Доброго тебе пути! – И Горный Богатырь стал нем как камень. Защитник Людей прижался к нему, и несколько горячих слезинок упало на каменную глыбу, и тогда снова раздался тихий голос;

- Иди, мой добрый друг, иди! Я желаю тебе удачи! Твоя удача вернет мне жизнь. И как ни прислушивался Защитник Людей, он ничего уже больше не услышал: кругом стояла тишина.

Глава четвертая. *О том, как спасся от смерти Защитник Людей, которой угрожал ему Мелкий Плясан из Каменной Провинции.*

Идти, а куда идти? Защитник Людей встал лицом к солнцу и таким образом определил страны света. Но в какую сторону идти? И тут он вспомнил поговорку одного из самых древних народов: лучше идти медленно, чем стоять на месте, – и пошел, больно сбивая о камни ноги и страдая от жажды.

Вдруг Защитник Людей остановился и даже вскрикнул от радости. Впереди показалось сооружение из камней – круглая башня без окон.

Защитник Людей находился еще далеко, когда из круглой башни выскочило живое существо. Оно было очень похоже на человека. Защитник Людей остановился, чтобы перевести дух, вытер вспотевшее лицо носовым платком – как-никак предстояла встреча с незнакомцем, ему надо было выглядеть вполне прилично, и двинулся вперед. Между тем живое существо стремительно приближалось к нему. Ноги его мелькали, как спицы в колесе. Было все это забавно, и Защитник Людей подумал, что это цирковой номер. Живое существо на коротких тонких ножках закричало:

- Остановись, ни с места!

- Почему? – с недоумением спросил Защитник Людей.

- Военный объект! – ответило существо.

- Это дело другое, – сказал Защитник Людей и остановился.

Он стал внимательно всматриваться в незнакомца, и чем больше всматривался, тем больше удивлялся. Вместо обычной человеческой головы у живого существа был круглый медный шар с маленькими, похожими на две черные точки глазками и круглым, широко открытым ртом. Защитник Людей заметил, к своему удивлению, что рот у этого существа все время оставался открытым, независимо от того, говорил он или молчал. «Станный какой», – подумал Защитник Людей. Одето существо было в коричневый

костном, похожий на водолазный, весь на «молниях» и с большим рисунком на груди.

Защитник Людей, указав на рисунок, спросил:

- Это что?

Живое существо, вскинув вверх свой медный шар, сказало:

- Эмблема!

- Что она означает? – спросил Защитник Людей.

- Она означает, что мы силой оружия должны покорить все другие страны. Защитник Людей подошел ближе и взгляделся в эмблему. Она изображала крест, от концов его под прямым углом отходили черные линии. Эмблема походила на растопыренные лапы огромного паука.

- Кто ты? – спросил Защитник Людей, сгорая от любопытства.

- Я – Мелкий Плясун, – не без гордости ответило странное существо и так двинуло медной головой, что она громко зазвенела, как неваляшка, когда ее раскачивают из стороны в сторону.

- Ну, здравствуй, Мелкий Плясун! – сказал Защитник Людей.

Небольшие глазки метнули две маленькие чёрные стрелы.

- Ты кто? – спросил Мелкий Плясун.

- Я – Защитник Людей из Большой Страны Согласия. Скрученные спиралью руки Мелкого Плясуна мгновенно развернулись, и тут Защитник Людей увидел, что вместо пальцев у Мелкого Плясуна были ножи. Еще больше удивился Защитник Людей, когда увидел, как мгновенно поднялись на медной голове редкие волосы, жесткие, как спицы. Но Защитник Людей был храбрым мальчиком. Он не испугался, а подумал: из какой сказки этот злобный Плясун? Мелкий Плясун сказал:

- Сейчас я доложу о тебе Среднему Плясуну Каменной Провинции.

Он упал на землю, отвернул большой камень и приложил медное ухо к земле.

- Постой, что ты собираешься делать? – спросил Защитник Людей.

- Разговаривать со Средним Плясуном Провинции. Спрошу, как с тобой поступить, поскольку ты из Большой Страны Согласия.

- Оставь! – сказал Защитник Людей. – Не торопись, всегда успеешь. Лучше ответь мне на несколько вопросов. Ладно?

- Не могу! У нас все Недумающие обитатели нашей страны не разговаривают с людьми из Большой Страны Согласия. А я принадлежу к числу Недумающих.

- Ну хорошо! – согласился Защитник Людей. – Можешь не говорить, меня это не удивляет. Покойный Змей Горыныч рассказывал мне кое-что о твоей стране.

- Правда? – обрадовался Мелкий Плясун. – Значит, слава моей страны прошла по всему миру? – Медная голова Мелкого Плясуна зазвенела на разные тона. – Ну вот что, хватит болтать, сейчас я тебя передам Среднему Плясуну, который подготовит публичную казнь. У нас приказ казнить всех, кто приходит из Большой Страны Согласия, – прервал разговор Мелкий Плясун.

- Но какой тебе прок от моей казни? – возмутился Защитник Людей.

- О-о! – воскликнул Мелкий Плясун. – За твою казнь я получу награду. Меня переведут в касту Средних Плясунов и вместо матерчатых тапочек дадут кожаные. Вот так! – закончил Мелкий Плясун.

- Ладно, я вижу, что с тобой каши не сварить. Дай мне только поесть, а то я уже и так умираю от голода.

- Сразу видно, что ты из Большой Страны Согласия и что у вас сохранились низменные наклонности: иметь хорошую пищу и хорошую одежду. Тут уж наступило время сердиться Защитнику Людей.

- Да вы-то что, не едите, что ли?

- Мы презираем пищу. Все Недумаящие нашей страны дали клятву: самое высшее добро в мире – война и голод. Поэтому мы и не признаем большего счастья, чем голодать и готовиться к войне.

- Какая дикость! – с гневом сказал Защитник Людей. – Значит, решили погибнуть не от голода, так от войны, не от войны, так от голода?

- Так сказал нам Верховный Страж.

- А вы сами о чем-нибудь думать можете?

- Нет, думать нам запрещено.

- Дело ваше. Не хотите думать – не думайте. Только когда-нибудь поймете, да как бы поздно не было, что это в высшей степени глупо. А я сейчас напоследок поем. Он стал вытаскивать один за другим свертки из рюкзака. В одном лежал кусок ветчины, в другом – пирожки с рисом и изюмом, в третьем – сладкая сырковая масса. Защитнику Людей очень хотелось есть, и на Мелкого Плясуна он не обращал никакого внимания, поедая один кусок ветчины за другим. Вдруг медная голова Мелкого Плясуна тихо и жалобно зазвенела. Защитник Людей поднял глаза и застыл с непрожеванным куском ветчины во рту. Из открытого рта Мелкого Плясуна текли слюнки.

- Хочешь есть? – участливо спросил Защитник Людей.

- Я презираю пищу! – чуть не плача сказал Мелкий Плясун.

- Ну и глупо. Чтобы жить, надо питаться. В здоровом теле здоровый дух!

- А мы и не собираемся жить, мы собираемся воевать.

- Опять ты за свое. Садись лучше, накормлю.

- Мне нельзя садиться с тобой рядом.

- Почему?

- Потому что ты из Большой Страны Согласия.

- Да, брат, здорово тебя обработали, медная твоя голова. Ладно, придет время – разберешься, что к чему. А сейчас садись, вижу – помираешь от голода.

- Да не сяду я! Но ты дай мне один пирожок с рисом, – сквозь слезы попросил он.

- Лови, – сказал Защитник Людей и бросил Мелкому Плясуну пирожок. Спиральные руки Мелкого Плясуна развернулись, и на острие ножа, который заменял ему указательный палец, он ловко поймал пирожок и стал его жадно есть, словно боялся, что пирожок у него отнимут.

- Не спеши, – сказал Защитник Людей. – Я тебе еще дам пирожок.
Но Мелкий Плясун отказался: Больше не буду.
- Это почему же?
- Боюсь. Если я съем еще пирожок, меня может покинуть чувство голода, а это очень опасно.
- Вздор ты несешь, Мелкий Плясун. Наоборот, наешься, сразу почувствуешь себя хорошо.
- Это вы так думаете, люди Большой Страны Согласия. А у нас все наоборот. Если я перестану испытывать чувство голода, меня переведут в Касту Думающих и сошлют в Желтую Пустыню на перевоспитание.
- Неужели у вас такие глупые законы?
- Не глупые, а мудрые, – поправил Мелкий Плясун.
- Ладно! Съешь лучше еще один пирожок, гляди – поумнееешь немножко.
- А я не потеряю чувство голода? – спросил Мелкий Плясун.
- Не бойся, не потеряешь. Защитник Людей бросил ему еще один пирожок. Мелкий Плясун съел его с таким же проворством, как и первый.
- Закончив завтрак и продолжая думать о том, как избежать казни, Защитник Людей сказал:
- А теперь можешь приступить к своим обязанностям. Только знаешь, порядочные люди так не делают.
- А что такое порядочность? Я не понимаю, – сказал Мелкий Плясун.
- Ты мои пирожки ел? Ел! А теперь собираешься отправить меня на казнь. Вот это и называется непорядочностью. Так могут делать только люди, у которых нет ни души, ни сердца.
- А у меня нет ни души, ни сердца, – с живостью откликнулся Мелкий Плясун.
- Хочешь убедиться? И, не дожидаясь ответа, он потянул «молнию» на своем костюме сверху вниз и обнажил грудь.
- Смотри! Защитник Людей ахнул от удивления. Действительно, грудь Мелкого Плясуна была каменная. Мелкий Плясун был явно доволен произведенным эффектом и стал охотно пояснять:
- Это одно из самых великих чудес Верховного Стража. У нас у всех грудь каменная. И сердце тоже каменное. Вот как здорово! Сейчас в Академии Путаных Предложений во главе с ее президентом Ку-Ре-Ку-Ка обсуждается вопрос, стоит ли Мелких Плясунов целиком и полностью превратить в каменных или от этого временно надо воздержаться. Всех сообразительнее оказался президент Ку-Ре-Ку-Ка. Он сказал, обращаясь к Верховному Стражу:
- О, Верховный Страж! Нельзя делать Мелких Плясунов полностью каменными. Потому что тогда и желудок станет каменным и Мелкие Плясуны перестанут испытывать постоянный голод, а это в свою очередь может привести к тому, что они, чего доброго, перестанут готовиться к войне. О, Верховный Страж! – добавил президент Академии Путаных Предложений, – это

не мои, а твои мысли. Я прочитал их сегодня во сне. Ты прав, о Верховный Страж! Надо поступить так, как ты думаешь.

- Как? – закричал Верховный Страж. – Ты читаешь во сне мои мысли? Какая дерзость! Казнить предателя! – И обращаясь к присутствующим, добавил:

- Это, действительно, мои мысли. Не будем делать Мелких Плясунов полнотью каменными.

Чего доброго они тогда перестанут испытывать постоянный голод, а это в свою очередь может привести к тому, что они перестанут готовиться к войне. Такова моя, Верховного Стража Страны Запрещенных Улыбок, воля.

Все присутствующие, еле попадая от радости зуб на зуб, закричали:

- Сто тысяч лет нашему мудрому Верховному Стражу и пусть погибнут все, кто думает иначе!

- Поэтому, – добавил Мелкий Плясун, – нам оставили самые обыкновенные человеческие желудки и мы вечно хотим есть.

- Жалко мне тебя, – посочувствовал Защитник Людей. – Несчастный ты человек!

- Что ты, что ты! – испугался Мелкий Плясун. – Мы самые счастливые на земле!

Защитник Людей не стал больше разговаривать с Мелким Плясуном.

«Бесполезно, – подумал он. Этот все равно поведет меня на казнь».

А умирать Защитнику Людей совсем не хотелось, жизнь его только началась, впереди было много превосходных планов, в которых самое большое место занимала мечта о полете в космос. Ах, если бы с ним были русские сказки! Можно было бы смотреть за живой и мертвой водой или обратиться к золотой рыбке, она добрая и не отказала бы в помощи. Но где тут ее сыщешь? Кругом одни камни. Здесь и люди-то наполовину каменные! Защитник Людей вдруг заметил, что Мелкий Плясун стал клониться набок.

- Спать хочу, прямо-таки глаза слипаются – так спать хочу! – сказал Мелкий Плясун.

- Неудивительно, – ответил Защитник Людей. – Два пирожка съел, вот пища и разморила. Без привычки.

- Спать хочу, – еще раз устало повторил Мелкий Плясун. Голова его раздва звякнула о камень, и Мелкий Плясун заснул. Защитник Людей закинул рюкзак за плечи и сначала медленно и бесшумно, а потом все быстрее и быстрее стал удаляться от Мелкого Плясуна.

- Вот как здорово я выпутался из неприятной истории, – засмеялся Защитник Людей и весело зашагал по дороге. Но он не знал еще в то время, что его тяжелые испытания в Стране Запрещенных Улыбок, где люди не здороваются друг с другом, только начинаются.

Глава пятая. *Целиком посвящена неожиданной встрече Защитника Людей с Тоцим Ежиком, без которой было бы совершенно невозможным, дальнейшее путешествие Защитника Людей по Стране Запрещенных Улыбок.*

В самом добром расположении духа Защитник Людей шагал по дороге и напевал свою любимую песню – песню Умелых Мастеров. Идти вперед, не зная страха, – Девиз Умелых Мастеров. Я к делу смелого размаха

Всегда готов, всегда готов! Вдали показалась машина. Защитник Людей спрятался за большим камнем. После встречи с Мелким Плясуном он понял, как необходима ему в незнакомой стране осторожность. Машина вдруг резко затормозила и остановилась. Из кузова один за другим выскочили несколько человек. Защитник Людей стал наблюдать за ними. Он порадовался тому, что спрятался. Соскочившие с машины были все без исключения Мелкие Плясуны, было их не менее двадцати, и Защитник Людей подумал, что неприятностей, таким образом, у него было бы в двадцать раз больше. Плясуны бросились врассыпную по обе стороны дороги, быстро накидали полный кузов камней, машина вновь рванулась вперед и исчезла в густых клубах пыли. Защитник Людей решил, что можно продолжать свой путь дальше. Он стал подниматься и вдруг почувствовал, что кто-то слабо дергает его за рукав. Защитник Людей оглянулся и увидел, что тащит его за рукав маленький Тощий Ежик.

- Что ты здесь делаешь?– спросил он Ежика.

- Прячусь от Мелких Плясунов.

- Почему ты от них прячешься?

- Видишь ли, Мелкие Плясуны получили приказ Верховного Стража вылавливать по всей стране ежей и доставлять ему.

- Станный приказ.

- Ничего странного. Верховному Стражу очень нравится мясо ежей. Он глотает нас целиком, словно мы не ежи, а маленькие креветки.

- Чем я могу тебе помочь? Может, ты голоден?

- Да. Мне очень хочется есть.

- У меня осталось немного ветчины и хлеба, – сказал Защитник Людей.

Он полез в рюкзак, вытащил кусок недоеденной им булки и три небольших кусочка ветчины. – Вот все, что у меня осталось. Тебе бы надо молочка, но ты меня извини...

- О, ветчина – такое лакомство, – ответил обрадованный Тощий Ежик.

И Защитник Людей с улыбкой смотрел на голодного Тощего Ежика, который с превеликим удовольствием поедал один кусочек ветчины за другим.

А когда Тощий Ежик насытился, Защитник Людей спросил:

- Что же мы будем делать с тобой дальше?

- Возьми меня с собой. Я боюсь оставаться один.

- Хорошо. Я возьму тебя с собой. Я из Большой Страны Согласия. А в моей стране не отказывают в помощи тому, кто в ней нуждается. Полезаю ко мне за пазуху.

- Ура! – закричал Ежик. – Ты самый добрый человек на Земле!

Защитник Людей вышел из-за своего укрытия и зашагал с песней дальше:

Знамена братства, счастья, мира В руках Умелых Мастеров.

К борьбе за них я, что есть силы,
Всегда готов, всегда готов!

И маленький Тощий Ежик, прислушавшись к незнакомой песне, стал тихо ему подтягивать своим тоненьким голоском. Прошли еще несколько машин, и история повторилась: все Мелкие Плясуны, ехавшие в машине, запасались камнями. Защитник Людей начал уже уставать, когда завидел вдаль город. Он остановился. Идти в город или не идти? Солнце клонилось к западу.

Подходило время, когда следовало уже позаботиться о ночлеге. И тут было о чем подумать. Но теперь он был не один.

- Ежик! – сказал он, заглянув за пазуху. – Как ты себя чувствуешь?

- Отлично!

- А как ты думаешь, следует нам идти в город или нет?

- Там очень много Мелких Плясунов. И все они очень злые.

- Милый Ежик! Песня, которую мы с тобой только что пели, учит бесстрашию.

- Если ты не боишься Мелких Плясунов, то пойдем в город.

- Волков бояться – в лес не ходить! Вперед! – воскликнул Защитник Людей, и снова запел свою песню:

Идти вперед, не зная страха, –

Девиз Умелых Мастеров.

Тощий Ежик весело ему подтягивал.

Глава шестая. *О том, как Защитник Людей спас Конька-Горбунка от сожжения на костре и Думающего Человека от неминуемой смерти.*

У городских ворот скопилась такая огромная толпа, что Защитнику Людей ничего не стоило пробраться незамеченным в город. В городе царил оживление. Одна за другой мчались машины с Мелкими Плясунами. Везде были развешены какие-то плакаты. Защитник Людей нашел укромное место и стал наблюдать. Машины с Мелкими Плясунами останавливались у домов и ждали. Если из дома выходил такой же, как они, Мелкий Плясун, они его молча пропускали или же он влезал к ним в машину. Но вот распахнулась дверь дома и оттуда вышел вполне нормальный человек. Мелкие Плясуны забросали его камнями, а когда он упал, подняли и стали безжалостно бить в лицо. Потом они связали ему сзади руки и повесили на грудь тяжелую деревянную колоду с надписью: «Думающий Человек». Это был старик. Защитник Людей явственно ощутил в его взгляде мучительный вопрос: «Неужели вы, люди, не видите, что происходит жестокая несправедливость?» Защитнику Людей стало невыносимо жалко Думающего Человека. Но как он мог ему помочь? С горечью он подумал о том, что рядом с ним нет добрых героев из сказок: ни Ивана – крестьянского сына, ни Храброго портняжки, ни работника Балды, ни даже Карлсона, с которыми он мог бы запросто разогнать свору злых Мелких Плясунов. А издевательства над Думающим Человеком продол-

жались. Мелкие Плясуны тянули его за веревку и он падал навзничь, тяжело ударяясь затылком о каменные плиты. Мелкие Плясуны поднимали его, ставили на ноги, били и плевали в лицо, корча при этом чудовищные рожи. Человек молчал. Мелких Плясунов это особенно злило, и они орала на Человека: «Мы будем тебя бить и бить до тех пор, пока ты не перестанешь думать! Нам не нужны Думающие личности! Мы выьем из тебя способность думать и улыбаться!» И Мелкие Плясуны потащили окровавленного Человека на городскую площадь. Защитник Людей сгорал от негодования. Нет, медлить нельзя ни минуты. На его глазах убивают человека, и нечего тут раздумывать. Он сорвал плакат, где прославлялся Верховный Страж, завернулся в него и пошел на городскую площадь вслед за толпой Мелких Плясунов. Никто Защитника Людей не трогал. Наоборот, Мелкие Плясуны ему шумно аплодировали, принимая все это за остроумную выходку Мелкого Плясуна и втайне завидуя ему. Над городской площадью поднимался густой дым. Защитник Людей сначала ничего не мог рассмотреть – глаза все время слезились от дыма. Зато Мелкие Плясуны, не замечая ничего, по-прежнему неистово кричали, хотя их медные головы покрывались копотью. А над площадью разгорался костер. Защитник Людей протиснулся поближе и к ужасу своему увидел, что высокое пламя поднималось от горящих книг. Неподалеку от костра стояла трибуна, и на ней металось, свивая и развивая спирали рук, существо, похожее на Мелкого Плясуна. Но Защитник Людей ошибся. Это был не Мелкий Плясун, потому что медная голова у него покрупнее, а на ногах были не матерчатые тапочки, а кожаные.

Сердце Защитника Людей исходило кровью. В Большой Стране Согласия его научили горячо любить книги. Он еще не умел говорить, а уже с огромным вниманием слушал сказки, которые ему читала мать. Ах, до чего же это было приятно! Он переносился в великолепное царство воображения, радовался тому, как Мальчик-с-Пальчик умело спасал своих братьев от злого Людоеда, как Кот в сапогах проглотил волшебника Зорокастеса, который был очень сильным, но еще более глупым, как наказан был жадный крокодил, проглотивший солнце. Защитник Людей помнил и до сих пор, как хорошо и спокойно ему спалось, когда после вопроса: «А Красная Шапочка осталась живой?» – мать отвечала: «Конечно, живой. Дровосек же убил волка. Спи, мальчик, спи! Теперь уже Красная Шапочка никогда не умрет!»

Он знал – добрые люди всегда накажут тех, кто делает зло. А теперь Защитник Людей видел, что охапками бросают книги, и они, корчась в муках, со стонами, словно живые люди, погибают на костре.

Средний Плясун на трибуне выкрикивал:

- Уничтожим все до одной, какие только есть, сказки в мире! И вслед за его словами в костер летели сказки, которые любят и читают все дети мира.

- Чем больше читаешь, тем глупее становишься! Так сказал Верховный Страж! – снова прокричал Средний Плясун не в матерчатых тапочках, а в кожаных.

Из-за спины Защитника Людей протиснулся с книгой в руках Мелкий Плясун. Книга была большая в ярком синем переплете, похожем на небо, залитое лучами восходящего солнца. В небе летела маленькая лошадка с длинным красивым хвостом и красивой золотистой гривой. Внизу проплывала земля с большими городами, синими морями, голубыми реками, зелеными лесами и полями, на которых росла густая высокая рожь. Эту книгу Защитник Людей не раз держал в руках, не раз радовался, читая ее и рассматривая картинки.

Мелкий Плясун занес книгу над костром, и тогда Защитник Людей не выдержал:

- Стойте, стойте, говорю я вам! Да ведь это же сказка о Коньке-Горбунке!

Любимая сказка всех детей из Большой Страны Согласия! И он прямо из огня выхватил сказку о Коньке-Горбунке. Ах, добрый, добрый Защитник Людей! Что ты наделал! Сейчас набросятся на тебя все Плясуны, какие только есть в Стране Запрещенных Улыбок, и Мелкие, и Средние, и Крупные. Вот они уже распустили спиральные руки, своими ножами-пальцами они изрежут тебя вдоль и поперек, а потом бросят в этот огромный чадающий костер. Мне жаль тебя, дорогой Защитник Людей! У меня от ужаса закрываются глаза и замирает сердце! О, если бы мои слезы могли остановить твою казнь, добрый и храбрый Защитник Людей! И вдруг произошло что-то невероятное, до того сказочное, что у меня не хватает слов, чтобы о нем рассказывать. Конек-Горбунок вдруг выскочил из книжного переплета, длинным своим хвостом разметал вокруг Защитника Людей Мелких Плясунов. Это было поистине сказочное мгновение! Защитник Людей вскочил на спину Конька-Горбунка и крикнул ему на ухо:

- Захватим с собой Думающего Человека! Сделай доброе дело, Конек-Горбунок! Нельзя его оставлять Мелким Плясунам! Они его убьют.

- Ладно! – сказал Конек-Горбунок. – Ты спас меня от огня, а я помогу тебе спасти Думающего Человека. Он подобно вихрю закружился над площадью, и не успели Мелкие Плясуны прийти в себя, как Конек-Горбунок вместе с Защитником Людей и Думающим Человеком взлетел к звездам. Его хвост оставлял за собой огненный след совершенно так же, как это было нарисовано на обложке спасенной книжки. Много ли, мало ли они пролетели, но вот Конек-Горбунок стал спускаться на землю. Он долго кружил над нею, выбирая удобное для посадки место, и Защитник Людей даже не почувствовал приземления, так оно тихо и плавно было совершено.

- Как самочувствие? – спросил Конек-Горбунок.

- Отличное! – ответил Защитник Людей.

- Здесь мы сможем все отдохнуть, – сказал Конек-Горбунок. – Слышишь, как журчит ручей? У тебя есть посуда для воды?

- Есть бутылка от кефира. Пойдет?

- Вполне. Ступай теперь в лес и там увидишь большой камень. От этого камня сверни влево. Найдешь ручей по его шуму. Защитник Людей не зас-

тавил себя ждать. Думающий Человек лежал без всяких признаков жизни. Маленькими струйками Защитник Людей стал лить воду ему на лицо. И к величайшей радости увидел, как открылись глаза Думающего Человека, как высоко затем поднялась его грудь, потому что человек жадно втянул в себя свежий лесной воздух.

- Как вы себя чувствуете?— спросил Защитник Людей.

- Хорошо, мой друг! Я чувствую себя здоровым.

- За что они вас так? – спросил Защитник Людей. В голосе его звучали сострадание и боль.

- Об этом долго рассказывать, мой друг! Виновник всех наших страшных бед

- Верховный Страж. Это по его приказу сжигали книги на городской площади, убивали людей, не желавших подчиниться его злой воле. Знаешь, кто

Верховный Страж на самом деле? Он самый жестокий Дракон на свете и самый коварный обманщик. Он только другой облик принял. Он отправился к кузнецу и сказал:

- Сделай мне человеческий голос! Кузнец подумал, что Дракон и в самом деле хочет превратиться в человека, и сделал ему человеческий голос. Тогда Дракон пошел к Портному и сказал ему:

- Сшей мне человеческий костюм! Портной подумал, что Дракон и в самом деле хочет стать человеком, и сшил ему человеческий костюм. Сделавшись владыкой Страны Запрещенных Улыбок, он решил подчинить себе и весь мир. Поэтому день и ночь Верховный Страж кует оружие. В стране началась замена думающих голов круглыми медными шарами. Такова была воля Верховного Стража. Никто, кроме него да еще членов Академии Путаных Предложений, не знал, что в круглые медные головы была вложена короткая магнитофонная лента. На ней повторялись одни и те же слова: «Готовься к голоду и войне, готовься к голоду и войне, готовься к голоду и войне!» Самые мужественные и умные люди страны, несмотря на все пытки, которым они подвергались, упорно не желали заменять головы медными круглыми шарами. Они говорили: «Лучше мы умрем, чем перестанем думать». Теперь тебе понятно, дорогой мой мальчик, все, что со мной произошло. Спасибо тебе за то, что ты спас меня. Ко мне вернулись силы, и я снова могу продолжать борьбу. Защитник Людей испугался:

- Так они снова начнут вас истязать, вы еще не совсем здоровы!

- Нет, я вполне здоров. Ко мне вернулись силы. И новых пыток я не боюсь.

Запомни, что борьба за человеческое счастье никогда еще не обходилась без жертв. А теперь я пойду. Прощай! Защитнику Людей хотелось удержать Думающего Человека, но тот мгновенно растворился в темноте, так что Защитник Людей не успел даже произнести ни одного слова.

- Я тоже поскачу, – сказал Конек-Горбунок.

- А ты куда? – растерянно спросил Защитник Людей. Ему очень не хотелось оставаться одному.

- В любое место. Я ведь Конек-Горбунок, я из сказки. Полечу туда, где нужна помощь людям. Прощай, Защитник Людей. Спасибо тебе. Его длинный хвост загорелся огненным светом. Подобно метеору Конек-Горбунок исчез среди ярких созвездий Большого Млечного Пути.

Глава седьмая. *Верховный Страж Страны Запрещенных Улыбок приказывает Ядовитой Гадюке и Трехглавому Дракону разыскать Защитника Людей и доставить его в Императорский Дворец.*

Верховный Страж неизвестно каким образом узнал, что в Стране Запрещенных Улыбок находится Защитник Людей из Большой Страны Согласия. Крупным Плясунам, жившим в его Дворце, он приказал привести Трехглавого Дракона и Ядовитую Гадюку. Приказание было незамедлительно исполнено. Трехглавый Дракон на почтительном расстоянии от трона Верховного Стража положил все свои три головы на пол, а Ядовитая Гадюка, свившись в клубок и чуть приподняв над полом маленькую головку со злыми глазами, прошипела:

- Мы слушаем тебя, о Великий Страж, приказывай! Какая мудрая пришла тебе снова в голову мысль? Прикажи – и мы ее выполним. Верховный Страж сидел, не открывая глаз, потому что он щадил свое зрение, и еще потому, что при закрытых глазах, как он думал, легче рождаются в голове необыкновенные идеи, столь необходимые ему для господства над людьми.

- Слушайте приказ! В мою страну проник Защитник Людей из Большой Страны Согласия. Немедленно разыщите его и доставьте во Дворец! Три головы Дракона медленно и молча одна за другой поклонились Верховному Стражу.

- По сведениям, представленным мне Академией Путаных Предложений, – продолжал Верховный Страж, – Защитник Людей направляется в Желтую Пустыню для встречи со Скорбящей Матерью, которую я приказал приковать к Пылающей Скале. Ему не миновать охраняемых тобою, Трехглавый Дракон, непроходимых ворот. У этих ворот вы его и поймайте. Поняли? Три головы Дракона медленно и молча одна за другой поклонились Верховному Стражу.

- Я постараюсь изловить его раньше, о Верховный Страж! – прошипела

Ядовитая Гадюка. Но Верховный Страж снова закрыл глаза, что означало: разговор окончен. Гадюка, накопившая за время разговора изрядное количество яда, быстро поползла по мраморному полу, устремляясь к выходу. Ей очень хотелось первой разыскать Защитника Людей, чтобы выслужиться перед Верховным Стражем. За нею покинул Дворец и Трехглавый Дракон.

Глава восьмая. *Прочитав эту главу, юные читатели узнают о том, как Тощий Ежик спас Защитника Людей от неминуемой смерти и как они расстались, дав друг другу слово на верную дружбу.*

Опять я один, – тихо и грустно сказал Защитник Людей.

- Нет, ты не один. Я с тобой! – Это тоненько пропищал из-за пазухи Тощий Ежик. Защитник Людей встрепенулся:

- Ах ты, миленький Ежик! Как же я забыл о тебе? Совсем нехорошо получилось.

- Я лежал очень тихо и слушал ваш разговор, вот так и получилось.

- Ну вылезай, Тощий Ежик. Поговорим. Мне что-то очень грустно.

- Мне тоже.

- Знаешь, Ежик, сегодня праздник детей и дети в этот день поют хорошую песню: «Пусть всегда будет мама...» Он сказал это, и ему стало еще грустнее, потому что его мама была далеко-далеко, а ему так хотелось рассказать ей обо всем, что с ним произошло.

- Что же делать? Ты можешь сказать, что надо делать? – спросил Тощий Ежик.

Защитник Людей не знал, что ответить Тощему Ежику. Ему было очень грустно, слезы подступали к горлу. Но он не хотел, чтобы тот видел, как он плачет. Поэтому, преодолевая тоску, он сказал:

- Знаешь, Ежик, как говорят в сказках, утро вечера мудренее. Давай спать, а когда наступит утро, мы подумаем с тобой, что нам делать дальше.

- Давай спать! – согласился Тощий Ежик.

Тощий Ежик залез под мышку Защитнику Людей и скоро заснул. А Защитник Людей долго еще не спал. Он никак не мог забыть того, как Мелкие Плясуны убивали Думающего Человека и как в огромном костре горели самые лучшие сказки, сочиненные самыми лучшими сказочниками мира. Ему стало так больно, что он горько и беззвучно, чтобы не услышал его Ежик, заплакал. ...Рано утром Ежик потянул Защитника людей за рукав:

- Вставай, уже утро, видишь, поднимается солнышко. Защитник Людей быстро вскочил на ноги. И хотя солнце ему показалось здесь не таким, каким он привык его видеть дома, все равно солнечный восход его обрадовал. Верный своей привычке, он стал заниматься физзарядкой. Потом сбегал к ручью, умылся и сразу почувствовал себя свежо и бодро. Вдруг Защитник Людей услышал в тишине слабый, еле уловимый шорох. Он оглянулся и увидел рядом с собой Ядовитую Гадюку. Она высунула тонкий и острый язычок, высматривая, где лучше ужалить Защитника Людей. И тут произошло чудо. Маленький Ежик стремительно бросился на Ядовитую Гадюку, острыми зубами схватил ее чуть пониже головы и прижал к земле. Корчась от боли, Ядовитая Гадюка сказала, обращаясь к Защитнику Людей:

- Прикажи этому мерзкому Ежу отпустить меня. Я пришла к тебе с добрыми вестями. Но Тощий Ежик и не подумал отпустить Ядовитую Гадюку. Не разжимая рта, он торопливо проговорил – так, что Защитник Людей еле смог разобрать его слова:

- Не верь ей! Она обманщица! Ядовитая Гадюка, задыхаясь от боли и злости, проговорила:

- Верховный Страж послал меня, чтобы пригласить тебя в гости к себе во дворец. Услышав имя ненавистного Верховного Стража, Тощий Ежик яростно сжал зубы. Ядовитая Гадюка задрожала и вытянулась. Она была мертва;

- Спасибо тебе, добрый Ежик, ты спас меня от Ядовитой Гадюки.
- Ты спас меня от голода, я спас тебя от Ядовитой Гадюки. – Тощему

Ежику

была так приятна благодарность Защитника Людей, что он засмеялся.

- Ах, ты, моя добрая кроха! – Защитник Людей погладил Ежика, шкура которого стала мягкой и нежной, какой она становилась всегда, когда Ежика гладили те, кого он не боялся.

- Я знаю, – сказал Тощий Ежик, – она хотела тебя увести к Верховному Стражу не в гости. Уж если он плотает ежей...

- Спасибо тебе, Ежик, – сказал Защитник Людей. – Мы с тобой теперь друзья навечно.

- Да, – ответил Тощий Ежик. – Я тебя никогда-никогда не забуду.

- А ты знаешь, что такое дружба? – спросил Защитник Людей.

- Знаю. Друзья всегда вместе.

- Нет, дорогой Ежик! Это еще не дружба. Бывает так, что друзья разлучаются, И если они настоящие друзья, знаешь, что они будут делать, находясь далеко друг от друга? Они будут делать людям то хорошее, что постоянно делали бы друг для друга.

- Я согласен на такую дружбу, – сказал Тощий Ежик.

- А еще дружба заключается в том, чтобы не испугаться разлуки.

- Я не знаю, для чего ты это говоришь? Мне не хочется с тобой расставаться, – голос Тощего Ежика задрожал.

- Мне тоже грустно. Когда друзья расстаются, им всегда грустно.

- Но зачем же расставаться?

- Видишь ли, дорогой друг, мне нужно идти далеко-далеко, к высоким горам. А это долгий путь.

- А зачем тебе идти к высоким горам? Ты не можешь туда не ходить?

- Нет, не могу, – ответил на это Защитник Людей. – Послушай, что я тебе расскажу, и тогда ты поймешь, почему я не могу с тобой оставаться. Совсем недавно Горный Богатырь рассказал мне, что в высоких горах мучается, прикованная к Пылающей Скале по приказу Верховного Стража, Скорбящая Мать. Она обладает средством, с помощью которого Верховному Стражу можно вернуть его прежний облик. Ты понимаешь, как это важно. Все люди увидят тогда, что Верховный Страж жестокий и бесчестный обманщик. Но дорога к Скорбящей Матери очень тяжела, и пройти ее, как сказал мне Горный Богатырь, может только тот, кто на вопрос, готов ли он к трудностям, не страшится ли всяких препятствий и даже самой смерти, ответит: всегда готов! Помнишь, мой добрый друг, песню, которую мы пели с тобой вместе:

Идти вперед, не зная страха, –

Девиз Умелых Мастеров.

Я к делу смелого размаха

Всегда готов, всегда готов!

А ты, милый Ежик, не бойся. Конек-Горбунок выбрал совершенно спокойное место. Мелкие Плясуны тут тебя не найдут, и у тебя есть мясо Гадюки – будет чем питаться. Прощай, мой добрый друг! – сказал Защитник Людей и закинул за плечо рюкзак, в котором оставался маленький кусочек булки.

Быстрыми шагами он стал удаляться от Тошего Ежика, потом остановился и крикнул уже издалека:

- Прощай, прощай и помни обо мне!

Тоший Ежик горько плакал.

Глава девятая. *В ней Защитник Людей находит еще одного маленького, но искреннего и преданного друга.*

Защитник Людей быстро шагал вперед, думая о том, как найти дорогу к Пылающей Скале. Вдруг вдали он увидел большой зеленый лес. Защитник Людей обрадовался: там его ждет отдых. И в лесу всегда можно найти какую-нибудь пищу. Он зашагал еще быстрее, и дорога привела его к большому зеленому саду. В саду росли яблони, и на каждой висело множество больших красных плодов. У Защитника Людей загорелись глаза. Он хоть и был мальчиком Большой Страны Согласия, но имел привычку всех мальчишек мира: лазать по чужим садам. А что поделаешь? Старые привычки нелегко покидают людей. Он перемахнул через забор, подбежал к самому красивому дереву и расстегнул воротник рубашки, чтобы за пазуху положить яблоки. Но произошло нечто совершенно неожиданное. Едва он потянулся к яблоку, как на его глазах оно превратилось в плоскую лепешку, источающую зловоние и похожую на расплющенный панцирь черепахи.

В таком виде оно падало на землю. Тогда он перебежал к другому дереву, но и там все повторилось. «Что за чепуха?» – подумал Защитник Людей. На земле лежало множество лепешек, источавших яд, от которого становилось тяжело дышать. Защитник Людей снова перемахнул через забор на дорогу. Было досадно оттого, что яблоки оказались не яблоками. И от этого еще сильнее захотелось есть. Найдя большой камень, он лег с теневой стороны, чтобы отдохнуть и продумать, как быть дальше. И совсем неожиданно он почувствовал, что ему очень сильно хочется мороженого, того самого, которым часто его угощала мама. Ах, какое это было чудесное мороженое, в вафлях, сладкое, прохладное! Сейчас ему только бы один брикетик, совсем-совсем маленький! Но где его взять? В этой каменной знойной степи даже глотка воды не найдешь, а что уж тут думать о сладком сливочном мороженом!

И тут Защитник Людей вспомнил Счастливую Премию, полученную им в Большой Стране Согласия за чтение стихов великого Поэта. В Большой Стране Согласия стихи любили все. Каждого юношу, вступающего в жизнь, не брали на работу до тех пор, пока не убеждались в том, что он и сам умеет чувствовать великую красоту Поэзии, и может передать ее другим. Счастливая Премия давала возможность ее владельцу выполнить три желания. Тогда премией своей он не воспользовался, зато теперь она очень даже пригодилась.

- О, моя Счастливая Премия! – громко сказал Защитник Людей. – Дай мне хоть один брикетик самого обыкновенного сливочного мороженого!

И чудо произошло. Прямо у рта Защитника Людей закружился брикетик сладкого мороженого. Он быстро развернул его и стал жадно есть. И такого удовольствия Защитник Людей не испытывал еще никогда. Покончив с мороженым и облизав старательно пальцы, чтобы продлить удовольствие, Защитник Людей почувствовал, что усталость вмиг прошла. Но зато на душе появилось какое-то сначала смутное, а потом все более и более возрастающее беспокойство. В чем дело? И тут Защитник Людей услышал, как чей-то голос ясно сказал ему:

- Третью часть Счастливой Премии ты употребил на то, чтобы съесть мороженое! Подумай, Защитник Людей, и не торопись. Ты находишься в Стране Запрещенных Улыбок, и пока еще не известно, для каких важных дел эта Премия тебе может понадобиться. На эти слова Защитник Людей ответил:

- Счастливая Премия может выполнить еще два моих желания. Даю слово, что употреблю их только на большие и добрые дела. И не повторю больше ошибки.

- Здравствуй! – раздалось над ухом Защитника Людей. Защитник людей поднял голову и увидел Скворца.

- Ты что тут, Скворушка, делаешь?

- А я прилетел предупредить тебя. Этот сад принадлежит Школе Ликвидации Улыбок. Всех, кто в ней находится, кормят такими яблоками. Их не только люди, но даже скворцы есть не могут. Так что ты напрасно лазил в сад.

Скворец сел рядом. Он растопырил крылышки, раскрыл клюв и тяжело дышал. Защитнику Людей стало его жалко.

- Ты устал, бедняжка, вот подкрепись и отдохни. Защитник Людей вытащил из рюкзака кусок булки и бутылку с водой, хлеб разломил пополам и одну половину положил перед Скворцом, а другую принялся с аппетитом есть сам. До чего же был вкусным этот черствый хлеб Большой Страны Согласия! И оба они ели и смеялись от радости.

- Ох, спасибо, – сказал Скворец, доклеывая последние крошки. – Только я не знаю, как мне тебя отблагодарить.

- Да никак, дорогой птенчик. Ты наелся – вот и вся награда. Слушай теперь сказку. Однажды человек, который всю свою жизнь путешествовал, попал в таинственную волшебную страну. Шел этот человек по улице и ко всему присматривался, поскольку страна для него была совершенно незнакомая. И вдруг глаза его загорелись, он оглянулся по сторонам – нет ли кого поблизости, нагнулся и поднял с земли золотой слиток. Слиток был очень тяжел, и путешественник подумал, что за него он может купить целое государство. Но не успел он сделать еще несколько шагов, как снова увидел на земле золотой слиток – больше первого. Он схватил и этот слиток. Но какое же было удивление путешественника, когда такие золотые слитки стали попадаться ему на каждом шагу. И даже пыль под ногами была тоже золо-

тая. Путешественник ошалел от радости и стал жадно набивать карманы золотом. Ну, золото хоть и золото, а вместо каши в рот его не положишь – путешественник с утра ничего не ел и потому теперь стал искать столовую. Нашел и с видом самого богатого человека в мире сел за стол. Скоро ему принесли пищу. Он поедал одно блюдо за другим и требовал все новых и новых. А чего ему стесняться? Ведь карманы набиты золотом! Насытившись, он вытащил из кармана слиток золота и гордо положил на стол: пусть удивятся, какой он богат! Но в ответ он услышал громкий смех. Путешественник растерялся. Почему над ним смеются? Разве мало слитка золота за один обед? Но люди продолжали смеяться. Потом один из них, самый старый, поднялся со своего места и подошел к путешественнику.

- Знаете, почему они над вами смеются? Потому что за хороший обед вы хотели расплатиться тем, что у нас ничего не стоит. Не огорчайтесь, вы ведь не знали, что из золота мы делаем только спортивные снаряды или игрушки для детей. Довольны вы обедом?

- Вполне! – смущенно проговорил путешественник.

- Вот и все! Скажите спасибо тем, кто вас накормил. А больше от вас ничего не надо! Вот такая, Скворушка, сказка. Понравилась?

- Отличная сказка! – закричал обрадованный Скворец. – Я полечу в эту сказочную страну.

- Глупенький, – сказал Защитник Людей. – Да ведь такой страны нету. Это только сказка. А ты без людей переселиться в сказку не можешь.

- А люди могут? – спросил Скворец. Защитник Людей подумал:

- Люди? – И после паузы твердо заключил: – Люди могут. На то они и люди!

Глава десятая. *О том, как Защитник Людей попал в Школу Ликвидации Улыбок, где ему снова угрожала смерть. И, может быть, именно в этой десятой главе юные читатели распростились бы с Защитником Людей, если бы его друг Скворец не пришел ему на помощь.*

Защитник Людей и Скворец некоторое время молчали. Каждый думал о своем. У человека – свои заботы, у Скворца – свои. Первым нарушил молчание Защитник Людей. Он сказал:

- А теперь, дорогая моя птаха, настало время нам расстаться. Мне надо идти в Высокие Горы к Пылающей Скале.

- Не ходи! – испугался Скворец. – Тебя убьют! Не ходи!

- Нет, Скворушка, не могу не идти. Я дал себе слово. – И Защитник Людей рассказал Скворцу все, что он раньше уже рассказывал Тошему Ежику.

- Но там тебя убьют! – затрепыхал крыльшками Скворец. – Дорога к Высоким Горам ведет через владения, принадлежащие Школе Ликвидации Улыбок.

- И никакой другой дороги нету? – спросил Защитник Людей.

- Нет! – ответил Скворец. – Только через Школу Ликвидации Улыбок, Такова воля Верховного Стража. Плясуны стерегут эту дорогу и каждого, кто

решается вступить на нее, безжалостно убивают.

- Все-таки я пойду. Что бы меня ни ожидало, я должен идти.

- Смотри, я тебя предупредил, будь осторожен! – тоскливо прошепел Сворец.

- Не беспокойся, птенчик, все будет хорошо! – сказал Защитник Людей и запел песню Умелых Мастеров. Он перемахнул через забор в сад с красными яблоками и шел, не обращая никакого внимания на деревья, потому что хорошо уже знал им цену. Вскоре Защитник Людей вышел на лужайку, но не зеленую, какими обычно они бывают, а серую. Вся она была вытоптана настолько, что на ней не было ни одной травинки. На лужайке сидели Мелкие Плясуны и грызли лепешки с яблоневых деревьев. Откусит каждый по куску и долго надрывается от кашля, потому что такая пища не идет даже в их медные глотки. Откашлявшись, хором произносили слова, которых Защитник Людей сначала не мог разобрать. Но любопытство его было так велико, что он стал прислушиваться и спустя некоторое время мог уже различать не только отдельные слова, но и целые фразы. «Без голода нет счастья, без счастья нет голода. Мы счастливы, но не до конца. До полного счастья нам не хватает войны». Потом они начинали повторять все сначала: после лепешек слова, после слов – лепешки. Защитнику Людей надоела эта зловещая процедура, и он громко крикнул:

- Чем вы тут занимаетесь?

- А ты кто такой, что допрашиваешь нас?

- Я – Защитник Людей из Большой Страны Согласия. Вот кто я!

Как только он это сказал, все Мелкие Плясуны мгновенно вскочили со своих мест и выставили вперед свои ножи-пальцы. Но Защитник Людей изловчился, схватил двух Мелких Плясунов и, насколько было у него сил, стукнул их друг о друга медными головами. Поднялся такой звон, что все остальные Мелкие Плясуны в страхе шархнулись в стороны. Но потом круг снова стал смыкаться. И снова Защитник Людей, изловчившись, схватил двух Мелких Плясунов и стукнул медными головами. Он не успел еще бросить их на землю, как почувствовал, что острые ножи-пальцы вонзаются ему в спину и по ней стекают тонкие струйки крови. Тогда, совсем разозлившись, ворвался в самую гущу Мелких Плясунов и стал стучать их головами так, что над лужайкой будто бы затрезвонили колокола. Мелких Плясунов было много, Защитнику Людей становилось все тяжелее и тяжелее. И вдруг услышал он над своей головой щебетанье Сворца. Сворец заливался во всю свою маленькую глотку, явно желая обратить на себя внимание. Мелкие Плясуны заметили его и закричали все как один, мгновенно забыв о Защитнике Людей:

- Сворец! Сворец! Заклятый враг Страны Запрещенных Улыбок! Смерть

Сворцу! Смерть Сворцу! Они расстегнули молнии на серых куртках и стали точить о каменную грудь свои ножи-пальцы. Сворец между тем, размахивая изо всех сил крылышками, улетал с лужайки, увлекая за собой оз-

веревшую толпу Мелких Плясунов. Вскоре они исчезли из вида и Защитник Людей подумал: «Бедный Скворец! Он погиб, чтобы спасти мне жизнь. Прощай, птенчик! Я никогда не забуду того, что ты для меня сделал!» Защитник Людей осмотрел себя. Куртка в крови и вся изодрана. Из ран сочится кровь. «Надо остановить кровь, – подумал Защитник Людей, – иначе я потеряю силы и не смогу идти дальше». Он снял с себя майку, разорвал ее на узкие полоски и перевязал раны. Сразу стало легче.

И удивительное дело – Защитник Людей потерял много крови и по всем законам природы должен был ослабеть, но так как он не струсил, то сил после сражения с Мелкими Плясунами у него стало даже больше. Обрадованный Защитник Людей дал себе слово, что какое бы страшное чудовище ему ни встретилось, он ни за что не испугается. Подумав так, он бодро зашагал вперед, напевая любимую песню:

Не отступать пред злою силой –

Девиз Умелых Мастеров.

Я в бой идти неустрашимо

Всегда готов, всегда готов!

Дорога, извиваясь, круто поднималась в горы. На такой дороге люди страшно устают и часто останавливаются для отдыха. Но Защитник Людей легко поднимался вверх, словно за спиной у него выросли крылья.

Глава одиннадцатая. *О том, как Защитник Людей достиг Тайного поля и победил Трехглавого Дракона, охранявшего это поле.*

Внезапно на пути Защитника Людей возникла высокая каменная башня без окон с узкой щелью вместо двери. У входа стоял страшный Дракон, хранитель Тайного поля, и три огромных его пасти извергали одновременно потоки огня и дыма.

- Ого! – сказал Защитник Людей, – Вот это чудовище! – И, как это принято в сказках, он обратился к Дракону с такими словами:

- Эй ты, Дракон! Клянусь именами всех рыцарей Круглого Стола, бесстрашного Кухулина из Ольстера, Трех Отважных из картины «Конец Российской империи», ты ненавистен мне до глубины души. Я вызываю тебя на поединок. Готовься!

- А ты кто? – спросил в свою очередь Дракон.

- Я – Защитник Людей из Большой Страны Согласия!

- Вот ты кто! – взревел Дракон. – Сейчас от тебя останется одна горсть пепла!

- Это еще посмотрим!

И тут Защитник Людей вынул два камешка, подаренные ему Горным Богатырем, бросил их в Трехглавого Дракона. И произошло чудо: два маленьких камешка превратились в огромные камни и цепко сжали хранителя Тайного поля. В ярости бил он хвостом, пускал дым из большущей пасти, но вырваться уже не мог. Защитник Людей вскочил ему на спину и закричал:

- Признаешь себя побежденным?
- Нет! – прорычал Трехглавый Дракон.
- Второй раз спрашиваю: признаешь себя побежденным? Трехглавый Дракон сделал последнее усилие, чтобы вырваться из жестких объятий камней. Убедившись в бесполезности своих попыток, он жалобно попросил:
- Помоги выбраться из этой проклятой щели!
- Сдаешься? – спросил Защитник Людей.
- Нельзя мне сдаваться, меня за это убьет Верховный Страж. Не по своей я тут воле.
- А по чьей же? Верховного Стража?
- Да. И вообще я не дракон, а самый обыкновенный человек.
- Вот так штука! – удивился Защитник Людей. – Как же это тебя угораздило вырядиться в драконью шкуру?
- Нельзя об этом рассказывать. Но раз уж ты меня победил, так и быть, я открою тебе большую тайну.

У нас в стране с некоторых пор установлен Праздник Бесподобных Превращений. Одно превращение называется «Убей свое «Я», другое – «Послушный буйвол». Нас убеждали, что человек не может быть счастливым, не пройдя одного из этих превращений. Хочешь-не хочешь, а на все воля Верховного Стража. Никто не смел сопротивляться. Я долго думал, какое же превращение лучше – первое или второе, и решил – пусть будет первое, убью свое «Я». Меня схватили и окунули в кипяток. При этом я должен был громко повторять: «Я убиваю свое «Я». Но кипяток так ошпарил меня, что я потерял сознание. А Мелкие Плясуны мое молчание поняли по-своему и снова бросили меня в чан с кипятком. И тут я каким-то чудом пришел в себя и заорал что есть мочи: «Я убил свое «Я»! Я убил свое «Я»! Мелкие Плясуны вытащили меня из кипятка, они даже разгладили мои волосы своими ножами-пальцами. Но тут я стал Драконом, у меня же не стало своего «Я».

Вот и вся история... Впрочем, еще не вся. Совсем недавно Верховный Страж повелел мне и Ядовитой Гадюке явиться к нему во Дворец. Мы явились и получили от него приказ найти тебя и доставить к нему живым или мертвым, «Не очень веселая история», – подумал Защитник Людей. С одной стороны, было жаль Дракона – как-никак человек, а таскает на себе драконью шкуру. С другой – как можно позволить убить свое «Я»! И он с возмущением сказал Дракону:

- Если бы ты был порядочным человеком, ты никогда бы не пошел на это превращение! Что тебя заставило пойти на это?

- Страх!

- Эх ты, «страх»! Так поступают трусы! И в вашей стране не все боятся Верховного Стража. Я встретил здесь Думающего Человека. Он как был-человеком, так и остался им, и никакие угрозы на него не подействовали!

- Есть, конечно, такие смелые люди, – согласился Дракон. Вид у него был жалкий.

- Что же мне с тобой делать? – подумал вслух Защитник Людей.

- Мне б теперь опять человеком... Но никто мне не поможет, – всхлипнул Дракон и вытер хвостом слезы.

- Поможет! Поможет!– обрадованно закричал Защитник Людей. – Поможет Счастливая Премия! Но он тут же заколебался. И было от чего. Дракон труслив, слаб духом. Какой толк снова становиться ему человеком? Но, с другой стороны, ведь он запуганный человек, как и множество других людей в Стране Запрещенных Улыбок. А что, если с него снять страх, если его ввести в среду мужественных и смелых? Ведь всегда надо бороться за человека. И Защитник Людей уже не колеблясь сказал:

- Чудесная Премия! Помоги Трехглавому Дракону снова стать человеком. Через секунду перед Защитником Людей стоял обычный человек с загорелым, покрытым морщинами лицом, в старой, выгоревшей от солнца соломенной шляпе.

- Спасибо тебе! – сказал человек.

- Не надо меня благодарить. Скажи лучше, куда теперь пойдешь?

- Пойду к тем, кто сейчас в беде. Пойду к Думающим Людям, стану им помогать.

- Ты и мне можешь помочь, – сказал Защитник Людей.

- Я сделаю это с радостью!

- Укажи мне дорогу к Скорбящей Матери.

- О-о-о! Это очень трудная дорога. Она проходит через высокие горы и глубокие ущелья. Слушай меня внимательно. Дорога к Пылающей Скале идет через Тайное поле. На Тайном поле ты встретишь Девушку с Заплаканными Глазами. Это моя дочь. Скажи ей, что я снова стал человеком. Это ее обрадует, и она тебе объяснит, как добраться до Пылающей Скалы.

- Хорошо, – ответил Защитник Людей. – Я сделаю так, как ты сказал. Я пойду через Тайное поле, найду твою дочь – Девушку с Заплаканными Глазами и поговорю с нею. Спасибо тебе за совет. А теперь прощай!

- Если хочешь, я пойду с тобой, – сказал человек.

- Нет, не надо. Иди к Думающим Людям. Они научат тебя, как стать нужным, полезным человеком.

- Хорошо. Я иду к Думающим Людям. Прощай! Желаю тебе удачи. Пусть все получится так, как ты задумал!

Глава двенадцатая. *На Тайном поле Защитник Людей видит девушек и юношей, посланных сюда Верховным Стражем за три преступления, которые на самом деле преступлениями не являются.*

Думающий Человек назначает Защитнику Людей встречу для знакомства с тем, чего еще в Стране Запрещенных Улыбок он не видел. Девушка с Заплаканными Глазами помогает Защитнику Людей добраться до Пылающей Скалы. Защитник Людей и Человек, освободившийся от драконьей шкуры, разошлись

в противоположные стороны. Защитник Людей пошел на Тайное поле, чтобы поскорее разыскать Девушку с Заплаканными Глазами. Тайное поле поразило его. Это была равнина, усеянная крупными красными цветами.

- Какая красота! – не удержался от восхищения Защитник Людей.

- Глупенький мальчик! – сказал человек, который шел ему навстречу. Защитник Людей сразу узнал в нем Думающего Человека, такого же, какого он спас в столице Каменной Провинции. – Это Сладкий Цыпленок. Сила его – страшная. Поля Сладкого Цыпленка огромны, и то, что ты видишь, не составляет и тысячной их доли.

- Зачем он вам, этот Сладкий Цыпленок? – спросил Защитник Людей.

- Нам он не нужен, – ответил Думающий Человек. – Мы против своей воли обрабатываем эти поля. Таков приказ Верховного Стража. Он велел как можно больше возделывать полей Сладкого Цыпленка для своих тайных целей. Ты знаешь уже, что Верховный Страж только о том и думает, чтобы все люди слепо выполняли его жестокую волю. Для этого он приказал заменять им головы медными шарами. Для этого же он велел выращивать растение, которое ты здесь видишь. А чтобы люди не догадывались о том, что растение это ядовитое, он дал ему привлекательное название: Сладкий Цыпленок. Из Сладкого Цыпленка по приказу Верховного Стража делают напиток, обладающий свойствами изменять зрение. Человек, выпивший хотя бы глоток Сладкого Цыпленка, смотрит на волка и думает, что это теленок, смотрит на разбойника, а думает, что добрый человек. Верховному Стражу это очень выгодно. Он велит ковать танки, а люди, ослепленные Сладким Цыпленком, думают, что это не танки, а тракторы, бомбы кажутся не бомбами, а безобидными цветными шариками, предназначенными для детских забав.

- А зачем же вы выращиваете Сладкого Цыпленка? – возмутился Защитник Людей. – Разве вы не понимаете, что этим самым помогаете Верховному Стражу?

- Видишь ли, мой мальчик, все Думающие Люди, которые работают на поле, не пьют Сладкого Цыпленка и потому видят все так, как надо. Нам ненавистно господство Верховного Стража. Но мы не хотим торопиться, чтобы не допустить ошибки. Как ты сюда попал? – вдруг спросил Думающий Человек.

- Попасть сюда невозможно.

- Оказывается, возможно! – ответил Защитник Людей и рассказал всю историю с Трехглавым Драконом.

- Ты сделал доброе дело! – сказал Думающий Человек. – И пока Дракона не заменили новым, ты можешь свободно ходить здесь и беседовать со всеми людьми, которые будут тебе встречаться.

- Мне нужно поскорее найти Девушку с Заплаканными Глазами, – сказал Защитник Людей. Думающий Человек ответил:

- Вон видишь работающих юношей? Иди к ним. Они знают, как найти Девушку с Заплаканными Глазами. Защитник Людей подошел к группе юно-

шей. Все они были такими изможденными, что казались дряхлыми стариками. Только глаза их горели, как они всегда горят у людей в молодости.

Он спросил:

- Кто вы и как сюда попали?

- Мы обрабатываем поле, на котором растет Сладкий Цыпленок, а попали мы сюда потому, что сделали три злодеяния. На лице Защитника Людей выразилось недоумение.

- Не удивляйся, – сказал один юноша. – Верховный Страж повелел, чтобы то, что всегда называлось черным, люди стали называть белым, а то, что называлось белым, стали называть черным. Чтобы день мы стали называть ночью, ночь – днем, счастье – несчастьем, а несчастье – счастьем, печаль – радостью, а радость – печалью, дружбу – ненавистью, а ненависть – дружбой, и так до бесконечности. А мы этого не могли понять, да и не хотели понимать.

- Сто раз я уже слышал о Верховном Страже. Каким волшебством держит он вас в своих руках? – воскликнул Защитник Людей. Юноша с изможденным лицом продолжал свой рассказ:

- Мы все обучались в университете и готовились стать учителями и врачами. Но однажды к нам пришел Крупный Плясун и заявил, что от учения люди глупеют, что необходимо уничтожить все книги и начать подготовку к войне. Нам были не по душе эти рассуждения Крупного Плясуна, и кто-то с места крикнул:

- Но мы хотим дружбы между людьми! Кто-то добавил:

- Хотим питаться вкусной пищей, добытой в труде. Кто-то добавил еще:

- И улыбаться, когда нам весело. Это и были три злодеяния, совершенные нами. И нас отправили сюда работать. Рассказ юноши глубоко взволновал Защитника Людей. Но он не забывал о том, что ему как можно скорее надо добраться до Пылающей Скалы.

- Скажите, пожалуйста, как найти мне Девушку с Заплаканными Глазами? – спросил он юношу.

- Ты видишь скалы, которые громоздятся одна над другой? За ними ты найдешь Девушку. Но хватит ли у тебя сил, чтобы преодолеть их?

- Мне обязательно надо их преодолеть. Это мой долг. Спасибо за совет, – сказал Защитник Людей и направился к скалам, поднимавшимся ввысь подобно огромным острым ножам. Трудно, очень трудно, так, что даже описать невозможно, было Защитнику Людей пробираться сквозь страшные скалы. Перепрыгивая со скалы на скалубалансируя руками, словно у него были не руки, а крылья, Защитник Людей наконец перебрался на ровное место. Здесь он увидел несколько хижин, сложенных из камней таким образом, что в стенах были большие щели, свободно продуваемые холодным ветром. Возле одной из хижин Защитник Людей увидел Девушку.

- Здравствуйте! сказал он ей.

Девушка промолчала. Защитник Людей посмотрел на нее и увидел, что по бледным ее щекам непрерывно стекают слезы.

Защитник Людей спросил:

- Отчего ты плачешь? Ты – Золушка?

- Нет, я не Золушка.

- А почему ты плачешь – спросил Защитник Людей.

- Я не плачу, это тебе так кажется.

- Но твое лицо все в слезах.

- Это я радуюсь.

- Странный способ выражать свою радость! Тебе тоже все кажется наоборот, как и юношам, которых я только что видел? И тебя тоже сослали сюда за три злодеяния?

- Да, я совершила три злодеяния. Первое мое злодеяние заключалось в том, что я, как все девушки мира, хотела выйти замуж. Второе в том, что я хотела иметь ребенка. И третьим моим злодеянием посчитали то, что я хотела каждый день перед сном петь моему ребенку колыбельную песенку и улыбаться, радуясь материнскому счастью. За эти три злодеяния меня и сослали на Тайное поле. Она закончила свой рассказ, и у нее снова полились ручьями слезы.

- Теперь я счастлива, я очень, очень счастлива, я счастлива, счастлива, счастлива...

И чем больше повторяла эти слова, тем сильнее текли у нее из глаз слезы. Защитник Людей, глядя на нее, сам чуть не заплакал.

- Слушай, проглотил он уже подступившие слезы. – А может, ты и есть Девушка с Заплаканными Глазами?

- Да, это я.

- О, ты мне нужна, – сказал Защитник Людей. – Я пришел к тебе с хорошей вестью. Твой отец снова стал человеком.

- Это правда? – обрадовалась Девушка с Заплаканными Глазами.

- Да, это правда, – сказал Защитник Людей. – Он уже не Трехглавый Дракон и больше не служит Верховному Стражу.

- О, как это хорошо, мой маленький брат. Ты освободил меня от самого тяжкого страдания. Никакие муки не могли сравниться с болью, которую вызвал во мне слабый духом отец.

- Но теперь ты можешь гордиться своим отцом. Он отправился к Думающим Людям, чтобы помогать им.

- Спасибо тебе за добрую весть, – сказала Девушка с Заплаканными Глазами. На глазах у нее высохли слезы, и она радостно улыбнулась. И от этой улыбки лицо Девушки стало очень красивым.

- А теперь, – сказал Защитник Людей, – помоги мне найти дорогу к Пылающей Скале.

- Что ты, что ты! – воскликнула Девушка. – Откуда у тебя могло появиться такое безумное желание? До Пылающей Скалы не добирался еще ни один человек.

- Но мне очень нужно туда добраться. Твой отец сказал, что ты можешь мне помочь.

- Это сказал отец? – спросила Девушка с Заплаканными Глазами.

- Да, это сказал твой отец!

- Но кто же ты?

- Я – Защитник Людей из Большой Страны Согласия.

Горный Богатырь, которого я встретил в Стране Запрещенных Улыбок, рассказал мне о том, что в Высоких Горах мучается Скорбящая Мать. Она обладает средством, с помощью которого Верховному Стражу можно вернуть его прежний облик. Только тогда прекратится его власть над людьми. Но Верховный Страж приковал Скорбящую Мать к Пылающей Скале. Освободить ее может только тот, – сказал мне Горный Богатырь, – кто на вопрос – готов ли он идти к Пылающей Скале, не страшась тяжелых испытаний, а может, и самой смерти, ответит: «Всегда готов!» Когда я услышал эти слова Горного Богатыря, я поднял для салюта руку и сказал: «Всегда готов!»

- О, мой храбрый Защитник Людей, – перебила его Девушка с Заплаканными глазами. – Я давно тебя жду. Скорбящая Мать оставила мне три зернышка и сказала, чтобы я передала их тому, кто на вопрос – готов ли он, не страшась тяжелых испытаний, а может, и самой смерти, идти к Пылающей Скале, смело ответит: «Всегда готов!» Как я рада, что увидела тебя. Вот, возьми эти три зернышка. Они волшебные. Тебе придется переходить на пути через три страшных ущелья. Первое из них называется Ущелье, Извергающее Дым, второе – Ущелье Клокочущих Камней, третье – Огненное Ущелье. Но ты не бойся. Когда подойдешь к Ущелью, Извергающему Дым, брось в него самое маленькое зернышко. Над ущельем мгновенно исчезнет дым, у тебя вырастут крылья, на них ты перелетишь через него с быстротой птицы. Не останавливаясь, иди дальше. Очувшись возле Ущелья Клокочущих Камней, брось в него второе, более крупное зернышко. Грозное извержение камней прекратится, у тебя снова вырастут крылья, и ты, подобно птице, мгновенно окажешься по ту сторону Ущелья Клокочущих Камней. То же произойдет и тогда, когда ты подойдешь к Огненному Ущелью. Ты бросишь в него самое крупное зернышко, и огонь в ущелье потухнет. У тебя вырастут крылья, и ты легко на них перелетишь через Огненное Ущелье. Так мне сказала Скорбящая Мать, – добавила Девушка с Заплаканными Глазами. – Но запомни: зернышки утратят свою волшебную силу, если ты, оказавшись рядом с ущельем, испугаешься. Они сохраняют свою волшебную силу только в руках храброго. Защитник Людей взял три зернышка и, крепко зажав их в ладони, сказал:

- Я пойду. Мне надо торопиться. Смерть Верховному Стражу!

- До свиданья! – сказала Девушка с Заплаканными Глазами.

- До свиданья! – сказал Защитник Людей. Он прижался своей щекой к щеке Девушки с Заплаканными Глазами. Девушка тихо и счастливо засмеялась.

Глава тринадцатая. *В ней Защитник Людей достигает Пылающей Скалы, к которой прикована Скорбящая Мать.*

Защитник Людей сделал все так, как велела ему Девушка с Заплаканными Глазами. Он благополучно миновал все три страшных ущелья и вдруг внезапно остановился. Ужас охватил его душу. Горячие языки пламени, вырывавшиеся из расщелин, жгли прикованную цепями к скале женщину. Защитник Людей подошел поближе и полным сострадания голосом сказал:

- Ты ли это, о Скорбящая мать? Как я рад, что нашел тебя. Меня послал к тебе Горный Богатырь. Женщина высоко подняла голову, и Защитник Людей увидел на ее лице смелые и добрые глаза.

- Да! Я – Скорбящая Мать, – сказала она.

- За что же ты так страдаешь?

- Я люблю людей и не хочу, чтобы их убивали на войне.

- О Скорбящая Мать! – закричал Защитник Людей. – Я разобью сейчас твои цепи!

- Нет, мой мальчик! Цепи, которыми я прикована к скале, трудно разбить одному человеку. Но ты не волнуйся! Ничего со мной Верховный Страж не сделает. Я – Мать Людей. Чтобы убить меня, надо убить всех людей. А разве это возможно? А теперь слушай! Я расскажу тебе о том, о чем не успел рассказать тебе Горный Богатырь. Ты совершил ошибку, доверившись Змею Горынычу. Я не виню тебя за ошибку. Ты еще маленький. Но запомни, никогда нельзя доверять врагам, какие бы хорошие слова они тебе ни говорили.

- Но Змея Горыныча нет в живых, и мне поэтому нечего его бояться! – воскликнул Защитник Людей.

- Нет, Змей Горыныч жив! Но пусть тебя это не пугает. Ты же смелый мальчик. Выслушай меня, пожалуйста, до конца. С помощью Ежика и Горного Богатыря ты одолел Ядовитую Гадюку и Трехглавого Дракона, которым было велено доставить тебя к Верховному Стражу. Но все равно Верховный Страж не оставил мысли найти тебя. Слушай, что будет дальше. Ты встретишься с Верховным Стражем, и тебе будет угрожать смерть. Но ты не бойся. У тебя будут хорошие помощники.

- Кто же будет со мной? – спросил Защитник Людей.

- Скворец и маленький Сверчок. Они тебя не подведут, если ты им покажешь, что ты смелый мальчик.

- Я ненавижу Верховного Стража и хоть сейчас готов идти на бой с ним.

- Я так и знала. Ты – Защитник Людей и сын мой! Ты никогда не опозоришь Скорбящую Мать. На, возьми эту склянку. В ней мои материнские слезы. Сейчас ты пойдешь к Думающим Людям, и они доставят тебя на дорогу, расположенную неподалеку от Императорского Дворца. Ты попадешь во Дворец и встретишься там с Верховным Стражем. Вспомни тогда обо мне и вылей ему на голову мои материнские слезы. Произойдет то, чего хотят все Люди: Верховный Страж снова превратится в Жестокого Дракона.

Делай все так, как я тебе сказала, и ты выйдешь из схватки с Верховным Стражем победителем. Только ничего не бойся.

- О Скорбящая Мать Людей! Я сделаю все, что ты велишь. Но как же ты? Когда же кончатся твои страдания?

- Мои страдания окончатся тогда, когда перестанет на земле литься кровь моих детей, когда Горный Богатырь освободится от власти Верховного Стража и все люди при встрече будут говорить друг другу: «Здравствуйте»!

- Чем же мне облегчить твои страдания?

- Подойди ко мне ближе и поцелуй меня. Для матери это – большая радость. И Защитник Людей подошел к Скорбящей Матери и поцеловал ее. Языки пламени стали меньше. Они почти совсем угасли. Скорбящая Мать улынулась и сказала:

- Прощай! Мне совсем хорошо!

- Прощай! – ответил Защитник Людей. – Я никогда не забуду того, что ты мне сказала! Он повернулся, чтобы идти, и вспомнил о трех страшных ущельях, перейти которые можно было только с помощью трех волшебных зернышек. Но зернышек у него не было, а сказать о них Скорбящей Матери он не хотел. Тогда она, прочитав его мысли, сказала:

- Вот три волшебных зернышка. Не удивляйся, что они снова у меня. Сделав свое дело, они возвратились ко мне, как возвращаются к матери ее дети. Иди и ничего не бойся! Защитник Людей снова пошел по той же трудной дороге, сердце его исходило скорбью. Хотя он был еще маленький, но страдания Скорбящей Матери волновали его так сильно, будто он был совсем-совсем взрослый. Он прижимал к сердцу склянку со слезами Скорбящей Матери и чувствовал, как все жарче и жарче становится в его сердце, будто вложил кто-то ему в грудь горящее пламя. И совсем по-взрослому он понял, что на этом огне закаляется его жгучая ненависть к Верховному Стражу.

Глава четырнадцатая. *Из нее юные читатели узнают, какие необыкновенные вещи увидел Защитник Людей в подземном царстве Думающих Людей.*

Наступал вечер, а путь до Тайного поля был неблизкий. Затянутые сумерками скалы почернели и превратились в одну сплошную скалу, будто перед Защитником Людей опустили огромные каменные ворота. Но он не испугался. Во-первых, дорога ему знакома. Один раз он уже по ней прошел, поэтому второй раз по ней идти легче. А во-вторых... Во-вторых, не надо бояться дороги, которая ведет к цели. Трудными дорогами шли всегда Добрые Волшебники, приносили людям счастье и сами становились счастливыми. Защитник Людей вытащил из кармана фонарик, и яркий сноп света рассек темноту. При свете фонарика Защитник Людей быстро пошел вперед, перескакивая с одной скалы на другую и чувствуя себя так, будто он идет по ровной и гладкой дороге в яркий солнечный день. Едва он ступил на Тайное поле, как перед ним возник Думающий Человек. Он взял Защитника Людей за руку и сказал:

- Я тебя давно уже здесь ожидаю. Пойдем со мною. Я хочу показать тебе то, что тебя очень обрадует и может принести немалую пользу.

Они двинулись снова в сторону гор, и Думающий Человек сказал:

- Потуши фонарь, я хорошо ориентируюсь в темноте. Подойдя к горе, Думающий Человек отвернул большой камень, под которым оказалось узкое отверстие. Он сказал:

- Иди сюда. Защитник Людей шагнул в узкое отверстие, за ним – Думающий Человек. Они шли в полнейшей темноте. Но по мере того, как они переходили из одного лабиринта в другой, становилось все светлее и светлее.

Защитник Людей уже потерял счет лабиринтам, когда они вышли в большой подземный зал. Защитник Людей остановился и даже слегка вскрикнул – он был поражен увиденным. Откуда-то лился золотистый свет, он освещал стены помещения, красиво разрисованные яркими рисунками. И хотя на рисунках изображались самые обычные предметы, необычные краски превращали их в какое-то чудо, от которого невозможно было оторвать глаза. На картинах были желтые хризантемы и золотистые плавающие рыбки, женщины в ярких нарядах, которые обрабатывали шерсть, и мальчик с голубями, горы, покрытые голубоватым снегом, и крестьянин, пахущий на буйволах поле. И многое, многое увидел Защитник Людей на стенах помещения. Были тут картины, изображающие длинную голубую реку и плавающие по ней корабли с разноцветными парусами. По берегу реки шли рыбаки и несли в корзинах, сплетенных из ивовых прутьев, серебристую рыбу. Маленькие лошадки везли в небольших двухколесных тележках по усыпанной желтым песком дороге желтые початки кукурузы. А вдоль дороги, насколько мог окинуть взгляд, тянулись сады. И хотя сады были нарисованы, Защитник Людей ясно ощущал свежий и приятный аромат, исходивший от деревьев, густо усыпанных красными, голубыми и розовыми цветами. После тяжелого дня Защитник Людей чувствовал себя здесь легко и спокойно. Думающий Человек взял его за руку и сказал:

- Ты думал, что в нашей стране убита всякая красота? Видишь, это не так. Можно казнить человека, но душу его убить невозможно. А теперь пойдем дальше. Нас ждут. Они прошли еще один лабиринт и подошли к новому помещению. У входа в него были написаны слова: «Ничто так не объединяет людей, как дружба. Здесь обитают люди, знающие ей цену». Думающий Человек пропустил Защитника Людей вперед. В помещении сидело на длинных скамьях множество народу. Защитник Людей по привычке сказал:

- Здравствуйте!

И все сидящие тихо и дружно ответили:

- Здравствуй, мальчик!

Помещение было залито ярким солнечным светом. Но даже не то, что в подземелье вдруг оказалось солнце, удивило Защитника Людей. Его удивило и очень обрадовало другое – вдоль всей длинной стены стояли полки

с книгами. Книг тут было множество. Может, тысячи, а может, миллионы. Защитник Людей стал снимать их с полок одну за другой, и радости его не было конца. Он бережно взял в руки хорошо знакомого ему «Конька-Горбунка», прижал к груди книжку о Мальчише-Кибальчише, которого он очень любил. Тут была книжка о веселом и добром дяде Степе, о попе и работнике его Балде, об умном, храбром маленьком Чиполлино, о Бременских музыкантах и Мальчишке-с-Пальчике. Каких только не было тут сказок! Люди, сидевшие на длинных скамьях, улыбались.

- Кто же вы? – спросил их Защитник Людей. – Вы – Волшебники?

- Нет, – ответили ему. – Мы Хранители Книжной Мудрости.

- Но как же вам удалось спасти их от огня? Я видел, как в Столице Каменной Провинции сжигали книги.

- Но ты же спас Конька-Горбунка, – улыбаясь, напомнил ему Думающий Человек. – Я привел тебя сюда для того, чтобы ты не вернулся домой со слишком тяжелым впечатлением о нашей земле. Ты обратил внимание на слова, написанные у входа в это подземелье? Когда ты вернешься домой, передай людям Большой Страны Согласия, что мы верны дружбе с ними и что нет такой силы, которая могла бы эту дружбу разрушить. А теперь тебе пора уходить.

И все люди, сидевшие на длинных скамьях, тихо и дружно сказали:

- До свидания! Защитник Людей ответил:

- До свидания!

Думающий Человек взял Защитника Людей за руку и повел за собой.

Защитник Людей сказал:

- Добрый Человек! Мне обязательно надо попасть на дорогу, ведущую в Императорский Дворец. Думающий Человек ответил:

- Я знаю эту дорогу и покажу тебе ее. Но сейчас ты должен хорошо отдохнуть, потому что в Императорском Дворце тебя ждут новые испытания.

Он показал Защитнику Людей на стог сена. И Защитник Людей страшно обрадовался. Лучшей постели не придумать. Многим ли ребятам удавалось ощущать запах свежескошенной травы? Он взобрался на копну, лег и полной грудью втянул в себя чистый ароматный воздух. Он лежал на спине и думал, глядя в небо, о том, что завтра ему предстоит нелегкая встреча с Верховным Стражем, который на самом деле является Жестоким Драконом. И раз именно ему – Защитнику Людей – выпало на долю показать, кто такой на самом деле Верховный Страж, он употребит на это все свои силы и выполнит все, о чем ему говорила Скорбящая Мать. С неба глядели на него большие мигающие звезды. «Перед схваткой надо отдохнуть и набраться сил», – подумал Защитник Людей и заснул крепким, сладким, сказочным сном.

Глава пятнадцатая. *В ней рассказывается о неожиданной встрече Защитника Людей со Змеем Горынычем, о поединке между ними и о том, чем этот поединок окончился.*

Проснувшись после крепкого сна, Защитник Людей соскочил с копны сена, огляделся по сторонам и радостно улыбнулся. Хранители Книжной Мудрости не только позаботились о том, чтобы он хорошо поспал, но и о том, чтобы он не остался голодным. Рядом росла вишня, усыпанная крупными красными ягодами, а неподалеку журчал ручей. Защитник Людей побежал прежде всего к ручью, с удовольствием умылся и затем напился вкусной ключевой воды. Вернувшись к дереву, он наелся сладких спелых вишен. И двинулся в путь. Узкой дорожкой, по обочинам которой росла густая зеленая трава, он вышел на широкую дорогу. Дорога была серая, пыльная, усеянная камнями. Защитник Людей оглянулся назад. Ему захотелось еще раз проститься с местом, где он провел ночь. Но каково же было его огорчение, когда он вместо копны душистого сена, на которой спал, и дерева, усыпанного вишнями, увидел голую площадку с примятой пожелтевшей травой. Однако огорчение быстро прошло. Сказка есть сказка. Если бы все время происходили чудеса, то и самих чудес не стало бы. Не прошел он по дороге и ста метров, как услышал рядом громкое и страшное рычание. Защитник Людей увидел перед собой Змея Горыныча. Змей Горыныч длинным языком облизнул свои сухие черные губы и сказал:

- Ну, вот нам и довелось встретиться снова!

- Ты же умер?! – с искренним удивлением сказал Защитник Людей. – Я же сам тебя похоронил! Но тут он вспомнил слова Скорбящей Матери и спросил:

- Кому удалось вернуть тебя к жизни?

- Нашлись такие, – ответил Змей Горыныч, – потому что я оказался тут полезным, даже необходимым. И тут Змей Горыныч по-разбойничьи свистнул, и Защитника Людей мгновенно окружили Мелкие Плясуны. Змей Горыныч закричал:

- Это Защитник Людей из Большой Страны Согласия, где люди, улыбаясь, здороваются друг с другом. Ведите его к Верховному Стражу. И Мелкие Плясуны, обнажив свои ножи-пальцы, бросились на Защитника Людей. Он знал, что его ждет: сейчас потечет кровь из ран, которые нанесут ему своими ножами-пальцами Мелкие Плясуны. Это будет очень мучительно. Но он знал, что терпеть муки от врагов – удел мужественных, смелых. А он был смелый мальчик! Мелкие Плясуны уже нанесли Защитнику Людей первые удары ножами-пальцами, и первые капли его крови упали на землю. Но он не обратил на это внимания. Он думал об одном: как и на этот раз спастись, и не только спастись, но и выйти победителем. И снова на память пришла Счастливая Премия. Тут Защитник Людей почувствовал, что сильнее желания спастись самому у него желание уничтожить Змея Горыныча. Предатель должен погибнуть! Смерть предателю! Он сосредоточился на мгновение, чтобы услышать голос сердца, в котором должно родиться самое главное, самое сильное, самое чистое желание, и крикнул:

- Эй, Змей Горыныч! Я вызываю тебя на бой! Змей Горыныч ослабился. Разве мог он принять всерьез вызов мальчишки? Но Мелкие Плясуны вдруг в страхе расступились, и Змей Горыныч увидел, что к нему приближается не мальчик, а Сказочный Великан, и высоко поднятый над головой меч горит под лучами солнца в его руке. Змей Горыныч испугался. Но поскольку он продан Верховному Стражу, отступать в присутствии Мелких Плясунов было совершенно невозможно. Поэтому он решил схитрить. Когда Защитник Людей приблизился к нему, Змей Горыныч заискивающе сказал:

- Ты же добрый мальчик! Неужели ты прольешь кровь? Ведь это страшно! Неужели ты на это решишься?

- Готовься к бою, предатель! – кричал Защитник Людей,

- Значит, ты не боишься, что пролитая тобой кровь не будет давать тебе всю жизнь покоя?

- Если бы ты был человеком, я бы еще подумал, а змеиную кровь мне пролить не страшно. Защищайся, предатель! Убедившись в том, что хитростью не спасешь свою жизнь, Змей Горыныч пришел в страшную ярость и решил во что бы то ни стало сжечь Защитника Людей. И раскрыл три огромные пасти. Но вместо огня, которым в давно прошедшие времена Змей Горыныч уничтожал своих противников, из каждой его пасти вышел только какой-то дым с отвратительным запахом. Защитник Людей подумал, что Змей Горыныч пустил в ход химическое оружие.

- Презренное чудовище! Ты пользуешься запрещенным оружием, – воскликнул он. – Теперь пощады не жди! Он бросился на Змея Горыныча и одним махом срубил все три его головы. Змея Горыныча не стало.

- Вот чем кончается предательство! – сказал Сказочный Великан и снова стал мальчиком из Большой Страны Согласия. Мелкие Плясуны дрожали от страха.

- Эй вы, трусы, – крикнул им Защитник Людей, – ведите меня скорее к Верховному Стражу. Я хочу с ним сразиться и победить его!

Глава шестнадцатая. *Она в сказке самая большая, потому что самая главная. А о чем... пусть об этом юные читатели узнают сами.*

Стражи втолкнули Защитника Людей в большой зал Императорского Дворца. Верховный Страж сидел на императорском троне с закрытыми глазами. Лицо его лоснилось от жира. Он был круглый, как шар, с короткими толстыми ножками. На плечах у него были золотые погоны, и он все время приподнимал плечи, чтобы все видели, какой у него высокий чин.

- Ты разве человек? – спросил Защитник Людей.

- Я бог, – ответил, не открывая глаз, Верховный Страж.

- Какой же ты бог? – снова спросил Защитник Людей.

- Я бог – Метатель Молний.

- Странно, – сказал Защитник Людей. – Я знаю только одного бога – метателя молний – Зевса.

- Он мне и в подметки не годится! – сказал сердито Верховный Страж.
- Почему? – возразил Защитник Людей. – Он очень даже симпатичный бог. Люди его придумали для того, чтобы не бояться грома и молнии, и стали о нем рассказывать интересные сказки.
- Вздор все это, – перебил его Верховный Страж. – Он ничтожество по сравнению со мной. Зевс не умел даже метнуть молнию как следует и устраивал только мелкие пожары. В его распоряжении была одна паршивая гора Олимп, я же буду владеть всеми континентами мира. Вот что! Я Великий Волшебник. Я могу творить чудеса. Вот одно из великих чудес, сотворенных мною: я нашел для людей необычную пищу, которая делает их сытыми и счастливыми.
- Что же это за пища, Великий Волшебник?
- Это водоросли, листья вяза и листья папоротника. Листья папоротника можно употреблять в печеном виде, из водорослей можно варить нежно-зеленый суп.
- Но от этой пищи люди будут умирать! – воскликнул Защитник Людей.
- Вздор! – ответил Верховный Страж. – От этой пищи умирают только те, кто привык есть хлеб. А моя пища лучше хлеба, потому что она полезнее, в ней много витаминов. Но самая ценная пища, которую я изобрел для людей, это каменные лепешки. В них превращаются по моей мудрой воле падающие с деревьев яблоки. Осуществить это превращение мне помог Президент Академии Путаных Предложений Ку-Ре-Ку-Ка. Он был великий фокусник! Каменные лепешки – это великое мировое открытие. – Видал я их, – сказал Защитник Людей.
- От них такое зловоние, что и стоять рядом нельзя, не то что есть.
- Жалкий ты человек! – закричал Верховный Страж. – Не зловоние, а божественный аромат, надышавшись которым, люди покорно исполняют любое мое желание. Нет лучшей в мире пищи. Скоро я переведу на эту пищу всех обитателей Страны Запрещенных Улыбок. И вообще мне не нравятся твои рассуждения. Ты кто? Ты, должно быть, из породы Думающих?
- Я – журналист, – соврал Защитник Людей. – Я пришел взять у тебя интервью для мировой печати. Можно мне задать еще один вопрос?
- Если ты собираешься меня прославлять, то можно. Люблю славословие в печати, – признался Верховный Страж.
- Скажи, какая у тебя цель в жизни?
- К своим титулам, а их у меня много, я хочу прибавить еще один. Тогда я успокоюсь.
- Какой? – спросил Защитник Людей.
- Я хочу стать Верховным Стражем Вселенной.
- А Вселенная хочет?
- Какое это имеет значение? – с раздражением ответил Верховный Страж.
- Главное, что этого хочу я.

- Скажи, Верховный Страж, – Защитник Людей еле сдерживал свой гнев, – есть у тебя главная мечта?

- Есть, – ответил Великий Волшебник. – Ты видел моих Плясунов?

- Видел.

- Мечтаю, невероятно мечтаю о том, чтобы всем людям заменить головы медными шарами.

- Но зачем человеку медный шар вместо головы? – спросил Защитник Людей.

- Если у человека медная голова, значит, он мой верный слуга, значит, он готов за меня воевать. И не перебивай меня, когда я мечтаю. Ты представь только – с такими Плясунами я покорю Вселенную. И на этот раз Защитник Людей приказал себе сдержаться. Он сказал как можно спокойнее:

- Если ты докажешь, что твои намерения добрые, я могу стать твоим другом! И тут произошло нечто невероятное. Великий Страж открыл глаза. Они были налиты кровью.

- Ах, – заорал он в страшной ярости, – так вот ты кто! Ты хочешь сказать, что дружба – хорошее чувство? А я ненавижу это слово! И Верховный Страж бросился на Защитника Людей. Вот когда пригодилась бы Счастливая Премия! Но ее больше не существовало. Верховный Страж протянул длинные руки, схватил за плечи Защитника Людей и приподнял над полом со словами:

- Ага, попался! Теперь ты от меня не уйдешь! Защитник Людей не очень испугался – у него ведь в кармане склянка со слезами Скорбящей Матери. Но он сразу подумал, что вылить их на голову Верховного Стража тут будет очень трудно: во дворце полно Мелких и Средних Плясунов. И Защитник Людей решил выманить Верховного Стража на улицу. На счастье, спортивная курточка у Защитника Людей была не застегнута. Он легко выскользнул из нее. Куртка осталась в длинных руках Верховного Стража. Защитник Людей бросился к окну, распахнул его, выскочил на улицу и быстро взобрался на крышу дворца. Ему ничего не стоило это, потому что он каждый день занимался спортом по самой сложной программе, так как готовился стать космонавтом. Но к своему великому удивлению он увидел, что Верховный Страж, выскочив в окно, тоже легко взбирается на крышу, несмотря на свой большой и крулый живот. Спустившись на землю, Защитник Людей побежал в переулок налево, где стояли маленькие низенькие домики. Верховный Страж гнался за ним по пятам. И так тяжело дышал, что дыхание его походило на шум идущего сзади паровоза. Вдруг Защитник Людей от неожиданности поднял голову. Над ним летел Скворец.

- Это ты, Скворушка? Значит, ты жив?

- Жив! Жив! – ответил Скворец. – Здравствуй!

- Здравствуй, дорогой, – крикнул Защитник Людей и остановился, так неожиданна и приятна для него была встреча со Скворцом.

- Не останавливайся, – крикнул Скворец, – а то Верховный Страж нагонит тебя и съест. Беги по улицам, где маленькие дома. Там ты найдешь неожиданную для себя помощь. Беги, беги! Верховный Страж тебя догоняет.

- Не беспокойся, – ответил ему Защитник Людей, – я не боюсь Верховного Стража и сделаю все, что нужно сделать. Прощай, Скворушка! Перво-наперво надо было вернуть Верховному Стражу его истинный облик Жестокого Дракона. Но как его остановить и вылить на него слезы Скорбящей Матери? Решение созрело мгновенно. Забежав за угол, Защитник Людей прыгнул, оттолкнувшись от земли, на крышу низенького домика и затаился. Вслед за ним из-за угла выскочил Верховный Страж и остановился, озираясь по сторонам. Тогда Защитник Людей открыл склянку и выплеснул на голову Верховного Стража слезы Скорбящей Матери.

- О Добрая Скорбящая Мать! – воскликнул Защитник Людей. – Пусть отольются Верховному Стражу твои слезы. Верховный Страж тут же со страшным ревом стал тем, кем он был на самом деле, – Жестоким Драконом.

А Защитник Людей увидел впереди маленькую, с низенькими домиками, улочку и побежал туда. Верховный Страж, теперь уже Жестокий Дракон, по-прежнему преследовал его по пятам. У самого низенького домика Защитник Людей увидел Маленького Сверчка. Сверчок сидел за небольшим верстаком, на котором лежали сапожный нож и дратва, и тачал сапоги.

Защитник Людей никогда еще не видел сверчка, который шьет сапоги, остановился и сказал по привычке человека Большой Страны Согласия:

- Здравствуй! – Здравствуй! – ответил Маленький Сверчок и так весело застрекотал, что у Защитника Людей прошла всякая усталость. – Куда ты бежишь? – спросил Маленький Сверчок.

- Я убегаю от Верховного Стража, который хочет меня съесть. Только теперь он мне совершенно не страшен. Я выгатачил его из Императорского Дворца и с помощью слез Скорбящей Матери вернул ему его настоящий облик – облик Жестокого Дракона. А Драконы страшны только до тех пор, пока им удается маскироваться под человека. Теперь все люди увидят, кто ими повелевает, и перестанут его бояться.

- Но он очень-очень большой, – сказал Маленький Сверчок и взял сапожный нож, чтобы обрезать прибитую им к сапогу подошву. – Он в тысячу раз больше меня!

- Ну и что же! Муравьи еще меньше тебя, но легко справляются с большой черепахой. Надо только не бояться. Ты же храбрый Сверчок, и за это тебя очень любят люди. – Ну, я побегу! Защитник Людей был настолько доволен встречей со Сверчком, что, разогнавшись, он дважды перевернулся в воздухе, а потом, встав на ноги, сказал:

- А теперь прощай, храбрый Сверчок, и не забывай моих слов: Верховный Страж совсем не страшен. – Он помахал Маленькому Сверчку рукой, а тот весело засмеялся и сказал:

- Прощай, мальчик! Как хорошо, что мы с тобой встретились!

Как только Защитник Людей исчез в следующем переулке, появился Верховный Страж и тоже остановился возле Маленького Сверчка. Обжигая Сверчка своим горячим дыханием, Верховный Страж спросил:

- Куда убежал мальчик из Большой Страны Согласия?

- Никакого мальчика тут не было! – храбро ответил Маленький Сверчок и принялся сапожным ножом обрезать прибитую им к сапогу подошву.

- Ты лжешь! – вскричал Верховный Страж и раскрыл угрожающе рот.

Маленький Сверчок все так же храбро, не отрываясь от работы, ответил:

- Клянусь, я совсем не знал, что мальчик, за которым ты гонишься, из

Большой Страны Согласия! Верховный Страж не стал больше разговаривать с Маленьким Сверчком. Раскрыв свой огромный рот, он проглотил его вместе с верстаком, на котором лежал сапожный инструмент, и вместе с сапогом, который был уже почти готов. Ведь Маленький Сверчок такой маленький, а рот у Верховного Стража такой огромный. Покончив с Маленьким Сверчком, Верховный Страж побежал дальше. Но Маленький Сверчок, сидевший в животе Верховного Стража, не растерялся. Сапожным ножом он стал резать кишки Верховного Стража. Верховный Страж пробежал еще с полквартала и почувствовал страшную боль в животе. Боль была настолько сильной, что он уже не мог бежать дальше, остановился, закричал: «Спасите! Спасите! Я умираю!» – и упал на землю. А Маленький Сверчок вылез из его брюха вместе с сапогом, верстаком и всем своим инструментом и быстро побегал вперед догонять Защитника Людей. На крики Верховного Стража прибежали Знахари. Они подняли его и быстро поволокли к Императорскому Дворцу, чтобы никто не успел увидеть, что Верховный Страж в действительности является Жестоким Драконом. Но было уже поздно. Люди забили все улицы. Они радостно улыбались. И чем больше становилось людей, тем веселее и радостнее становились их улыбки. А Защитник Людей прощался с Маленьким Сверчком:

- Прощай, друг! Я пойду домой в Большую Страну Согласия. Змей Горыныч, с которым мы сюда прилетели, сказал мне, что вы – Страна Запрещенных Улыбок. Возвратившись домой, я расскажу, что это неправда. Я увидел, как хорошо могут улыбаться люди вашей страны, и что нет такой силы, которая могла бы запретить им улыбаться. Защитник Людей поправил на плече пустой рюкзак. Наступали сумерки. Теперь у Защитника Людей осталось только одно желание – поскорее попасть домой, в Большую Страну Согласия.

Глава семнадцатая. И последняя. *В ней говорится о возвращении Защитника Людей в Большую Страну Согласия*

Мать Защитника Людей работала на фабрике «Юный конструктор». В день исчезновения сына она предложила модель маленького спутника Земли с несложным управлением, с которым может справиться ребенок. Мать поспешила домой, чтобы скорее поделиться своей радостью с сыном.

Но, заглянув в комнату сына и не найдя его там, задумалась. Случаи внезапного исчезновения сына бывали и раньше, но они никогда не волновали мать. Защитник Людей был знаменосцем отряда Юных Следопытов. Юные Следопыты часто совершали походы под руководством своих Учителей и Воспитателей. Родители настолько полагались на Учителей, а походы были так обычны, как и всякие другие школьные занятия, что никогда не вызывали их тревоги. Так вот, не найдя дома Защитника Людей, мать подошла к его столу в надежде увидеть на нем записку. Записка, действительно, лежала на столе. Мать взяла ее и прочитала: «Дорогая мамочка! Я отправился в Страну Запрещенных Улыбок. Подробно обовсем расскажу, когда возвращусь. Ты, мамочка, только не беспокойся! Ты же сама всегда учила тому, чтобы человек рос смелым, не боялся никаких трудностей. Я хочу себя проверить». Мать Защитника Людей была такой же, как и все матери мира. Прочитав записку, она беспомощно опустилась на стул. Она знала, что в Стране Запрещенных Улыбок любовь к человеку подменили ненавистью к нему, а ум стал несчастьем, за которое легко заплатить жизнью. Защитник Людей был умным, смелым и честным мальчиком, и мать с ужасом подумала, какому риску он подверг свою жизнь, сам, может быть, того не понимая, И так был велик ее страх за сына, что она решила немедленно оповестить об его исчезновении Умелых Мастеров. Рука ее уже потянулась к телефонной трубке, но, не дотянувшись, опустилась на стол. Она подумала: мой мальчик прав. Я всегда учила его мужеству, правде и честности. Пусть его путешествие в Страну Запрещенных Улыбок станет первой проверкой, и если он обладает этими качествами, то нечего за него бояться.

Но шли дни, О Защитнике Людей не было никаких известий, и тревога матери за его судьбу с каждым днем возрастала. В особенности тяжело было матери по ночам, когда она оставалась одна. Ее мучила бессонница, а если и приходил сон, то трудно было сказать, спит она или нет, потому что и во сне и наяву ей одинаково было больно от тяжелых раздумий о судьбе маленького сына. И вот наступила еще одна мучительная для матери Защитника Людей ночь. Окно в спальне было открыто, потому что и после заката солнца не спадала душная летняя жара. Мать, лежа в постели, внимательно прислушивалась к каждому шороху: может, откроется дверь и она увидит своего мальчика. Ночь уже подходила к концу, когда внезапно на подоконник маминой спальни опустилась большая птица на длинных ногах и с длинной шеей. В предраусветных сумерках она казалась фиолетовой.

- Не пугайтесь! – сказала птица. – Я – Белый Аист. Я прилетел вам сказать, что сегодня вместе с другими Аистами я полечу на поиски вашего сына.

От неожиданности мать не могла сказать ни слова. А Белый Аист между тем продолжал:

- Мы слышали, что у вас большое горе, вы ничего не знаете о своем сыне – Защитнике Людей. Мы отправляемся сейчас на его поиски и приле-

тели к вам, чтобы вы пожелали нам доброго пути. Не горюйте, мы обязательно разыщем вашего сына. С этими словами Белый Аист поднялся с подоконника и улетел. Мать Защитника Людей вскочила с постели:

- Уже утро, – сказала она. И тут она посмотрела на подоконник. Мать не могла понять, видела ли она Белого Аиста во сне или наяву, потому что в ее ушах очень отчетливо звучали его слова, а между тем на окне никакой птицы не было. Но матери так хотелось верить, что Белые Аисты отправились на поиски ее сына. Она подошла к окну:

- Белые Аисты! Однажды вы принесли мне Защитника Людей, когда он был совсем еще маленьким. Найдите мне его снова. ...Выйдя из города на Каменную Дорогу, Защитник Людей приуныл. Наступила ночь, дорога предстояла длинная, в рюкзаке его не было даже кусочка хлеба. И как всегда в трудных случаях, Защитник Людей стал вспоминать сказки. Старинные, в которых часто повторялась печальная мысль: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... И новые. Ах, какие он знал новые сказки! В них ковры-самолеты и даже большие летающие птицы не появлялись неизвестно откуда, а делались самими людьми. В них рассказывалось о том, как люди победили тьму, создали большие и маленькие звезды, похожие на солнце, построили большие города. Так шел и так думал Защитник Людей, а вокруг приветливо сверкали разноцветные огни. И кто знает, сколько бы пришлось еще так одному идти по дороге, если бы не встретил он на своем пути Думающего Человека.

- Здравствуй, мальчик! Мы узнали, что тебя ждет трудный путь, и решили прийти к тебе на помощь.

- Здравствуйте! – радостно откликнулся Защитник Людей. – Как вы меня нашли?

- Маленький Сверчок помог нам. Он рассказал, что тебе очень хочется домой, в Большую Страну Согласия. И решили тебе помочь. Ничему не удивляйся. Мы приготовили для тебя Звездолет. К утру ты будешь неподалеку от Черного Леса, и там тебя встретят Белые Аисты Большой Страны Согласия. И знай: сейчас ты не одинок – разноцветные огни: красные, зеленые, голубые и оранжевые – это наши к тебе добрые чувства. Думающий Человек исчез в ярком блеске огней. А Звездолет неслышно поднялся в воздух и к утру легко опустил Защитника Людей на землю. Он так обрадовался, что во весь голос запел любимую песню. В это время его и услышали Белые Аисты. Опустившись на землю, Белый Аист медленно подошел к Защитнику Людей и сказал:

- Здравствуй, Защитник Людей! Садись мне на спину. Сейчас мы полетим с тобой к маме.

- Но тебе будет тяжело.

- Что ты!- ответил Белый Аист. – Переносить на крыльях маленьких людей – это мое любимое дело. А разве любимое дело может быть тяжелым? К тому же, ты видишь, нас тут много. И каждому Белому Аисту очень хочется понести тебя на крыльях хоть немного. Защитник Людей сел на спину

Белого Аиста. Тот взмахнул крыльями и мгновенно очутился высоко в небе. Они летели с огромной скоростью. Скорость была так велика, что Защитник Людей попросил Белого Аиста:

- Аист, Аист! Нельзя ли лететь потише?

- Ты боишься быстрого полета? – спросил Белый Аист и добавил:

- Я хочу, чтобы ты поскорее встретился со своей мамой. Она тебя очень ждет.

- Нет, – ответил Защитник Людей. – Я не боюсь быстрого полета, потому что хочу стать космонавтом. И маму свою я хочу поскорее увидеть, потому что я очень ее люблю. Но мне еще хочется рассмотреть, что делается на земле. Белый Аист спустился ниже к земле и стал лететь медленнее. Защитник Людей глянул вниз и испугался: под ними горели маленькие деревни и большие города, засеянные хлебом поля, зеленые леса и белые корабли.

- Белый Аист, – закричал Защитник Людей, – почему там, внизу, горит земля?! Белый Аист повернул к Защитнику Людей голову. На его покрасневших глазах блестели слезы.

- Мой добрый друг! Это умирающий Верховный Страж приказал своим Плясунам устроить на земле пожар. Но это последний его приказ. Мы сейчас вернемся с тобой назад, и я кое-что тебе покажу. Все аисты быстро повернули в противоположную сторону, опустились еще ниже, и Защитник Людей вскрикнул от изумления:

- Что это? В воздухе носилось множество шаров. Они медленно проплывали, соединяясь по цветам, – красные, оранжевые, зеленые, голубые, синие, желтые, как сменяющие друг друга цветные дороги. Это был прекрасный праздник цветов! Белый Аист сказал:

- Это праздник, устроенный Думающими Людьми. Сейчас я опущусь еще ниже, а ты погляди, может, найдешь среди них своих друзей?

Защитник Людей пристально посмотрел на землю.

- Вижу! – радостно закричал он. – Вижу! Вон Горный Богатырь, а рядом с ним Девушка с Заплаканными Глазами. Они оба смеются. Значит, над ними нет больше власти Верховного Стража! По щекам мальчика скатывались крупные слезы. Но это совсем не были слезы печали – плакать и большие и маленькие люди могут не только от большого горя, но и от большого счастья!

- Теперь летим скорее домой! Прошло некоторое время, и стая Белых Аистов начала снижаться. Защитник Людей все время повторял:

- Спасибо большое вам, Белые Аисты, спасибо.

- Не надо нас благодарить, – ответил Белый Аист, на котором летел

Защитник Людей. – Самая большая награда для нас в том, что ты снова встретишься со своей мамой. Вон твой дом. Иди скорее! Защитник Людей радостный вбежал в родной дом.

- Мамочка! Это я! – и бросился в ее объятия. Мать гладила его по голове, плакала и говорила:

- Сашенька! Мой маленький мальчик! Ведь для матери дети на всю жизнь остаются детьми, даже тогда, когда их головы покрываются сединой.

- Нет, мамочка, я не маленький, я совсем-совсем не маленький. Успокойся, пожалуйста. Я расскажу тебе сейчас о своем путешествии в Страну

Запрещенных Улыбок, и если ты скажешь, что я вел себя так, как следовало вести Защитнику Людей, я буду, мамочка, самым счастливым человеком на Земле. А Белые Аисты в это время поднимались с земли. Они летели не спеша, плавно размахивая крыльями, и становились все меньше и меньше, пока совсем не исчезли в высоком синем небе. Мать с сыном долго провожали их взглядом. Как хорошо, что на свете есть Белые Аисты, у которых нет других забот, кроме заботы о том, чтобы счастливы были матери и их дети!

ЧУМАКОВ Илья Васильевич
(1912, с. Старая Полтавка
Волгоградской области – 1967,
Ставрополь)

писатель, журналист

Автор более 10 книг: «Атака» (1944), «В начале мая» (1946), «Буруны» (1947), «Степная легенда» (1948), «Марьины колодцы» (1951), «Главный ориентир» (1957), «На Черных землях» (1957), «Парень с широкого поля» (1961), «Доватор-

цы» (1961), «Золотое руно» (1962), «Прапор» (1963), «Живая россыпь» (1964, 1967), «По волчьим следам» (1966). Член Союза писателей СССР.

Илья Васильевич Чумаков (псевдоним – Илья Чумак) родился 2 августа 1912 в семье переселенцев в селе Старая Полтавка нынешней Волгоградской области. Воспитывался и учился в трудовой колонии им. М. Горького, детской коммуне им. Ф. Э. Дзержинского и других подобных спецзаведениях. Юношей работал на нефтяных промыслах в г. Грозном. Первая проба пера – в газетах «Голос вышек», «Орджоникидзевская правда» (так до 1943 года называлась «Ставропольская правда»). В годы Великой Отечественной войны – на фронте: капитан, старший оперуполномоченный контрразведки «СМЕРШ». В 1943 году возвращается в Ставрополь. С 1943 года сотрудничает в молодёжной газете «Молодой ленинец», работает редактором на ставропольском радио, затем более тридцати лет – разъездной корреспондент «Ставропольской правды». Едва ли можно было назвать такой уголок в Ставропольском крае, где бы не побывал со своим журналистским блокнотом И. Чумак. Свои повести, рассказы, короткие новеллы И. Чумак печатал в газетах, потом уже собирал в небольшие книги, отбирая самое лучшее, наиболее удачное. Написанное им явственно делится на три группы произведений, в основе которых лежат: гражданская война, Великая Отечественная война и жизнь в послевоенные годы. В 1960-е гг. занимал должность завотделом «Ставропольской правды».

В основе всего написанного им лежит подлинное знание жизни и людей. В краткой аннотации к последней прижизненной книге писателя «Живые россыпи» сказано: «Это сборник коротких рассказов-новелл. Выдуманного в повествовании нет ни строки. Все или пережито самим автором или увидено собственными глазами».

Илья Чумак был строгим реалистом, но он не копировал действительность. Его произведениям присуще художественное обобщение, делающее реальные явления жизни красочнее, ярче. Илья Чумак и как писатель и как чело-

век был резкого, но вместе с тем и доброго характера. Добр и открыт душой был к тем, кого видел в полезной деятельности на благо Родины.

Умер Илья Васильевич Чумаков в 1967 году в Ставрополе.

Бабушкин гостинец

В воскресный день вдруг неожиданно-негаданно пришла мать. Переступив несмело порог, она с любопытством оглядела обстановку и убранство нового жилья Егора и сказала:

- Ну, здравствуй, сынок! Что – жив-здоров?

Егор отложил в сторону недочиненный детский ботинок и не спеша поднялся ей навстречу. Значит, все же не утерпела – пришла. А ведь она так же, как и отец, гневно кричала ему вслед, что здесь, где он теперь живет, и ноги ее не будет. Она, как и отец, была убеждена, что он, Егор, поступил самым безрассуднейшим образом. Ну, мыслимо ли решиться на такую женитьбу: двое своих и трое у нее, этой Глаши, и все мал-мала меньше. То, что Егор любил ее еще с молодости, еще девушкой, еще до того, как ее просватали за ныне покойного Алешку Климова, для стариков, похоже, значения не имело. В том возрасте своя любовь уже забывается.

- Один дома? И деток почему-то не вижу. Куда ж они запропали, твои детки-то?

- Кто знает, куда они сейчас запропали – на дворе ведь лето. Глаша ушла на огород, ну и они, наверное, все пятеро, увязались за ней. Скоро вернутся.

- О нет, родимый, я долго ждать не могу: мне надо в больницу. Я зашла мимоходом, чтобы передать деткам гостинец. Вот, скажешь, от бабушки.

И на скатерть стола перед Егором осторожно легли два магазинных розовых пряника.

Только два пряника – ни одним больше.

Может быть, Егор так ничего и не сказал бы матери, расстался с ней молча, если бы в этот момент во дворе не зазвенели приближающиеся детские голоса. В хату вот-вот должна войти Глаша, а с ней и дети. И Егор не сдержался. Наливаясь обидой и гневом, он крикнул:

- Убери, убери свой гостинец, немедля, не то выброшу его. В окно. Убери, пока не поздно!..¹

Горький ком

Я ехал из Сибири в родные края. Дорога была дальняя, и душа просила попутчика, с которым можно избавиться от нудной, томительной скуки в вагонном купе. Кто б он ни был, – лишь бы хороший, дружеский разговор, и только.

---

¹ Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Ч.2: Проза. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2010. –С.312-313

Но мне не везло. До Ачинска ехал со мной какой-то заготовитель, просидевший в вагоне-ресторане почти до конечной остановки, а в Ачинске на его месте расположилась старушка со скорбным и туманным лицом. Сколько мы ни сидели друг против друга, она не проронила ни слова.

Странная старушка промолчала даже тогда, когда я пожелал ей спокойного сна.

Удивительная старушка! Не прилегла на постель всю ночь. Как вчера устремила в окно глаза, так и не отвела их до утра.

Сейчас я уже не скажу, как я провел новый день, но помню, что почти не заходил в свое купе. Дверь его открыл лишь глубокой ночью. И когда открыл, был просто ошеломлен: моя спутница продолжала сидеть – сидеть в одной и той же позе.

- Мамаша, – не выдержал я, – да разве можно так? Вы же уморите себя. Почему не ложитесь спать? Людям в вашем возрасте только и спать.

- Эх, сынок, – тихо ответила она, как и прежде не отрывая глаз от окна, залитого ночной чернотой. – И рада бы уснуть, да не могу. Не в силах...

- Бессонница?

- Нет, сынок, не она. Обида, такая обида, сынок!

И не ожидая, когда я спрошу ее, что за беда начала рассказывать, рассказывать торопливо, поспешно, будто боялась, что я перебую ее, до конца не дослушаю. Приехала она к сыну, к своему единственному сыну Васятке (к кому же еще ей пригорнуться на старости лет), а он не принял, сказал: уезжай обратно. Теперь у него своя семья, свои заботы и нужды. Да и не слишком понравилось все это раскрепасной его жене...

Она умолкла не скоро, но как-то неожиданно, вдруг, не досказав даже фразы, и я, поняв, что это и есть конец, спросил:

- А кто такой ваш Васятка? Где он живет и кем работает?

Но старушка мне не ответила.

Она не ответила и после того, как я повторил свой вопрос.

Она спала.¹

Дум-дум

Вскинув автомат, он привстал на колено и, спокойно прицелившись мне в грудь, дал длинную очередь

- Та-та-та-та!

Но в этот момент я не был намерен расставаться с жизнью – уж очень хорошая стояла погода. Ночью прошел дождь, и омытая им листва каштанов зеленела так ярко и нежно, будто на земле – май. Однако солнце было в небе, а другое в пруду, лежащем у моих ног. То солнце, что в небе, поднималось, а то, что отражалось в пруду, все дальше и дальше уходило в его глубину.

---

¹ Там же. – С.313

В такое чудесное утро нельзя было умирать, и я даже не шевельнулся. Я продолжал сидеть на скамье в той же позе. В парк я пришел не умирать, а отдыхать.

- Ты что, папка, разве не видишь, что я начал с тобой войну?

Я думал, что все уже забылось, а, оказывается, еще не забылось ничего. От вида Сережкиного деревянного автомата даже потемнело в глазах. Было два солнца, а теперь не увиделось ни одного...

- Папа, папочка! – словно бы издалека-далека донесся до меня испуганный голос сынишки. – Почему ты плачешь?

Надо было взять себя в руки – умел же я это делать раньше, умел даже тогда, когда настоящая фашистская пуля «дум-дум» разорвала мне левый бок и никто уже не верил, что я останусь в живых, – умел, а тут от игрушечного автомата...

И чтобы оправдаться перед Сережкой, сказал:

- Плачешь!.. Ведь ты же нацелился своим автоматом не в дерево, а прямо мне в грудь.

И предложил, нет, попросил, нет, потребовал:

- Прекрати эту игру, Сережка. Слышишь, чтоб я ее больше не видел!

Ироды

Жила Прасковья Ивановна одна-одинешенька. На сыновей она не обижалась. Знала, что у обоих давно свои семьи. Ранило одно: чтобы вырастить их, билась в своей вдовьей доле изо всех сил, – а они, ее дорогие сыночки, в помощь до сих пор не прислали даже рубля.

- А ты, Ивановна, зря молчишь, – говорили соседи. – Возьми и подай на них в суд.

- Да я уже думала, – отвечала Прасковья Ивановна. – Но у них же детей много.

Так продолжалось долго-олго. Год, два, три, может быть и все десять.

- Подавай, Ивановна, подавай! Они обязаны, и закон такой есть!

И когда она все же согласилась, в суд пришли толпой. Чтобы подтвердить правду.

Какое решение вынес суд, до сознания Прасковьи Ивановны вначале не дошло. А когда наконец дошло, закрыла ладонями лицо и горько-горько запричитала:

- Да что вы наделали, граждане судьи! Неужто у вас души нет? Да разве можно отнимать у них из зарплаты каждый месяц по пятнадцать рублей! Ой, что вы наделали, ироды!¹

---

¹ Там же. – С.311

ШУБНАЯ Любовь Федоровна

(род. 1955, с. Калиновское
Ставропольского края)

поэт, прозаик, журналист, переводчик
Автор книг «В двух мирах», «На земле,
в стихах воспетой», сборники стихов для
детей «Свирель», «Не мешайте спать
коту», сборника песен для детей дошколь-
ного и младшего школьного возраста
«Есть такие люди – ДЕТИ»; текстов пес-
ен о Ставрополье и казачестве. Замести-
тель главного редактора районной газеты
«Александровская жизнь». Публикуется в

русских, региональных и краевых пери-
одических изданиях. Член Союза российских писателей, член Союза жур-
налистов России, дипломант краевого поэтического конкурса «Мы рож-
дены для вдохновения», лауреат премии Германа Лопатина, председатель
литературного объединения имени И.В. Кашпурова, член инициативной
группы альманаха «Литературный Кисловодск».

Любовь Федоровна Шубная родилась в 1 января 1955 году в селе Кали-
новском Ставропольского края. Окончила Краснодарский институт культу-
ры, много лет работала директором районного кинотеатра, сотрудничала с
районной газетой. Её хорошо знают как вдум-
чивого, серьезного автора. Любовь Шубная
много лет руководит литературным объедине-
нием, отдавая немало сил и времени работе с
молодыми авторами, помогая им обрести себя
в творчестве. Любовь Федоровна Шубная – хо-
роший организатор. В Александровском очень
популярны ставшие традиционными литера-
турные чтения имени Ивана Кашпурова, к под-
готовке и проведению которых Любовь Шуб-
ная привлекает своих единомышленников из
числа работников культуры села и района. По итогам этих чтений выходят
сборники произведений здешних поэтов и прозаиков.

*Проснулась вишенка и
плачет,
Погожий день совсем
не мил –
Зимой от скуки, не
иначе,
Ей кто-то руку
отломил*

Л.Ф. Шубная

Важное место в творчестве члена Союза российских писателей Л. Шубной
занимают переводы произведений поэтов Дагестана. Не случайно коллеги из
соседней республики бывают частыми гостями в селе Александровском, уча-
ствуют в Кашпуровских чтениях. Их стараниями стихи и рассказы Любови Шуб-
ной знают в переводах на языки народов Дагестана читатели республики.

Радуга в ботинке

Нашёл ёжик Тишка в лесу разноцветный бисер. Нанизал бусинки на иголки и отправился домой. Солнышко нежно грело спинку и весело играло всеми цветами радуги. Увидел Тишка своё отражение в ручейке:– Какой же я красивый! Да такого красавца ни в одном лесу нет! Теперь и дружить-то не с кем. Все вокруг какие-то серые, не интересные. Поплыву в дальние страны, к заморским ёжикам. Подтащил к воде выброшенный кем-то огромный ботинок, сел в него, как в лодочку, и поплыл. В это время медведь малину у ручья собирал. Видит, плывет в ботинке маленькая радуга, а из-под неё выглядывает какой-то зверёк невиданный. Мишка даже присел от удивления. Позвал зайца. Заяц тоже удивился и решил:– Побегу за радугой, посмотрю, что за зверь. Никогда в нашем лесу такого чуда не было. Плывет Тишка в ботинке, а заяц по бережку бежит.– Чудо, чудо, ты откуда? Как тебя зовут? – спрашивает. – Не буду отвечать, – думает ёжик. – Пока был серым да колючим, никто чудом не называл. Поплыву молча. За высоким дубом ручеёк повернул на север. Шнурок от ботинка зацепился за камень, и ёжик причалил к берегу. Всё было удивительным – и сочная зелёная трава, и красивые цветы, и огромные нарядные жуки в чёрных и зелёных фраках. – Вот они, дальние страны, – обрадовался Тишка. – Не то что наш скучный лес. Ёжик бежал по узкой тропинке, а над ним кружились мотыльки и стрекозы – им нравился Тишкин наряд. Залюбовавшись яркими цветами на высоких ножках, малыш и не заметил, как путь ему преградила хитрая лиса. – Ты что ли, ёжик? – удивилась она. – Нет, – испуганно ответил Тишка. – Я – чудо. – Ещё какое вкусное чудо, – облизнулась лиса. – А ты, ёжик, молодец – чехольчик на свои колючки надел, чтобы я мордочку не поранила. Такой славный ужин будет! Она схватила Тишку и потащила в глубь леса. – Я не хочу быть ужином! Я не вкусный! Спасите! Помогите! – пищал ёжик. И тут из-за куста прямо на лису выскочил заяц. Рыжая плутовка от неожиданности выпустила Тишку, и он забился под огромную корягу. Лиса долго ходила вокруг, пыталась достать добычу, но ничего у неё не получилось. Убежала она в лес злющая-презлющая. Ночью ёжика окликнул удивительно яркий светлячок. – Эй, Тишка, пойдём домой! – Откуда ты меня знаешь, заморский светлячок? – удивился Тишка. – А я не заморский, я местный! Ты же в нашем лесу, просто не на той полянке, где живёшь. – А как же красивые заморские бабочки, жуки, цветы?.. – И бабочки не заморские, и цветы, и жуки. Раньше ты их не замечал, потому что смотрел только под ноги. Пойдем быстрее, пока лиса далеко. Светлячок проводил Тишку до самого дома. Утром ёжик вышел на полянку, поднял голову и увидел сочную зеленую траву, яркие цветы на высоких ножках, нарядных мотыльков, жуков в блестящих модных фраках. Поздоровался с зайцем, улыбнулся соседям-ёжикам. Они были совсем не скучными и не серыми, а красивыми и добрыми. А потом попро-

сил знакомую сороку снять с иголок весь бисер и облегчённо вздохнул:–
Как хорошо и спокойно дома! Как хорошо быть ёжиком! Не заморским...

День рождения

Я не буду ночью спать,
Надо день рожденья ждать –
Вдруг он пробежит с утра
Мимо нашего двора?
Побежит к подружке Томе,
Что живет в соседнем доме...
Тома в садике сказала:–
Мне самой подарков мало!
А ещё сказала: –
Вам День рожденья не отдам!
Томе праздновать не лень
День рожденья каждый день!

Первая пятёрка

Ой, быстрее бегите, ноги –
По дорожке, по дороге!
У меня в портфеле кто-то –
Он похож на бегемота!
Я его из пластилина
Так старательно лепил,
Что огромную пятерку
За работу получил!
Ой, быстрее бегите, ноги!
Я от радости кричу!
Поскорей моей пятеркой
Всех порадовать хочу!

Исповедь двоечника

Из-за двоек я не плачу.
Я дневник в сарае прячу.
Мама спросит: «Как дела?
Математика была?»
Я отвечу: «Все прекрасно!
Ты волнуешься напрасно!
По контрольной было «пять»!
Жаль, пропал дневник опять!»

Солнечный каштан

Длинные пальцы у листьев каштана,
Что-то хватают они постоянно,
Шепчутся с ветром над старою крышей,
К солнцу взлетая всё выше и выше.
Не сосчитать поутру удивлённых
Солнечных зайчиков в ручках зелёных!

Телефон

Нам поставили родители
Телефон с определителем.
Пусть попробует Серёжка
Помякаты, словно кошка!
Я теперь любую шутку
Разгадаю за минутку!

ФАТЕЕВ Геннадий Семенович

**(1939, с. Красногвардейское
Ставропольского края – 2005,
Ставрополь)**

*ставропольский поэт, писатель, пере-
водчик*

Автор 15 книг стихов и прозы: «У ледяных широт России» (1961), «Вечный огонь» (1968), «Доктор Алексеев» (1969, 1986), «Вторая высота» (1973), «Преследуется по закону» (1979), «Майский дождь» (1980), «Баллада о земле Ипатовской» (1984), «Краскомы гражданской» (1987), «Россия – жизнь моя» (1989), «Глядит Россия на Кавказ» (1993), «Корона Ариадны» (1997). Основная тема – родное Ставрополье, его история и люди, судьба Кавказа, вера в светлое будущее России. О героической истории края – его повести «Отец», «Человек из брони», «Красная молния». Подвигам ставропольцев в годы Великой Отечественной войны посвящены «Доктор Алексеев» и «Сестричка», а также поэма «Вечный огонь», многие стихи и песни. За заслуги в области культуры Геннадию Фатееву присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры России». За вклад в развитие национальных литератур Северного Кавказа и миротворческую деятельность указом президента России поэт награжден орденом Дружбы. Геннадий Семенович – почетный гражданин села Красногвардейского.

Геннадий Семенович Фатеев родился 8 мая 1939 года в селе Красногвардейском Ставропольского края. Стихи начал писать еще в школе, которую окончил с золотой медалью. Затем учился в Московском институте культуры, работал на Крайнем Севере, а по возвращении домой – в краевых газетах «Молодой ленинец» и «Ставропольская правда», был главным редактором краевого и книжного издательства Фонда культуры. Руководил краевыми журналистской и писательской организациями.

Поэтическая мысль поэта – живая, образная, критическая. Он знал и любил село, сердце поэта признательно своей малой родине, в разлуке с ней

*Есть в мире город,
южный город,
Частица Родины моей.
Он из полей стремится в
горы,
Весь в ожерелье
тополей.
Он весь теплом и светом
залит,
Рекой цветов чарует
нас. Твоими, Ставрополь,
глазами
Глядит Россия на
Кавказ.*

Г.С. Фатеев

он тоскует по ней, вновь и вновь возвращается в мыслях к памятным местам, туда, где прошли детство и отрочество.

Геннадий Семенович Фатеев занимался переводческой деятельностью. Многие его стихи переведены на другие языки. Русскими композиторами на стихи Геннадия Фатеева написано около 250 песен. А песня «На станции тихой», созданная с композитором И. Грибулиной, на всесоюзном конкурсе «Песня – 78» отмечена первой премией. Стихотворения его проникнуты глубокой любовью к родному краю, его природе и людям, их самоотверженному труду. Об этом говорят названия многих из них – «Благодарный», «Прасковья», «Будённовские улицы», «Ладовская балка».

Умер Геннадий Семенович Фатеев 26 июня 2005 года в Ставрополе. Имя знаменитого выпускника Геннадия Фатеева присвоено Красногвардейской средней школы №1, при которой создан музей поэта. Его стихи включены в школьную программу. Дочь Геннадия Фатеева занимается огромным архивом, который остался от отца и планирует издать сборник.

* * *

На земле, где чудес так немало,
Есть родная душе сторона.
Та, где жизнь подарила мне мама,
Где меня ожидает она.
И священным навек стало поле,
Где в хлебах обелиски стоят.
Дорогое мое Ставрополье,
Ставрополье – песня моя.
И опять меня голосом трубным
За собою зовут журавли.
Без тебя мне в разлуке так трудно,
Как без первой и верной любви.
Ты шагало за мною на полюс,
Ты ко мне приходило в моря,
Дорогое мое Ставрополье,
Ставрополье – песня моя.
Тихо ивы над речками плачут,
Зазывают баяны сватов.
Если в жизни я что-нибудь значу,
То тебе благодарен за то.
Ты меня вдохновляешь на поиск,
В самом сердце ношу тебя я,
Дорогое мое Ставрополье,
Ставрополье – песня моя.

Турник

Словно буква «П» стальная,
Наш турник под окнами.
Те, кто дружит с ним, мы знаем,
Вырастают ловкими.
Вот и мы сегодня с Мишей
К турнику тому пришли.
Встали рядышком, поближе,
Дотянутся не смогли.
Не подняться на турник:
Он для нас – как горный пик.
Подошел высокий парень.
«Новички, как погляжу?
Вы ещё здесь не бывали?
Ну, давайте, подсажу».
Ух, как здорово
Другие крутятся без устали!
Мы ж на турнике впервые,
Заболели мускулы.
Не хватает больше сил –
Словно груши, мы висим.

Мы играем в светофор

Расчертили мелом двор.
Всюду оживление.
Мы играем в «Светофор»,
В «Правила движения».
Коля с палкой полосатой
Верховодит детворой.
Он сегодня самый главный,
Потому что постовой.
Вышла маленькая Нина.
Нина будто бы машина,
И всей группе надо знать,
Как ей место уступать.
Перед нами красный глаз –
Прибавляй, машина, газ.
Мы, конечно, подождем,
Под тебя не попадем.
Загорелся желтый свет.
Нам пока что ходу нет.

Будь готов заранее,
Напряги внимание.
Глаз зеленый – это друг.
Проходите, дети!
Замечтался Петя вдруг,
Смены не заметил.
Никого уж рядом нет.
Он идет на красный свет.
Что он сделал? Он пропал!
Коля жезлом замахал.
Засвистел в свисток он громко
И отвел Петра в сторонку.
Тот оперся о забор
И стоит зареванный,
Все играют в «Светофор»,
Петя – оштрафованный.

Синее небо Домбая

Вековые сосны шепчут сказки,
Снежные лавины рвутся вниз.
Мы опять с тобой в единой связке,
А над головою лед навис.
Ходим, в снега врубаясь,
Горы для нас – магнит.
Синее небо Домбая
Смелых к себе манит.
Кто-то в этот час на взморье Рижском
Слушает ленивый плеск волны.
Ну а мы не можем жить без риска.
Значит, мы такие рождены.
На спиртовке греем кружку чаю,
Ледоруб под голову кладем.
Горы в этом крае привечают
Альпинистов, легких на подъем.
Ходим, в снега врубаясь,
Горы для нас – магнит
Синее небо Домбая
Смелых к себе манит.

ХМЕЛЕВА Надежда Владимировна
(род. 1949, с. Крем-Константиновка
Баксанского района)

*ставропольская писательница, поэтес-
са*

Член Союза писателей СССР и России. Автор более десяти сборников. Живет и работает в Буденновске. Ее произведения выходили в периодической печати КБАССР, Туркмении, Ставропольского края. В журналах: «Дон», «Альманах Ставрополя»,

Литературный Кисловодск».

Родилась в с. Крем-Константиновка Баксанского района Кабардино-Балкарской АССР. В 1966 году окончила среднюю школу. Училась в Ашхабадском гидромелиоративном техникуме. Работала ткачихой, воспитателем в детском саду техником-строителем. В 1973-1979 году обучалась в Ростовском инженерно-строительном институте, работала инженером проектировщиком в «Край колхоз-проекте» в г. Ставрополе. Более 20 лет – до 2003 года работала преподавателем спецдисциплин в ПТУ – 35 г. Буденновска.

Сегодня Надежда Владимировна – Ветеран труда, отличник образования, пенсионер – инвалид II группы, но живет активной общественной и творческой жизнью. Член художественного совета города, женсовета города и района, краеведческого совета города, руководитель воскресной православной школы города при храме Казанской иконы Божьей Матери. В 1999 году ей присвоено звание «Человек года» города, за вклад в культуру и работу с подростками и детьми в литстудии «Родники Прикумья».

Хмелева Н.В. является Дипломантом I степени краевых поэтических фестивалей, Лауреатом III Всесоюзного фестиваля народного творчества в номинации – литературное творчество, Дипломантом фестиваля «Пою Богу моему». Принимает активное участие в краевых православных чтениях, съездах женщин Юга России и т.д.

Награждена медалью «К 100-летию А.М.Шолохова», грамотами и дипломами города, края, министерства культуры и министерства образования, губернатора, от настоятеля храма, Благословенной грамотой за духовно-нравственное просвещение центральным отделом религиозного образования, Москва.

Нас восхитили россыпи удивительных метафор в рукописи Надежды Хмелевой, которые, как драгоценные камни, <...> нуждались в огранке, но уже и тогда свидетельствовали о том, что перед нами сокровище истинной поэзии.

Раиса Котовская

Издала сборники стихов «Прикумский меридиан» (1989); книгу для детей «Посмотри вокруг» (1990); сборники «Новый день», «Святые копани»; «Разучилась ходить босиком» (1992); «Покаяние» (1992); для детей «Цветная музыка» (1992).

В 2002 – 2003 гг. в г. Санкт-Петербурге вышли ее сборники произведений «Да будет воля Твоя...», «Я шла и шла», «Запахи детства», «Как похожа осень на меня», детские сборники «Как сыну и дочери» (2004), «Любовь, Надежда, Вера – триедины» (2005), «Моя родная сторона» (2005).

В Ставрополе вышли в свет сборники ее поэтических произведений для детей; «Всюду солнышко» (2003), «Весна победы нашей» (2005) «Подвиг народный» (2005), а в г. Минеральные Воды в 2005 г. выпущен сборник «Десятилетие черного июня». Издана серия из семи книг для детей младшего, среднего и старшего возраста: стихи, рассказы и сказки.

ТАК Я СЧАСТЛИВА БЫЛА...

Как я счастлива была,
Что котенка завела!
Только он мне надоел:
Спал, мяукал, мало ел...
Принесли мне рыбок разных:
Фиолетовых и красных...
Промолчали две недели,
На меня и не глядели...
Рыбок брату отдала, _
Канареек завела.
Помолчать порой могли бы,
Как в аквариуме рыбы,
Во дворе гулять как кот.
Разонравились мне. Вот!
Как я счастлива была,
Что собачку завела...

ОЛЯ

- Лучше всех учился в школе
Папа мой, – хвалилась Оля. –
Футболист мой старший брат,
А у дедушки наград
Столько – вам не снилось даже!
Мама шьет, печет и вяжет,
Да еще и врач зубной!
Вы должны гордиться мной!

А подружки ей на то:
- А сама ты, Оля, кто?

УЧИТЕЛЬНИЦА

Заявила куклам Поля:
- Я – учительница в школе,
Я прочту сегодня сказку!
И, нахмурившись, указкой
Постучала по столу:
Кто шалит – стоять в углу!
Нехороший ученик,
Подавай сюда дневник!
Накажу всех непременно!
Наконец-то перемена!
Рады куклы, рада Поля...
«Нелегко работать в школе!»

МАКИЯЖ

Мамы нет – открыт трельяж,
Надо сделать макияж!
Под руками все, что надо:
Тени, пудра и помада.
Час я красилась и два –
Разболелась голова.
Вдруг звонят – открыла дверь,
Будто я – ужасный зверь,
Закричали: «Кто же это?»
Тома, Юлечка и Света,
Загалдели вразнойбой:
«Что с тобой?» да «Что с тобой?»
Не узнали неспроста:
Вот что значит красота!

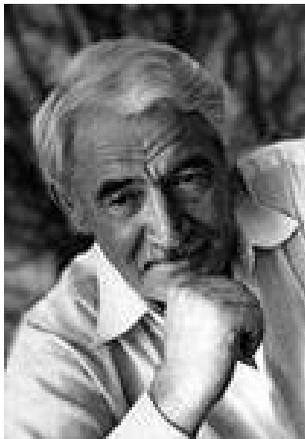
ГОРКА

Есть у нашей школы горка
Небольшая, на задворках.
Выпал ночью первый снег,
А с утра на горке – смех!
В перемену без пальто
Не замерзнет здесь никто.
Заливается звонок,

Начинается урок.
А метелица спешит –
След ледовый порошит.
«Молодой еще ледок,
Подрости еще чуток».

ПОДСОЛНУХ

Золотой цветок подсолнух
Тянется за солнышком.
Ведь не зря его зовут
Ласково подсолнушком.
Головой кивая черной,
Не боится ничего,
Как мальчишка непокорный.
Посмотрите на него,
Как доверчиво-счастливый,
Он, на цыпочки привстав,
Сквозь листву огромной сливы
Взглядом солнышко достал.

ХОДАРЕВ Витислав Васильевич

(род. 1939, ст. Зольская
Ставропольского края)

Ставропольский поэт и писатель

Автор четырнадцати книг «Горсть снега» (1974), «Звезда в окне» (1983), «При исполнении служебного долга» (1985), «Отчизна» (1989), «Казачий круг» (1993), «Путь через века» (1993), «Станичные суеверия» (1997), «Слеза на ветру» (1998), «Казачья любовь» (1999), «Терские протоки» (2000), «Доброе эхо» (2000), «Горная речка» (2001), «Вера, надежда, любовь» (2004). Лауреат литературных премий С. Бабаевского и Ни-

колы Фурнаджиева (Болгария). Секретарь Союза писателей России, председатель его краевого отделения.

Витислав Васильевич – терский казак, активный общественный деятель, заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный член Пазарджикской писательской организации Союза писателей Болгарии. Стоял у истоков возрождения казачьего движения на Ставрополье, депутат Ставропольской городской Думы, член краевой комиссии по помилованию при губернаторе. Много лет возглавлял писательскую организацию края.

Витислав Васильевич Ходарев родился в станице Зольской Кировского района Ставропольского края. Детство, юность поэта прошли в станице Лысогорской Георгиевского района. Закончил горнопромышленную школу, служил в ракетных войсках, был корреспондентом газеты «Ленинская правда» в Георгиевске. После окончания вечерней школы окончил юридический факультет Кубанского государственного университета. Долгие годы работал в органах МВД СССР. Подполковником в отставке возглавлял бюро пропаганды художественной литературы Ставропольской краевой писательской организации.

Стихи он начал писать еще в детстве. Главная тема поэтического творчества – родное Ставрополье, история Отечества. Написал сборник казачьего фольклора, сделал переводы с болгарского. Поэзия Витислава Ходарева наполнена правдой, благородством и добром, неподдельной честностью.

С лихвой
получил
молодой горняк
шахтерскую
закалку,
побывал под
обвалом и
позже поведал:
...О, это давнее,
святое. В себе
храню не кое-
как! Я знаю, что
это такое –
Катать к забою
порожняк».
В.В. Ходарев

Несколько лет Витислав Ходарев успешно и плодотворно руководил краевой организацией Союза писателей России, успев немало и на этом поприще. Достаточно лишь назвать выпущенную под его непосредственным началом серию «Писатели Ставрополя – школьникам», пользующуюся популярностью при изучении регионального литературного компонента.

Сегодня он является секретарем и членом правления Союза писателей России.

Сборник «Земной поклон» предваряет солидная статья известного ученого, доктора филологических наук профессора Северо-Кавказского федерального университета Вячеслава Головки, детально рассматривающего своеобразие и многогранность творчества В. Ходарева, справедливо называющего его и поэтом, и публицистом, и общественным деятелем. Поэт имеет звание заслуженного работника культуры РФ, награжден серебряным почетным знаком Терского казачьего войска, крестами имени генерала Ермолова, именованным казачьим оружием.

Поля Ставрополя

Я признаю и лес безбрежный,
И кутерьму шальных морей.
Но ближе мне созревший, нежный
Цвет колосющихся полей.
Лежат они под небесами,
Одевшись в солнечный наряд,
И наливными колосками
На всю Вселенную звенят.
По ним враги на танках мчались,
Сжигали порохом дотла.
Поля, щетинясь, наливались,
В них воля русская жила.
Вставало здесь за полем поле,
Как за бойцом вставал боец, –
Шло золотое Ставрополье
В Орел, Одессу и Елец.
Шагал мой край в окопы, хаты
Краюхой хлеба для детей...
И пели русские солдаты
О доброте моих полей.

В станице

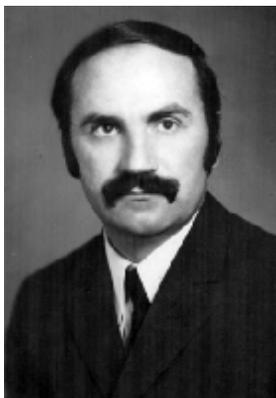
Здесь часто сны сбываются
И пишутся стихи.

От крика надрываются
В станице петухи.
Уеду снова в Ставрополь,
И вспомнятся не раз
Казачьей хаты ставенки
И у сарая баз,
И это пенье гордое,
Что слышал там и тут...
Как хорошо на родине,
И петухи поют!

Старая песня

Запомнилась песня,
Что пели когда-то:
«Так будьте здоровы,
Живите богато».
Я верил той песне
В военные годы,
Когда мимо детства
Устало шли роты,
Когда серым цветом
Всю землю покрыло,
Когда мое детство
Война прострелила.
Я верил той песне
И позже, бывало,
Когда вся страна
Колоски собирала.
Не просто ей верил,
А верил ей свято.
Ее запевала за хатою хата.
Ее запевали
В станицах и селах,
В застолях, порою
Совсем не веселых.
Потом эта песня
Звучать перестала,
Как будто счастливое
Время настало...
Недавно я с внуком
На улицу вышел
И вновь эту песню,

Как в детстве, услышал.
Летело напевно,
Летело крылато:
«Так будьте здоровы,
Живите богато!».
Но я не поверил
Той песне, как раньше.
Прости меня, песня,
Наслушался фальши.

ЯРОШ Виктор Андреевич
(род. 1936, с. Рагули Ставропольского
края)

ставропольский поэт и прозаик

Автор повести «Чёртов палец» (1973); сборника рассказов «Любовь моя, любовь...» (1980); «Наша с тобой биография» (1981); «Ветка алычи» (1985), сборник стихов «Святые копани» (1992); «Возвращение к себе» (1996); «Необычный день» (2003); сборника стихов «Слушаю небо» – 2005 г. и другие. Публикации в коллективных сборниках, журналах, газетах. Член Союза

писателей России, руководитель литературного объединения «Кубань».

Виктор Андреевич Ярош родился 29 декабря 1936 года на Ставрополье, в селе Рагули Апанасенковского района в семье сельских учителей. С двух лет жил в селе Спицевка Грачевского района на родине своих предков. Здесь прошли его детство и юность. Эти годы были нелегкими, как у многих его современников – фашистская оккупация, разруха. После средней школы с 1954 года работал в колхозе, в райкоме комсомола. В 1962 году окончил Ставропольский педагогический институт. Уехал по распределению работать в Левокумский район, аул Озек-Суат, учителем.

С 1963 года живёт и работает в Невинномысске. Здесь, в основном, написаны все его книги.

За годы жизни в Невинномысске Виктор Ярош работал аппаратчиком, газоспасателем, инженером, журналистом в разных газетах города и края, редактировал заводское радио «Азота».

Главным увлечением и делом всей жизни была литература. Писать начал со школьных лет, публиковаться с 10-го класса в краевых и всесоюзных газетах и журналах. Виктор с юности писал стихи, в основном лирические, необыкновенно искренние и глубокие. Живя в Невинномысске, Виктор Андреевич начал работать над прозой, используя ее богатые возможности для всестороннего раскрытия непростых характеров своих героев. Много сил он отдал изучению истории Невинномысска, на его глазах превратившегося из скромной станицы в современный город, промышленный центр края.

Виктор Андреевич Ярош – не кабинетный писатель, он стремится жить активной, полнокровной жизнью среди своих героев. Много лет Виктор Ан-

*И на земле возможен рай,
Когда ты волен, словно птица!
Как небо, душу отвори,
И целый мир в неё вместится*
В.А. Ярош

древич помогает начинающим поэтам и прозаикам. Он надеется, что какими бы трудными для литературы ни были последние годы, в людях сохранился запас внутренних духовных ценностей и потребность в творчестве.

Белое облако

Белое облако...
Жизни моей отражение!
Вечно изменчиво,
Ты продолжаешь движение.
Кто ты? Откуда?
Каким было ты при рождении?
...Лишь измененья!
И странствия.
И продолжения.

Роща

Осень за окном гуляет шалая –
То дождём посыплет, то снежком.
Зашуршит вдруг крышей обветшалую
И листву погонит кувырком.
Где твои наряды потемневшие,
Роща, где бывшая красота?
Только пахнет чуть листвой сгоревшею,
И зола чернеет от костра.

И бесстыдна роща обнажённая –
Вся насквозь до тайных тайн видна...
Ей одежда прежняя, сожжённая
Нынче совершенно не нужна.

Потому что в белый мех укутана,
Перетерпит и мороз, и снег...
В мире боль и радость перепутаны.
Но... Мечтает роща о весне!

Загадочный путь

Прошуми, ветерок, по-над спелой пшеницей!
И волнами колосья её приклони...
Пусть мне степь дорогая сегодня приснится:
Будто я среди полей в свои юные дни
Всё шагаю по пыльной, песчаной дороге

Без рубашки, босой, в запылённых штанах.
Ощущают песок мои лёгкие ноги,
И ласкается ветер на детских губах.
Я доволен вполне! Ничего мне не надо.
Столько радости! Сил! Не хочу отдохнуть.
Только бы овевала моё тело прохлада,
И всё вёл бы в бескрайность загадочный путь!

Древо

После первого морозца
Древо сыпало листву.
Я естественно и просто
Рядом с деревом живу.

Желтою шуршу листвою.
Прелым воздухом дышу.
Рассуждаю сам с собою,
Но с итогом не спешу.

Всё, что в этой жизни важно,
Происходит не спеша.
Это ты поймёшь однажды –
Успокоится душа.

Станешь жить светло и чисто,
Словно древо станешь жить.
Только ветер лишь со свистом
Будет зиму всю кружить.

Наметёт вокруг сугробы,
Ветки снегом запушит...
Вот бы, если бы смогло бы
Мне удаться так пожить!

Осенние розы

Осенние розы... Последние розы!
Цветут, несмотря на прогноз.
Пустые приметы – людские прогнозы
Для этих, отчаянных, роз!

Пока светит солнце и дышится вольно,

Пока продолжается жизнь,
Цветы эти мигом последним довольны
И рвутся бутонами ввысь!

Вот так бы и нам, ничего не предвидя,
До самой последней черты
Цвести и цвести без тоски и обиды
И чувствовать зов высоты.

Да что им жестоких морозов угрозы?
Метели, что всё же придут?
Смотрите, как щедро осенние розы
Для вас напоследок цветут!

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ НА КАВКАЗЕ

ПУШКИН Александр Сергеевич (1799 – 1837, Москва)

величайший русский поэт и писатель, прозаик, драматург, публицист, критик, основоположник новой русской литературы, создатель русского литературного языка

Память о счастливых днях, проведенных «в соседстве Бештау и Эльбруса», Пушкин всегда хранил в своем сердце. Он писал, что создал себе нерукотворный памятник. А на земле Пятигорья нерукотворный памятник поэту воздвигнут самой природой: величественный пятиглавый храм, пушкинский Парнас – Бештау хранит на своих каменистых тропах след поэта. Священный след!

В отечественной классике первым певцом и первым восхитителем Бештау стал именно Пушкин. У Александра Сергеевича Бештау представлен как «пятихолмный», «заоблачный», «остроконечный». Дважды упомянув о восхождении на Бештау в письмах, он запечатлел это событие в поэтической форме – в эпилоге «Руслана и Людмилы», написанной на водах. 26 июля 1820 года (по новому стилю – 7 августа) и следует, видимо, считать датой открытия кавказской темы в творчестве Пушкина.

Покинув Пятигорье, Пушкин увез отсюда замысел своей первой «южной поэмы» – «Кавказского пленника», сюжет которого был подсказан ему самой жизнью. Над пленником Пушкин работал всю вторую половину 1820 года. Первый беловик был закончен к концу февраля следующего года, а еще через месяц в письме к своему издателю Н.И. Гнедичу, Пушкин уже сообщает о намерении прислать ему для печати свое новое творение. Поэма увидела свет в Петербурге в 1822 году и получила ошеломляющий успех. Не будем гадать, чем был вызван этот успех у публики: картинами ди-

кой природы, изображением ли воинственных горцев или историей трогательной любви юной черкешенки к русскому пленнику. «Черкесы, их обычаи и нравы занимают большую и лучшую часть моей повести, – признавался автор, – вообще же я своей поэмой очень недоволен и почитаю ее гораздо ниже «Руслана» – хотя стихи в ней зрелее». На что Белинский прощательно признал, что «лучшая критика, какая когда-либо была написана на «Кавказского пленника», принадлежит самому же Пушкину».

Известно, что поэма Пушкина вызвала волну подражаний, «посвященных, – как отмечалось в критике, – описанию Кавказа, сторожевых казаков, столкновений казака и черкеса, грузинских и чеченских песен,.. которые свидетельствуют о господствовавшем в 1820-х и 1830-х годах эпидемическом увлечении Кавказом...»

В августе 1829 года, возвращаясь из Грузии, Пушкин заехал на Кавказские воды. Несколько дней он провел на Горячих, а большую часть времени на Кислых водах, коротая досуг в обществе своих спутников – Михаила Пущина и Руфина Дорохова.

К этому времени Пушкин уже написал свои произведения: «Кавказ», «Обвал», «На холмах Грузии», «Песнь о вещем Олеге», «Путешествие в Арзрум», «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», открывших читающей России «великолепные картины» Кавказа, – все это могло подтолкнуть Пушкина к мысли объединить историческую тему с кавказской в пределах одного поэтического сюжета. В 1822 году Пушкин сделал наброски плана новой поэмы. Трудно судить о том, что из отрывочных набросков получилось бы в окончательном варианте; твердо мы знаем лишь то, что замысел о «Мстиславе» не был осуществлен. Поздним отголоском его можно, видимо, считать «Сказку о золотом петушке».

Поэма о «древнем поединке» князя Мстислава – не единственный из неосуществленных или неоконченных замыслов Пушкина о Кавказе. Среди них поэма «Тазит». Но даже не воплощенные, они остаются свидетельством активного художественного освоения огромного пространства – новых южных провинций России, когда,

по выражению Белинского, «с легкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветной страной не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, страной кипучей жизни и смелых мечтаний!..» Под пушкинским пером Кавказ из геополитической абстракции быстро превращался

в обе тованную землю русской поэзии – «ужасный край чудес», пугающий и прекрасный одновременно.

Позднее в письме к А.Х. Бенкендорфу от 7 января 1830 года, Пушкин высказал желание выехать за границу: «Покамест я еще не женат и не зачислен на службу, я бы хотел совершить путешествие во Францию или Италию. В случае же, если оно не будет мне разрешено, я бы просил соизволения посетить Китай с отправляющимся туда посольством». Но ни Запад, ни Восток Пушкину увидеть не довелось. Путешествие на Юг осталось главным в жизни поэта, и воспоминание о нем еще долго тревожило душу.

18 февраля 1831 года в Москве Пушкин обвенчался с Н. Гончаровой.

Почти все лето 1837 года на Кавказских водах провел В.Г. Белинский. Гулял, пил воду, много читал. Отправляясь на юг, критик захватил с собой и несколько томиков Пушкина, чтобы сверить свои прежние впечатления с увиденным на месте. Эффект превзошел все ожидания. «Часто читаю Пушкина, – пишет он К.С. Аксакову, – которого имею при себе, до последней строчки. «Кавказский пленник» его здесь, на Кавказе, получает новое значение. Какая верная картина, какая смелая, широкая, размашистая кисть! Что за поэт этот Пушкин!»

Пушкин был на Кавказе всего два раза – жизнь поэта оказалась короткой. Он восхищался жителями гор – их подвигами и характерами. Он изучал обычаи горцев, их предания, мелодии, песни.

Кавказ стал для Пушкина предметом восхищения и темой его творчества, которую он пронес через всю свою жизнь!

Кавказ

Кавказ подо мною. Один в вышине
Стою над снегами у края стремнины;
Орел, с отдаленной поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.
Отселе я вижу потоков рожденье
И первое грозных обвалов движенье.

Здесь тучи смиренно идут подо мной;
Сквозь них, низвергаясь, шумят водопады;
Под ними утесов нагие громады;
Там ниже мох тощий, кустарник сухой;
А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.

А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье;

Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной;
И бьется о берег в вражде бесполезной
И лижет утесы голодной волной...
Вотще! нет ни пищи ему, ни отрады:
Теснят его грозно немые громады.

Я видел Азии бесплодные пределы

Я видел Азии бесплодные пределы,
Кавказа дальний край, долины обгорелы,
Жилище дикое черкесских табунов,
Подкумка знойный брег, пустынные вершины.
Обитые венцом летучих облаков,
И закубанские равнины!
Ужасный край чудес!., там жаркие ручьи
Кипят в утесах раскаленных,
Благословенные струи!
Надежда верная болезнью изнуренных.
Мой взор встречал близ дивных берегов
Увядших юношей, отступников пиров,
На муки тайные Кипридой осужденных,
И юных ратников на ранних костылях,
И хилых стариков в печальных седилах.

Уж меркнет солнце за горами

Уж меркнет солнце за горами;
Вдали раздался шумный гул;

С полей народ идет в аул,
Сверкая светлыми косами.
Пришли; в домах зажглись огни,
И постепенно шум нестройный
У молкнул; все в ночной тени
Объято негою спокойной...

Эпилог к «Кавказскому пленнику»

Так Муза, легкий друг Мечты
К пределам Азии летала
И для венка себе срывала
Кавказа дикие цветы.
Ее пленял наряд суровый
Племен, возросших на войне,
И часто в сей одежде новой
Волшебница являлась мне;
Вокруг аулов опустелых
Одна бродила по скалам
И к песням дев осиротелых
Она прислушивалась там;
Любила бранные станицы,
Тревоги смелых казаков,
Курганы, тихие гробницы,
И шум, и ржанье табунов...

Узник

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном,
Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно.
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай, улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..»

ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич
(1814, Москва – 1841, Пятигорск)

*русский поэт, прозаик, драматург,
художник*

Михаил Лермонтов, русский поэт, родился в Москве 3(15) октября 1814 года. Его отец, бедный капитан в отставке, женился на девушке из богатого дворянского рода. У Миши рано умерла мать, его воспитывала бабушка. В имении Тарханы он получил домашнее образование. Первыми учителями Лермонтова были беглый грек, домашний доктор Ансельм Левис и пленный офицер Наполеоновской гвардии, француз Капэ, оказавший на него наиболее сильное влияние. Позднее учителями были французский эмигрант Шандро и англичанин Виндсон. В возрасте 10 лет М.Ю. Лермонтов впервые посетил Кавказ и навсегда влюбился в него. Время пребывания на Кавказе не прошло даром. Там поэт изучал местную природу, культуру, язык. Там было создано много художественных набросков кавказских пейзажей. Кавказский край занимает исключительное место в жизни Лермонтова. «Юный поэт заплатил полную дань волшебной стране, поразившей лучшими, благороднейшими впечатлениями его поэтическую душу.

Кавказские впечатления жизни «на водах» легли в основу повести «Княжна Мэри», и тогда же им был написан прекраснейший пейзаж маслом «Вид Пятигорска». Именно в этом панорамном пейзаже с прохладными голубыми далями и аккуратными домиками в долине жили герои его литературных произведений: «...внизу передо мной пестреет чистенький, новенький городок, шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, – а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльбрусом...»

За стихотворение «Смерть поэта», посвященное Пушкину, был сослан в Грузию. Русскому национальному характеру посвятил «Бородино», «Песню

про Ивана Васильевича...», «Родину». В его поэзии есть и одиночество, и желание необычной судьбы, и переживания о своем народе. На многих рисунках и картинах Лермонтова изображены конкретные места Кавказа, бесспорно, выполненные с натуры, поскольку они очень точны в деталях. Это пейзаж окрестностей Пятигорска: «Бештау около Железноводска» и «Офицер верхом и амазонка». На них изображён посёлок Иноземцево, что в нескольких километрах от Пятигорска. Это бывшее селение Шотландка – немецкая колония Каррас, как чаще её называли в то время.

В двух походах – в Малую и Большую Чечни – Лермонтов обратил на себя внимание начальника отряда «расторопностью, верностью взгляда, пылким мужеством» и был представлен к награде золотой саблей с надписью: «За храбрость». В январе 1841 получил отпуск и уехал в Санкт-Петербург, а возвращаясь, остановился в Пятигорске. Сюда Лермонтов приезжал и весёлой шумной компанией, но иногда и один. Здесь хорошо думалось, здесь он писал стихи и делал пейзажные зарисовки, здесь же он провёл последние часы перед роковой дуэлью.

В 1841 году поэт, находясь в Пятигорске на лечении, поссорился с Николаем Мартыновым. Лермонтов был смертельно ранен на дуэли, прожив всего 27 лет.

Утес

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одинок
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Кавказ

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.

За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор,
Пять лет пронеслось: все тоскою по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомя тот взор:
Люблю я Кавказ.

АШИК-КЕРИБ

Турецкая сказка

Давно тому назад в городе Тифлизе (Тифлис, старинное название Тбилиси. – Ред.) жил один богатый турок. Много аллах дал ему золота, но дорожке золота была ему единственная дочь Магуль-Мегери. Хороши звезды на небеси, но за звездами живут ангелы, и они еще лучше, так и Магуль-Мегери была лучше всех девушек Тифлиза.

Был также в Тифлизе бедный Ашик-Кериб. Пророк не дал ему ничего, кроме высокого сердца и дара песен; играя на саазе (балалайка турецкая) и прославляя древних витязей Туркестана, ходил он по свадьбам увеселять богатых и счастливых. На одной свадьбе он увидал Магуль-Мегери, и они полюбили друг друга. Мало было надежды у бедного Ашик-Кериба получить ее руку, – и он стал грустен, как зимнее небо.

Вот раз он лежал в саду под виноградником и наконец заснул. В это время шла мимо Магуль-Мегери со своими подружками; и одна из них, увидав спящего ашика (балалаечника), отстала и подошла к нему.

Что ты спишь под виноградником, – запела она, – вставай, безумный, твоя газель идет мимо.

Он проснулся – девушка порхнула прочь, как птичка. Магуль-Мегери слышала ее песню и стала ее бранить.

– Если б ты знала, – отвечала та, – кому я пела эту песню, ты бы меня поблагодарила: это твой Ашик-Кериб.

– Веди меня к нему, – сказала Магуль-Мегери.

И они пошли. Увидав его печальное лицо, Магуль-Мегери стала его спрашивать и утешать.

– Как мне не грустить, – отвечал Ашик-Кериб, – я тебя люблю, и ты никогда не будешь моею.

– Проси мою руку у отца моего, – говорила она, – и отец мой сыграет нашу свадьбу на свои деньги и наградит меня столько, что нам вдвоем достанет.

Хорошо, – отвечал он, – положим, Аяк-Ага ничего не пожалеет для своей дочери, но кто знает, что после ты не будешь меня упрекать в том, что я ничего не имел и тебе всем обязан. Нет, милая Магуль-Мегери, я положил

зарок на свою душу: обещаюсь семь лет странствовать по свету и нажать себе богатство либо погибнуть в дальних пустынях; если ты согласна на это, то по истечении срока будешь моею.

Она согласилась, но прибавила, что если в назначенный день он не вернется, то она сделается женою Куршуд-бека, который давно уж за нее сватается.

Пришел Ашик-Кериб к своей матери; взял на дорогу ее благословение, поцеловал маленькую сестру, повесил через плечо сумку, оперся на посох странничий и вышел из города Тифлиза. И вот догоняет его всадник, – он смотрит: это Куршуд-бек.

– Добрый путь! – кричал ему бек. – Куда бы ты ни шел, странник, я твой товарищ.

Не рад был Ашик своему товарищу, но нечего делать. Долго они шли вместе, наконец завидели перед собою реку. Ни моста, ни броду.

– Плыви вперед, – сказал Куршуд-бек – я за тобою последую. Ашик сбросил верхнее платье и поплыл. Переправившись, глядь назад – о горе! О всемогущий Аллах! – Куршуд-бек, взяв его одежды, ускакал обратно в Тифлиз, только пыль вилась за ним змеею по гладкому полю.

Прискакав в Тифлиз, несет бек платье Ашик-Кериба к его старой матери.

– Твой сын утонул в глубокой реке, – говорит он, – вот его одежда.

В невыразимой тоске упала мать на одежды любимого сына и стала обливать их жаркими слезами; потом взяла их и понесла к нареченной невестке своей, Магуль-Мегери.

– Мой сын утонул, – сказала она ей. – Куршуд-бек привез его одежды; ты свободна.

Магуль-Мегери улыбнулась и отвечала:

– Не верь, это все выдумки Куршуд-бека; прежде истечения семи лет никто не будет моим мужем.

Она взяла со стены свою сааз и спокойно начала петь любимую песню бедного Ашик-Кериба.

Между тем странник пришел бос и наг в одну деревню. Добрые люди одели его и накормили; он за это пел им чудные песни. Таким образом переходил он из деревни в деревню, из города в город, и слава его разнеслась повсюду. Прибыл он наконец в Халаф. По обыкновению, взошел в кофейный дом, спросил сааз и стал петь. В это время жил в Халафе паша, большой охотник до песельников. Многих к нему приводили, – ни один ему не понравился. Его чауши (слуги. – Ред.) измучились, бегая по городу. Вдруг, проходя мимо кофейного дома, слышат удивительный голос. Они туда.

– Иди с нами к великому паше, – закричали они, – или ты отвечаешь нам головою!

– Я человек вольный, странник из города Тифлиза, – говорит Ашик-Кериб, – хочу пойду, хочу нет; пою, когда придется, – и ваш паша мне не начальник.

Однако, несмотря на то, его схватили и привели к паше.

– Пой, – сказал паша.

И он запел. И в этой песне он славил свою дорогую Магуль-Мегери; и эта песня так понравилась гордому паше, что он оставил у себя бедного Ашик-Кериба.

Посыпалось к нему серебро и золото, заблистали на нем богатые одежды. Счастливо и весело стал жить Ашик-Кериб и сделался очень богат. Забыл он свою Магуль-Мегери или нет, не знаю, только срок истекал. Последний год скоро должен был кончиться, а он и не готовился к отъезду.

Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться. В это время отправлялся один купец с караваном из Тифлиза с сорока верблюдами и восьмьюдесятью невольниками. Призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо.

– Возьми ты это блюдо, – говорит она, – и в какой бы ты город ни приехал, выставь это блюдо в своей лавке и объяви везде, что тот, кто признается моему блюду хозяином и докажет это, получит его и вдобавок вес его золотом.

Отправился купец, везде исполнял поручение Магуль-Мегери, но никто не признался хозяином золотому блюду. Уж он продал почти все свои товары и приехал с остальными в Халаф. Объявил он везде поручение Магуль-Мегери. Услыхав это, Ашик-Кериб прибегает в караван-сарай (постоялый и торговый двор на Востоке. – Ред.): и видит золотое блюдо в лавке тифлизского купца.

– Это мое! – сказал он, схватив его рукою.

– Точно твое, – сказал купец, – я узнал тебя, Ашик-Кериб. Ступай же скорее в Тифлиз, твоя Магуль-Мегери велела тебе сказать, что срок истекает, и если ты не будешь в назначенный день, то она выйдет за другого.

В отчаянии Ашик-Кериб схватил себя за голову: оставалось только три дня до рокового часа. Однако он сел на коня, взял с собой суму с золотыми монетами – и поскакал, не жалея коня. Наконец измученный бегун упал бездыханный на Арзинган горе, что между Арзиньяном и Арзерумом. Что ему было делать: от Арзиньяна до Тифлиза два месяца езды, а оставалось только два дня.

– Аллах всемогущий! – воскликнул он. – Если ты уж мне не поможешь, то мне нечего на земле делать!

И хочет он броситься с высокого утеса. Вдруг видит внизу человека на белом коне и слышит громкий голос:

– Оглан (юноша. – Ред.), что ты хочешь делать?

– Хочу умереть, – отвечал Ашик.

– Слезай же сюда, если так, я тебя убью. Ашик спустился кое-как с утеса.

– Ступай за мною, – сказал громко всадник.

– Как я могу за тобою следовать, – отвечал Ашик, – конь твой летит, как ветер, а я отягощен сумою.

– Правда. Повесь же суму свою на седло мое и следуй. Отстал Ашик-Кериб, как ни старался бежать.

– Что ж ты отстаешь? – спросил всадник.

– Как же я могу следовать за тобою, твой конь быстрее мысли, а я уж измучен.

– Правда; садись же сзади на коня моего и говори всю правду: куда тебе нужно ехать?

– Хоть бы в Арзерум поспеть нынче, – отвечал Ашик.

– Закрой же глаза.

Он закрыл.

– Теперь открой.

Смотрит Ашик: перед ним белеют стены и блещут минареты Арзерума.

– Виноват, Ага, – сказал Ашик, – я ошибся, я хотел сказать, что мне надо в Каре.

– То-то же, – отвечал всадник, – я предупредил тебя, чтоб ты говорил мне сухую правду. Закрой же опять глаза... Теперь открой.

Ашик себе не верит в то, что это Каре. Он упал на колени и сказал:

– Виноват, Ага, трижды виноват твой слуга Ашик-Кериб, но ты сам знаешь, что если человек решился лгать с утра, то должен лгать до конца дня: мне по-настоящему надо в Тифлиз.

– Экой ты неверный! – сказал сердито всадник. – Но нечего делать, прощаю тебя: закрой же глаза. Теперь открой, – прибавил он по прошествии минуты.

Ашик вскрикнул от радости: они были у ворот Тифлиза. Принеся искреннюю свою благодарность и взяв свою суму с седла, Ашик-Кериб сказал всаднику:

– Ага, конечно, благодарение твое велико, но сделай еще больше; если я теперь буду рассказывать, что в один день поспел из Арзиньяна в Тифлиз, мне никто не поверит; дай мне какое-нибудь доказательство.

– Наклонись, – сказал тот, улыбнувшись, – и возьми из-под копыта коня комок земли и положи его за пазуху; и тогда, если не станут верить истине слов твоих, то вели привести к себе слепую, которая семь лет уж в этом положении, помажь ей глаза – и она увидит.

Ашик взял кусок земли из-под копыта белого коня, но только он поднял голову – всадник и конь исчезли. Тогда он убедился в душе, что его покровитель был не кто иной, как Хадерилиаз (св. Георгий. – Ред.).

Только поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой. Стучит он в двери дрожащею рукою, говоря:

– Ана, ана (мать), отвори: я божий гость; и холоден и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня. Слабый голос старухи отвечал ему:

– Для ночлега путников есть дома богатых и сильных; есть теперь в городе свадьба – ступай туда! Там можешь провести ночь в удовольствии.

– Ана, – отвечал он, – я здесь никого знакомых не имею и потому повторяю мою просьбу: ради странствующего твоего сына,пусти меня!

Тогда сестра его говорит матери:

– Мать, я встану и отворю ему двери.

– Негодная! – отвечала старуха. – Ты рада принимать молодых людей и угощать их, потому что вот уже семь лет, как я от слез потеряла зрение.

Но дочь, не внимая ее упрекам, встала, отперла двери ипустила Ашик-Кериба. Сказав обычное приветствие, он сел и с тайным волнением стал осматриваться. И видит он, на стене висит, в пыльном чехле, его сладкозвучная сааз. И стал он спрашивать у матери:

– Что висит у тебя на стене?

– Любопытный ты гость, – отвечала она, – будет и того, что тебе дадут кусок хлеба и завтра отпустят тебя с богом.

– Я уж сказал тебе, – возразил он, – что ты моя родная мать, а это сестра моя, и потому прошу объяснить мне, что это висит на стене?

– Это сааз, сааз, – отвечала старуха сердито, не веря ему.

– А что значит сааз?

– Сааз то значит, что на ней играют и поют песни.

И просит Ашик-Кериб, чтобы она позволила сестре снять сааз и показать ему.

– Нельзя, – отвечала старуха, – это сааз моего несчастного сына; вот уже семь лет она висит на стене, и ничья живая рука до нее не дотрагивалась.

Но сестра его встала, сняла со стены сааз и отдала ему. Тогда он поднял глаза к небу и сотворил такую молитву:

– О всемогущий Аллах! Если я должен достигнуть до желаемой цели, то моя семиструнная сааз будет так же стройна, как в тот день, когда я в последний раз играл на ней! – И он ударил по медным струнам, и струны согласно заговорили; и он начал петь: – Я бедный Кериб (нищий) – и слова мои бедны, но великий Хадерилиаз помог мне спуститься с крутого утеса, хотя я беден и бедны слова мои. Узнай меня, мать, своего странника.

После этого мать его зарыдала и спрашивает его:

– Как тебя зовут?

– Рашид (храбрый), – отвечал он.

– Раз говори, другой раз слушай, Рашид, – сказала она, – своими речами ты изрезал сердце мое в куски. Нынешнюю ночь я во сне видела, что на голове моей волосы побелели, а вот уж семь лет, я ослепла от слез. Скажи мне ты, который имеешь его голос, когда мой сын придет?

И дважды со слезами она повторила ему просьбу. Напрасно он называл себя ее сыном, но она не верила. И спустя несколько времени просит он:

– Позволь мне, матушка, взять сааз и идти, я слышал, здесь близко есть свадьба: сестра меня проводит; я буду петь и играть, и все, что получу, принесу сюда и разделю с вами.

– Не позволю, – отвечала старуха, – с тех пор, как нет моего сына, его сааз не выходила из дому.

Но он стал клясться, что не повредит ни одной струны.

– А если хоть одна струна порвется, – продолжал Ашик, – то отвечаю моим имуществом.

Старуха ошупала его сумы и, узнав, что они наполнены монетами, отпустила его. Проводив его до богатого дома, где шумел свадебный пир, сестра осталась у дверей слушать, что будет.

В этом доме жила Магуль-Мегери, и в эту ночь она должна была сделаться женою Куршуд-бека. Куршуд-бек пировал с родными и друзьями, а Магуль-Мегери, сидя за богатою чапрой (занавес) с своими подругами, держала в одной руке чашу с ядом, а в другой острый кинжал: она поклялась умереть прежде, чем опустит голову на ложе Куршуд-бека. И слышит она из-за чапры, что пришел незнакомец, который говорил:

– Селям алейкум! Вы здесь веселитесь и пируете, так позвольте мне, бедному страннику, сесть с вами, и за то я спою вам песню.

– Почему же нет, – сказал Куршуд-бек. – Сюда должны быть выпускаемы песьельники и плясуны, потому что здесь свадьба: спой же что-нибудь Ашик (певец), и я отпущу тебя с полной горстью золота.

Тогда Куршуд-бек спросил его:

– А как тебя зовут, путник?

– Шинды-Гёрурсез (скоро узнаете).

– Что это за имя! – воскликнул тот со смехом. – Я в первый раз такое слышу.

– Когда мать моя была мною беременна и мучилась родами, то многие соседи приходили к дверям спрашивать, сына или дочь бог ей дал; им отвечали – шинды-гёрурсез (скоро узнаете). И вот поэтому, когда я родился, мне дали это имя. – После этого он взял сааз и начал петь: – В городе Халафе я пил мисирское вино, но бог дал мне крылья, и я прилетел сюда в день.

Брат Куршуд-бека, человек малоумный, выхватил кинжал, воскликнув:

– Ты лжешь! Как можно из Халафа приехать сюда?

– За что ж ты меня хочешь убить? – сказал Ашик. – Певцы обыкновенно со всех четырех сторон собирают в одно место; и я с вас ничего не беру, верьте мне или не верьте.

– Пускай продолжает, – сказал жених. И Ашик-Кериб запел снова:

– Утренний намаз творил я в Арзиньянской долине, полуденный намаз в городе Арзеруме; пред захождением солнца творил намаз в городе Карее, а вечерний намаз в Тифлизе. Аллах дал мне крылья, и я прилетел сюда; дай бог, чтоб я стал жертвою белого коня, он скакал быстро, как плясун по канату, с горы в ущелья, из ущелья на гору; Маулям (создатель) дал Ашику крылья, и он прилетел на свадьбу Магуль-Мегери.

Тогда Магуль-Мегери, узнав его голос, бросила яд в одну сторону, а кинжал в другую.

– Так-то ты сдержала свою клятву, – сказали ее подруги. – Стало быть, сегодня ночью ты будешь женою Куршуд-бека?

– Вы не узнали, а я узнала милый мне голос, – отвечала Магуль-Мегери, и, взяв ножницы, она прорезала чапру. Когда же посмотрела и точно узнала

своего Ашик-Кериба, то вскрикнула, бросилась к нему на шею, и оба упали без чувств.

Брат Куршуд-бека бросился на них с кинжалом, намереваясь заколоть обоих, но Куршуд-бек остановил его, промолвив:

– Успокойся и знай: что написано у человека на лбу при рождении, того он не минует.

Придя в чувство, Магуль-Мегери покраснела от стыда, закрыла лицо рукою и спряталась за чапру.

– Теперь точно видно, что ты Ашик-Кериб, – сказал жених, – но поведай, как же ты мог в такое короткое время проехать такое великое пространство?

– В доказательство истины, – отвечал Ашик, – сабля моя перерубит камень; если же я лгу, то да будет шея моя тоньше волоска. Но лучше всего приведите мне слепую, которая бы семь лет уж не видала света божьего, и я возвращу ей зрение.

Сестра Ашик-Кериба, стоявшая у двери, услышав такую речь, побежала к матери.

– Матушка! – закричала она. – Это точно брат, и точно твой сын Ашик-Кериб, – и, взяв ее под руку, повела старуху на пир свадебный.

Тогда Ашик взял комок земли из-за пазухи, развел его водою и намазал матери глаза, промолвив:

– Знайте все люди, как могущ и велик Хадерилиаз. И мать его прозрела. После того никто не смел сомневаться в истине слов его, и Куршуд-бек уступил ему безмолвно прекрасную Магуль-Мегери.

Тогда в радости Ашик-Кериб сказал ему:

– Послушай, Куршуд-бек, я тебя утешу: сестра моя не хуже твоей прежней невесты, я богат: у ней будет не менее серебра и золота; итак, возьми ее за себя – и будьте так же счастливы, как я с моей дорогою Магуль-Мегери.

ТОЛСТОЙ Лев Николаевич
(1828, Ясная Поляна Крапивенского уезда Тульской губернии – 1910, на станции Астапово Рязано-Уральской железной дороги)

русский писатель, просветитель, публицист, религиозный мыслитель

Попав на Кавказ молодым человеком, 22-х летним офицером, Толстой был на всю жизнь очарован им. О любви к Кавказу он говорил в 1854 году в выражениях, буквально совпадающих со стихами Лермонтова: «Я

начинаю любить Кавказ, хотя посмертной, но сильной любовью. Действительно хорош этот край дикой, в котором так странно и поэтически соединяются две самые противоположные вещи – война и свобода». Во время службы на Кавказе Толстой знакомится не только с казаками, но и с чеченским народом. Теперь известно, что Толстой стал первым собирателем чеченского фольклора. К теме Кавказской войны он обращался на разных этапах своего творчества. Его первые кавказские рассказы написаны под свежим впечатлением и представляют собой мастерски сделанные беглые наброски.

Кавказские рассказы Л. Н. Толстого были тепло встречены передовыми читателями. Н. А. Некрасов писал И. С. Тургеневу по поводу «Рубки леса»: «В IX № «Современника» печатается посвященный тебе рассказ юнкера «Рубка леса». Знаешь ли, что это такое? Это очерки разнообразных солдатских типов (и отчасти офицерских), то есть вещь донныне небывалая в русской литературе. И как хорошо!» Л. Н. Толстому Некрасов писал: «В этом очерке множество удивительно метких замечок, и весь он нов, интересен и делен». Высоко оценил кавказские рассказы Л. Н. Толстого и Н. Г. Чернышевский, подчеркнувший их новаторский характер.

В этих первых произведениях чеченцы показаны глазами именно русского офицера, со стороны, без глубокого проникновения в психологию кавказских народов Позднее, в «Кавказском пленнике» (1872 г.) взгляд пленника позволил описать

мирный быт «немирных» горцев, приблизить их к русскому читателю.

Толстой, как и его великие предшественники, не отдает решительного предпочтения ни одной из борющихся сторон. Вряд ли можно утверждать, что мрачный чеченец в «Казаках», смертельно ранивший лихого красавца Лукошку, вызывает у писателя большее сочувствие, чем сам Лукошка, убивший брата этого чеченца.

Это повседневность Кавказа. Нет правых и виноватых. Если бы Лукошка не заметил и не застрелил абрека, плывшего на русскую сторону реки, абрек убил бы кого-нибудь из казаков. За тем и плыл, И в сцене на последних страницах понести, сцене гениальной в своей безыскусности, равная правота на стороне девяти чеченцев, пришедших убивать на казачьи земли, и на стороне казаков, затравивших этих чеченцев. Все это – по Толстому – естественная, природная жизнь, и в ней правых и виноватых нет. Таков взгляд молодого Толстого на эту войну.

Кавказский пленник

(Быль)

1

Служил на Кавказе офицером один барин. Звали его Жилин.

Пришло раз ему письмо из дома. Пишет ему старуха мать: «Стара я уж стала, и хочется перед смертью повидать любимого сынка. Приезжай со мной проститься, похорони, а там и с богом, поезжай опять на службу. А я тебе и невесту приискала: и умная, и хорошая, и именье есть. Полюбится тебе, может, и женишься и совсем останешься».

Жилин и раздумался: «И в самом деле: плоха уж старуха стала; может, и не придется увидеть. Поехать; а если невеста хороша – и жениться можно».

Пошел он к полковнику, выправил отпуск, простился с товарищами, поставил своим солдатам четыре ведра водки на прощанье и собрался ехать.

На Кавказе тогда война была. По дорогам ни днем, ни ночью не было проезда. Чуть кто из русских отъедет или отойдет от крепости, татары или убьют, или уведут в горы. И было заведено, что два раза в неделю из крепости в крепость ходили провожатые солдаты. Спереди и сзади идут солдаты, а в середине едет народ.

Дело было летом. Собрались на зорьке обозы за крепость, вышли провожатые солдаты и тронулись по дороге. Жилин ехал верхом, а телега с его вещами шла в обозе.

Ехать было 25 верст. Обоз шел тихо; то солдаты остановятся, то в обозе колесо у кого соскочит, или лошадь станет, и все стоят – ждут.

Солнце уже и за полдни перешло, а обоз только половину дороги прошел. Пыль, жара, солнце так и печет, а укрыться негде. Голая степь, ни деревца, ни кустика по дороге.

Выехал Жилин вперед, остановился и ждет, пока подойдет обоз. Слышит, сзади на рожке заиграли, – опять стоять. Жилин и подумал: «А не уехать ли одному, без солдат? Лошадь подо мной добрая, если и нападусь на татар – ускачу. Или не ездить?..»

Остановился, раздумывает. И подъезжает к нему на лошади другой офицер, Костылин, с ружьем, и говорит:

– Поедем, Жилин, одни. Мочи нет, есть хочется, да и жара. На мне рубаху хоть выжми. – А Костылин – мужчина грузный, толстый, весь красный, а пот с него так и льет. Подумал Жилин и говорит:

– А ружье заряжено?

– Заряжено.

– Ну, так поедем. Только уговор – не разъезжаться.

И поехали они вперед по дороге. Едут степью, разговаривают да поглядывают по сторонам. Кругом далеко видно.

Только кончилась степь, пошла дорога промеж двух гор в ущелье, Жилин и говорит:

– Надо выехать на гору, поглядеть, а то тут, пожалуй, выскочат из-за горы и не увидишь.

А Костылин говорит:

– Что смотреть? поедем вперед.

Жилин не послушал его.

– Нет, – говорит, – ты подожди внизу, а я только взгляну.

И пустил лошадь налево, на гору. Лошадь под Жилиным была охотничья (он за нее сто рублей заплатил в табуне жеребенком и сам выездил); как на крыльях взнесла его на кручь. Только выскакал, глядь – а перед самым им, на десятину места, стоят татары верхами, – человек тридцать. Он увидал, стал назад поворачивать; и татары его увидали, пустились к нему, сами на скаку выхватывают ружья из чехлов. Припустил Жилин под кручь во все лошадиные ноги, кричит Костылину:

– Вынимай ружье! – а сам думает на лошадь свою: «Матушка, вынеси, не зацепись ногой, спотыкнешься – пропал. Доберусь до ружья, я им не дам».

А Костылин, заместо того чтобы подождать, только увидал татар – закатился что есть духу к крепости. Плетью ожаривает лошадь то с того бока, то с другого. Только в пыли видно, как лошадь хвостом вертит.

Жилин видит – дело плохо. Ружье уехало, с одной шашкой ничего не сделаешь. Пустил он лошадь назад к солдатам – думал уйти. Видит, ему наперез катят шестеро. Под ним лошадь добрая, а под теми еще добрее, да и напе-

перез скачут. Стал он окорачивать, хотел назад поворотить, да уж разнеслась лошадь, не удержит, прямо на них летит. Видит – близится к нему с красной бородой татарин на сером коне. Визжит, зубы оскалил, ружье наготове.

«Ну, – думает Жилин, – знаю вас, чертей, если живого возьмут, посадят в яму, будут плетью пороть. Не дамся же живой».

А Жилин хоть невелик ростом, а удал был. Выхватил шашку, пустил лошадь прямо на красного татарина, думает: «Либо лошадью сомну, либо срублю шашкой».

На лошадь места не доскакал Жилин, выстрелили по нем сзади из ружей и попали в лошадь. Ударилась лошадь оземь со всего маху, – навалилась Жилину на ногу.

Хотел он подняться, а уж на нем два татарина вонючие сидят, крутят ему назад руки. Рванулся он, скинул с себя татар, – да еще соскакали с коней трое на него, начали бить прикладами по голове. Помутилось у него в глазах и зашатался. Схватили его татары, сняли с седла подпруги запасные, закрутили ему руки за спину, завязали татарским узлом, поволокли к седлу. Шапку с него сбили, сапоги стащили, все обшарили, деньги, часы вынули, платье все изорвали. Оглянулся Жилин на свою лошадь. Она, сердечная, как упала на бок, так и лежит, только бьется ногами, – до земли не достает; в голове дыра, и из дыры так и свищет кровь черная, – на аршин кругом пыль смочила.

Один татарин подошел к лошади, стал седло снимать. Она все бьется, – он вынул кинжал, прорезал ей глотку. Засвистело из горла, трепанулась, и пар вон.

Сняли татары седло, сбрую. Сел татарин с красной бородой на лошадь, а другие посадили Жилина к нему на седло, а чтобы не упал, притянули его ремнем за пояс к татарину и повезли в горы.

Сидит Жилин за татаринком, покачивается, тычется лицом в вонючую татарскую спину. Только и видит перед собой здоровенную татарскую спину, да шею жилистую, да бритый затылок из-под шапки синееется. Голова у Жилина разбита, кровь запеклась над глазами. И нельзя ему ни поправиться на лошади, ни кровь обтереть. Руки так закручены, что в ключице ломит.

Ехали они долго с горы на гору, переехали вброд реку, выехали на дорогу и поехали ложиной.

Хотел Жилин примечать дорогу, куда его везут, – да глаза замазаны кровью, а повернуться нельзя.

Стало смеркаться. Переехали еще речку, стали подниматься по каменной горе, запахло дымом, забрехали собаки.

Приехали в аул. Послезли с лошадей татары, собрались ребята татарские, окружили Жилина, пищат, радуются, стали камнями пулять в него.

Татарин отогнал ребят, снял Жилина с лошади и кликнул работника. Пришел ногаец скуластый, в одной рубахе. Рубаха оборванная, вся грудь голая. Приказал что-то ему татарин. Принес работник колодку: два чурбака дубовых на железные кольца насажены, и в одном кольце пробойчик и замок.

Развязали Жилину руки, надели колодку и повели в сарай: толкнули его туда и заперли дверь. Жилин упал на навоз. Полежал, ощупал в темноте, где помягче, и лег.

2

Почти всю эту ночь не спал Жилин. Ночи короткие были. Видит – в шелке светиться стало. Встал Жилин, раскопал шелку побольше, стал смотреть.

Видна ему из шелки дорога – под гору идет, направо сакля татарская, два дерева подле нее. Собака черная лежит на пороге, коза с козлятами ходит, хвостиками подергивают. Видит – из-под горы идет татарка молоденькая, в рубаше цветной, распояской, в штанах и сапогах, голова кафтаном покрыта, а на голове большой кувшин жестяной с водой. Идет, в спине подрагивает, перегибается, а за руку татарчонка ведет бритого, в одной рубашке. Прошла татарка в саклю с водой, вышел татарин вчерашний с красной бородой, в бешмете шелковом, на ремне кинжал серебряный, в башмаках на босу ногу. На голове шапка высокая, баранья, черная, назад заломлена. Вышел, потягивается, бороду красную сам поглаживает. Постоял, велел что-то работнику и пошел куда-то.

Проехали потом на лошадях двое ребят к водопою. У лошадей храп мокрый. Выбежали еще мальчишки бритые, в одних рубашках, без порток, собрались кучкой, подошли к сараю, взяли хворостину и суют в шелку. Жилин как ухнет на них: завизжали ребята, закатились бежать прочь, только коленки голые блестят.

А Жилину пить хочется, в горле пересохло; думает – хоть бы пришли проведать. Слышит – отпирают сарай. Пришел красный татарин, а с ним другой, поменьше ростом, черноватенький. Глаза черные, светлые, румяный, борода маленькая, подстрижена; лицо веселое, все смеется. Одет черноватый еще лучше: бешмет шелковый синий, галунчиком обшит. Кинжал на поясе большой, серебряный; башмачки красные, сафьянные, тоже серебром обшиты. А на тонких башмачках другие толстые башмаки. Шапка высокая, белого барашка.

Красный татарин вошел, проговорил что-то, точно ругается, и стал; облокотился на притолку, кинжалом пошевеливает, как волк исподлобья косится на Жилина. А черноватый, – быстрый, живой, так весь на пружинах и ходит, – подошел прямо к Жилину, сел на корточки, оскаливается, потрепал его по плечу, что-то начал часто-часто по-своему лопогать, глазами подмигивает, языком прищелкивает, все приговаривает: «корошоурус! корошоурус!»

Ничего не понял Жилин и говорит: «Пить, воды пить дайте!»

Черный смеется. «Корош урус», – все по-своему лопочет.

Жилин губами и руками показал, чтоб пить ему дали.

Черный понял, засмеялся, выглянул в дверь, кликнул кого-то: «Дина!»

Прибежала девочка – тоненькая, худенькая, лет тринадцати и лицом на черного похожа. Видно, что дочь. Тоже – глаза черные, светлые и лицом

красивая. Одеты в рубаху длинную, синюю, с широкими рукавами и без пояса. На полах, на груди и на рукавах отсрочено красным.

На ногах штаны и башмачки, а на башмачках другие с высокими каблуками; на шее монисто, всё из русских полтинников. Голова непокрытая, коса черная, и в косе лента, а на ленте привешаны бляхи и рубль серебряный.

Велел ей что-то отец. Убежала и опять пришла, принесла кувшинчик жестяной. Подала воду, сама села на корточки, вся изогнулась так, что плечи ниже колен ушли. Сидит, глаза раскрыла, глядит на Жилина, как он пьет, как на зверя какого.

Подав ей Жилин назад кувшин. Как она прыгнет прочь, как коза дикая. Даже отец засмеялся. Послал ее еще куда-то. Она взяла кувшин, побежала, принесла хлеба пресного на дощечке круглой и опять села, изогнулась, глаз не спускает – смотрит.

Ушли татары, заперли опять дверь.

Погодя немного, приходит к Жилину ногаец и говорит:

– Айда, хозяин, айда!

Тоже не знает по-русски. Только понял Жилин, что велит идти куда-то.

Пошел Жилин с колодкой, хромает, ступить нельзя, так и воротит ногу в сторону. Вышел Жилин за ногойцем. Видит – деревня татарская, домов десять, и церковь ихняя, с башенкой. У одного дома стоят три лошади в седлах. Мальчишки держат в поводу. Выскочил из этого дома черноватый татарин, замахал рукой, чтоб к нему шел Жилин. Сам смеется, все говорит что-то по-своему, и ушел в дверь. Пришел Жилин в дом. Горница хорошая, стены глиной гладко вымазаны. К передней стене пуховики пестрые уложены, по бокам висят ковры дорогие; на коврах ружья, пистолеты, шашки – всё в серебре. В одной стене печка маленькая вровень с полом. Пол земляной, чистый, как ток, и весь передний угол устлан войлоками; на войлоках ковры, а на коврах пуховые подушки. И на коврах в одних башмаках сидят татары: черный, красный и трое гостей. За спинами у всех пуховые подушки подложены, а перед ними на круглой дощечке блины просяные и масло коровье распущено в чашке, и пиво татарское – буза, в кувшинчике. Едят руками, и руки все в масле.

Вскочил черный, велел посадить Жилина в сторонке, не на ковер, а на голый пол, залез опять на ковер, угощает гостей блинами и бузой. Посадил работник Жилина на место, сам снял верхние башмаки, поставил у двери рядком, где и другие башмаки стояли, и сел на войлок поближе к хозяевам; смотрит, как они едят, слюни утирает.

Поели татары блины, пришла татарка в рубахе такой же, как и девка, и в штанах; голова платком покрыта. Унесла масло, блины, подала лоханку хорошую и кувшин с узким носком. Стали мыть руки татары, потом сложили руки, сели на коленки, подули на все стороны и молитвы прочли. Поговорили по-своему. Потом один из гостей-татар повернулся к Жилину, стал говорить по-русски.

– Тебя,– говорит,– взял Кази-Мугамед,– сам показывает на красного тарина,– и отдал тебя Абдул-Мурату,– показывает на черноватого.– Абдул-Мурат теперь твой хозяин. – Жилин молчит.

Заговорил Абдул-Мурат, и все показывает на Жилина, и смеется, и приговаривает: «солдат урус, корошо урус».

Переводчик говорит: «Он тебе велит домой письмо писать, чтоб за тебя выкуп прислали. Как пришлют деньги, он тебя пустит».

Жилин подумал и говорит: «А много ли он хочет выкупа?»

Поговорили татары, переводчик и говорит:

– Три тысячи монет.

– Нет,– говорит Жилин,– я этого заплатить не могу.

Вскочил Абдул, начал руками махать, что-то говорит Жилину,– всё думает, что он поймет. Перевел переводчик, говорит: «Сколько же ты дашь?»

Жилин подумал и говорит: «Пятьсот рублей».

Тут татары заговорили часто, все вдруг. Начал Абдул кричать на красного, залопотал так, что слюни изо рта брызжут. А красный только жмурится да языком пощелкивает.

Замолчали они; переводчик и говорит:

– Хозяину выкупу мало пятьсот рублей. Он сам за тебя двести рублей заплатил. Ему Кази-Мугамед был должен. Он тебя за долг взял. Три тысячи рублей, меньше нельзя пустить. А не напишешь, в яму посадят, наказывать будут плетью.

«Эх,– думает Жилин,– с ними, что робеть, то хуже». Вскочил на ноги и говорит:

– А ты ему, собаке, скажи, что если он меня пугать хочет, так ни копейки ж не дам, да и писать не стану. Не боялся, да и не буду бояться вас, собак!

Пересказал переводчик, опять заговорили все вдруг.

Долго лопотали, вскочил черный, подошел к Жилину.

– Урус,– говорит,– джигит, джигит урус!

Джигит, по-ихнему, значит «молодец». И сам смеется; сказал что-то переводчику, а переводчик говорит:

– Тысячу рублей дай.

Жилин стал на своем: «Больше пятисот рублей не дам. А уьете,– ниче не возьмете».

Поговорили татары, послали куда-то работника, а сами то на Жилина, то на дверь поглядывают. Пришел работник, и идет за ним человек какой-то, толстый, босиком и ободранный; на ноге тоже колодка.

Так и ахнул Жилин,– узнал Костылина. И его поймали. Посадили их рядом; стали они рассказывать друг другу, а татары молчат, смотрят. Рассказал Жилин, как с ним дело было; Костылин рассказал, что лошадь под ним стала и ружье осеклось и что этот самый Абдул нагнал его и взял.

Вскочил Абдул, показывает на Костылина, что-то говорит.

Перевел переводчик, что они теперь оба одного хозяина, и кто прежде выкуп даст, того прежде отпускают.

– Вот,– говорит Жилину,– ты все серчаешь, а товарищ твой смиренный; он написал письмо домой, пять тысяч монет пришлют. Вот его и кормить будут хорошо и обижать не будут.

Жилин и говорит:

– Товарищ, как хочет; он, может, богат, а я не богат. Я,– говорит,– как сказал, так и будет. Хотите убивайте,– пользы вам не будет, а больше пяти-сот рублей не напишу.

Помолчали. Вдруг как вскочит Абдул, достал сундучок, вынул перо, бумага лоскут и чернила, сунул Жилину, хлопнул по плечу, показывает: «пиши». Согласился на 500 рублей.

– Погоди еще,– говорит Жилин переводчику,– скажи ты ему, чтоб он нас кормил хорошо, одел-обул, как следует, чтоб держал вместе,– нам веселей будет, и чтобы колодку снял. – Сам смотрит на хозяина и смеется. Смеется и хозяин. Выслушал и говорит:

– Одежу самую лучшую дам: и черкеску, и сапоги, хоть жениться. Кормить буду, как князей. А коли хотят жить вместе – пускай живут в сарае. А колодку нельзя снять – уйдут. На ночь только снимать буду. – Подскочил, треплет по плечу. – Твоя хорош, моя хорош!

Написал Жилин письмо, а на письме не так написал, чтоб не дошло. Сам думает: «Я уйду».

Отвели Жилина с Костылиным в сарай, принесли им туда соломы кукурузной, воды в кувшине, хлеба, две черкески старые и сапоги истрепанные, солдатские. Видно, с убитых солдат стащили. На ночь сняли с них колодки и заперли в сарай.

3

Жил так Жилин с товарищем месяц целый. Хозяин все смеется. – Твоя, Иван, хорош,– моя, Абдул, хорош.– А кормил плохо,– только и давал, что хлеб пресный из просяной муки, лепешками печеный, а то и вовсе тесто непеченое.

Костылин еще раз писал домой, все ждал присылки денег и скучал. По целым дням сидит в сарае и считает дни, когда письмо придет, или спит. А Жилин знал, что его письмо не дойдет, а другого не писал.

«Где,– думает,– матери столько денег взять, за меня заплатить. И то она тем больше жила, что я посылал ей. Если ей пятьсот рублей собрать, надо разориться вконец. Бог даст – и сам выберусь».

А сам все высматривает, выпытывает, как ему бежать. Ходит по аулу, навистывает; а то сидит, что-нибудь рукодельничает, или из глины кукол лепит, или плетет плетенки из прутьев. А Жилин на всякое рукоделье мастер был.

Слепил он раз куклу, с носом, с руками, с ногами и в татарской рубахе, и поставил куклу на крышу.

Пошли татарки за водой. Хозяйская дочь Динка увидела куклу, позвала татарок. Составили кувшины, смотрят, смеются. Жилин снял куклу, подает им. Они смеются, а не смеют взять. Оставил он куклу, ушел в сарай и смотрит, что будет?

Подбежала Дина, оглянулась, схватила куклу и убежала.

Наутро смотрит, на зорьке Дина вышла на порог с куклой. А куклу уж лоскутками красными убрала и качает, как ребенка, сама по-своему прибаюкивает. Вышла старуха, забранилась за нее, выхватила куклу, разбила ее, услала куда-то Дину на работу.

Сделал Жилин другую куклу, еще лучше, – отдал Дине. Принесла раз Дина кувшинчик, поставила, села и смотрит на него, сама смеется, показывает на кувшин.

«Чего она радуется?» – думает Жилин. Взял кувшин, стал пить. Думает, вода, а там молоко. Выпил он молоко, «хорошо», – говорит. Как взрадуется Дина!

– Хорошо, Иван, хорошо! – и вскочила, забила в ладоши, вырвала кувшин и убежала.

И с тех пор стала она ему каждый день, крадучи, молока носить. А то делают татары из козьего молока лепешки сырные и сушат их на крышах, – так она эти лепешки ему тайком принашивала. А то раз резал хозяин барана, – так она ему кусок баранины принесла в рукаве. Бросит и убежит.

Была раз гроза сильная, и дождь час целый как из ведра лил. И помутились все речки, где брод был, там на три аршина вода пошла, камни ворочает. Повсюду ручьи текут, гул стоит по горам. Вот как прошла гроза, везде по деревне ручьи бегут. Жилин выпросил у хозяина ножик, вырезал валик, дощечки, колесо оперил, а к колесу на двух концах кукол приделал.

Принесли ему девчонки лоскутков, – одел он кукол: одна – мужик, другая – баба; утвердил их, поставил колесо на ручей. Колесо вертится, а куколки прыгают.

Собралась вся деревня: мальчишки, девчонки, бабы; и татары пришли, языком щелкают:

– Ай, урус! ай, Иван!

Были у Абдула часы русские, сломанные. Позвал он Жилина, показывает, языком щелкает. Жилин говорит:

– Давай, починю.

Взял, разобрал ножичком, разложил; опять сладил, отдал. Идут часы.

Обрадовался хозяин, принес ему бешмет свой старый, весь в лохмотьях, подарил. Нечего делать, взял, – и то годится покрыться ночью.

С тех пор прошла про Жилина слава, что он мастер. Стали к нему из дальних деревень приезжать: кто замок на ружье или пистолет починить принесет, кто часы. Привез ему хозяин снасть; и щипчики, и буравчики, и подпилочек.

Заболел раз татарин, пришли к Жилину: «Поди, полечи». Жилин ничего не знает, как лечить. Пошел, посмотрел, думает: «Авось поздоровеет сам».

Ушел в сарай, взял воды, песку, помешал. При татаррах нашептал на воду, дал выпить. Выздоровел на его счастье татарин. Стал Жилин немножко понимать по-ихнему. И которые татары привыкли к нему, – когда нужно, кличут: «Иван, Иван!» – а которые все, как на зверя, косятся.

Красный татарин не любил Жилина. Как увидит, нахмурится и прочь отвернется либо обругает. Был еще у них старик. Жил он не в ауле, а приходил из-под горы. Видал его Жилин только, когда он в мечеть приходил богу молиться. Он был ростом маленький, на шапке у него белое полотенце обмотано, борода и усы подстрижены, – белые, как пух; а лицо сморщенное красное, как кирпич. Нос крючком, как у ястреба, а глаза серые, злые и зубов нет – только два клыка. Идет, бывало, в чалме своей, костылем подпирается, как волк, озирается. Как увидит Жилина, так захрапит и отвернется.

Пошел раз Жилин под гору – посмотреть, где живет старик. Сошел по дорожке, видит садик, ограда каменная; из-за ограды-черешни, шепталы и избушка с плоской крышкой. Подошел он ближе; видит – ульи стоят, плетенные из соломы, и пчелы летают, гудят. И старик стоит на коленочках, что-то хлопочет у улья. Поднялся Жилин повыше, посмотреть, и загремел колodкой. Старик оглянулся – как визгнет; выхватил из-за пояса пистолет, в Жилина выпалил. Чуть успел он за камень притулиться.

Пришел старик к хозяину жаловаться. Позвал хозяин Жилина, сам смеется и спрашивает:

– Зачем ты к старику ходил?

– Я, – говорит, – ему худого не сделал. Я хотел посмотреть, как он живет.

Передал хозяин. А старик злится, шипит, что-то лопочет, клыки свои выставил, махает руками на Жилина.

Жилин не понял всего; но понял, что старик велит хозяину убить русских, а не держать их в ауле. Ушел старик.

Стал Жилин спрашивать хозяина: что это за старик? Хозяин и говорит:

– Это большой человек! Он первый джигит был, он много русских побил, богатый был. У него было три жены и восемь сынов. Все жили в одной деревне. Пришли русские, разорили деревню и семь сыновей убили. Один сын остался и передался русским. Старик поехал и сам передался русским. Пожил у них три месяца, нашел там своего сына, сам убил его и бежал. С тех пор он бросил воевать, пошел в Мекку – богу молиться. От этого у него чалма. Кто в Мекке был, тот называется хаджи и чалму надевает. Не любит он вашего брата. Он велит тебя убить; да мне нельзя убить, – я за тебя деньги заплатил; да я тебя, Иван, полюбил; я тебя не то что убить, я бы тебя и выпускать не стал, кабы слова не дал. – Смеется, сам приговаривает по-русски: «твоя, Иван, хорош, моя, Абдул, хорош!»

4

Прожил так Жилин месяц. Днем ходит по аулу или рукодельничает, а как ночь придет, затихнет в ауле, так он у себя в сарае копает. Трудно было ко-

пать от камней, да он подпилком камни тер, и прокопал он под стеной дыру, что впору пролезть. «Только бы,— думает,— мне место хорошенько узнать, в какую сторону идти. Да не сказывают никто татарь».

Вот он выбрал время, как хозяин уехал; пошел после обеда за аул на гору,— хотел оттуда место посмотреть. А когда хозяин уезжал, он приказал малому за Жилиным ходить, с глаз его не спускать. Бежит малый за Жилиным, кричит:

– Не ходи! Отец не велел. Сейчас народ позову!

Стал его Жилин уговаривать.

– Я,— говорит,— далеко не уйду,— только на ту гору поднимусь: мне траву нужно найти — ваш народ лечить. Пойдем со мной; я с колодкой не убегу. А тебе завтра лук сделаю и стрелы.

Уговорил малого, пошли. Смотреть на гору — не далеко, а с колодкой трудно; шел, шел, насилиу взобрался. Сел Жилин, стал место разглядывать. На полдни, за горой, лощина, табун ходит, и аул другой в низочке виден. От аула другая гора — еще круче, а за той горой еще гора. Промеж гор лес синееется, а там еще горы всё выше и выше поднимаются. А выше всех — белые, как сахар, горы стоят под снегом. И одна снеговая гора выше других шапкой стоит. На восход и на закат — всё такие же горы; кое-где аулы дымятся в ущельях. «Ну,— думает,— это все ихняя сторона». Стал смотреть в русскую сторону: под ногами речка, аул свой, садики кругом. На речке, как куклы маленькие, видно,— бабы сидят, полоскают. За аулом, пониже, гора, и через нее еще две горы, по ним лес; а промеж двух гор синееется ровное место, а на ровном месте, далеко-далеко, точно дым стелется. Стал Жилин вспоминать, когда он в крепости дома жил, где солнце всходило и где заходило. Видит: так точно, в этой долине должна быть наша крепость. Туда, промеж этих двух гор, и бежать надо.

Стало солнышко закатываться. Стали снеговые горы из белых — алые; в черных горах потемнело; из лощин пар поднялся, и самая та долина, где крепость наша должна быть, как в огне загорелась от заката. Стал Жилин вглядываться,— маячит что-то в долине, точно дым из труб. И так и думается ему, что это самое — крепость русская.

Уж поздно стало. Слышно — мулла прокричал. Стадо гонят — коровы режут. Малый все зовет: «Пойдем», а Жилину и уходить не хочется.

Вернулись они домой. «Ну,— думает Жилин,— теперь место знаю; надо бежать». Хотел он бежать в ту же ночь. Ночи были темные — ущерб месяца. На беду, к вечеру вернулись татары. Бывало, приезжают они — гонят с собою скотину и приезжают веселье. А на этот раз ничего не пригнали, а привезли на седле своего убитого татарина, брата рыжего. Приехали сердитые, собрались все хоронить. Вышел и Жилин посмотреть. Завернули мертвого в полотно, без гроба, вынесли под чинары за деревню, положили на траву. Пришел мулла, собрались старики, полотенцами повязали шапки, разулись, сели рядком на пятки перед мертвым.

Спереди мулла, сзади три старика в чалмах, рядом, а сзади их еще татары. Сели, потупились и молчат. Долго молчали. Поднял голову мулла и говорит:

– Алла! (значит бог) – Сказал это одно слово, и опять потупились и долго молчали; сидят, не шевелятся. Опять поднял голову мулла:

– Алла!– и все проговорили: «Алла» – и опять замолчали. Мертвый лежит на траве, не шелохнется, и они сидят как мертвые. Не шевельнется ни один. Только слышно, на чинаре листочки от ветерка поворачиваются. Потом прочел мулла молитву, все встали, подняли мертвого на руки, понесли. Принесли к яме. Яма вырыта не простая, а подкопана под землю, как подвал. Взяли мертвого под мышки, да под лытки, перегнули, спустили полего-нечку, подсунули сидья под землю, заправили ему руки на живот.

Приташил ногаец камышу зеленого, заклали камышом яму, живо засыпали землей, сровняли, а в головы к мертвецу камень стоймя поставили. Утоптали землю, сели опять рядом перед могилой. Долго молчали.

– Алла! Алла! Алла! – Вздохнули и встали.

Раздал рыжий денег старикам, потом встал, взял плеть, ударил себя три раза по лбу и пошел домой.

Наутро видит Жилин – ведет красный кобылу за деревню, а за ним трое татар идут. Вышли за деревню, снял рыжий бешмет, засучил рукава, – ручищи здоровые, – вынул кинжал, поточил на бруске. Задрали татары кобыле голову кверху, подошел рыжий, перерезал глотку, повалил кобылу и начал свежевать – кулачищами шкуру подпарывает. Пришли бабы, девки, стали мыть кишки и нутро. Разрубили потом кобылу, стащили в избу. И вся деревня собралась к рыжему поминать покойника.

Три дня ели кобылу, бузу пили, покойника поминали. Все татары дома были. На четвертый день, видит Жилин, в обед куда-то собираются. Привели лошадей, убрались и поехали человек 10, и красный поехал: только Абдул дома остался. Месяц только народился, ночи еще темные были.

«Ну,– думает Жилин,– нынче бежать надо», и говорит Костылину. А Костылин заробел.

– Да как же бежать? Мы и дороги не знаем.

– Я знаю дорогу.

– Да и не дойдем в ночь.

– А не дойдем – в лесу переночуем. Я вот лепешек набрал. Что ж ты будешь сидеть? Хорошо, пришьют денег, а то ведь и не соберут. А татары теперь злые – за то, что ихнего русские убили. Поговаривают – нас убить хотят.

Подумал, подумал Костылин.

– Ну, пойдем.

5

Полез Жилин в дыру, раскопал пошире, чтоб и Костылину пролезть, и сидят они – ждут, чтобы затихло в ауле.

Только затих народ в ауле, Жилин полез под стену, выбрался. Шепчет Костылину: «Полезай». Полез и Костылин, да зацепил камень ногой, загремел. А у хозяина сторожка была – пестрая собака, и злая-презлая; звали ее Уляшин. Жилин уже наперед прикормил ее. Услыхал Уляшин, – забрехал и кинулся, а за ним другие собаки. Жилин чуть свистнул, кинул лепешки кусок, Уляшин узнал, замахал хвостом и перестал брехать.

Хозяин услышал, загайкал из сакли: «Гайть! Гайть! Уляшин!»

А Жилин за ушами почесывает Уляшина. Молчит собака, трется ему об ноги, хвостом махает.

Посидели они за углом. Затихло все; только слышно, овца перхает в закуте да низом вода по камушкам шумит. Темно; звезды высоко стоят на небе; над горой молодой месяц покраснелся,верху рожками заходит. В лощинах туман, как молоко, белеется.

Поднялся Жилин, говорит товарищу: «Ну, брат, айда!»

Тронулись; только отошли, слышат – запел мулла на крыше: «Алла! Бесмилла! Ильрахман!» Значит – пойдет народ в мечеть. Сели опять, притаившись под стенкой. Долго сидели, дожидались, пока народ пройдет. Опять затихло.

– Ну, с богом! – Перекрестились, пошли. Прошли через двор под кручь к речке, перешли речку, пошли ложиной. Туман густой, да низом стоит, а над головой звезды виднешеньки. Жилин по звездам примечает, в какую сторону идти. В тумане свежо, идти легко, только сапоги неловки – стоптались. Жилин снял свои, бросил, пошел босиком. Попрыгивает с камушка на камушек да на звезды поглядывает. Стал Костылин отставать.

– Тише, – говорит, – иди: сапоги проклятые, все ноги стерли.

– Да ты сними, легче будет.

Пошел Костылин босиком – еще того хуже: изрезал все ноги по камням и все отстает. Жилин ему говорит:

– Ноги обдерешь – заживут, а догонят – убьют – хуже.

Костылин ничего не говорит, идет, покряхтывает. Шли они низом долго. Слышат – вправо собаки забрехали. Жилин остановился, осмотрелся, полез на гору, руками ощупал.

– Эх, – говорит, – ошиблись мы, – вправо забрали. Тут аул чужой, я его с горы видел; назад надо, да влево в гору. Тут лес должен быть.

А Костылин говорит:

– Подожди хоть немножко, дай вздохнуть, – у меня ноги в крови все.

– Э, брат, заживут; ты легче прыгай. Вот как!

И побежал Жилин назад, влево, в гору, в лес. Костылин все отстает и охает. Жилин шикнет-шикнет на него, а сам все идет.

Поднялись на гору. Так и есть – лес. Вошли в лес, – по колючкам изодрали все платье последнее. Напались на дорожку в лесу. Идут.

– Стой! – Затопало копытами по дороге. Остановились, слушают. Потопало, как лошадь, и остановилось.

Тронулись они – опять затопало. Они останутся – и оно остановится. Подполз Жилин, смотрит на свет по дороге – стоит что-то. Лошадь не лошадь, и на лошади что-то чудное, на человека не похоже. Фыркнуло – слышит. «Что за чудо!» Свистнул Жилин потихоньку, – как шаркнет с дороги в лес и затрещало по лесу, точно буря летит, сучья ломают.

Костылин так и упал со страху. А Жилин смеется, говорит:

– Это олень. Слышишь – как рогами лес ломит? Мы его боимся, а он нас боится.

Пошли дальше. Уж высожары спускаться стали, до утра недалеко. А туда ли идут, нет ли, – не знают. Думается так Жилину, что по этой самой дороге его везли и что до своих – верст десять еще будет; а приметы верной нет, да и ночь – не разберешь. Вышли на полянку. Костылин сел и говорит:

– Как хочешь, а я не дойду, – у меня ноги не идут.

Стал его Жилин уговаривать.

– Нет, – говорит, – не дойду, не могу.

Рассердился Жилин, плюнул, обругал его.

– Так я же один уйду, – прощай!

Костылин вскочил, пошел. Прошли они версты четыре. Туман в лесу еще гуще сел, ничего не видеть перед собой, и звезды уж чуть видны.

Вдруг слышат, впереди топает лошадь. Слышно – подковами за камни цепляется. Лег Жилин на брюхо, стал по земле слушать.

– Так и есть, – сюда, к нам конный едет.

Сбежали они с дороги, сели в кусты и ждут. Жилин подполз к дороге, смотрит – верховой татарин едет, корову гонит, сам себе под нос мурлычет что-то. Проехал татарин. Жилин вернулся к Костылину.

– Ну, пронес бог, – вставай, пойдем.

Стал Костылин вставать и упал.

– Не могу, – ей-богу, не могу; сил моих нет.

Мужчина грузный, пухлый, запотел; да как обхватило его в лесу туманом холодным, да ноги ободраны, – он и рассолодел. Стал его Жилин силой поднимать. Как закричит Костылин:

– Ой, больно! Жилин так и обмер.

– Что кричишь? Ведь татарин близко – услышит. – А сам думает: «Он и вправду расслаб; что мне с ним делать? Бросить товарища не годится».

– Ну, – говорит, – вставай, садись на закорки, снегу, коли уж идти не можешь.

Подсадил на себя Костылина, подхватил руками под ляжки, вышел на дорогу, поволок.

– Только, – говорит, – не дави ты меня руками за глотку, ради Христа. За плечи держись.

Тяжело Жилину, – ноги тоже в крови и уморился. Нагнется, подправит, подкинет, чтоб повыше сидел на нем Костылин, тащит его по дороге.

Видно, услышал татарин, как Костылин закричал. Слышит Жилин, едет кто-то сзади, кличет по-своему. Бросился Жилин в кусты. Татарин выхватил ружье, выпалил, – не попал, завизжал по-своему и поскакал прочь по дороге.

– Ну, – говорит Жилин, – пропали, брат! Он, собака, сейчас соберет татар за нами в погоню. Коли не уйдем версты три, – пропали. – А сам думает на Костылина: «И черт меня дернул колоду эту с собой брать. Один я бы давно ушел».

Костылин говорит: – Иди один, за что тебе из-за меня пропадать.

– Нет, не пойду, не годится товарища бросать. Подхватил опять на плечи, попер. Прошел он так с версту. Все лес идет и не видать выхода. А туман уж расходиться стал, и как будто тучки заходить стали, не видать уж звезд. Измучился Жилин.

Пришел, у дороги родничок, камнем обделан. Остановился, ссадил Костылина.

– Дай, – говорит, – отдохну, напьюсь. Лепешек поедим. Должно быть, недалеко.

Только прилег он пить, слышит – затопало сзади. Опять кинулись вправо, в кусты, под кручь, и легли.

Слышат голоса татарские; остановились татары на том самом месте, где они с дороги свернули. Поговорили, потом зауськали, как собак притравляют. Слышат – трещит что-то по кустам, прямо к ним собака чужая чья-то. Остановилась, забрехала.

Лезуг и татары – тоже чужие; схватили их, посвязали, посадили на лошадей, повезли.

Проехали версты три, – встречает их Абдул-хозяин с двумя татарами. Поговорил что-то с татарами, пересадили на своих лошадей, повезли назад в аул.

Абдул уж не смеется и ни слова не говорит с ними.

Привезли на рассвете в аул, посадили на улице. Сбежались ребята. Камнями, плетками бьют их, визжат. Собрались татары в кружок, и старик из-под горы пришел. Стали говорить. Слышит Жилин, что судят про них, что с ними делать. Одни говорят: надо их дальше в горы услать, а старик говорит: «Надо убить». Абдул спорит, говорит: «Я за них деньги отдал, я за них выкуп возьму». А старик говорит: «Ничего они не заплатят, только беды наделяют. И грех русских кормить. Убить, – и кончено».

Разошлись. Подошел хозяин к Жилину, стал ему говорить:

– Если, – говорит, – мне не пришлют за вас выкуп, я через две недели вас запорю. А если затеешь опять бежать, – я тебя как собаку убью. Пиши письмо, хорошенько пиши!

Принесли им бумаги, написали они письма. Набили на них колодки, отвели за мечеть. Там яма была аршин пяти, и спустили их в эту яму.

6

Житье им стало совсем дурное. Колодки не снимали и не выпускали на вольный свет. Кидали им туда тесто непеченое, как собакам, да в кувшине

воду спускали. Вонь в яме, духота, мокрота. Костылин совсем разболелся, распух, и ломота во всем теле стала; и все стонет или спит. И Жилин приуныл, видит – дело плохо. И не знает, как выбраться.

Начал он было подкапываться, да землю некуда кидать; увидал хозяин, пригрозил убить.

Сидит он раз в яме на корточках, думает об вольном житье, и скучно ему. Вдруг прямо ему на коленки лепешка упала, другая, и черешни посыпались. Поглядел кверху, а там Дина. Поглядела на него, посмеялась и убежала. Жилин и думает: «Не поможет ли Дина?»

Расчистил он в яме местечко, наковырял глины, стал лепить кукол. Наделал людей, лошадей, собак, думает: «Как придет Дина, брошу ей».

Только на другой день нет Дины. А слышит Жилин – затопали лошади, проехали какие-то, и собрались татары у мечети, спорят, кричат и поминают про русских. И слышит голос старика. Хорошенько не разобрал он, а догадывается, что русские близко подошли, и боятся татары, как бы в аул не зашли, и не знают, что с пленными делать.

Поговорили и ушли. Вдруг слышит – зашуршало что-то наверху. Видит: Дина присела на корточки, коленки выше головы торчат, свесилась, монисты висят, болтаются над ямой. Глазенки так и блестят, как звездочки; вынула из рукава две сырные лепешки, бросила ему. Жилин взял и говорит:

– Что давно не бывала? А я тебе игрушек наделал. На вот! – Стал ей швырять по одной. А она головой мотает, не смотрит.

– Не надо, – говорит. Помолчала, посидела и говорит: – Иван! тебя убить хотят. – Сама себе рукой на шею показывает.

– Кто убить хочет?

– Отец, ему старики велят. А мне тебя жалко.

Жилин и говорит:

– А коли тебе меня жалко, так ты мне палку длинную принеси.

Она головой мотает, – что «нельзя». Он сложил руки, молится ей:

– Дина, пожалуйста! Динушка, принеси!

– Нельзя, – говорит, – увидят, все дома, – и ушла.

Вот сидит вечером Жилин и думает: «Что будет?» Все поглядывает вверх. Звезды видны, а месяц еще не восходил. Мулла прокричал, затихло все. Стал же Жилин дремать, думает: «Побоится девка».

Вдруг на голову ему глина посыпалась; глянул кверху – шест длинный в тот край ямы тыкается. Потыкался, спускаться стал, ползет в яму. Обрадовался Жилин, схватил рукой, спустил – шест здоровый. Он еще прежде этот шест на хозяйской крыше видел.

Поглядел вверх, – звезды высоко на небе блестят; и над самою ямой, как у кошки, у Дины глаза в темноте светятся. Нагнулась она лицом на край ямы и шепчет: «Иван, Иван!» – а сама руками у лица все машет, – что «тише, мол».

– Что? – говорит Жилин.

– Уехали все, только двое дома.

Жилин и говорит:

– Ну, Костылин, пойдем, попытаемся последний раз; я тебя подсажу.

Костылин и слушать не хочет.

– Нет,– говорит,– уж мне, видно, отсюда не выйти. Куда я пойду, когда и повернуться нет сил?

– Ну, так прощай,– не поминай лихом. – Поцеловался с Костылиным.

Ухватился за шест, велел Дине держать, полез. Раза два он обрывался,– колодка мешала. Поддержал его Костылин,– выбрался кое-как наверх. Дина его тянет ручонками за рубаху, изо всех сил, сама смеется.

Взял Жилин шест и говорит:

– Снеси на место, Дина, а то хватятся,– прибьют тебя.

Потащила она шест, а Жилин под гору пошел. Слез под кручь, взял камень вострый, стал замок за колодки выворачивать. А замок крепкий,– никак не собьёт, да и неловко. Слышит, бежит кто-то с горы, легко попрыгивает. Думает: «Верно, опять Дина». Прибежала Дина, взяла камень и говорит:

– Дай я.

Села на коленочки, начала выворачивать. Да ручонки тонкие, как прутки,– ничего силы нет. Бросила камень, заплакала. Принялся опять Жилин за замок, а Дина села подле него на корточках, за плечо его держит. Оглянулся Жилин, видит – налево за горой зарево красное загорелось, месяц встает. «Ну,– думает,– до месяца надо лощину пройти, до лесу добраться». Поднялся, бросил камень. Хоть в колодке,– да надо идти.

– Прощай,– говорит,– Динушка. Век тебя помнить буду.

Ухватила за него Дина: шарит по нем руками, ищет – куда бы лепешки ему засунуть. Взял он лепешки.

– Спасибо,– говорит,– умница. Кто тебе без меня кукол делать будет? – И погладил ее по голове.

Как заплачет Дина, закрылась руками, побежала на гору, как козочка прыгает. Только в темноте слышно – монисты в косе по спине побрякивают.

Перекрестился Жилин, подхватил рукой замок на колодке, чтобы не брэнчал, пошел по дороге,– ногу волочит, а сам все на зарево поглядывает, где месяц встает. Дорогу он узнал. Прямоком идти верст восемь. Только бы до лесу дойти прежде, чем месяц совсем выйдет. Перешел он речку,– побелел уже свет за горой. Пошел лощиной, идет, сам поглядывает: не видать еще месяца. Уж зарево посветлело и с одной стороны лощины все светлее, светлее становится. Ползет под гору тень, все к нему приближается.

Идет Жилин, все тени держится. Он спешит, а месяц еще скорее выбирается; уж и направо засветились макушки. Стал подходить к лесу, выбрался месяц из-за гор,– бело, светло совсем, как днем. На деревьях все листочки видны. Тихо, светло по горам, как вымерло все. Только слышно – внизу речка журчит.

Дошел до лесу – никто не попался. Выбрал Жилин местечко в лесу потемнее, сел отдыхать.

Отдохнул, лепешку съел. Нашел камень, принялся опять колодку сбивать. Все руки избил, а не сбил. Поднялся, пошел по дороге. Прошел с версту, выбился из сил, – ноги ломит. Ступит шагов десять и остановится. «Нечего делать, – думает, – буду тащиться, пока сила есть. А если сесть, так и не встану. До крепости мне не дойти, а как рассветет, – лягу в лесу, переднюю, а ночью опять пойду».

Всю ночь шел. Только попались два татарина верхами, да Жилин издали их услышал, схоронился за дерево.

Уж стал месяц бледнеть, роса пала, близко к свету, а Жилин до края леса не дошел. «Ну, – думает, – еще тридцать шагов пройду, сверну в лес и сяду». Прошел тридцать шагов, видит – лес кончается. Вышел на край – совсем светло, как на ладонке перед ним степь и крепость, и налево, близехонько под горой, огни горят, тухнут, дым стелется и люди у костров.

Вгляделся – видит: ружья блестят, казаки, солдаты.

Обрадовался Жилин, собрался с последними силами, пошел под гору. А сам думает: «Избави бог, тут, в чистом поле, увидит конный татарин; хоть близко, а не уйдешь».

Только подумал – глядь: налево, на бугре, стоят трое татар, десятины на две. Увидали его, – пустились к нему. Так сердце у него и оборвалось. Замахал руками, закричал что было духу своим:

– Братцы! Выручай! Братцы!

Услыхали наши, – выскочили казаки верховые. Пустились к нему – наперез татарам.

Казакам далеко, а татарам близко. Да уж и Жилин собрался с последней силой, подхватил рукой колодку, бежит к казакам, а сам себя не помнит, крестится и кричит:

– Братцы! Братцы! Братцы!

Казаков человек пятнадцать было.

Испугались татары, – не доезжаючи, стали останавливаться. И подбежал Жилин к казакам.

Окружили его казаки, спрашивают: «Кто он, что за человек, откуда?» А Жилин сам себя не помнит, плачет и приговаривает:

– Братцы! Братцы!

Выбежали солдаты, обступили Жилина; кто ему хлеба, кто каши, кто водки, кто шинелью прикрывает, кто колодку разбивает.

Узнали его офицеры, повезли в крепость. Обрадовались солдаты, товарищи собрались к Жилину.

Рассказал Жилин, как с ним все дело было, и говорит:

– Вот я и домой съездил, женился! Нет, уж, видно, не судьба моя.

И остался служить на Кавказе. А Костылина только еще через месяц выкупили за пять тысяч. Еле живого привезли.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
АНДРИАНОВА Галина Прокопьевна	8
АЩЕУЛОВ Вениамин Абрамович	13
БАБАЕВСКИЙ Семен Петрович	15
БАЕВ Георгий Кириллович	19
БАЙДЕРИН Виктор Александрович	39
БАЙРАМУКОВА Халимат Башчиевна	45
БЕЛИКОВ Герман Алексеевич	50
БЕЛОУСОВ Иван Емельянович	56
БЕЛОКОНЬ Сергей Владимирович	61
БЕРНАРД Ян Игнатьевич	65
БОЙКО Сергей Павлович	72
БЛОХИН Иван Лаврентьевич	86
ВАНЕТИК Семен Ефимович	89
ГОНТАРЬ Татьяна Алексеевна	91
ГОНЧАРОВА Елена Михайловна	95
ГРАДИНАР Алексей Михайлович	98
ГУБИН Андрей Терентьевич	100
ДМИТРИЧЕНКО Валентина Гапуровна	108
ЕКИМЦЕВ Александр Ефимович	114

ЕПАНЕШНИКОВ Леонид Фёдорович	133
ИВАНОВА Елена Львовна	141
ИСАКОВ Андрей Максимович	145
КАШПУРОВ Иван Васильевич	154
КОРНИЕНКО Татьяна Юрьевна	160
КОЛЕСНИКОВ Геннадий Михайлович	164
КОТОВСКАЯ Раиса Николаевна	169
КРЫЛОВА Елена Ивановна	172
КУДИНОВ Владимир Васильевич	175
КУЗНЕЦОВ Иоаким Вячеславович	177
МАЛЬШЕВ Алексей Александрович	181
МАСЛОВ Анатолий Михайлович	185
ОКЕНЧИЦ Наталья Владимировна	195
ПИДОРЕНКО Игорь Викторович	201
ПОДОЛЬСКИЙ Станислав Яковлевич	208
ПУХАЛЬСКАЯ Галина Николаевна	211
РЫБАЛКО Сергей Николаевич	219
САХВАДЗЕ Николай Николаевич	223
СОЛЖЕНИЦЫН Александр Исаевич	227
СЛЯДНЕВА Валентина Ивановна	237
СУРГУЧЕВ Илья Дмитриевич	240
УСОВ Михаил Васильевич	256
ЧЕРНЫЙ Карп Григорьевич	280

ЧУМАКОВ Илья Васильевич	326
ШУБНАЯ Любовь Федоровна	330
ФАТЕЕВ Геннадий Семенович	334
ХМЕЛЕВА Надежда Владимировна	338
ХОДАРЕВ Витислав Васильевич	342
ЯРОШ Виктор Андреевич	346

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ НА КАВКАЗЕ

ПУШКИН Александр Сергеевич	350
ЛЕРМОНТОВ Михаил Юрьевич	355
ТОЛСТОЙ Лев Николаевич	364

Редактор Т.Б. Кузнецова,
Компьютерная верстка П.Г. Немашкалов

	Подписано в печать 12.11.12	
Формат 60x84 ¹ / ₁₆	Усл.печ.л. 22,32	Уч.-изд.л. 19,25
Бумага офсетная	Тираж 100 экз.	Заказ 53

Отпечатано в ООО «Бюро новостей».